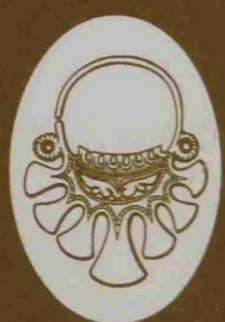
ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2005

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2005

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2005 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2005

Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие
Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В. 5

Керамика Аркаима: сравнительный анализ
Малютина Т. С., Зданович Г. Б. 20

Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов
Обломский А. М. 32

Таласские наскальные надписи
Кызласов И. Л. 46

Роговой реликварий с территории Хазарского каганата (Уникальный сюжет с одноногими дýхами)
Флёрова В. Е., Флёров В. С. 56

Средневековые амфоры VIII–XIV вв. (история изучения)
Чхаидзе В. Н. 66

Кашинная керамика в Золотой Орде
Коваль В. Ю. 75

О локализации монетного двора Орда-Базар (XV в.)
Пачкалов А. В. 87

Дискуссии

К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (По поводу одной рецензии)
Амирханов Х. А. 93

Как историк и археолог превратились в буржуазных пропагандистов, или возможна ли компаративная история археологии Средней Азии?
Горшенина С., Рапэн К. 102

Нужна ли истина С. Гершениной и К. Рапэну?
Кошеленко Г. А. 110

Публикации

Комплексы V в. н.э. могильника "Гора Великанов"
Кулаков В. И., Тюрин Е. А. 115

О происхождении средневекового каменного котла из Киева
Архипова Е. И. 132

Уникальный шелк с "драконами" из могильника Джухта (Северный Кавказ)
Доде З. В. 138

Цитадель золотоордынского города Шехр аль-Джедид (Старый Орхей, Молдова)
Постикэ Г. И. 151

История науки

Основоположник археологии Туркменистана (К столетию со дня рождения А.А. Марущенко)
Пилипко В. Н. 156

Критика и библиография

Дэвлет М.А. "Александр Васильевич Адрианов (К 150-летию со дня рождения)". Кемерово, 2004

Советова О. С. 163

Самашев З., Мыльников В. "Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел". Алматы, 2004

Худяков Ю. С. 165

Масленников А.А. "Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма". Тула, 2003

Зубарь В. М. 167

"Русь в XIII веке: древности темного времени" / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова. М., 2003

Артемьев А. Р. 172

Средневековое поселение Настасьино: труды Подмосковной экспедиции Института археологи РАН. М., 2004

Уткин А. В. 175

Хроника

Открытое письмо 177

Две конференции, посвященные памяти Г.А. Федорова-Давыдова

Гусева Т. В., Руденко К. А., Старостин П. Н. 178

К 75-летию И.С. Каменецкого

Гей А. Н., Гуляев В. И., Савченко Е. И. 184

Памяти Владимира Васильевича Дворниченко

Зеленеев Ю. А., Яблонский Л. Т. 187

Список сокращений 191

Сдано в набор 11.01.2005 г. Подписано к печати 14.03.2005 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$

Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 22.8 тыс. Уч.-изд. л. 25.5 Бум. л. 12.0

Тираж 932 экз. Зак. 159

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2005

Multidisciplinary researches conducted at the Institute of Archaeology and Ethnography during the recent decade
Derevyanko A. P., Molodin V. I., Shunkov M. V. 5

Potterg of Arkaim: comparative analysis
Malyutina T. S., Zdanovich G. B. 20

Concerning certain group of vessels from the epoch of the Great Migration
Oblomsky A. M. 32

The Talas roch Inscriptions
Kyzlasov I. L. 46

Horn reliquary from the territory of Khazar kaganate at "Christie's" (Unique subject with single-legged spirits)
Flyorova V. E., Flyorov V. S. 56

Medieval amphorae of the 8th–14th cc. (History of investigations)
Chkhaidze V. N. 66

Kashi pottery in the Golden Horde
Koval V. Yu. 75

Concerning localisation of the mint Orda-Bazar (XV c.)
Pachkalov A. V. 87

Discussions

Methodics of the Palaeolithic studies: On the Zaraisk and the Avdeevo lessons (Concerning a review)
Amirkhanov H. A. 93

In what way a historian and an archaeologist have turned into bourgeois propagators, or is a comparative history of Central Asiatic archaeology possible?
Gorshenina S., Rapin Cl. 102

Are S. Gorshenina and Cl. Rapin searching the truth?
Koshelenko G. A. 110

Publications

Associations of the 5th c. AD at the cemetery Gora Velikanov (Hünenberg)
Kulakov V. I., Tyurin E. A. 115

On the origin of a stone cauldron from Kiev
Arkhipova E. I. 132

Unique silk textile with "dragons" from the cemetery Djukhta (The North Caucasus)
Dode Z. V. 138

Citadel of the Golden Horde town Shehr al-Djedid (Stary Orkhei, Moldova)
Postike G. I. 151

History of science

The founder of the Turkmen archaeology (In commemoration of the 100th anniversary of A.A. Marushchenko)
Pilipko V. N. 156

Critics and bibliography

M.A. Devlet. "Alexandr Vasil'evich Adrianov (In commemoration of the 150th anniversary)". Kemerovo, 2004
Sovetova O. S. 163

Z. Samashev, V. Mylnikov. "Woodworking of the ancient stockbreeders in the Kazakh Altai. The Materials of complex analysis of wooden objects from burial mound 11 of the cemetery Berel". Almaty, 2004
Khudyakov Yu. S. 165

A.A. Maslennikov. "Ancient earthen borderline fortifications in East Crimea". Tula, 2003
Zubar' V. M. 167

"Rus' in XIII c.: Inquiries into the archaeology of the dark ages" / Eds N.A. Makarov, A.V. Chernetsov. Moscow, 2003
Artem'ev A. R. 172

The medieval dwelling site Nastas'ino: Proceedings of the Moscow regional expedition of the Institute of Archaeology, RAS. Moscow, 2004. T. 2.
Utkin A. V. 175

Chronicle

Open letter 177

Two conferences in memory of G.A. Fedorov-Davydov
Guseva T. V., Rudenko K. A., Starostin P. N. 178

Commemorating the 75th anniversary of I.S. Kamenetsky
Gey A. N., Gulyaev V. I., Savchenko E. I. 184

In memory of Vladimir Vasil'evich Dvornichenko
Zeleneev Yu. A., Yablonsky L. T. 187

List of abbreviations 191

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 5–19

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

© 2005 г. А. П. Деревянко, В. И. Молодин, М. В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Комплексный подход к изучению археологических объектов является одним из наиболее актуальных направлений современных исследований в области древнейшей и древней истории. Только на уровне интеграции данных археологии и различных естественно-научных дисциплин возможно выяснение основных закономерностей взаимодействия природы и общества в древности, изучение влияния изменений природной среды на процессы древних миграций, определение соотношения экологических и социальных факторов в освоении человеком новых территорий.

Основные работы Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН по междисциплинарному изучению археологических объектов сосредоточены на решении двух фундаментальных научных проблем – первоначального заселения человеком Северной и Центральной Азии и этнокультурного взаимодействия древнего населения на этой территории.

В рамках решения первой проблемы наиболее интересные результаты получены при изучении многослойных палеолитических комплексов Алтая, расположенных на границе Северной и Центральной Азии (Деревянко и др., 2003; Derevianko et al., 2001). Здесь, в пещерах Денисова, Окладникова, Каминная, на стоянках открытого типа Карама, Усть-Каракол, Ануй-2, -3, Кара-Бом и др. изучены мощные толщи плейстоценовых отложений, сформированных последовательным наслоением древних уровней обитания первобытного человека от эпохи раннего палеолита до заключительной стадии палеолитического времени. Помимо собственно археологических данных в отложениях этих стоянок отмечена высокая концентрация пыльцы и спор растений, костей крупных и мелких млекопитающих и других органических остатков, отражающих длительный процесс изменения природных условий на различных палеогеографических этапах четвертичного периода.

Изучение многослойных палеолитических комплексов ведется в трех основных направлениях – культурно-историческом, хронологическом и палеогеографическом. Исследования предусматривают комплексный анализ археологических и естественно-научных материалов, их стратиграфической позиции в системе плейстоценовых отложений, данных относительной и абсолютной геохронологии.

Всестороннее изучение топографии и структуры культурного слоя методами планиграфии и планиметрии позволяет достаточно подробно моделировать характер производственно-хозяйственной деятельности и образ жизни обитателей палеолитических стоянок. Детальный технологический, типологический и статистический анализ каменных артефактов с учетом последовательности основных этапов утилизации камня древним человеком – техники первичного расщепления, приемов вторичной обработки и типологического состава орудий – обеспечивает культурную атрибуцию палеолитических индустрий, определяет их место среди синхронных комплексов сопредельных территорий.

Хронология, периодизация и корреляция основных культурно-исторических и палеогеографических событий палеолита опирается на данные относительной и абсолютной геохронологии. Относительный возраст оценивался с помощью литологических и биостратиграфических характеристик плейстоценовых отложений. Для точных методов датирования использованы показатели радиоуглеродного, геомагнитного и термолюминесцентного тестирования ископаемых остатков и горных пород (Деревянко и др., 1992; Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998).

Палеогеографический раздел включает широкий спектр работ по изучению условий рельефообразования и седиментогенеза, эволюции растительного и животного мира, процесса формирования палеоландшафтов и динамики развития палеоклиматов. Основой этих исследований послужили различные виды анализов, применяемые в геоморфологии, палеонтологии, палинологии и других естественно-научных дисциплинах.

Главной задачей геоморфологических исследований являлась реконструкция истории развития рельефа как морфолитогенной основы палеоландшафтов (Деревянко и др., 1999; 2002). Методы традиционного геоморфологического анализа

дополнялись теоретическими разработками и практическими достижениями современной литологии, седиментологии, динамической геоморфологии, морфометрии и геоинформатики. Эмпирической базой для палеогеоморфологических реконструкций служили результаты изучения строения рельефа и его современной динамики в районах исследований. При описании и классификации современного рельефа широко применялись морфометрические измерения с последующей обработкой данных методами математической статистики. Приуроченность разных генетических типов отложений к определенным формам рельефа обусловила привлечение широкого спектра методов изучения осадков новейшего геологического времени. Аналитическая обеспеченность археологических разрезов литостратиграфическими и биостратиграфическими данными предоставила возможность проследить текстурно-структурные особенности и фациально-литологические переходы осадка, изучить закономерности динамики вещества в различных ландшафтно-климатических обстановках. Некоторые методики были специально разработаны для исследования палеолитических стоянок в пещерах, в частности, методика анализа формы обломочного материала из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры (Ульянов, 1999).

Независимо полученные сведения о рельефе и рыхлых отложениях взаимно дополняли друг друга. Опираясь на физическую природу рельефообразующих процессов, были выявлены следы движения потоков вещества в рельефе и осадке и по ним восстановлен ход самого процесса рельефообразования. Определяющим критерием достоверности полученных палеогеографических реконструкций являлась физически непротиворечивая картина эволюции рельефа, учитывающая его взаимосвязь со всеми компонентами экосистемы.

Одним из основных объектов изучения на палеолитических стоянках наряду с каменными артефактами являются скопления костей животных крупного и среднего размера. Костные остатки млекопитающих служат источником информации о древних сообществах животных, их геологическом возрасте, о характере взаимодействия животного мира и первобытного человека. Видовой состав крупных млекопитающих отражает зоогеографическое положение стоянки, дает биостратиграфическую характеристику вмещающих отложений, позволяет моделировать палеоландшафты и определить круг животных, составлявший возможный объект промысла палеолитического человека.

Костные остатки крупных млекопитающих попадали в отложения палеолитических стоянок главным образом благодаря пищевой активности хищников и человека, а также в результате естественной гибели животных. Сравнительный анализ тафономических особенностей скоплений костей по стратиграфическим уровням многослойных стоянок, их изменения вверх по разрезу позволил восстановить процесс формирования тафоценозов, выявить особенности использования стоянок на разных этапах палеолитического времени. Эти наблюдения особо интересны при изучении коллекций из пещерных стоянок, поскольку карстовые полости привлекали в качестве убежища не только людей, но и хищников. С помощью статистического анализа костного материала по стратиграфическим уровням определена динамика обилия видов разной биотопической принадлежности, что позволило проследить изменения палеоландшафтной обстановки. Археозоологический анализ включал определение анатомической принадлежности костей животных, выяснение их возрастного профиля и сезона гибели, выявление следов разделки добычи и реконструкцию использованных при этом приемов.

По результатам детального изучения костных скоплений крупных млекопитающих были установлены индивидуальные особенности палеолитических стоянок и определены характерные черты производственно-хозяйственной деятельности древнего населения – продолжительность использования стоянок, пищевая стратегия, приемы охоты и разделки добычи, взаимоотношения с хищными животными и другие аспекты экологии палеолитического человека (Барышников, 1998).

Для реализации комплексной программы реконструкции природных условий проводилось изучение ископаемых останков мелких млекопитающих. Результаты определений костных остатков сводились в диаграммы, отражающие послойно общий видовой состав мелких позвоночных, их абсолютное количество и относительное обилие в процентах. Для более рельефной картины динамики таксономического и экологического разнообразия были составлены диаграммы выборочного состава мелких млекопитающих. При их подготовке использовались таксоны с яркой экологической характеристикой, т.е. наиболее пригодные для интерпретации палеогеографических условий, а виды, занимающие сходные экологические ниши, – объединены.

Наиболее представительная выборка костей мелких позвоночных получена из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры (Агаджанян, 1998). Согласно диаграмме общего состава мелких позвоночных (рис. 1), облик ископаемой микротериофауны определяли типичные обитатели сухих и высокогорных степей *Stenocranius gregalis* и *Alticola strelzovi*. Третьим важным компонентом являлась степная пеструшка *Lagurus lagurus*.

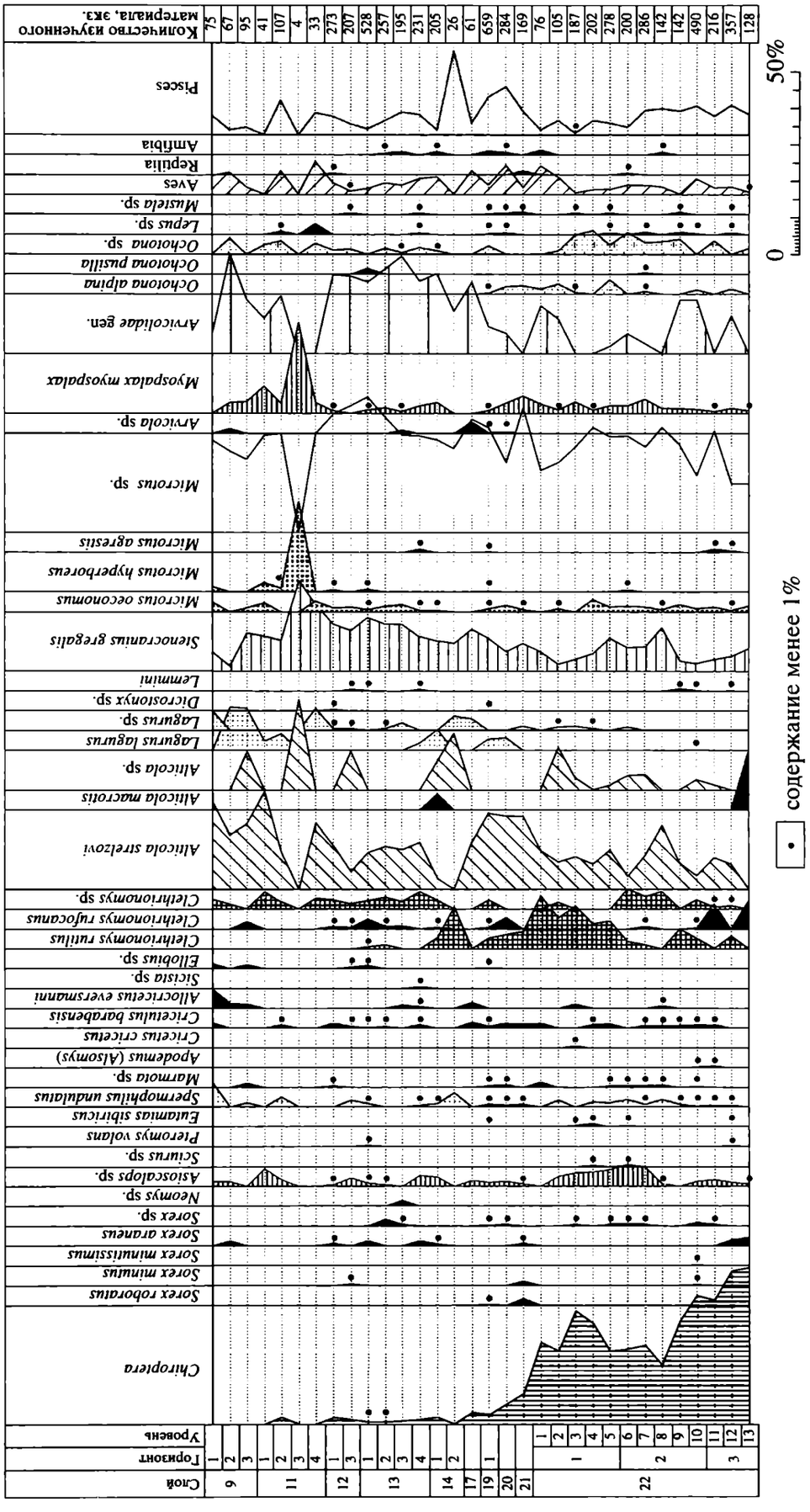


Рис. 1. Диаграмма общего состава мелких позвоночных из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры.

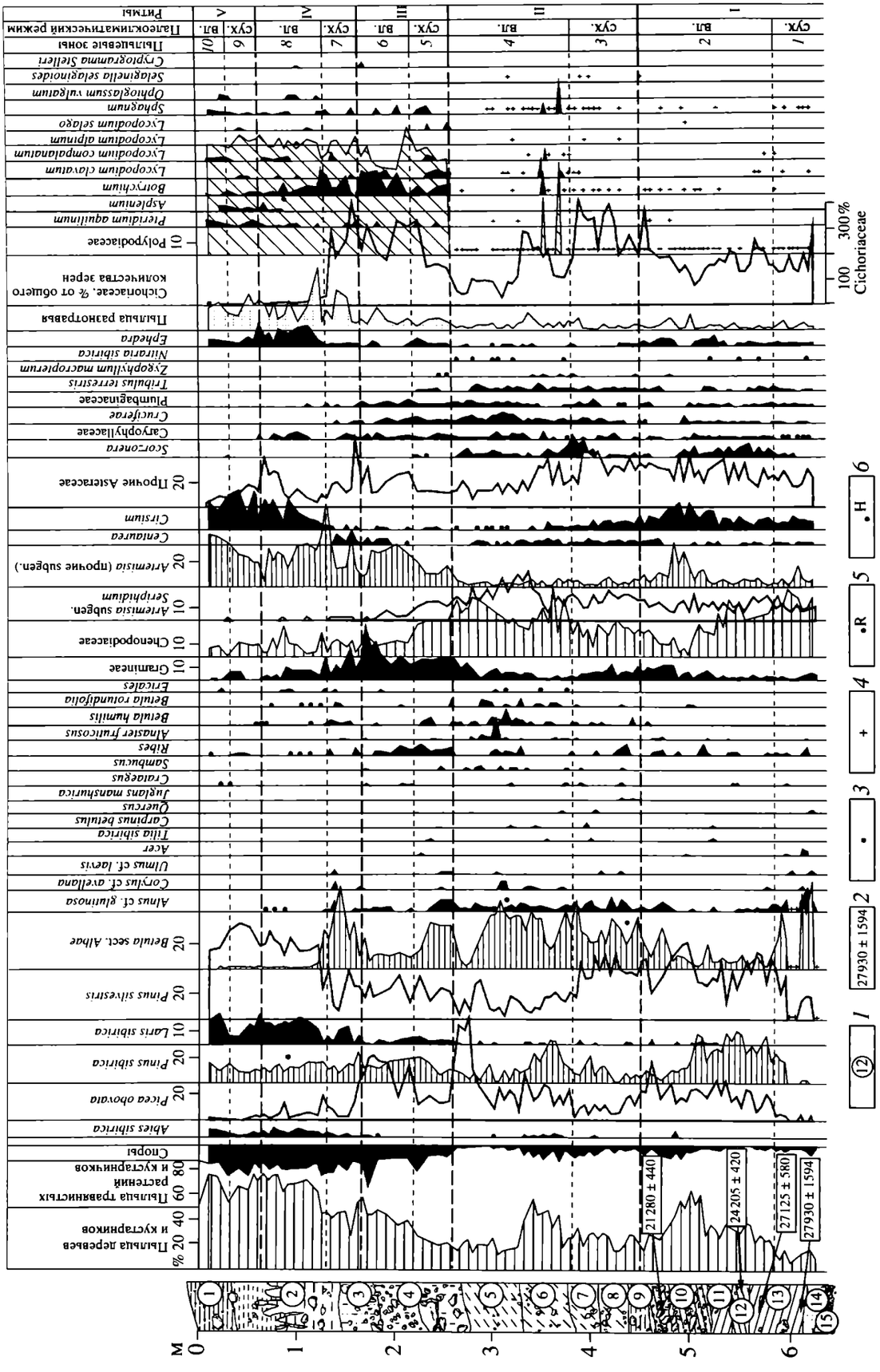


Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений палеолитической стоянки Ануй-2. *1* – литологический слой; *2* – ^{14}C – даты, *3* – содержание пыльцы менее 1%, *4* – наличие спор в малочисленной группе (без подсчета процентов); *5* – *Rhododendron dahuricum*; *6* – *Hippophaë rhamnoides*.

От основания разреза до кровли плейстоценовой толщи встречаются останки характерных представителей лесных биотопов – полевок рода *Clethrionomys*. Практически на всех уровнях разреза отмечены останки *Asioscalops altaica* и *Myospalax myospalax*. Оба вида – специализированные землерои, которые не могут существовать при глубоком промерзании почвы. К видам, встречающимся в небольших количествах, но по всему разрезу, относятся *Cricetulus barabensis* и *Microtus oeconomus*. Первый из них – обитатель степей, второй – пойменных биотопов.

В целом, увеличение вверх по разрезу численности в составе фауны степных и нивальных видов свидетельствует о том, что на протяжении среднего и верхнего плейстоцена в окрестностях пещеры значительно сокращались площади лесов и расширялись открытые ландшафты. Вместе с тем присутствие останков *Clethrionomys*, находки *Sciurus*, *Pteromys volans*, *Eutamias sibiricus* свидетельствуют о постоянном наличии лесных массивов.

Для комплексной оценки природных параметров плейстоцена совместно с другими палеонтологическими методами широко использовался метод спорово-пыльцевого анализа рыхлых отложений (Малаева, 1995; 1998; 1999). В результате детального палинологического изучения разрезов палеолитических стоянок и геологических профилей плейстоценовых отложений получен массовый палеоботанический материал, для которого характерно большое разнообразие таксонов. Сравнительный анализ флористического состава ископаемых спорово-пыльцевых спектров позволил восстановить региональные особенности древних растительных сообществ и наметить закономерности палеоклиматических изменений, на фоне которых они развивались.

По результатам детального палинологического изучения отложений палеолитических стоянок восстановлены основные моменты в истории развития плейстоценовой растительности низкогорно-среднегорной зоны Алтая (Деревянко и др., 2000). Динамическая модель периодических изменений в составе и структуре растительности представляет собой чередование стадий активизации темнохвойных лесов и смешанных сосново-березовых лесов с участием широколиственных видов (рис. 2). Увеличение площади темнохвойных лесов связано с эпохами относительно влажного и прохладного климата. Ассоциации березовых и сосново-березовых лесов расширяли свои границы во время относительно сухих и теплых климатических фаз.

Для сообщества смешанных сосново-березовых зональных лесов характерно участие достаточно представительной группы широколиственных и экзотических видов. Развитие этих формаций протекало в режиме ближних внутрирегиональных миграций. До последнего крупного похолодания плейстоцена (изотопная стадия 2) миграции имели возвратный характер. После его максимума начался необратимый процесс исчезновения широколиственных видов из лесных формаций низкогорного пояса на абсолютных отметках 600–700 м. Широколиственный комплекс в составе смешанных лесов не был уникальным для плейстоценовой растительности низкогорной зоны. Вероятно, он распространялся по всей северной периферии Алтайских гор. Это предположение основано на массовых палеоботанических данных о многовидовом составе группы широколиственных пород, которая не могла сохраниться длительное время в одном изолированном районе.

Совокупность реконструированных палеогеографических показателей позволила сделать общие выводы о характере региональных изменений климатического режима (Деревянко, Малаева, Шуньков, 1998). Постепенное снижение теплообеспеченности на протяжении верхнего плейстоцена было усилено импульсом последнего крупного похолодания (изотопная стадия 2). Этот процесс больше повлиял на снижение зимних, а также весенне-осенних температур, чем на летние показатели. Преобразование растительности началось с высокогорных и среднегорных уровней, затем волна трансформации распространилась и на уровни низкогорного рельефа. Здесь происходила перестройка формационной структуры растительности лесного пояса, связанная с активизацией лиственницы как эдификатора зональных лесов.

Последнее крупное похолодание плейстоцена способствовало увеличению частоты и параметров различных отклонений в многолетних режимах погоды. Наряду со снижением общей теплообеспеченности все более существенными становились проявления неустойчивости при сезонных сменах погоды. Вследствие общего охлаждения высокогорий Алтая и других горных областей юга Сибири произошла дестабилизация климатического поля, которая привела к необратимым нарушениям в системе циркуляционного механизма. Усиление экстремальных явлений в многолетнем режиме погоды стимулировало регрессивные тенденции в развитии флоры региона.

Таким образом, археологический комплекс в плейстоценовых отложениях Алтая является в настоящее время наиболее полно изученным в четвертичной истории Северной и Центральной Азии (Деревянко и др., 2003). Здесь исследованы многослойные объекты с наиболее протяженной во времени стратиграфической колонкой нижнего, среднего и верхнего плейстоцена, которая соответствует развитию культуры первобыт-

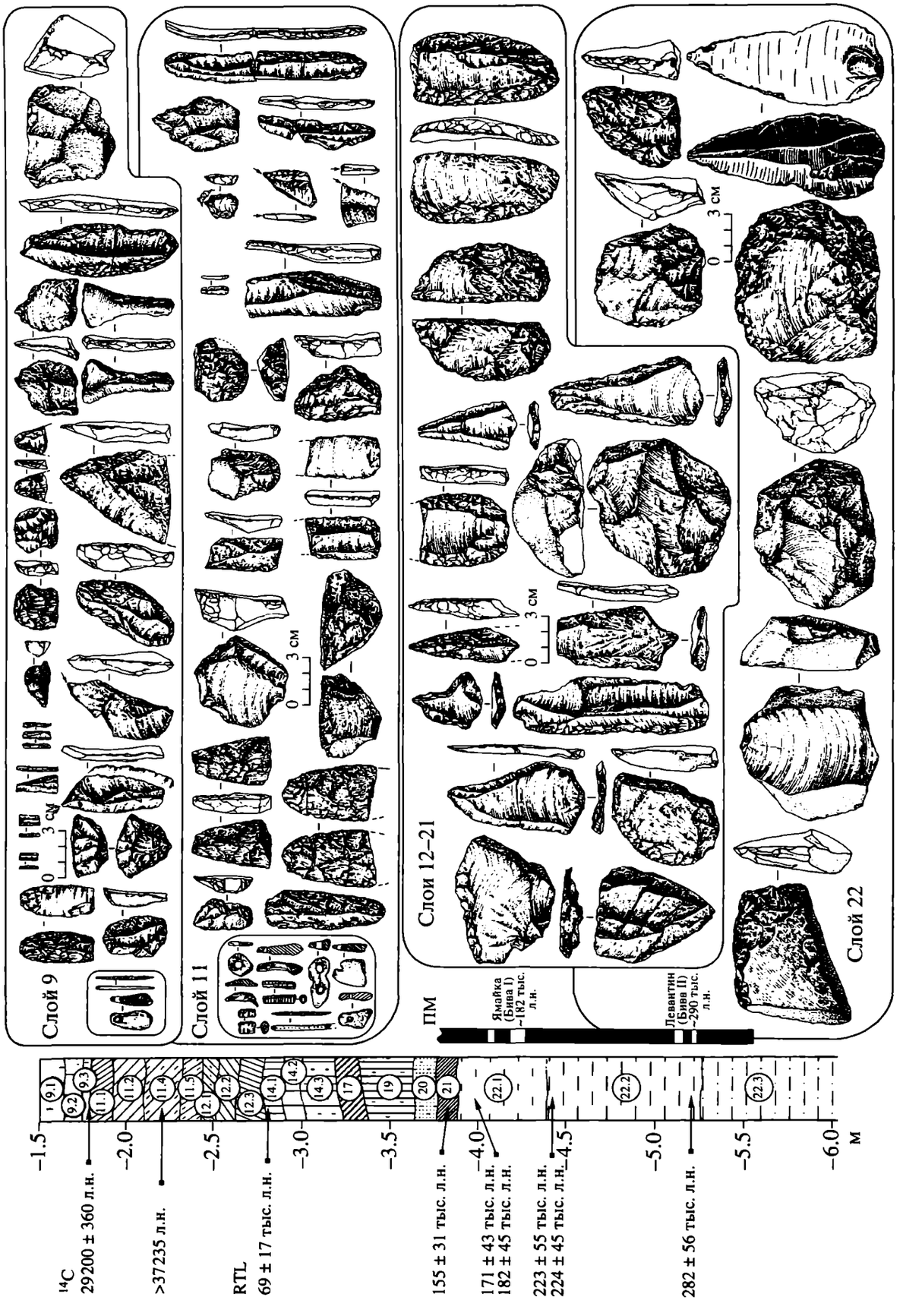


Рис. 3. Культурно-хронологическая последовательность палеолитических индустрий Денисовой пещеры.

ного человека и окружающей природной среды от ранней до заключительной стадии палеолита. Археологические материалы этих памятников, отражая длительный процесс постепенной эволюции каменных индустрий, свидетельствуют о преемственности технологических традиций древнейшего населения Алтая на основных культурно-хронологических этапах палеолитического времени (рис. 3).

К наиболее древнему этапу проникновения палеолитического человека на эту территорию относится архаичная галечная индустрия, обнаруженная в красноцветных отложениях нижнего плейстоцена на стоянке Карама. Процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в благоприятных палеогеографических условиях. По данным спорово-пыльцевого анализа красноцветных отложений, в нижнем плейстоцене доминировала древесно-кустарниковая растительность, в составе которой преобладали березовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород, а также экзотических для современной флоры Алтая видов – вяза, граба, липы, клена, дуба, маньчжурского ореха и лещины.

В среднем плейстоцене на этой территории климатические флюктуации были обусловлены изменением главным образом температурного режима. При этом они носили однонаправленный и постепенный характер. Как установлено по результатам комплексного анализа палеогеографических материалов, теплые периоды среднего плейстоцена (тобольский и ширтинский межгляциалы, которые, возможно, соответствуют изотопным стадиям 9 и 7) отличались умеренно влажными климатическими условиями. В это время господствовали сосново-березовые леса с участием ели и кедра, а также широколиственных пород. В периоды похолоданий (самаровский и тазовский ледниковые циклы, которые, возможно, отвечают изотопным стадиям 8 и 6) на фоне общего ухудшения природной обстановки заметно сокращались лесные массивы и расширялись площади нивальных, степных и луговых биотопов.

Из отложений среднего плейстоцена, выполняющих основание разрезов Денисовой пещеры и стоянки Усть-Каракол, получены небольшие, но типологически устойчивые наборы каменных изделий, которые по морфологии и стратиграфической позиции соответствуют ранним этапам среднего палеолита.

Активное заселение среднепалеолитическим человеком Алтая относится к первой половине верхнего плейстоцена. Согласно данным палинологического и палеозоологического анализов, для этого периода выделено несколько последовательных фаз в развитии палеоклимата: теплая относительно сухая, прохладная влажная, холодная сухая и холодная влажная, а также две фазы переходного характера. Теплая относительно сухая фаза соответствует эпохе казанцевского межледниковья (изотопная подстадия 5e). В это время в растительных сообществах заметно увеличились площади сосново-березовых лесов с примесью широколиственных видов и резко сократились участки нивальных биотопов. Для прохладной влажной фазы в начале ермаковского времени (изотопная подстадия 5c) реконструированы природные условия, в которых примерно в равной степени распространялись луговые, степные и лесные ассоциации. Холодная сухая и холодная влажная фазы получили развитие на последующих этапах ермаковского времени (изотопная стадия 4). Первая из них была, скорее всего, кратковременной. В эту эпоху резко сократились лесные массивы и расширились площади степных биотопов. В составе мелких млекопитающих появились бореальные виды, а численность животных подземного образа жизни сократилась до минимума. С холодной влажной фазой связана активизация темнохвойных лесов и луговых ассоциаций. Среди мелкой фауны в это время существенно возросло количество нивальных видов и снизилась численность обитателей степных ландшафтов.

Практически все среднепалеолитические индустрии Алтая развивались в рамках единой культурной традиции, внутри которой выделены два основных технических варианта – денисовский и кара-бомовский (Деревянко, Шуньков, 2002).

Начальная ступень верхнего палеолита на Алтае соответствует каргинскому времени (изотопная стадия 3). Эта эпоха отмечена общим смягчением климатической обстановки, интенсификацией почвообразовательных процессов, расширением площади лесной и луговой растительности, восстановлением численности землероев. Она включала две фазы – раннюю и позднюю – более гумидную и относительно сухую, которые разделял краткий эпизод усиления склоновых процессов.

Становление верхнепалеолитического технокомплекса на Алтае происходило по двум самостоятельным линиям развития – усть-каракольской и кара-бомовской – на основе последовательной трансформации среднепалеолитических культурных традиций (Деревянко, Шуньков, 2004).

На заключительном этапе верхнего палеолита прогрессирующее похолодание в сартанское время (изотопная стадия 2) привело к наиболее ощутимому в плейстоцене ухудшению природно-климатической обстановки. В этот период на фоне максимального расширения степных и нивальных биотопов резко сократились лесные массивы. В составе травянистой растительности заметно увеличилась доля цикориевых и других пионерных видов, массовое расселение которых проис-

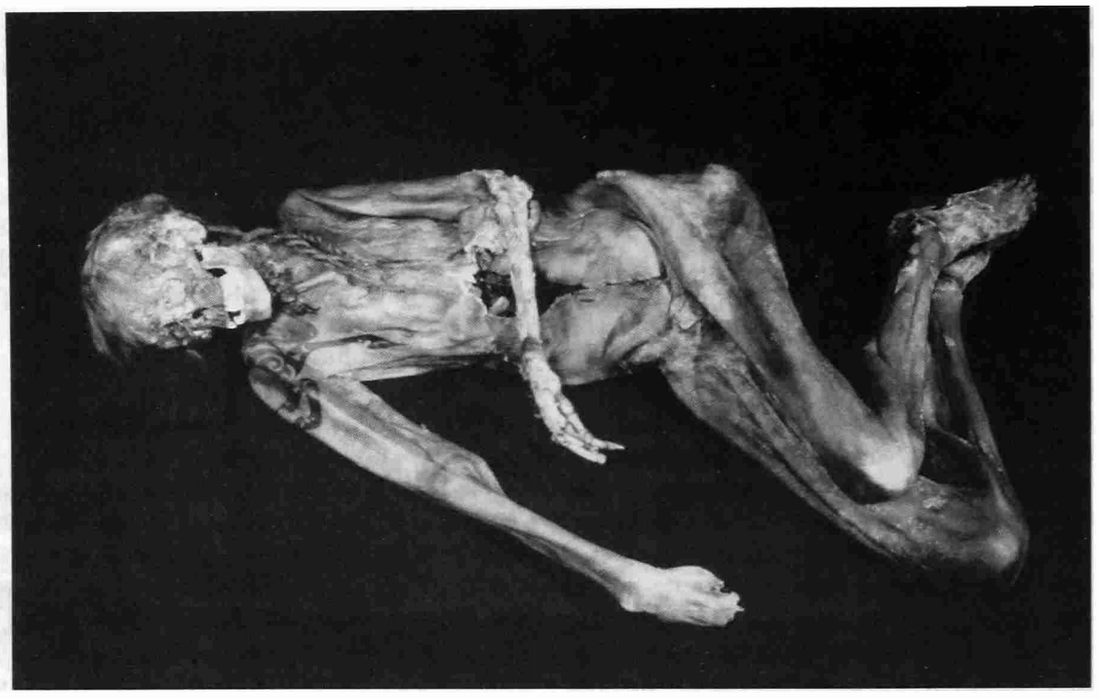


Рис. 4. Мумия мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2.

ходило при нарушении дерновинного слоя почвы. Усиление деструкции почвенного покрова было связано, видимо, с наиболее активной фазой сартанского похолодания. В целом на территории Алтая в плейстоцене сохранялись относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые откладывали свой отпечаток на историю становления и развития палеолитических культурных традиций.

Другой важный блок междисциплинарных исследований ИАЭТ СО РАН составляют работы по комплексному изучению материалов из пазырыкских погребений раннего железного века с плоскогорья Укок, расположенного у южной границы Горного Алтая. Результаты интеграционных работ по международной программе "Пазырык" позволили на принципиально новом уровне решать вопросы историко-культурных реконструкций, этногенеза и палеоэкологии сообществ, обитавших на стыке Северной и Центральной Азии около 2.5 тыс. л.н.

Благодаря особым природным условиям и специфике погребального обряда в курганных комплексах Укока с линзами мерзлоты обнаружены уникальные предметы из ткани, кожи, меха, войлока и дерева, которые характеризуют разные стороны бытового и хозяйственного уклада, социального и духовного мира носителей пазырыкской культуры (Молодин, Полосьмак, 2000).

Залегание укокских комплексов в захоронениях, как правило, *in situ*, позволило реконструировать отдельные детали погребального обряда на качественно новой, по существу этнографической основе. Реконструирован, например, костюм пазырыкцев, представлявших все слои пазырыкского общества (Полосьмак, 2001).

Находки остатков мягких тканей человека, а также мумифицированных тел женщины и мужчины (рис. 4) открыли новые возможности для анализа проблем этногенеза коренных жителей Сибири вообще и носителей пазырыкской культуры в частности. Творческое сотрудничество с исследователями Института цитологии и генетики СО РАН позволило получить образцы ДНК из мягких тканей ископаемых объектов. Разработана методика высокоэффективного выделения ДНК для последующего молекулярно-генетическго анализа костных остатков человека. Ее дальнейшее использование открывает перспективы расширения материалов для воссоздания этнической истории аборигенного населения региона. В ходе сравнительного эволюционно-генетического анализа особенностей структуры митохондриального генофонда выявлена наибольшая генетическая близость между пазырыкцами и современными самодийскими народностями Западной Сибири.

Данные о последовательностях контрольного района мтДНК современных самодийцев севера Западной Сибири показали, что в генофонде северных селькупов и кетов имеются высокопредставительные группы митотипов, структурно сходные со всеми тремя пазырыкскими мототипами. Таким образом, митохондриальный генофонд самодийцев по структуре наиболее близок

Рис. 5. Дерево филогенетических связей между пазырыкцами и современными этническими группами Евразии по результатам анализа разнообразия их митохондриальных генофондов.

к обнаруженному набору вариантов мтДНК пазырыкцев (Молодин и др., 1999).

На основе матрицы генетических дистанций построено филогенетическое дерево генетических связей митохондриальных генофондов этнических групп Северной Евразии (рис. 5). Примечательной особенностью типологии дерева является значительная близость пазырыкцев с рядом популяций Центральной Азии. Из их числа наиболее близкими к пазырыкцам оказались казахи и уйгуры. Однако в целом, за исключением самодийцев, генетические дистанции до европеоидных и финно-угорских популяций несколько ближе, чем до центральноазиатских.

По данным антропологии (Молодин и др., 2003), расогенез основного антропологического пласта пазырыкской культуры, который характеризуется монголоидно-европеоидной промежуточностью, уходит корнями в предшествующие эпохи и связан с представителями окуневско-каракольского и карасукского круга культур эпохи развитой и поздней бронзы. Признаки переднеазиатских влияний в пазырыкской культуре объясняются не только культурными контактами в скифское время, но и общими элементами в структуре расогенетических связей у номадов Алтая и населения Парфии, Маргианы и Северной Бактрии.

В результате комплексных исследований разработана концепция этногенеза пазырыкской культуры (Молодин, 2000). Этнокультурогенез пазырыкцев реконструируется с эпохи бронзы, когда на завершающей стадии существования каракольской культуры, этнически самодийской, значительная часть ее носителей вступила в тесные контакты с пришедшим с запада населением, представителями бегазы-дандыбаевской (либо близкой ей) культуры, этнически иранской. В результате некогда монолитный самодийский блок распался на две части. Одна из них – автохтонная, ее представляла сначала раннескифская (усть-куюмская) группа, а затем носители кара-кобинской культуры. Вторая – этнически иранско-самодийская – стала представлять пазырыкскую культуру. Длительное сосуществование этих культур объясняется их родственной (самодийской) этнической подосновой.

В конце III – начале II в. до н.э. под ударами гуннов, двигавшихся из Центральной Азии в северном направлении, часть пазырыкцев была вынуждена покинуть исконную территорию Горного Алтая и мигрировать на север через зоны обитания родственного населения большереченцев и кижировцев. Двигаясь, скорее всего, вдоль Оби, пазырыкцы проникли на север Западной Сибири. Здесь они (ирано-самодийцы) вступили в контак-

ты с представителями угорских, а возможно, и других этнических образований и сформировали первые в данном регионе самодийские сообщества.

Обнаруженные в захоронениях Укока мумии были подвергнуты всесторонним медико-биологическим исследованиям, в которых приняли участие десятки российских и зарубежных специалистов (Феномен..., 2000). Был сделан химический и биохимический анализ тканей мумий, проведено их патологоанатомическое исследование, изучены морфологические особенности и цветовые характеристики кожи и волос. Получены уникальные научные данные о патологических особенностях биологических объектов, связанных с подготовкой тела к захоронению. При исследовании волос мумий с помощью анализа изотопов углерода и азота, получены неожиданные результаты по определению рациона питания носителей пазырыкской культуры. Оказалось, что основным продуктом в пищевом рационе номадов Укока была рыба.

Анализ татуировки на укокских мумиях методом рентгеноспектрального микрозондирования установил, что она наносилась с помощью растительного красителя. В состав краски, видимо, входили обугленные остатки растений, их зола или сажа с высоким содержанием калия (Полосьмак и др., 1998).

Комплексное изучение укокских материалов позволило реконструировать способы бальзамирования, которыми пользовались пазырыкцы для сохранения тел умерших. Установлено, что у мумии женщины из могильника Ак-Алаха-3 удалены все внутренние органы, хрящевые части ребер, грудина, препарирован череп. Затем череп и брюшная полость были заполнены особым составом из травы и овечьей шерсти. На ногах мумии обнаружены следы смолообразной массы, которой была покрыта кожа. Не исключено, что для консервации тела женщины из некрополя Ак-Алаха-3, как и для мумии из второго Пазырыкского кургана, использовалась смоляная масса с примесью масла и воска. На поверхности кожи женской мумии с Укока найдены следы ртути, входившей в состав для обработки тела. Это антисептическое средство способствовало сохранности мумии до ее погребения.

Яркий и многообразный корпус разноплановых источников, полученных в ходе раскопок на плоскогорье Укок, позволил составить новое представление о древних технологиях и существенно дополнить общую картину хозяйственной деятельности пазырыкцев. Так, удалось доказать местное происхождение золота, из которого сделаны многие находки. Установлено, что пазырыкцам был известен способ производства золотой фольги для украшения объемных деревянных предметов, так называемое амальгирование (Полосьмак, 2001).

Большое количество хорошо сохранившихся деревянных конструкций в древних погребениях Южной Сибири позволяет активно использовать для датировки археологических объектов метод дендрохронологии, основанный на анализе изменчивости радиального прироста годичных колец деревьев. Дендрохронология предоставляет большие возможности для временно́й атрибуции находок с высокой точностью (до одного года или сезона), которая невозможна другими средствами. По результатам анализа деревьев из курганов пазырыкской культуры, особенно из погребений с подкурганной мерзлотой, было создано несколько "плавающих", или относительных, дендрохронологических шкал, среди которых наиболее протяженной является обобщенная шкала памятников Южного Алтая длиной в 415 лет (рис. 6) (Слюсаренко, 2000). Проблема привязки "плавающей" археологической шкалы к абсолютному летоисчислению решается с помощью радиоуглеродного анализа, который был проведен параллельно в лабораториях России (Новосибирск), Германии (Берлин), Швейцарии (Цюрих) и США (Тусон, Аризона). Сейчас эти данные обрабатываются, но первые результаты корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных определений свидетельствуют, что большинство курганов пазырыкской культуры, из которых были взяты образцы, сооружено в конце IV – первой половине III в. до н.э.

В сибирской археологии по-прежнему актуальна проблема поиска и идентификации археологических объектов, не выраженных в рельефе. В последнее время немецкие геофизики в этих целях успешно применяют археомагнитометрический градиентный метод (Becker, 1995). Используемый ими аппаратурно-программный комплекс с хорошим пространственным разрешением позволил значительно расширить диапазон применения этого метода. Высокая чувствительность магнитометров дает возможность находить в грунте магнитные биоагрегаты в виде скоплений останков так называемых магнитных бактерий в местах, связанных с жизнедеятельностью или захоронениями древнего человека. Конечные построения при обработке данных, полученных с помощью этого метода, представляют собой карты распределения микромагнитных аномалий (Fassbinder et al., 1990). Благодаря этому археологи еще до начала раскопок могут судить о характере памятника, выявить его границы и определить стратегию дальнейших исследований объекта.

Впервые в сибирской археологии этот метод был применен для геофизического изучения поселенческого комплекса Чича (Becker, Fassbinder, 1999), существовавшего в Барабинской лесостепи в переходное от бронзы к железу время. Геофизическая микромагнитная съемка проводилась с помощью двух цезиевых магнитометров SMARTMAG

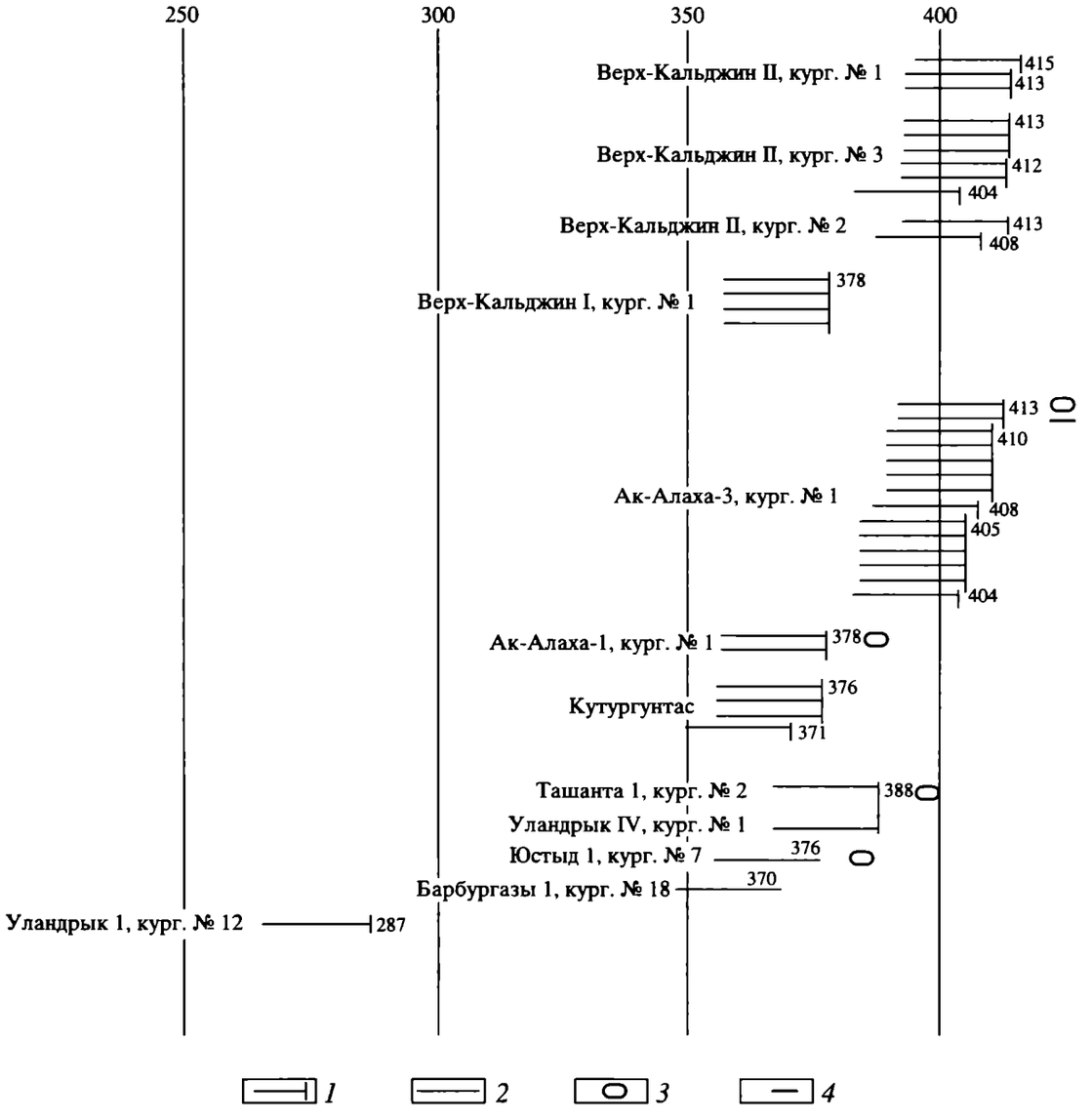


Рис. 6. Относительные даты образцов дерева из пазырыкских памятников на плато Укок и в Чуйской котловине. *1* – датированные образцы с последним годичным кольцом; *2* – датированные образцы без последнего годичного кольца; *3* – колода; *4* – жердь из могильной ямы.

SM4G-S с чувствительностью в 1 пикотеслу в режиме регистрации градиентного сигнала каждую 0.1 с с шагом 0.1 м. Высокая чувствительность приборов позволяет находить в грунте остатки деревянных конструкций и других органических объектов, так как в почве на месте древних жилых построек, ремесленных площадок, продуктовых хранилищ, захоронений сохранились скопления микроорганизмов, способные создавать магнитные микроаномалии.

В результате геофизического мониторинга на площади около 60000 м^2 выявлены системы укреплений, жилых и производственных площадок, составлявшие единый комплекс с выраженным в рельефе городищем. Кроме того, обнаружено более ста жилых и хозяйственных помещений, прослежена четкая планировка улиц и переулков, соотносимых с проходами в оборонительных сооружениях (рис. 7). При детальном рассмотрении жилищ микромагнитное сканирование позволило выделить границы котлована, входы, очаги и другие конструктивные особенности.

В настоящее время продолжает разрабатываться комплексная археогеофизическая методика изучения памятников средствами электромагнитных частотных зондирований и высокоточной магнитной градиентной съемки на участках запланированных раскопок для выявления и обеспечения точной пространственной привязки археологических объектов, обнаружения структурного нарушения грунта и фиксации остатков древних конструкций (Молодин и др., 2001; 2004). Исследования на городище Чича проводились прибором электромагнитного сканирования ЭМС, разработанным в лаборатории электромагнитных полей Института геофизики СО РАН. Получено не-

Рис. 7. Магнитограмма городища Чича с контурами и номерами раскопов.

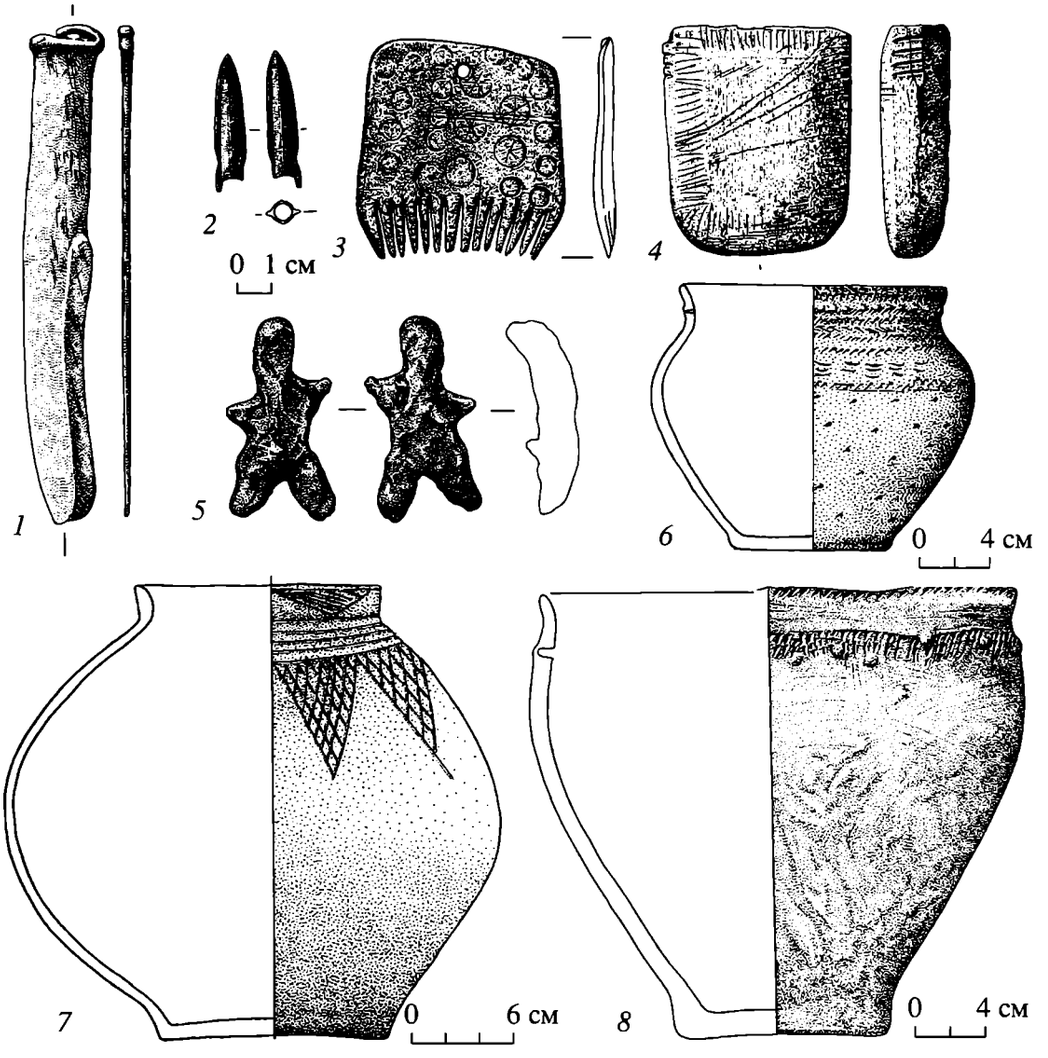


Рис. 8. Археологические материалы городища Чича. *1* – бронзовый нож; *2* – бронзовый наконечник стрелы; *3* – костяной гребень; *4* – роговая пряжка; *5* – антропоморфная фигурка из глины; *6–8* – керамические сосуды.

сколько геоэлектрических разрезов, которые регистрируют распределение удельного сопротивления в грунте. Четко читается нижняя граница заполнения котлованов жилищ, фиксируются неровности их пола. После привязки по глубине и ввода данных геодезической съемки впервые при использовании аппаратуры ЭМС были построены разрезы с учетом рельефа дневной поверхности.

Высокая чувствительность и точность протонной и квантовой магнитометрической аппаратуры позволяют регистрировать весьма малые пространственные изменения магнитного поля, обусловленные достаточно слабыми изменениями магнитных свойств грунта и погребенных объектов. В качестве измерительного прибора был использован магнитометр-градиентометр МГ-60, в основу которого положен принцип свободной ядерной прецессии. Магнитное картирование выполнено на площадках нескольких предполагаемых раскопов. Полученные в процессе съемок детальные магнитные карты позволили проводить вскрытие с учетом знания структуры и контуров объектов и их точной привязки в пределах площади раскопа.

В результате полевых экспериментов приобретен положительный опыт применения электроразведочных и магнитных методов в археологии. Сделаны ценные методические наблюдения, которые помогут создать комплекс аппаратурно-программных и методических средств исследования подповерхностного пространства для решения широкого круга задач археологии. При этом получена принципиально новая информация о глубинных и качественных характеристиках культурных слоев городища Чича до начала раскопок. Следует отметить, что дальнейшие раскопки не только подтвердили геофизические наблюдения, но и дали огромный объем керамического и остеологического материала, а также других вещественных источников (рис. 8), которые позволяют на новом качественном уровне проследить историко-культурные и этнические процессы, реконструировать социальную структуру сообществ, решить ряд проблем палеоэкономики, палеодемографии

и внутренней хронологии древних культур юга Сибири.

Возможность применения опытных геофизических аппаратурных комплексов открывает новые перспективы в изучении археологических объектов. Одним из последних примеров геофизических исследований в этом направлении являются недавние совместные работы на плоскогорье Укок, где благодаря оригинальной методике еще до начала раскопок были обнаружены захоронения с линзами льда (Эпов и др., 2003).

Оценивая в целом перспективы развития сибирской археологии, можно уверенно констатировать, что ее будущее заключается, прежде всего, в тесном взаимодействии с естественными и точными дисциплинами. Этому способствует общая стратегия организации междисциплинарных исследований в Сибирском отделении Российской академии наук. С момента его создания принцип интеграции наук был провозглашен академиком М.А. Лаврентьевым как основополагающий и с тех пор активно претворяется в жизнь.

Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 04-01-00537 и РФФИ № 04-06–80058.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агаджанян А.К. Фауна мелких млекопитающих Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Среднеплейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Доклады Академии наук. 1998. Т. 360. № 4.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Куликов О.А. и др. Первые среднеплейстоценовые датировки палеолита Горного Алтая // Доклады Академии наук. 1992. Т. 326. № 3.

Деревянко А.П., Малаева Е.М., Шуньков М.В. Динамика изменения палеоклимата Северо-Западного Алтая в позднем плейстоцене // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск, 1998.

Деревянко А.П., Малаева Е.М., Шуньков М.В. Развитие растительности низкогорного пояса Алтая в плейстоцене // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2000.

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Развитие рельефа речных долин северо-запада Горного Алтая в плейстоцене // Доклады Академии наук. 1999. Т. 367. № 1.

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Значение геоморфологических данных для реконструкций ландшафта и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 2002.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.

Малаева Е.М. Об изменчивости климатического режима Горного Алтая в позднем плейстоцене и палеогляциологических реконструкциях // Геоморфология. 1995. № 1.

Малаева Е.М. Палинология отложений разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Малаева Е.М. Палинология плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 5. Новосибирск, 1999.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. и др. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 1. Новосибирск, 2003.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). Новосибирск, 2001.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск, 2004.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.

Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Палеогенетический анализ населения пазырыкской культуры: первые результаты и интерпретации // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М., 1999.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А. Физико-химические исследования уникальных археологических находок пазырыкской культуры Горного Алтая // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск, 1998.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горно-

го Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.

Ульянов В.А. Опыт использования анализа морфометрических параметров обломочного материала при реконструкции палеогеографической обстановки в Денисовой пещере // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Эпов М.И., Маништейн А.К., Молодин В.И. и др. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1. Новосибирск, 2003.

Becker H. Form nanotesla to picotesla – a new window for magnetic prospecting in archaeology // Archaeological Prospection. 1995. V. 2.

Becker H., Fassbinder J.W.E. Magnetometry of a Scythian Settelment in Siberia near Cicha in the Baraba steppe // Archaeological Prospection. 1999. V. 108.

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. et al. Paleolithic of the Altai. Brussels, 2001.

Fassbinder J.W.E., Stanjek H., Vali H. Occurrence of magnetic bacteria in soil // Nature. 1990. V. 343.

Multidisciplinary researches conducted at the Institute of Archaeology and Ethnography during the recent decade

A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, M. V. Shunkov

Summary

Multidisciplinary approach to archaeological studies is the most progressive way in prehistoric researches. Combination of investigational methods used in different branches of knowledge provides full information on archaeological, geological, chemical and other features of the sites and allows to comprehend the relationships that existed between man and nature in antiquity, the impacts caused by environmental changes on the early migration processes. Such approach results in establishing the ecological and social factors involved into the process of settling new territories by ancient population groups. The two major objectives of research works conducted by scholars from the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences are important topics of archaeology: the initial settlement of North and Central Asia and ethno-cultural interrelationships of the more recent population groups in these territories. The most pertinent results pertinent to the early peopling processes have been achieved by the studies of the multilayered Palaeolithic sites in the Altai Mountains. Another area of researches is the study of the archaeological materials recovered from the Early Iron Age burial sites of Pazyryk culture. Archaeological researches include the methods of electromagnetic high-frequency sounding and high-precision magnetic gradient screening.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 20–31

КЕРАМИКА АРКАИМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2005 г. Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович

Челябинский государственный университет

Типологический анализ керамики укрепленного поселения Аркаим достаточно ярко отразил большое разнообразие комплекса. Выделено четыре типа горшечных, один тип горшечно-баночных и три типа баночных сосудов. Некоторые типы подразделяются на варианты. К основным культурообразующим относятся два типа горшечных сосудов (I, II). Тип I – с внутренним ребром по основанию шейки, внешним ребром по основанию плеча и выразительной геометрической орнаментацией; тип II – также с внутренним ребром по основанию шейки, но овальным туловом и обедненным орнаментом (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 2, *4*). Среди баночных форм определяющими являются сосуды с овальным профилем, большими объемами, с валиками и желобками (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 8). За пределами типологических характеристик оказались разнообразные изделия смешанных типов, сочетающие в себе очень разные принципы создания форм и орнаментов. Несмотря на отмеченное разнообразие, аркаимская посуда несет в себе некое единство стиля, отражая общие формообразующие и орнаментальные тенденции, а также эстетические вкусы создателей.

Для определения места аркаимского комплекса керамики среди посуды синхронных и более ранних культур степной зоны важное значение приобретают не только типологически определимые, но и смешанные (переходные?) образцы с яркими инокультурными чертами и неповторимой индивидуальностью. На эти сосуды мы обращаем особое внимание, поскольку они не поддаются суммарной характеристике (рис. 1; 2). Почти в каждом типе аркаимского комплекса керамики, а иногда в смешанных образцах можно выделить наиболее архаичные изделия или отдельные элементы архаики. Целый ряд новых традиций выработан в аркаимскую эпоху, часть из них нашла дальнейшее развитие в более поздних культурах срубной и андроновской историко-культурных общностей.

Вероятно, наиболее раннюю группу аркаимской посуды представляют горшечные формы с внутренним ребром на шейке и елочной орнаментацией (I тип, Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 2, *1–5*; 5, *1*, *2*), некоторые сосуды с дугообразной шейкой и овальным туловом (тип ГП, рис. 8, *11*). С точки зрения генезиса, интересны оригинальные формы с прямой шейкой, раздутым туловом, сглаженным ребром в основании плеча и елочной орнаментацией (рис. 2, *1*), сосуды с уступом в верхней части плеча и "ковыльной" штриховкой (рис. 3). Архаичные изделия выделяются среди горшечно-баночных сосудов (рис. 2, *5*, *7*).

Ранние формы аркаимских сосудов связаны с развитием традиций из среды ямной культурно-исторической общности. Однако собственно к ямным можно отнести один–два небольших круглодонных сосуда плохой сохранности (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 2, *3*; 9, *1*). В настоящее время в степном Волго-Уралье и в Оренбургско-Актюбинском Приуралье на памятниках ранней и средней бронзы достаточно отчетливо выделяются керамические комплексы, которые можно рассматривать с точки зрения генезиса аркаимской посуды. Сюда следует включить материалы II Герасимовского могильника (Порохова, 1992. С. 92–107), Болдыревского кургана, кургана Медведка и др. (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 71. Рис. 32, *40*, *41*), Жаман-Кургала (Ткачев, 2000. С. 58. Рис. 4). Эти материалы некоторые исследователи трактуют как позднеямные (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 69–86), другие представляют их как ямно-полтавкинские (Качалова, 2001. С. 50).

Для нас в этих комплексах особое значение приобретают сосуды с внутренним ребром на шейке и елочной орнаментацией. Их можно рассматривать как одну из основ для развития будущих аркаимских форм и орнаментов.

Традиции специфического подчеркивания рельефа шейки-венчика ребром изнутри, чередование орнаментальных поясков (наклонные вдавления, зигзаг, волнистые узкие каннелюры) прослеживаются в Волго-Уралье с хвалынского времени до ямного и полтавкинского (Моргунова, 1995. С. 170. Рис. 74, *1*; Мерперт, 1974. С. 161. Рис. 98; Агапов и др., 1990. С. 130. Рис. 34; Васильев, Выборнов, 1986. С. 16. Рис. 4Б, *2*, *11*, *14*). Можно привести также некоторые среднедонские материалы (Пряхин, Синюк, 1980. С. 89. Рис. 10). Сосуды с внутренним ребром, короткой шейкой-венчиком широко известны по всей территории ямной общности (Якубенко, 1982. Табл. 2; 4; Шапошникова и др., 1986. Рис. 30, *14*; 31, *6*).

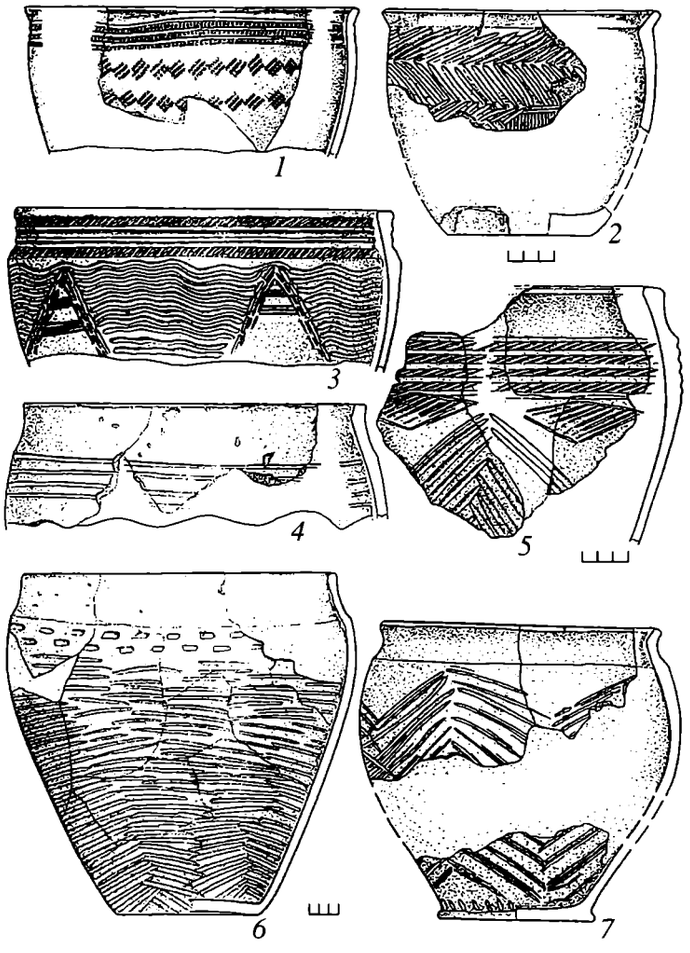


Рис. 1. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика с абашевскими и полтавкинскими чертами.

Что касается появления елочных мотивов украшений в аркаимской керамике, можно привести ряд работ, анализирующих процесс распространения сосудов с елочной орнаментацией на территории от Придонья до Волги и Урала включительно. Они представляются своеобразным индикатором процесса трансформации позднеямных культур к ямно-катакомбным и ямно-полтавкинским (Смирнов, 1996. С. 87–99; Гей, 1999. С. 37; Кияшко, 1999. С. 80; Васильев и др., 2000. С. 62. Рис. 18, 19).

С точки зрения формирования аркаимского комплекса привлекают внимание также сосуды с высокой прямой дугообразно изогнутой изнутри шейкой (рис. 2, *11*; Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 4, *6*, *8*). На отдельных экземплярах достаточно отчетливо читаются реминисценции из репинских древностей. Они встречаются в позднеямных и раннеполтавкинских комплексах Оренбуржья и Поволжья (Моргунова, 1995. С. 171. Рис. 75; Васильев, 1981. С. 115; Васильев, Выборнов, 1986. С. 12. Рис. 3Б).

Древнейшие крупные сосуды горшечно-баночных форм с уступом и "ковыльной" штриховкой выделены как жаровни среди материалов ямно-катакомбного типа в Предкавказье (Трифонов, 1991. С. 124). Возможно, аналогичные аркаимские формы (рис. 3) отражают движение на восток кавказских ямно-катакомбных традиций. Близкие формы присутствуют опять же в полтавкинских поселенческих материалах Прикаспия (Барынкин и др., 1998. С. 184. Рис. 5, *1*), которые соотносятся с раннеполтавкинским временем.

В одной их своих ранних работ И.Б. Васильев, выявляя взаимосвязи Нальчикских и Утевских курганов, писал, что активное проникновение в степные и лесостепные регионы Волго-Уралья кавказских и катакомбных новаций идет в процессе развития позднеямных и полтавкинских древностей (Васильев, 1980. С. 52). В настоящее время пласт археологических памятников средней бронзы, отражающих эти события в Нижнем Поволжье, Прикаспии и на Урале, стал значительно шире (Шилов, Багаутдинов, 1998; Васильев и др., 1986; Ткачев, 2000; Потемкина, 2001. С. 233).

Процесс проникновения кавказских и раннекатакомбных влияний в ямную среду и обусловил, по-видимому, начало сложения полтавкинских культур в Поволжье и Приуралье (Васильев, 1981;

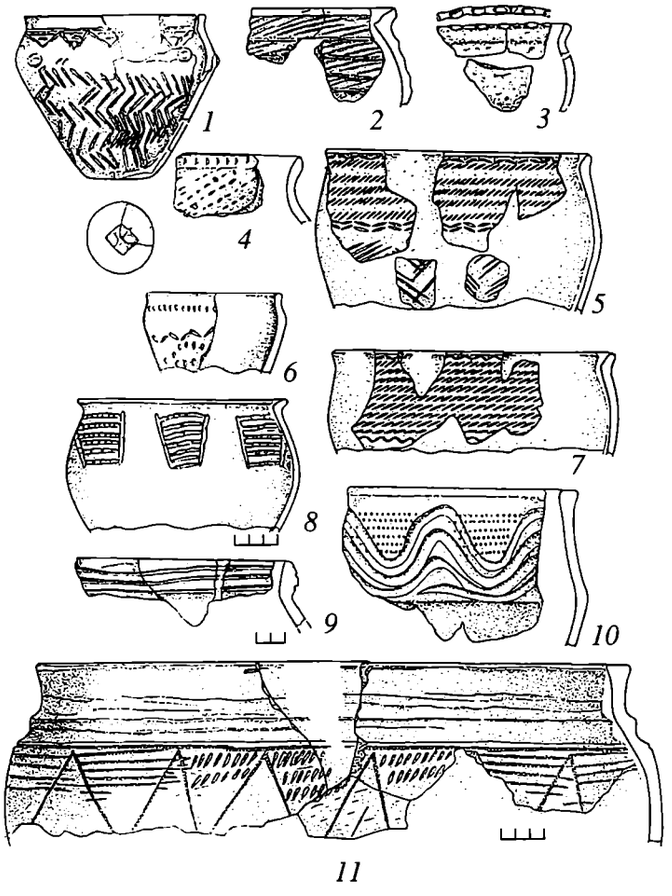


Рис. 2. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика. Ранний комплекс.

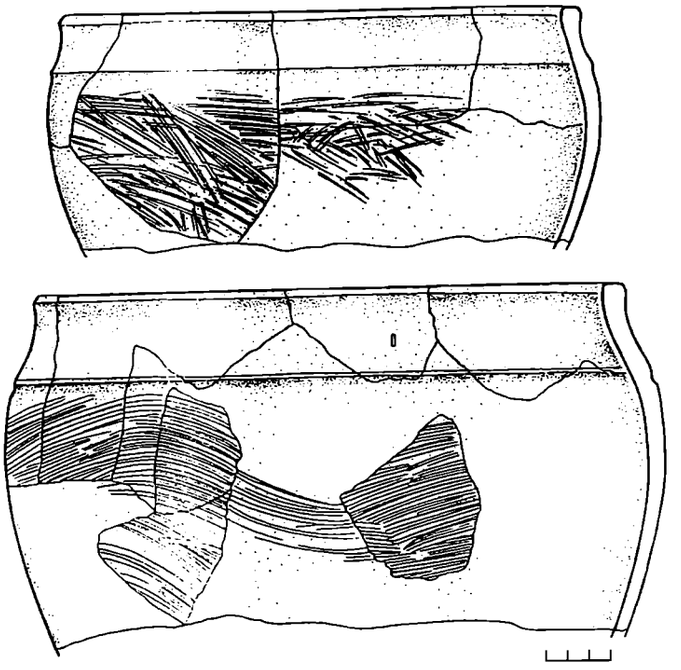


Рис. 3. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика из внешнего рва.

Качалова, 1983; Кузнецов, 1989). Возможно, несколько позже восточнее р. Урал на близкой основе начинает формироваться синташтинско-аркаимская культура. Близкие процессы культурогенеза реконструируются на материалах лесостепного Притоболья (Потемкина, 1985. С. 150–157; 1990. С. 126).

Таким образом, начальный этап генезиса собственно аркаимского комплекса идет на ямной и ямно-полтавкинской основе. При этом мы не исключаем участия геометрических традиций суртандинско-ботайской культурно-исторической общности. Оформление собственно аркаимского комплекса произошло при дальнейшем наложении абашевского субстрата.

Сосуды с внутренним ребром по основанию шейки составляют основное ядро керамики уральского абашева (Сальников, 1967. С. 23–26; Горбунов, 1986. С. 83, 93). В керамическом комплексе Аркаима с ними сопоставима часть сосудов горшечной формы (I тип). Среди сосудов первого типа изделия с абашевскими чертами отличаются большей открытостью форм, наличием сложного геометрического стиля орнаментации (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 2, *7*). Абашевской уральской (баланбашской) культуре соответствуют единичные сосуды открытых тюльпановидных форм с лаконичным орнаментом в виде фризов из гребенчатых ромбов и каннелюр (рис. 1, *1*; Горбунов, 1986. С. 83. Рис. 10). Сюда же можно отнести несколько сосудов (ок. 5–6 шт.) с отогнутой дугообразной шейкой, овальным корпусом, без орнамента или с орнаментом в виде прямоугольной решетки (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 5, *3*). Они находят параллели среди посуды не только Уральского (Горбунов, 1985. С. 6. Рис. 2), но и Волго-Донского абашева (Пряхин, 1976. С. 31–35. Рис. 3–5; Синюк, Козимирчук, 1995. С. 51, 53, 54).

Собственно классические сосуды горшечных и баночных форм аркаимского комплекса сочетают в орнаменте образы елочных и геометрических композиций при сохранении многих деталей формообразования из ямной, ямно-полтавкинской и абашевских культур. По пропорциям форм, по организации орнаментальных схем перед нами совершенно оригинальные изделия, определяющие синташтинско-аркаимское культурное пространство.

Второй этап развития аркаимских форм керамики синхронизируется с опосредованным воздействием более поздних волн катакомбников, доно-волжских абашевцев и культуры многоваликовой керамики. Продолжают фиксироваться полтавкинско-аркаимские контакты. В это время существуют и развиваются все основные типы синташтинско-аркаимской посуды. Инокультурные воздействия дают начало развитию петров-

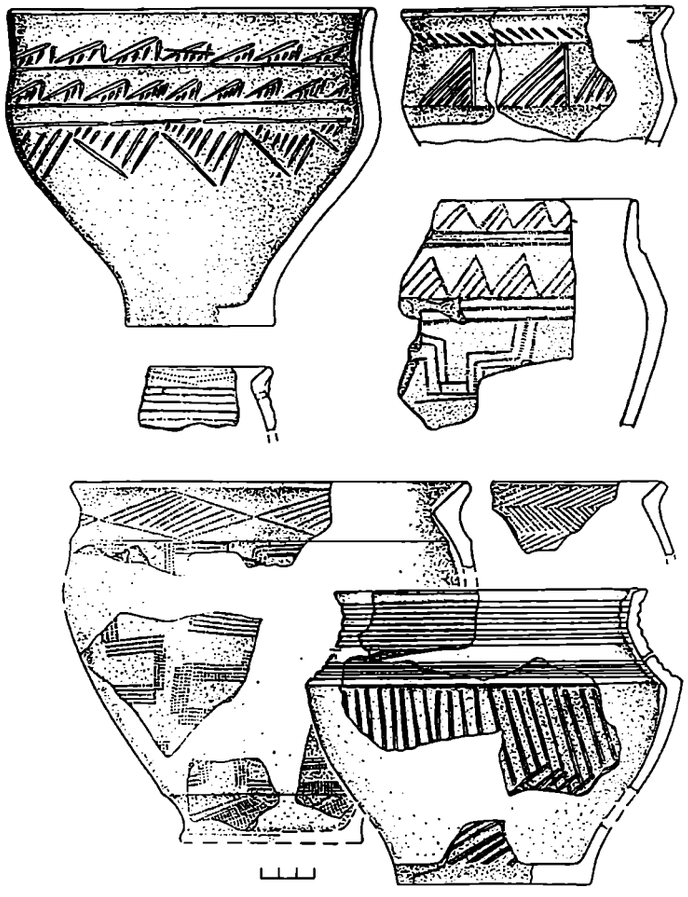


Рис. 4. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика из жилища 1–1.

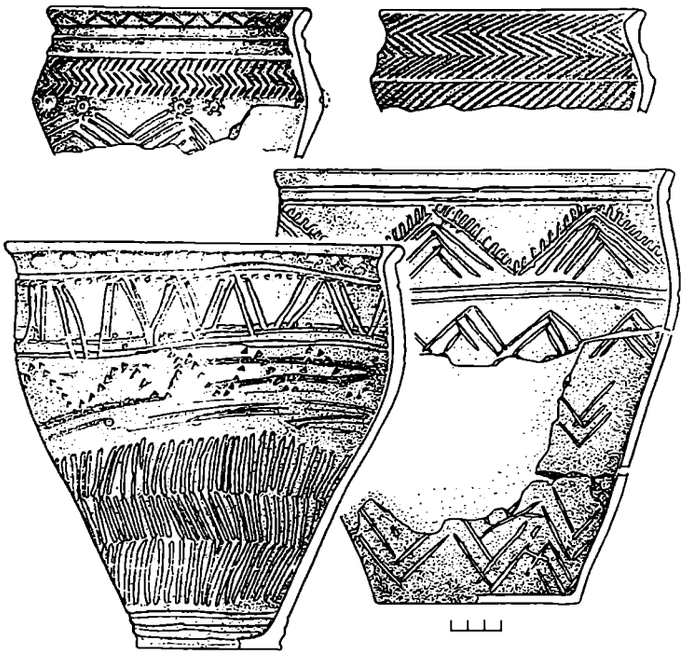


Рис. 5. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика из жилища 2–12.

ских традиций. Особое внимание в связи с этой ситуацией привлекают сосуды с невысокой прямой шейкой, достаточно раздутым туловом с ребром по основанию плеча, в единичных случаях ребро сглажено (типы Ш, IV, и переходные варианты между ними, рис. 4). У дна они более массивные, к верху толщина стенок уменьшается, а шейка формуется особенно тонкой. Орнамент представлен и простыми, и сложными геометрическими композициями. Нам представляется, что такие сосуды в аркаимском комплексе появляются под влиянием катакомбных традиций. Близкие формы мы находим в материалах донской катакомбной культуры (Синюк, 1983. С. 62. Рис. 25, *13*, *17*, *19*; Погорелов, 1988. С. 59–74. Рис. 1, *3–6;* 1989. С. 116. Рис. 5, *3*). Аналогичные комплексы присутствуют и в Поволжье (Ляхов, Матюхин, 1992. С. 109. Рис. 2; Мельник, 1989). С влиянием катакомбного субстрата и многоваликовой культуры, возможно, связан генезис крупных аркаимских сосудов-"хумов" с валиками (Синюк, 1983. С. 77; Пряхин, 1982. С. 105; Березанская, 1960. С. 26–41).

Движение катакомбников в Поволжье датируется концом Ш–началом II тыс. до н.э. Но наиболее сильные, устойчивые волны катакомбников, отмеченные ярким, чисто катакомбным инвентарем, приходятся на первую половину II тыс. до н.э. (Мельник, 1989).

Катакомбные влияния сильнее ощущаются в южных районах Поволжья, вероятно потому, что сюда проникают волны катакомбников предкавказского и нижнедонского типов (Мельник, 1989). Проявления катакомбных черт в керамике Аркаима скорее всего опосредованы через культурные образования Приуралья. Это могут быть комплексы, близкие турганикским, абашевским или полтавинским (Моргунова, 1984. С. 59, 60; 1995. С. 83, 84; Горбунов, 1986. С. 77, 81). Катакомбное влияние прослеживается и в Зауралье в керамических комплексах петровской культуры (Потемкина, 1990. С. 125–127).

Собственно полтавкинские черты в керамике Аркаима проявляются на сосудах с суженной горловиной и уступчиком, сформированным не по основанию, а в верхней части плеча. Едва намеченная шейка изнутри по основанию подчеркнута ребром. Тулово сосудов удлиненно-овальное. Среди них есть горшечные и горшечно-баночные формы (рис. 1, *3–7*). Орнаментальные композиции большей частью не полностью соотносятся с полтавкинскими. Желобки, каннелюры с вдавлениями, крупные висячие треугольники с горизонтальной штриховкой на плече выполнены обычно в полтавкинском стиле. Тулово же украшено традиционным синташтинско-аркаимским "древом жизни" (рис. 1, *5*). В разных областях степного Волго-Уральского междуречья и Прикаспия в полтавкинских комплексах в той или иной мере присутствуют идентичные материалы (Васильев, Выборнов,

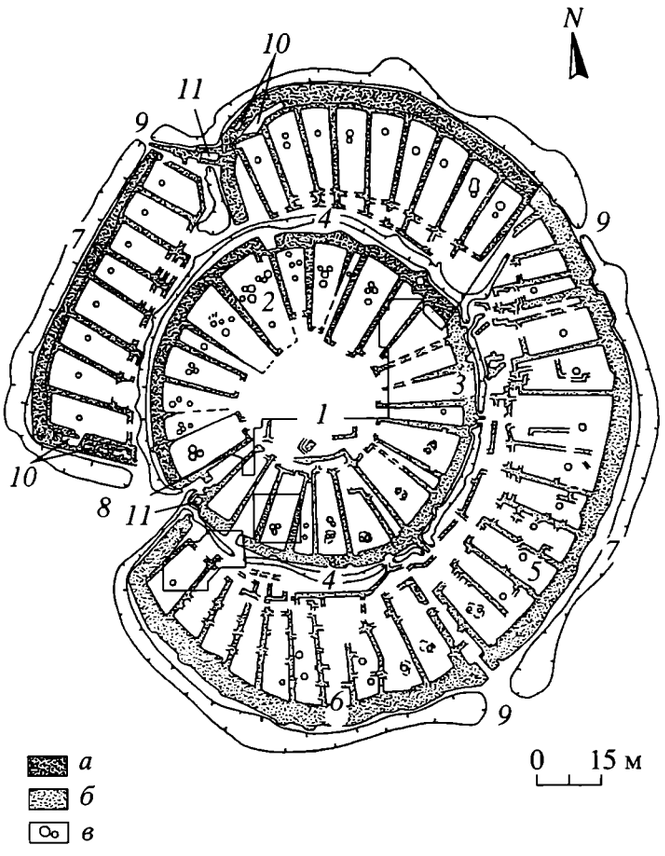


Рис. 6. План-схема укрепленного поселения Аркаим: *1* – центральная площадь; *2* – жилища внутреннего круга; *3* – внутренняя оборонительная стена (стена цитадели); *4* – кольцевая улица и внутренний ров; *5* – жилища внешнего круга; *6* – внешняя оборонительная стена; *7* – обводной ров; *8* – главный (западный) вход; *9* – дополнительные входы; *10* – помещения внутри оборонительных стен; *11* – основания привратных башен; *а* – зона археологических исследований; *б* – зона геофизических исследований; *в* – колодцы и хозяйственные ямы.

1986. С. 16. Рис. 4, *Б5*; Качалова, 2001. С. 32–58). Особенности сочетания признаков на полтавкинско-аркаимской посуде отражают контакты непосредственных носителей культурных традиций.

Третий этап развития аркаимского комплекса керамики отражает формирование новых традиций, характерных для более поздних культур. Появляются сосуды абашевско-покровского облика (рис. 1, *2*), которые находят аналогии в материалах Среднего и Нижнего Поволжья (Семенова, Седова, 2000. С. 192. Рис. 10, *11*; Памятники..., 1993. С. 131–138). Присутствуют позднеполтавкинские формы и единичные петровско-алакульские сосуды. В целом петровские и алакульские черты проявлены в аркаимском комплексе слабо, как бы вскользь. Более определенно можно выделить сосуды с ранними срубно-алакульскими признаками (рис. 5, Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 6, *4*), которые близки материалам Ветлянского могильника в Приуралье (Горбунов, 1992. С. 166–194). Многокомпонентность и постоянное влияние внешних импульсов сохраняются на всем протяжении развития аркаимской посуды.

Наиболее устойчивые и длительные взаимосвязи отмечаются с полтавкинскими комплексами и материалами абашевской (баланбашской) культур Приуралья. Выделяются более 50 сосудов с яркими полтавкинскими чертами или близкие к полтавкинским до тождественности. Сосудов с яркими абашевскими чертами значительно меньше (около 30 экз.).

Для более надежного обоснования направленности развития аркаимской посуды рассмотрим условия ее залегания в культурном слое поселения, а также соотношение выделенных типологических групп керамики с планиграфическими структурами памятника.

Насыщенность материалами культурного слоя на территории памятника различна. Наибольшая часть керамики сосредоточена в нижних слоях заполнения жилищ, на полах, внутри колодцев и печей (рис. 6). Из жилищ внешнего круга (2) реконструировано около 110 сосудов, из жилищ внутреннего круга (1) – около 220. Керамический материал жилищ внешнего круга отличается наибольшей целостностью, т.е. почти все фрагменты составляют части выделенных сосудов. Разрозненные черепки немногочисленны (от 10 до 50 фрагментов в одном жилище). Несколько выше их количество в жилищах северного квартала (2–8, 2–9, 2–16, 2–17). Жилища западного квартала 2–4, 2–5 очень бедные материалами, здесь выделено лишь по одному сосуду, и целые формы не реконструируются. В жилищах 2–6–2–9 обнаружено от 2 до 5 сосудов. Остальные помещения внешнего круга содержат от 6 до 14 сосудов различной степени сохранности (рис. 7; таблицы 1, 2).

В жилищах внутреннего круга значительно увеличивается количество сосудов, которые можно реконструировать, и еще в большей степени возрастает число разрозненных фрагментов. Наибольшая коллекция керамики происходит из жилища 1–7, где выделено 32 сосуда. Значительны серии сосудов из жилищ 1–1 (24 сосуда, рис. 2), 1–11 (20 сосудов), 1–6 (19 сосудов), 1–8 (20 сосудов). В остальных помещениях обнаружено от 6 до 11 изделий. В целом в жилищах цитадели плотность залегания керамических остатков почти в 2 раза выше, чем в помещениях внешнего круга.

Достаточно многочисленный комплекс керамики происходит с центральной площади. Однако он отличается фрагментарностью. С территорией площади связываются лишь 14 оригинальных сосудов разной степени сохранности (рис. 8). Остальные принадлежат сосудам, развалы которых сосредоточены в жилищах внутреннего и внешнего круга (рис. 4). Чуть более 20 фрагментированных сосудов найдено на территории круговой

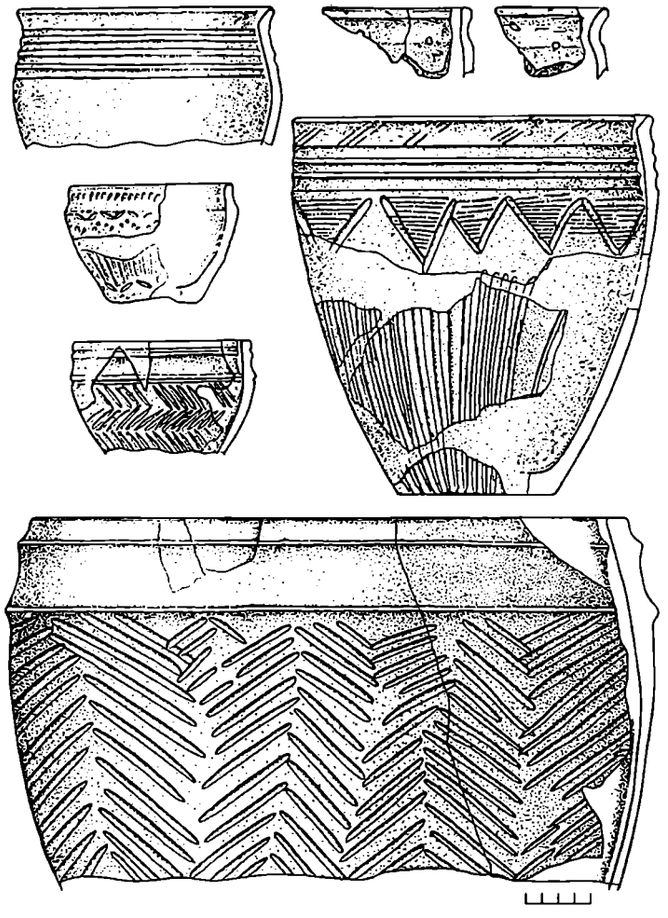


Рис. 7. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика из жилища 2–1.

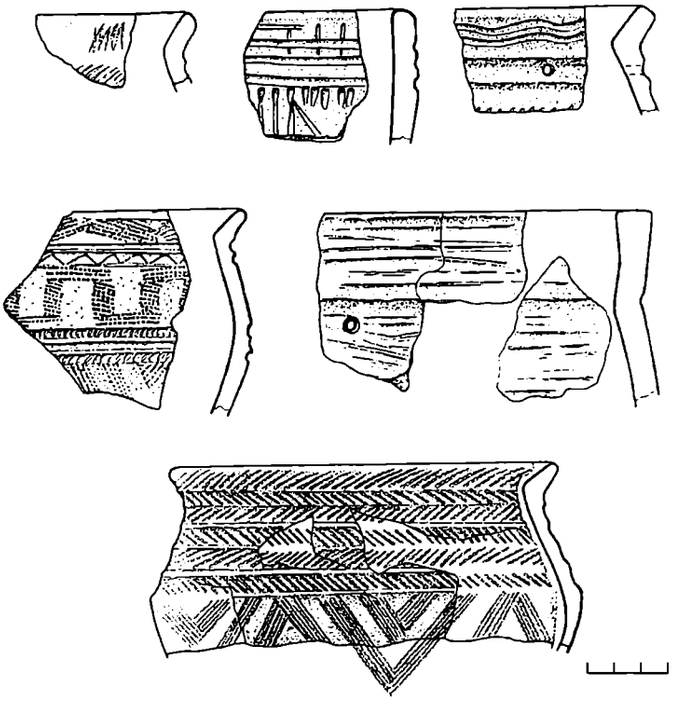


Рис. 8. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика с центральной площади.

улицы и в заполнении внутреннего рва. Здесь местонахождения сосудов в развалах приурочены к выходам из двориков жилищ и к нишам в оборонительных стенах. Немногочислен керамический материал на участках внутренней оборонительной стены. Очень редки находки керамики во внешнем рву и в развалах внешней оборонительной стены (рис. 3). В слоях, составляющих фундамент стен, керамического материала не обнаружено.

Ряд фрагментов керамики происходит из помещений, зафиксированных внутри радиальной оборонительной стены западного входа в укрепленный поселок. Несколько обломков керамики найдены на территории самого входа и на предвратной площадке. На участках коридора лабиринта северного входа сосредоточены сильно измельченные черепки и несколько придонных частей. Присутствует керамика из поверхностных сборов вокруг поселения, из шурфов в районе расположения полей древнего земледелия, так называемых "аркаимских огородов".

Более определенное представление по истории памятника дает наблюдение за распространением и условиями залегания различных типов керамики на исследованной территории самого укрепленного центра. Сосуды горшечных форм I типа распространены во всех архитектурно-планиграфических конструкциях Аркаима и сочетаются со всеми выделенными типами горшечных и баночных форм. В жилищах они встречаются в количествах от 1 до 6. В помещениях 1–7, 1–10, 2–8 известны только мелкие, невыразительные фрагменты. Единичны находки сосудов I типа на улице, в районе внешней стены и рва. Наибольшее их количество сосредоточено в жилище 1–4 и на центральной площади (рис. 8; Зданович Г.Б., 1997. Рис. 4). Крупные части и развалы сосудов отмечены в хозяйственных отсеках жилищ 1–4, 1–8, 1–11, 2–4, 2–7, 2–12. Сосуды с желобками и елочной орнаментацией происходят, в основном, из первого круга жилищ, реконструируются из мелких фрагментов, рассредоточенных в нескольких помещениях (Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 2).

Сосуды II типа в количестве от 1 до 3 найдены почти во всех жилищах, за исключением помещений западного квартала внешнего круга. Причем горшки II типа (вариант 2) грубой выделки, с обедненным орнаментом или без него преобладают в районе улицы и внутреннего рва. В жилищах они занимают пространство ближе к выходу. Крупные сосуды II типа (вариант 1) обнаружены в районе хозяйственных ям. Иногда они закопаны в углублениях пола (рис. 2, *11*).

Сосуды III типа происходят в основном из двух жилищ: 1–1 (3–4 сосуда) и 1–8 (4–5 сосудов). По одному сосуду найдено в жилищах 1–7, 1–11,

Таблица 1. Распределение различных типов горшечных сосудов по исследованной территории укрепленного поселения Аркаим

Жилище	Тип I		Тип II		Тип III	Тип IV	Тип ГБV	Типологически неопределимые	Итого
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2					
1–1	3		1	5	4	2		4	19
1–2	3		2	1				2	8
1–3	3					1		3	7
1–4	6	1				1	1	5	14
1–5	1	1		1					3
1–6	4		2	2	2	2		2	14
1–7			1	3	1	3		9	17
1–8	4		1	2	4	1		3	15
1–9	2		1			1	1	2	7
1–10	1						1		2
1–11	2					1	1	2	6
1–12	1	1						1	3
1–13	1								1
Итого	31	3	8	14	11	12	4	33	116
2–1	1	2		1			2	2	8
2–2	3					2	2	1	8
2–3								1	1
2–4	2								2
2–5	1								1
2–6	1								1
2–7	1							1	2
2–8		1							1
2–9	1							2	3
2–10	2		2	2	1?		1	2	10
2–11	1		1						2
2–12	3			3		1	1	3	11
2–13	1	2		1			1	1	6
2–14	3	2	1	1	1			2	10
2–15	2		1	2		1			6
2–16	1	1	1					3	6
2–17	1	1			1	2	1	2	8
Итого	24	9	6	10	3	6	8	20	85
Площадь	8		2	2		1		1	14
Улица		1		9	1	2	2	1	16
Внешняя стена, ров			1	2			1	2	6
Итого	62	13	17	36	14	22	16	57	238

Таблица 2. Распределение различных типов баночных сосудов по исследованной территории укрепленного поселения Аркаим

Жилище	Тип I, биконические	Тип II, овальные				Тип III		Всего
		Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 1	Вариант 2	
1–1	1	1	2	1	1	2		8
1–2	1	1			1			3
1–3		1?		1	2			4
1–4	1	2	3	1				7
1–5		2					1	3
1–6			1	3		1		5
1–7	2	6	2	1	3	1		15
1–8	1		1		2	1		5
1–9		3	1	1	1			6
1–10		2		1				3
1–11		2	5	2	3	1	1	14
1–12		1			1			2
1–13			1		2			3
Итого	6	21	16	11	16	6	2	78
2–1		1	1	1	1	1		5
2–2		2		1				3
2–3		3						3
2–4		1						1
2–5								
2–6								
2–7			1	1				2
2–8		1				1		2
2–9				1				1
2–10	1			4			1	6
2–11		1	2					3
2–12	1		3		1			5
2–13			1		1			2
2–14				1	4			5
2–15		1						1
2–16			1	1				2
2–17	1		3		2			6
Итого	3	10	12	10	9	2	1	47
Площадь		1	1		1	1		4
Улица		3	1	1	1		3	9
Внешняя стена, ров			2	2	1	2	1	8
Итого	9	35	32	24	28	11	7	152

Примечание: в некоторых случаях из-за фрагментарности выделение сосудов неоднозначно или не ясно их местонахождение, поэтому шесть сосудов не вошли в таблицу.

2–10, 2–14 и во внутреннем рву (рис. 4, *4*; Малютина, Зданович Г.Б., 2004. Рис. 6, *1*, *2*). Сосуды горшечной формы IV типа преобладают в жилищах первого круга (12 сосудов), во втором круге найдено 6 сосудов. На территории площади, круговой улицы, внешнего рва и входов находки этих сосудов единичны. Горшечно-баночные сосуды V типа найдены в основном в жилищах второго круга; наиболее яркие экземпляры выделены в жилищах 2–1, 2–2 (рис. 7). Серия горшечных сосудов, типологически не определимых и с инокультурными признаками, достаточно равномерно распространена по всем жилищам (от 1 до 3 экз.). Исключение составляют помещения 1–1, 1–4 и 1–7, где их значительно больше (табл. 1).

Интересная закономерность выявилась в распространении крупных баночных сосудов "хумов". Они присутствуют во всех исследованных жилищах в количестве от одного до пяти-шести. Их местонахождение приурочено большей частью к хозяйственным отсекам и специальным нишам в стенах. Много сосудов найдено в хозяйственных ямах. Причем фрагменты одного изделия могут происходить и из культурного слоя, и с пола, тогда как основной развал фиксируется в заполнении хозяйственных ям. Для жилищ внутреннего круга более характерны сосуды с валиками и геометрической орнаментацией, для жилищ внешнего круга – сосуды с желобками (табл. 2).

Фрагменты ранних сосудов встречаются практически по всей площади раскопа поселения. В наиболее обитаемых жилищах 1–1, 1–4, 1–7 первого круга они представлены в очень фрагментарном состоянии: часто черепки от одного сосуда встречаются на площади нескольких соседних жилищ. Находки ранних сосудов в развалах редки. Во внешнем круге наиболее архаичные изделия тяготеют к жилищам западного квартала и также собираются из очень измельченных фрагментов (рис. 2, *5*, *7*). Можно сказать, что в основной период жизнедеятельности Аркаима в большинстве своем они были утилизованы.

По всей площади Аркаима распространена керамика развитого облика. В северном квартале второго круга жилищ отчетливо проявляется полтавкинский компонент. Причем фрагменты сосудов раннеполтавкинского облика более измельчены, сосуды позднеполтавкинского облика представлены почти целыми формами (рис. 1, *4*, *5*, *7*). Необходимо отметить, что здесь же наиболее широко представлена посуда "переходных" форм.

В керамическом материале центрального кольца жилищ четче проявляется катакомбный и абашевско-покровский субстрат. Только в цитадели и отдельных жилищах северного сектора внешнего кольца встречается посуда позднего облика с петровско-алакульскими и раннесрубными чертами.

Особенности распределения ранних и собственно аркаимских типов керамики по территории раскопа свидетельствуют о том, что все структуры поселения начали создаваться и развивались практически единовременно, иначе невозможно объяснить наличие значительного количества архаичной керамики в западном квартале внешнего круга и в цитадели. На основании планиграфического распределения более поздней посуды можно предположить, что в конце существования укрепленного центра жизнь преимущественно протекала на территории цитадели.

Характеризуя направленность в развитии аркаимского керамического комплекса, мы отмечаем только ее "генеральную линию". Дать детально строгую картину изменений керамических традиций невозможно. Здесь, очевидно, есть свои скачки и свои прерывы. Они могут определяться неравномерностью развития отдельных групп населения, которых вдруг объединили одна идея и одно пространство Аркаима. Эти отличия могли быть порождены различными волнами влияний или прерывами в функционировании самого памятника.

В целом керамический комплекс укрепленного поселения Аркаим по типологической характеристике, технологическим наблюдениям (Гутков, 1995. С. 135–147), по характеру изменчивости форм идентичен керамике некрополя Аркаима – могильника Большекараганский (Боталов и др., 1996. С. 64–89; Зданович Д.Г., 2002. С. 98–105) и Александровский IV (Мосин, Григорьев, 2000. С. 231).

Наиболее ранние сосуды с ямно-полтавкинскими и абашевскими (баланбашскими) компонентами выделяются в нескольких погребениях кургана 25. С ранним этапом развития аркаимского комплекса связываются материалы могильника Александровский IV. С комплексами развитого этапа соотносятся основные материалы курганов 24, 25. В единственном погребении кургана 22 представлена керамика с яркими полтавкинскими и петровскими признаками. В центральной яме кургана 11 совершено погребение по катакомбному обряду с сосудом, имеющим аналогии в катакомбной керамике. На сосудах остальных погребений этого кургана в значительной степени выражены полтавкинские псевдокатакомбные черты. Материалы кургана 20 относятся к раннесрубному времени. Керамика здесь еще сохраняет некоторые синташтинско-аркаимские и полтавкинские черты, присутствуют сосуды покровского облика.

Некоторые наблюдения можно представить по соотношению поселенческой типологии керамики и керамики могильника. Горшечные сосуды I типа на поселении и могильнике иногда повторяют друг друга до мельчайших деталей и пред-

ставляют своеобразные сосуды-близнецы. Сосудов с елочной орнаментацией на поселении значительно больше, чем на могильнике. Сосуды II типа на могильнике практически не представлены, исключение составляют 2–3 сосуда синкретического облика. Сосуды III типа единичны. Достаточно совместимы выборки сосудов IV типа и полтавкинской группы. Типологически близки миниатюрные сосуды-"курильницы".

В погребальных комплексах присутствуют и баночные сосуды, которые представлены в основном небольшими объемами и овальными формами, единичны биконические сосуды. В кургане 11 присутствуют несколько горшечно-баночных сосудов с желобками. Баночные сосуды с желобком, уступом и "ковыльной штриховской" (тип БII, вариант 3) присутствуют только в коллекции кургана 25, причем некоторые из них имеют достаточно архаичный облик (рубеж амно-полтавкинских и полтавкинских древностей). Баночные сосуды больших объемов с валиками и желобками в материалах могильника не представлены совсем.

Отсутствие некоторых типов керамики в "некрополе", возможно, связано с их функциональным назначением. Крупные сосуды с валиками и желобками служили, по-видимому, для хранения запасов. Сосуды II типа без узора представляли собой, вероятно, особую хозяйственную посуду. Сосуды I типа, широко представленные и на поселении, и на могильнике, скорее всего выполняли роль парадной и культовой посуды.

Таким образом, можно констатировать, что керамические комплексы поселения и могильника Аркаим свидетельствует об их безусловной взаимосвязи. Они отражают единую линию развития и единую систему взаимодействия с другими культурами.

Как уже отмечалось, в целом аркаимский керамический комплекс близок к посуде с поселения Синташта (Генинг и др., 1992. С. 89–100). Однако на поселении Синташта очень мало крупных банок с желобками (тип II, вариант 2), практически отсутствуют сосуды баночных форм с желобками, уступом и "ковыльной штриховской" (тип II, вариант 3). Нет горшечных сосудов с прямой высокой шейкой и овальным туловом (тип II). Отличаются и орнаменты. На поселении Синташта четко выражен геометрический гребенчатый стиль орнаментации. На аркаимской керамике геометрические узоры более лаконичны, много елочных бордюров и различных вдавлений. В синташтинском комплексе ярко выражено взаимодействие с раннеабашевской уральской традицией и, может быть, с реминисценциями ботайско-суртандинского-терсекского геометризма (Матюшин, 1982. С. 15–28, 116–139; Калиева, Логвин, 1997. С. 71–99; Зайберт, 1993. С. 87–95).

Таким образом, в формировании и развитии керамики укрепленного поселения Аркаим, наряду с местным суртандинско-терсекско-ботайским и абашевским компонентами, можно выделить две мощных волны западных влияний. Первая, более ранняя волна кавказско-каспийских ямно-катакомбных новаций и ямно-полтавкинский компонент обусловили начало формирования синташтинско-аркаимской культуры. Вторая волна собственно катакомбных воздействий связана с основным периодом развития аркаимского комплекса. Полтавкинский компонент в аркаимском комплексе сопутствует всем типам керамики, выделяясь в ранней развитой и поздней фазах комплекса. Вполне возможно, что выделенная взаимосвязь свидетельствует о значительной синхронности развития синташтинско-аркаимской и собственно полтавкинской культуры (культур?).

В заключение необходимо подчеркнуть еще один момент. Аркаимский комплекс керамики объединяет в себе разновременные артефакты: от ямно-катакомбных и ямно-полтавкинских до срубно-алакульских, поэтому создается впечатление, что его развитие слишком растянуто во времени. Вероятно, это не так. Во-первых, культурогенез, связанный с распространением катакомбных традиций в ямной среде, протекал неодновременно и неоднозначно на разных территориях Волго-Уралья и вполне возможно, что в Уральском регионе он имел более поздние хронологические позиции (Моргунова, Кравцов, 1995. С. 101). Во-вторых, ямно-катакомбные и ямно-полтавкинские традиции в аркаимском комплексе могут быть проявлены как дериваты. Судя по характеру культурного слоя, архитектуре и вещевым материалам, Аркаим существовал недолгое время и скорее всего объединял в себе разные по уровню развития коллективы. Взрывной характер процесса культурогенеза, охватившего Южное Зауралье на рубеже III–II, начале II тыс. до н.э., определял и процесс трансформации керамического комплекса, который протекал достаточно динамично.

Настоящий опыт классификации аркаимской керамики не претендует на полноту выводов. Мы уделили внимание западным связям и западным проявлениям и почти не затронули проблему местного и восточного субстрата в аркаимской посуде. Объективная причина такого пробела в чрезвычайно ограниченной информации о зауральских степных культурах ранней бронзы. Вполне возможно, что такие материалы будут получены в ходе дальнейших полевых исследований. Опыт археологии Урало-Казахстанских степей последних десятилетий, который ознаменовался оригинальными открытиями (ботайская, терсекская, петровская и синташтинская культуры), не исключает появления новых неожиданных материалов и новых ракурсов в научных подходах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Петрикова В.Н. Хвалынский энеолитический могильник. Самара, 1990.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-Хак II – памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Матер. по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Гей А.Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. 1999. № 1.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1993.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.

Горбунов В.С. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // СА. 1997. № 2.

Зданович Д.Г. Аркаим. Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.

Качалова Н.К. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. № 24.

Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников // АСГЭ. 2001. № 35.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев, 1989.

Ляхов С.В., Матюхин А.Д. Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

Мельник В.Н. Восточная периферия катакомбной общности // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Моргунова Н.Л. Неолит, энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Оренбург, 1994.

Мосин В.С., Григорьев С.А. Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. 1–10. Саратов, 1993.

Погорелов В.Н. Погребения катакомбного типа II Павловского могильника // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.

Погорелов В.Н. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. 1989. № 2.

Порохова О.И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Потемкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. 1990. № 1.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Пряхин А.Д. Поселение абашевской общности. Воронеж, 1976.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту, энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Семенова А.П., Седова М.С. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

Синюк А.Т., Козимирчук Н.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) // САИ. 1986. Вып. В. 1–3.

Шилов В.П., Багаутдинов Р.С. Погребения энеолита–ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Якубенко Е.А. Материалы поселения эпохи меди и бронзы Дурна Скеля в собрании ГИМ УССР // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982.

Potterg of Arkaim: comparative analysis

T. S. Malyutina, G. B. Zdanovich

Summary

The paper is devoted to the investigation of pottery from the settlement Arkaim. The authors make an attempt to outline, first of all, the position occupied by the Arkaim pottery among the materials of coeval and earlier cultures of steppe zone. The context of pottery finds within the settlement structure is analysed. Important information is published concerning distribution of the vessels among the dwelling constructions. Limited volume of the collection (totally 390 reconstructed vessels) has permitted the authors to carry out a detailed and comprehensive analysis.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 32–45

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ СОСУДОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2005 г. А. М. Обломский

Институт археологии РАН, Москва

Поводом для написания этой статьи послужил ряд сосудов Поочья, показанных мне О.В. Румянцевой. Речь пойдет о высоких и низких остроребериых мисках с зигзагообразным профилем (далее – МЗП). Венчики у этих сосудов прямые, отогнутые наружу, участок от основания венчика до места наибольшего расширения корпуса также прямой, стенки нижней части – прямые, слегка вогнутые или выпуклые. Такие миски происходят из Абрамовского (погр. 8, 86 и 128 – рис. 1, *3–5*) (Гришаков, 1988. Рис. 4, *2*, *7*) и Никитинского могильников (по-видимому, из культурного слоя – рис. 1, *1*, *2*)[1]. Указанные захоронения Абрамовского могильника датируются суммарно IV – началом V в. (Гришаков, 1988, С. 54, 55). Позже В.В. Гришаков проследил эволюцию таких мисок: абрамовские, по его наблюдениям, оказались самыми ранними. Аналогичные высокие и низкие миски известны в погребениях VII – начала VIII в. Безводнинского и Кужендеевского могильников, затем в захоронениях VIII – первой половины IX в. на Средней Цне и Нижней Оке (Гришаков, 1993. Рис. 9.1, *5*, *6*; 10.1, *4*, *14*; 12.1, *24*; 12.3, *18*, *19*, *28*, *29*; 14.1, *1*, *6*, *17*, *27*; 14.2, *23*. С. 72–74). Думаю, что исследование этой группы керамических форм поможет проследить некоторые из путей миграции населения в середине I тыс. н.э.

На территории Восточной Европы МЗП составляют два хронологически различных массива материала: ранний и поздний. Впервые они появились на зарубинецких памятниках лесостепного Поднепровья. По классификации А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, они относятся к классу III, типу 3, разновидности а (Обломский, Терпиловский, 1991. Рис. 2. Табл. I). Ю.В. Кухаренко считал, что миски такой профилировки специфичны для зарубинецких памятников среднеднепровского варианта (Кухаренко, 1964. С. 28. Табл. 6, *31–35*). В лесостепном Поднепровье они используются вплоть до I – первой половины II в. н.э., о чем свидетельствует материал позднезарубинецких поселений (Лютеж, Тетеревка, Оболонь – рис. 2, *1–3*; *3*) (Бидзиля, Пачкова, 1969. Рис. 9, *18*, *23*, *30*; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 20–46. Рис. 9, *21–23*; 29, *1*, *2*; Шовкопляс, Терпиловський, 2003. С. 188. Рис. 1, *7*, *8*; 6, *2*, *4*; 7, *13*, *14*, *16*, *21*). Все эти сосуды низкие (диаметр наибольшего расширения тулова превышает высоту иногда в два и более раза). Традиция использования низких мисок на памятниках зарубинецкой линии развития не позднее II в. н.э. прекращается.

Сосуды, близкие по пропорциям к окским, т.е. высота которых примерно равна диаметру наибольшего расширения, по той же классификации относятся к классу III, типу 3, разновидности б. Появляются они на территории Восточной Европы в позднезарубинецкий период и известны на некоторых среднеднепровских памятниках, например в Обухове-1 (Кравченко, 1994. Рис. III, *2*). Вопрос о принадлежности миски из Обухова-1 не черняховскому, а позднезарубинецкому или раннекиевскому горизонту памятника рассмотрен в статье Н.С. Абашиной, А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (1999. С. 87–89). Особенно много таких сосудов на поселениях востока Днепровского Левобережья типа Картамышево-2. Они обнаружены на селищах Жерновец (Узянов, 1979. С. 30, 31; Обломский, Терпиловский, 1991. Рис. 14, *9*), Шмырево (Горюнов, 1979. С. 6), Картамышево-1 и 2 (рис. 4, *1*, *4*) (Горюнов, 1979. С. 14; Обломский, 2002. Рис. 5, *16–19*), Гочево-1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990. Рис. 3, *38*; 8, *1*), Гочево-7, Бобрава-3 (раскопки В.М. Горюновой 1983, 1987 гг.), Родной Край-1 (рис. 4, *2*), Осиповка-Пляж (рис. 4, *3*) (Обломский, Терпиловский, 1998. Рис. 11, *12*, *16*), Головино-1 (раскопки А.М. Обломского 1988–1989 гг.), Песчаное Сумской обл. (Обломский, 2002. С. 42), Щуровка-1 (Шекун, 1992. С. 8–11), Октябрьское-2 (раскопки Р.В. Терпиловского 1993 г.). Самый восточный пункт с находками сосудов этой профилировки – поселение Шапкино-2 (рис. 3) в бассейне р. Хопер (левый приток Дона). Памятник относится к древностям круга Шапкино-Инясево, близким к позднезарубинецким типа Картамышево-Терновки, но существовавшим, возможно, несколько дольше последних – вплоть до начала–середины III в. (Хреков, 1997. С. 333–335; Мулкиджанян, 1998).

Высокие МЗП имеют пшеворские прототипы, что подтверждает не только их форма (включая каннелюру под венчиком на ряде образцов –

[1] Сердечно благодарю Р.Ф. Воронину за предоставленную мне возможность использовать для работы рисунки этих мисок.

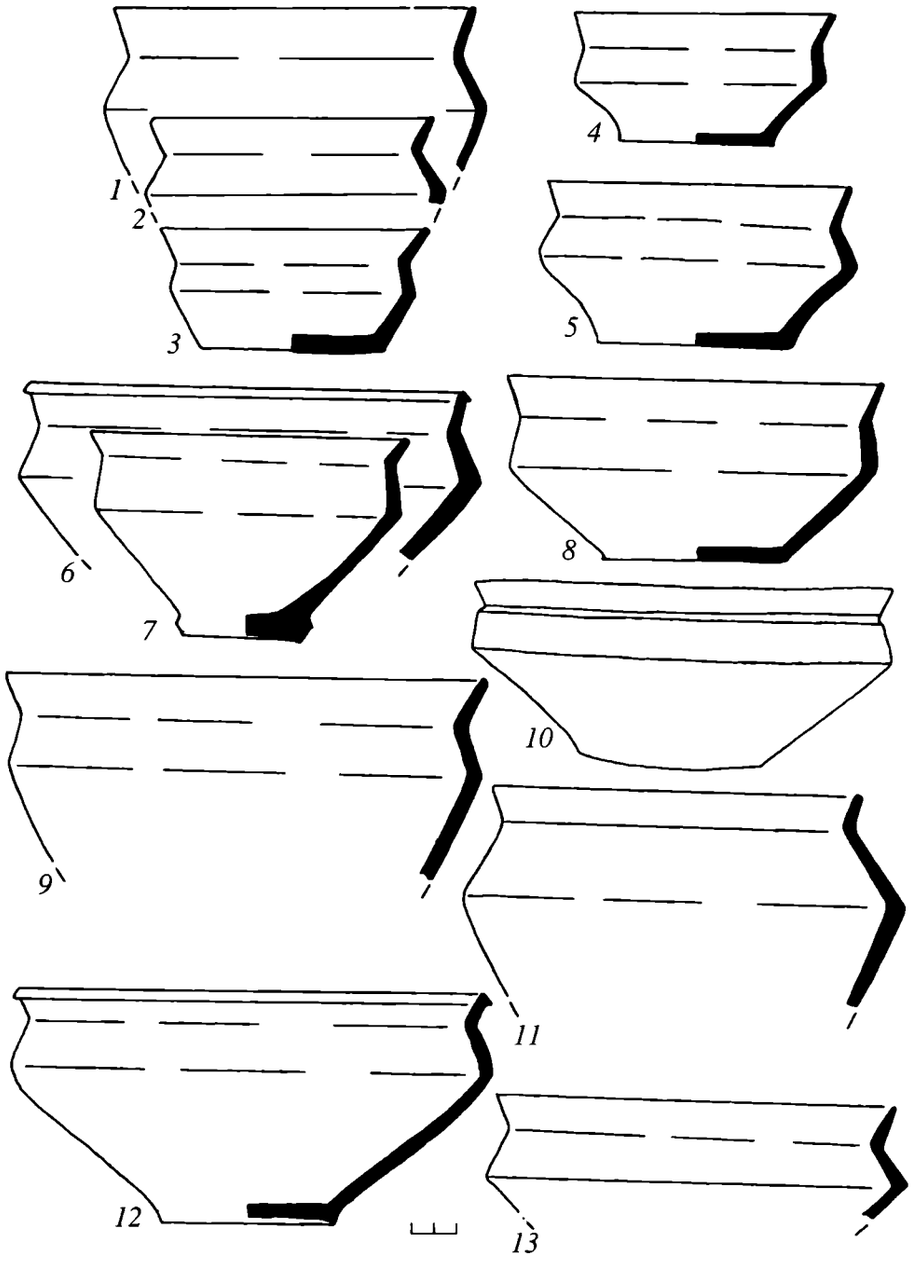


Рис. 1. Лощеные миски с зигзаговидными профилями из Волго-Окского региона: *1, 2* – Никитино (по О.В. Румянцевой); *3–5* – Абрамово (по В.В. Гришакову); *6–13* – Лбище (по Г.И. Матвеевой).

рис. 4, *2*, *7*), но и характер орнаментации: в верхней части некоторых сосудов помещены композиции из свастик, свастикообразных фигур и зигзагов (рис. 4, *1*, *4*, *5*) (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 69–71. Рис. 14; 1998. С. 76–79). Появление этих сосудов связано с проникновением на восток во второй половине I – II в. небольших групп носителей пшеворской культуры и совпадает по времени с началом распространения в лесостепи вещей, диагностирующих центральноевропейскую престижную культуру (Малашев, Обломский, 2002).

Время использования мисок этого типа в лесостепной зоне было довольно коротким. Они еще встречаются на ранних памятниках киевской культуры (первая половина III в.) или там, где есть ранние слои и объекты: в Шишино-5 (рис. 4, *5*, *7*) (Обломский, 1991. Рис. 59: *9*, *10*), Попово-Лежачах-4 (рис. 4, *6*) (Обломский, Терпиловский, 1998. Рис. 8, *8*, *9*), Новых Безрадичах, погр. 12 (Абашина, 1986. Рис. 29, *20*), Обухове-2 (Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 24, *8*), но в древностях ее поздней фазы (этап черняховского влияния, начинающийся на Днепровском Левобережье и в Среднем Поднепровье во второй половины III в.) (Обломский, 1999а; Обломський, 1999. С. 83, 84) они неизвестны. Мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем являются прототипами высоких ребристых мисок с более мягкими очертаниями (класс II, типы 2 и 3, по Р.В. Терпиловскому

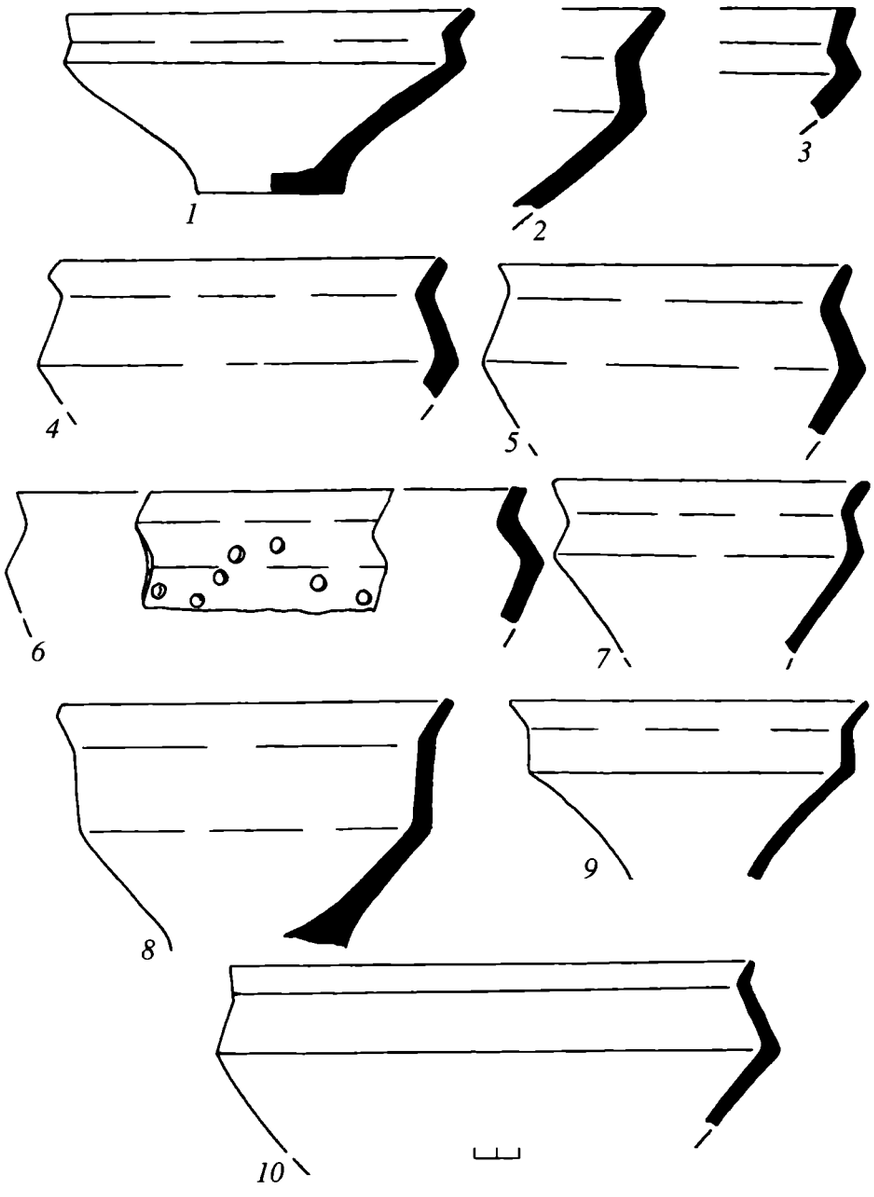


Рис. 2. Образцы лощеных мисок с зигзаговидным профилем зарубинецкой (Среднее Поднепровье) и пшеворской (Прикарпатье, Волынь) традиции. *1–3* – Оболонь; *4*, *5* – Подберезцы; *6* – Лынив; *7–9* – Черепин; *10* – Загаи-2 (*1–3* – по А.М. Шовкопляс и Р.В. Терпиловскому; *4–6*, *10* – по Д.Н. Козаку; *7–9* – по В.Д. Барану).

и Н.С. Абашиной), которые на территории Днепровского Левобережья характерны для киевских древностей дочерняховского периода, а в Среднем и Верхнем Поднепровье и Подесенье распространены в течение всего III в., а может быть использовались и дольше (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 57, 58. Рис. 8). Из ареала киевской культуры подобные сосуды (тип 5, подтип 2 по классификации И.Г. Розенфельдт) попадали и на дьяковские памятники (Розенфельдт, 1974. С. 174, 175. Рис. 42, *10–12*).

Высокие МЗП встречены на поселениях зубрецкой культуры Прикарпатья и Волыни (рис. 2, *4–6*, *10*), одним из компонентов которой были пшеворские традиции (Козак, 1984. Рис. 24, *15*, *16*; 25, *12*; 1987. Рис. 4, *13*; 1991. Рис. 16, *5*; 20, *10*; 30, *10*; 1994. Рис. 9, *3*), и в пшеворском горизонте поселения Незвиско (рис. 3) (Смирнова, 1964. Рис. 5, *5*; 7, *3*). Как низкие, так и высокие миски известны на памятниках вельбарской культуры (некоторые формы групп VIb, XaA, Xba, XIVa (Wołągiewicz, 1993. Tabl. 18, *1*, *2*; 27, *1*; 28, *3*; 31, *1*; 67, *1*). В Восточной Европе они есть в вельбарских древностях на территории Припятского Полесья и Волыни (рис. 5, *1–3*; 6) (Кухаренко, 1961. Табл. 45, *6*; 1980. Табл. VII, *6б*; Козак, 1991. Рис. 48, *2*; 49, *9*; 1994. Рис. 36, *2*) и в черняховской культуре, причем преимущественно на памятниках вельбарской традиции: в Журавке Ольшанской (рис. 5, *5*, *6*, *10*, *11*) (Обломский, 1998. Рис. 6, *7*, *11*, *13*; 7, *5*; 10, *11*), Черкассах-Центре (Куштан, 2002. Рис. 1, *9*), Каменке-Анчекрак (рис. 5, *4*) (Магомедов, 1991.

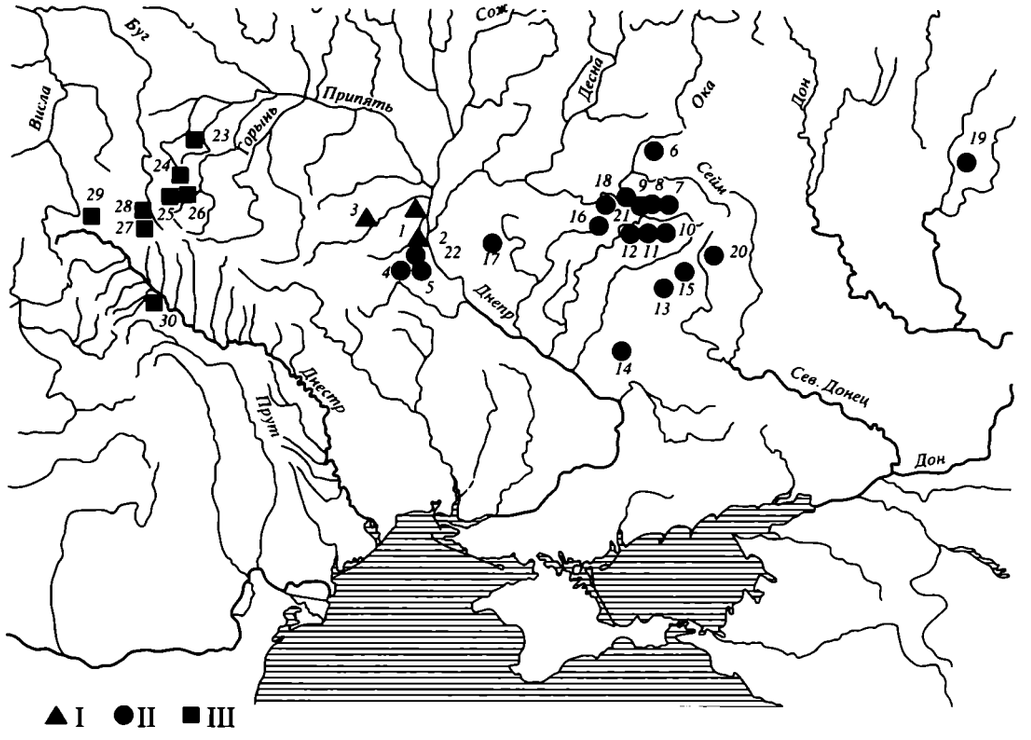


Рис. 3. Карта распространения мисок с зигзаговидным профилем зарубинецкой и пшеворской традиций в Восточной Европе. I – позднезарубинецкие памятники с находками мисок зарубинецкой традиции; II – позднезарубинецкие и раннекиевские памятники с находками мисок пшеворской традиции; III – памятники зубрецкой культуры и черняховские пшеворско-черняховского пограничья с находками мисок пшеворской традиции: *1* – Лютеж; *2* – Оболонь; *3* – Тетеревка; *4* – Обухов-1; *5* – Обухов-2; *6* – Жерновец; *7* – Шмырево; *8* – Картамышево-1; *9* – Картамышево-2; *10* – Гочево-1; *11* – Гочево-7; *12* – Бобрава-3; *13* – Родной Край-1; *14* – Осиповка-Пляж; *15* – Головино-1; *16* – Песчаное; *17* – Щуровка; *18* – Октябрьское-2; *19* – Шапкино-2; *20* – Шишино-5; *21* – Попово-Лежачи-4; *22* – Новые Безрадичи; *23* – Подрижье; *24* – Гирка Полонка-2; *25* – Лынив; *26* – Загаи-2; *27* – Пасеки Зубрецкие; *28* – Подберезцы; *29* – Черепин; *30* – Незвиско.

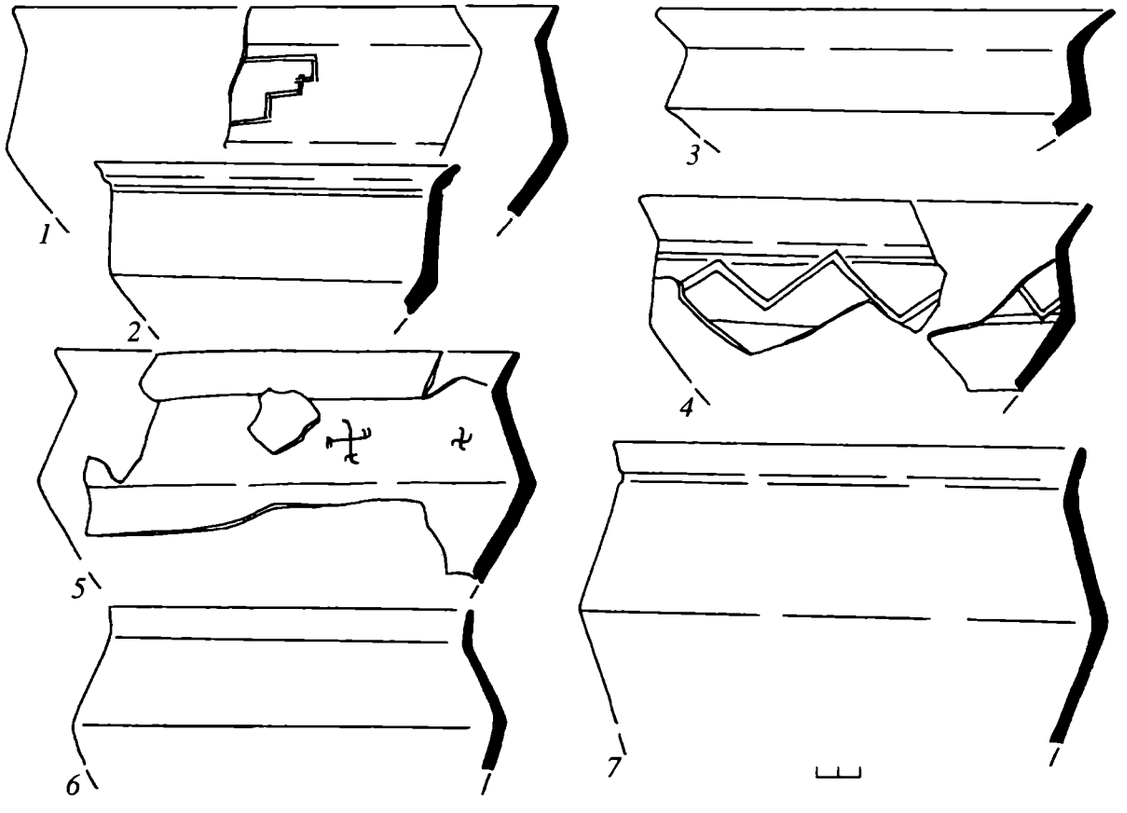


Рис. 4. Миски пшеворской традиции на памятниках позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (*1–4*) и киевской культуры (5–7): *1*, *4* – Картамышево-2; *2* – Родной Край-1; *3* – Осиповка-Пляж; *5*, *7* – Шишино-5; *6* – Попово-Лежачи-4 (по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому).

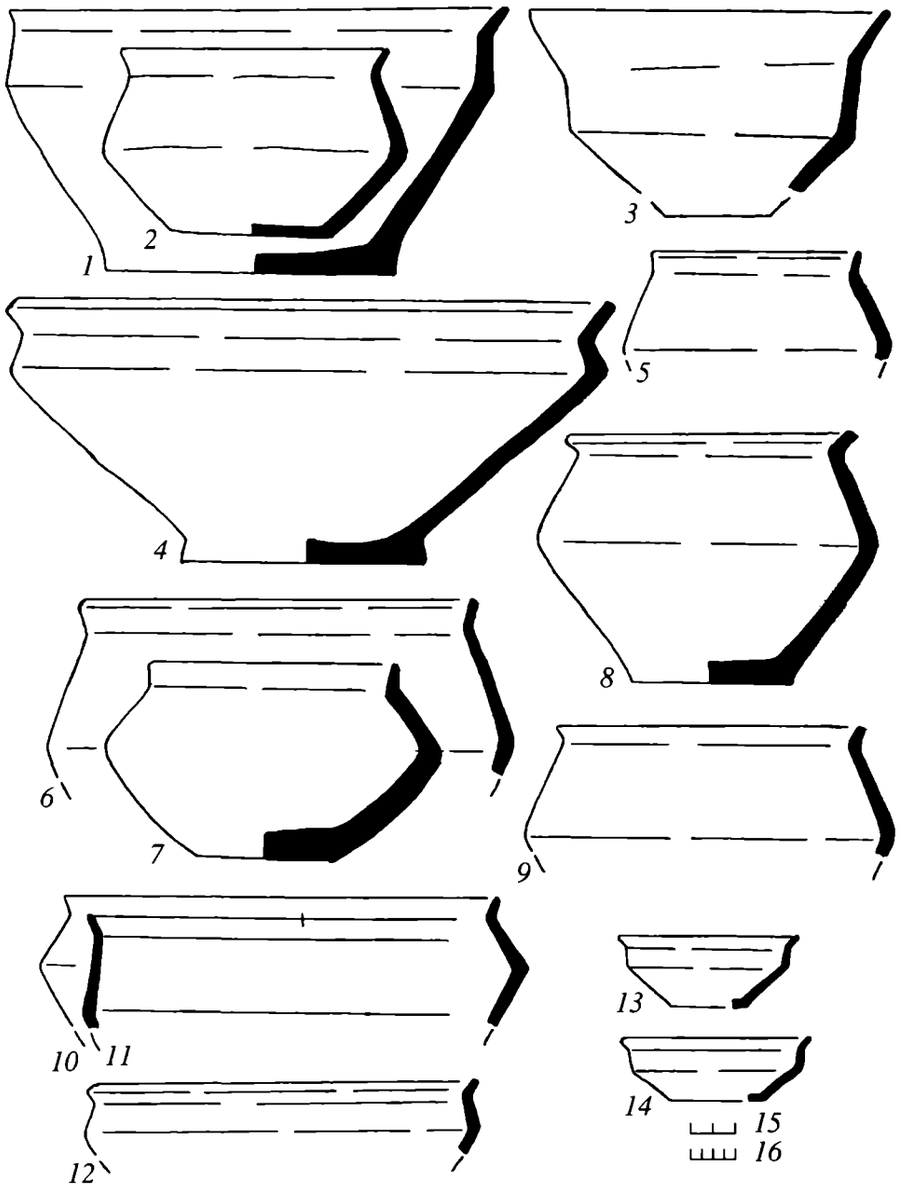


Рис. 5. Лепные миски с зигзаговидным профилем на памятниках вельбарской (*1–3*) и черняховской (*4–14*) культур: *1* – Лынив; *2* – Брест-Тришин; *3* – Загаи-2; *4* – Каменка-Анчекрак; *5, 6, 10, 11* – Журавка Ольшанская; *7, 8* – Косаново; *9, 12* – Башмачка; *13, 14* – Большая Снитынка-2 (*15* – масштаб к позициям *1–12*; *14* – масштаб к позициям *13, 14*); *1–6, 8–14* – лощеные; *7* – верхняя часть заглажена, нижняя покрыта рустом; *1, 3* – по Д.Н. Козаку; *2* – по Ю.В. Кухаренко; *4, 13, 14* – по Б.В. Магомедову; *5, 6, 10, 11* – по А.М. Обломскому; *7, 8* – по Н.М. Кравченко; *9, 12* – по А.Т. Смиленко.

Рис. 15, *1*), Крутых Горбах (Магомедов и др., 2003. Рис. 15, *4*), Большой Снитынке-2 (рис. 5, *13*, *14*) (Магомедов, 1992. Рис. 4, *13*, *17*, *20*), Косаново (рис. 5, 7, 8) (Кравченко, 1967. Табл. VI, *2*, *7*), Данченах (Рафалович, 1986, Табл. XXVII: *4*), Компанийцах (Обломський, 1999. Рис. 2, *7*), Чернеливе Русском (погр. 43), Ново-Александровке (балка Дубовая) (Брайчевская, 1960. Табл. III, *5*), на городище Александровка и в жертвеннике, примыкавшем к могильнику у этого поселения (Магомедов, 1987. Рис. 4, *7*; 6, *8*), на городище Башмачка (рис. 5, *9*, *12*) (Смиленко, 1992. Рис. 16, *3*, *5*). Известны подобные миски и на поселении Лепесовка, где обнаружены как пшеворская, так и вельбарская по происхождению лепная керамика (Щукин, 1989. Рис. 1, *13*, *18*; 12, *3*), а также на селище Черепин, которое расположено в зоне черняховско-пшеворского пограничья (рис. 2, *7–9*; 6) (Баран, 1961. Табл. VII, *2*; VIII, *1–3*, *10*). В.Д. Баран, автор раскопок Черепина, считает, что лепная лощеная посуда черняховского горизонта поселения имеет пшеворские прототипы (1961. С. 54, 55). Вельбарские по происхождению миски в сравнении с пшеворскими и позднезарубинецкими имеют ряд особенностей: их профили часто более сглаженные; чаще встречаются открытые сосуды, у которых венчик шире места наибольшего расширения тулова; есть формы с вертикальными венчиками; некоторые экземпляры снабжены ручками.

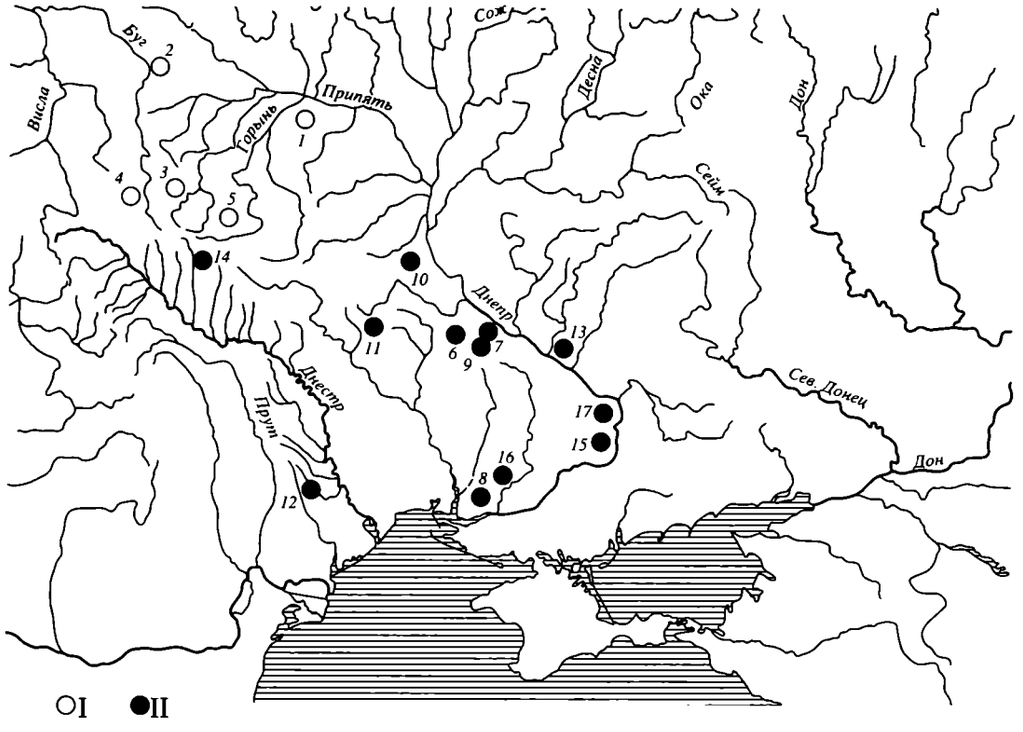


Рис. 6. Карта распространения лепных мисок вельбарской традиции на памятниках Восточной Европы. Памятники вельбарской культуры (I); черняховской культуры (II): *1* – Велемичи-1; *2* – Брест-Тришин; *3* – Загаи-2; *4* – Лынив; *5* – Лепесовка; *6* – Журавка Ольшанская; *7* – Черкассы-Центр; *8* – Каменка-Анчекрак; *9* – Крутые Горбы; *10* – Большая Снитынка–2; *11* – Косаново; *12* – Данчены; *13* – Компанийцы; *14* – Чернелив Русский; *15* – Новоалександровка; *16* – Александровка; *17* – Башмачка.

Памятники зубрецкого типа на Волыни датируются суммарно второй половиной I–II в. н.э. В Верхнем и Среднем Поднестровье они известны и в первой половине III в. (Козак, 1991. С. 67; Козак, Терпиловський, 1986. С. 40–43).

На могильниках вельбарской культуры формы XIVa относятся к периодам B2-C1b центральноевропейской системы относительной хронологии римского времени, прочие (VIb; XaA; XbA) – к ступеням B2/C1-D (Wołągiewicz, 1993. S. 26–31. Rys. 3), что в абсолютных датах по К. Годловскому соответствует в первом случае 75/80–260 гг. н.э., во втором – второй половине II – первой половине V в. (Godłowski, 1985. S. 42, 53, 68, 91). Однако приведенные данные совсем не означают, что вельбарские МЗП датируются именно так, а не более узко. Дело в том, что в системе классификации керамики Р. Волангевича первостепенное значение имеют признаки не формы, а общего облика сосуда (включая орнаментацию, обработку поверхности, размеры, наличие рельефных деталей и т.д.), т.е. далеко не у всех мисок упомянутых выше таксонов профиль зигзаговидный. Пользуясь этой системой, довольно трудно выделить специфически ранние и поздние группы форм. Причина этого – недостаточное внимание автора к морфологии. Схема динамики развития вельбарского керамического комплекса, построенная с опорой на более-менее строгую классификацию сосудов, пока никем не предложена. Надеюсь, что дальнейшие исследования коллег из Польши ликвидируют этот существенный недостаток в изучении вельбарской культуры.

В восточноевропейской части вельбарского ареала миска с зигзаговидным профилем встречена в погребении 6 могильника Брест-Тришин (рис. 5, *2*) (Кухаренко, 1980. Табл. VII, *6*), которое, по О.А. Гей и И.А. Бажану относится к первому хронологическому периоду и датируется второй половиной II – началом III в. (Гей, Бажан, 1997. С. 39. Табл. 34). Вельбарский горизонт поселения Лынив Д.Н. Козак относит к концу II – первой трети IV в., однако наиболее вероятным временем отложения вельбарского культурного слоя считает III в. (1994. С. 68–70). На поселении Загаи-2, где тоже обнаружены МЗП, датирующие вещи отсутствуют, его хронологические рамки определены условно второй половиной III–IV в. по немногочисленным фрагментам черняховских гончарных сосудов (Козак, 1991. С. 100; 2002. Табл. 1).

В Лепесовке в набор вельбарской лепной керамики входят две высокие МЗП из постройки I раскопа II. Комплекс относится к периоду C1b по сочетанию обломка трехслойного гребня со спинкой в виде сегмента круга (тип I вариант 1а по Г.Ф. Никитиной) (Никитина, 1969. С. 149) и фрагмента прогнутой подвязной фибулы группы VI О. Альмгрена, изготовленной из круглого в сече-

нии сравнительно тонкого прутка (Щукин, 1989. Рис. 1, *1*; Tikhanova et al., 1999. Fig. 2, *14*). Этот период традиционно датируется 220/230–260 годами. Недавно М.Б. Щукин предложил удревнить начало ступени C1b до 170–200 гг., правда, отмечая при этом, что "пик" ее приходится на 220–240-е годы (1999. С. 15). Думаю, что столь серьезная ревизия абсолютной хронологии требует комплексной проверки по всей массе центральноевропейских материалов. Пока эта работа не проделана, я, при всем уважении к Марку Борисовичу, придерживаюсь старой датировки. Так или иначе, постройка I раскопа II Лепесовки должна относиться к началу ступени C1b, поскольку на ее полу и в завалах обмазки совершенно отсутствует черняховская гончарная керамика. Она есть на площади сооружения, но выше пола (Щукин, 1989. С. 197). Прочие МЗП из Лепесовки с комплексами не связаны.

Большинство черняховских памятников из приведенного выше списка датируются широко. Однако в ряде случаев МЗП найдены с вещами, имеющими сравнительно узкий диапазон бытования, либо на объектах, хронологическая позиция которых определена в общей системе их периодизации. В Журавке Ольшанской сосуды этой формы обнаружены в культурном слое раскопа в уроч. Горобинец (рис. 5, *6*, *10*, *11*) и в двух постройках: 17 и 21 (рис. 5, *5*). По предложенной мною относительной хронологии поселения полуземлянка 17 относится к первому этапу, а 21 – ко второму. Эти этапы синхронны первой и, возможно, началу второй фазы черняховской культуры по периодизации Е.Л. Гороховского (Обломский, 1998. С. 61, 62), т.е. датируются в пределах второй трети – конца III в.

На поселении Черепин миска подобной формы происходит из жилища IV (рис. 2, *7*) вместе с обломками ручки и ножки амфор типа D и фибулой с высоким приемником группы VII О. Альмгрена (Баран, 1961. Табл. XIII, *5*, *9*; XVII, *9*). Подобное сочетание датирующих находок характерно для первой фазы черняховской культуры Е.Л. Гороховского (около 230–270 гг.) (Обломский, 1999а. С. 27–29). Селище Большая Снитынка по двум найденным здесь фибулам, многочисленным заготовкам гребней из рога и одному целому экземпляру датируется в рамках конца III – середины IV в. (Магомедов, 1992. С. 113).

На могильнике Косаново МЗП происходят из погр. 3 (4 1961 г.) (рис. 5, *7*) и 18 (6 1961 г.) (рис. 5, *8*). Набор вещей, позволяющих определить узкую дату, найден только в первом из них. Е.Л. Гороховский относит его к 4-й фазе черняховской культуры по своей периодизации (вторая половина IV в.). Эту фазу он сопоставляет с поздним отрезком этапа C3 – началом периода D1 Я. Тейрала (Гороховский, 1988. С. 44, 45). О.В. Петраускас включил это захоронение в состав комплексов 3-й фазы могильника, которую он датирует "концом 30-х – после 80-х годов IV в." (Петраускас, 1999. С. 28, 29). Отмечу, что в пределах этого временного отрезка погр. 3 должно быть сравнительно ранним, так как из него происходит архаичный для этой фазы гребень с высокой полукруглой спинкой (Кравченко, 1967. Табл. XI, *3*).

На городище Александровка одна из МЗП найдена в помещении 1 вместе с развалом красноглиняной амфоры типа Делакеу (Магомедов, 1987. С. 28, 29). Последние А.П. Абрамов включил в группу амфор второй половины III–IV в., хотя традиционно они датируются IV в., не исключая возможного их существования в период раннего средневековья (Абрамов, 1993. С. 49; Магомедов, 2001. С. 62). Датируя миски поселения Александровка, следует учесть наблюдения Б.В. Магомедова, отметившего, что самая поздняя группа находок на памятнике – гуннского времени (конец IV – первая половина V в.). "Основано городище не ранее того же IV в., на что указывает не только отсутствие ранних находок, но и слабый культурный слой памятника" (Магомедов, 1987. С. 38, 39).

Таким образом, ранние МЗП на территории Восточной Европы относятся к трем традициям: зарубинецкой, пшеворской и вельбарской, т.е. по происхождению связаны с культурами центральноевропейского круга. Судя по приведенному, наверняка далеко не полному перечню находок, миски этих традиций датируются по-разному. Раньше всех выходят из употребления низкие зарубинецкие сосуды. Дата высоких мискообразных сосудов, имеющих пшеворские прототипы, на территории Среднего Поднепровья, Днепровского лесостепного Левобережья и в бассейне Северского Донца определяется в рамках общего периода существования позднезарубинецких и ранних киевских памятников, т.е. в пределах второй половины – третьей четверти I – первой половины III в. н.э. Примерно так же датируются эти миски на памятниках зубрецкой культуры в Прикарпатье и на Волыни. Ко второй трети III в. аналогичные сосуды относятся на поселении Черепин из области черняховско-пшеворского пограничья (комплекс жилища IV).

Точная дата МЗП на памятниках вельбарской культуры не ясна. Определенно можно сказать лишь, что они известны в III в. На черняховских памятниках вельбарской традиции интересующие нас формы появляются уже на первой фазе существования черняховских древностей по периодизации Е.Л. Гороховского (нижняя хронологическая граница фазы – 30-е годы III в.), но они были в употреблении и в IV в., о чем свидетельствуют погр. 3 могильника Косаново и находки на городище Александровка.

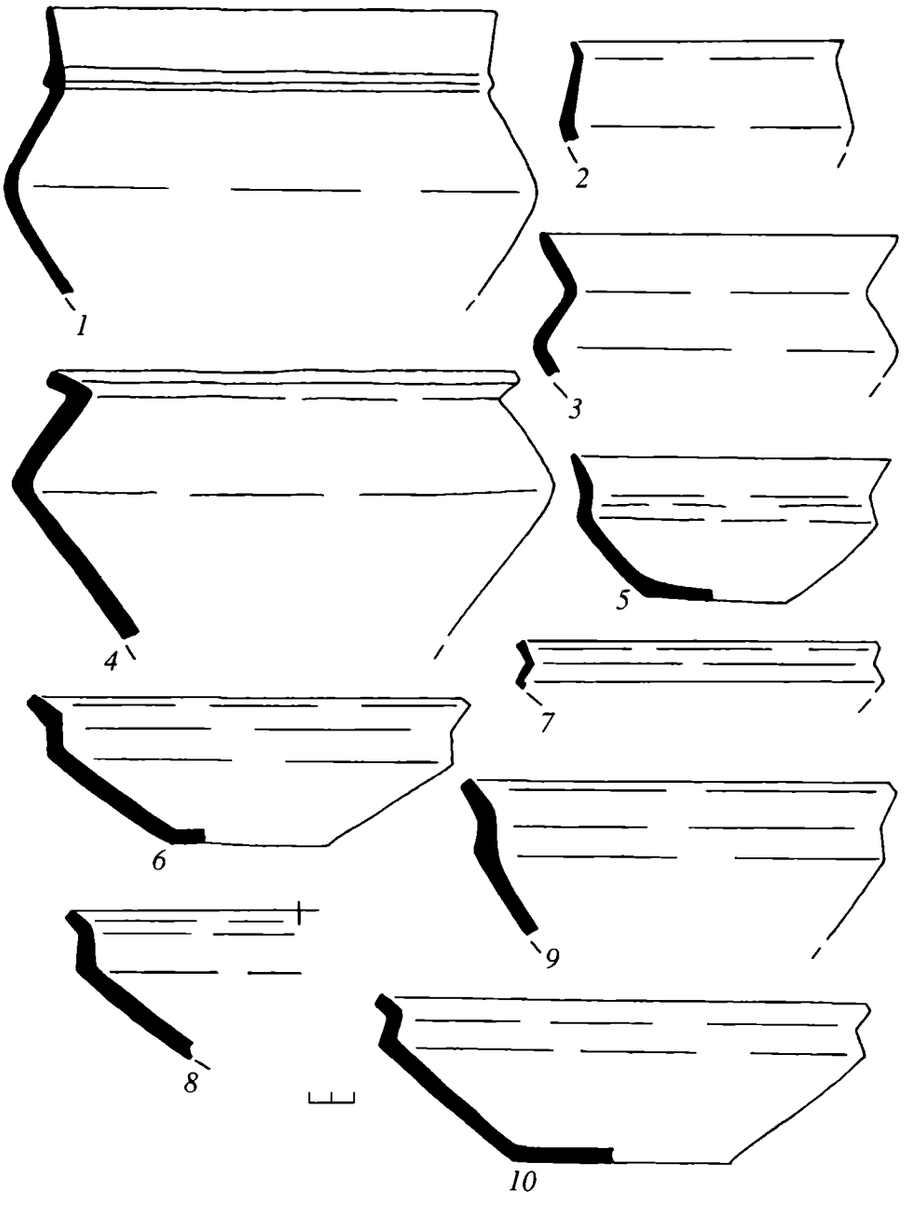


Рис. 7. Образцы лепных мисок с зигзаговидными профилями памятников Подонья середины I тыс.н.э.: *1–3, 5–10* – лощеные сосуды; *4* – сосуд с шероховатой поверхностью; *1–3* – Замятино-8 (по А.М. Обломскому); *4–10* – Танаис (по Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко).

"Возрождение" этих форм происходит в раннегуннский период, причем за восточными пределами черняховской культуры в тех регионах, где сосуды подобной профилировки никогда ранее не использовались. Кроме уже упоминавшихся мисок с территории Поочья, подобные сосуды встречены на памятниках Верхнего и Нижнего Подонья и Самарской Луки Волги.

В Верхнем Подонье небольшая серия МЗП (как высоких, так и низких) происходит с поселений Замятино-5 (1 экз.) и Замятино-8 (5 экз), рис. 7, *1–3*; 8, (Обломский, 2003б. Рис. 3, *9*, *12*). Последние относятся к группе древностей круга Чертовицкое-Замятино, которые в качестве особой культурно-хронологической группы выделены мною в 1998 г. (Обломский, 1999б). К настоящему времени стационарными раскопками изучено 13 поселений этого типа. Серия памятников известна по данным разведок: они занимают практически все лесосепное Подонье от окрестностей г. Данкова Липецкой обл. на севере до г. Воронежа – на юге.

По проведенному мною комплексному анализу датирующих вещей памятники типа Чертовицкое-Замятино относятся к V в. н.э. в целом, не исключая конец IV и начало VI в. (Обломский, 2003а; Обломский, 2003б. С. 351–353). А.П. Медведев и Д.В. Акимов допускают, что некоторые объекты городищ Подгорного и Чертовицкого Третьего датируются более ранними отрезками IV в. (Медведев, Акимов, 2001. С. 152, 153; Акимов, 2003. С. 103, 104). Здесь не место подробно рассматривать доводы сторон в этой дискус-

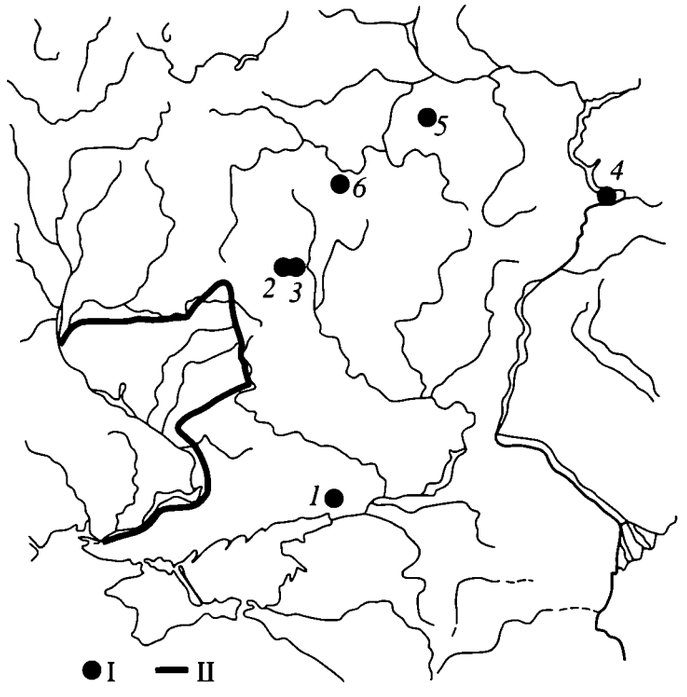


Рис. 8. Карта находок мисок с зигзаговидными профилями середины I тыс. н.э.: I – памятники; II – восточная граница черняховской культуры (по А.М. Обломскому и Б.В. Магомедову); *1* – Танаис; *2* – Замятино-8; *3* – Замятино-5; *4* – Лбище; *5* – Абрамово; *6* – Никитино.

сии. Отмечу лишь, что мои оппоненты признают косвенный характер своих аргументов, поскольку в качестве примеров приводят случаи находок более ранней (догуннского времени) керамики вместе с посудой культурной группы типа Чертовицкого-Замятино на многослойных памятниках.

На Нижнем Дону МЗП известны на городище Танаис (рис. 7, *4–10*; 8). По классификации Т.М. Арсеньевой, они относятся к разновидностям типа XII; преобладают низкие формы (Арсеньева, 1965. Табл. VI; VII, *9*; IX, *5*; X, *7*; Арсеньева, 1991. Рис. 80, *1267*; Арсеньева, Науменко, Ильяшенко и др., 2001. С. 169, № 119; 175, № 42), но есть и высокие (Арсеньева, 1965. Табл. X, *8*; Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 36, *4*). Судя по отрывочным пока публикациям и данным отчетов, лепные МЗП происходят из напластований городища, которые Т.М. Арсеньева раньше датировала IV в. (Арсеньева, 1965. С. 180), но затем их хронология была расширена и верхняя дата определена серединой V в. (Арсеньева, Науменко, 1995. С. 45).

К гуннскому времени относятся дома ВВ и ВН, где найдены низкие МЗП (Арсеньева, Науменко, Ильяшенко и др., 2001. С. 25–27). Крупный фрагмент высокой миски происходит из подвала В раскопа XX (рис. 7, *4*) (Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 36, *4*). Подвал сооружен в эллинистический период, перестроен в I в. н.э. и разрушен во время пожара Танаиса около середины III в. Большинство находок относится к периоду разрушения (Арсеньева, Науменко, 2001. С. 66–68), но точность столь жестко определенной верхней даты комплекса вызывает сомнения. В публикации приводится рисунок пряжки (Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 38, *16*), типичной для черняховской и ряда центральноевропейских культур и относящейся к группе "калачевидных". Такие пряжки появляются в период С3 по периодизации Я. Тейрала, т.е. в начале IV в. (Tejral, 1992. S. 229–238. Abb. 3, *17–19*, *22*, *26*; 5, *3*, *8*). Пряжка – типологически поздняя в группе, о чем свидетельствует язычок, спереди охватывающий почти всю раму, а сзади имеющий выступ. Подобными язычками снабжены предметы начала гуннского времени (Айбабин, 2003. Табл. 12, *5*, *6*, *14*). К сожалению, подробное описание изделий из стекла в публикации материалов подвала В отсутствует, однако по приведенным рисункам можно заключить, что из этого объекта происходит несколько обломков кубков (в том числе и сравнительно толстостенных) с прошлифованными, близко расположенными друг к другу овалами и шестиугольниками (Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 38, *6*; 39, *8*, *11*, *13*). Такой орнамент весьма характерен для кубков IV–V вв. (Гороховский, 1988. Рис. 63), т.е. некоторые обломки стеклянных сосудов из подвала В также могут быть довольно поздними. Закономерно возникают вопросы, не использовался ли подвал В и после разгрома Танаиса середины III в.? Возможно он был засыпан грунтом из позднего слоя городища при постройке дома А, остатки которого залегали выше подвала. Не впущены ли в заполнение подвала какие-либо еще объекты, кроме зафиксированных во время раскопок ям 1 и 2 (последняя содержала находки IV–V вв.: Арсеньева, Науменко, 2001. С. 70, 71)? Так или иначе, учитывая наличие в подвале вещей, синхронных позднему слою городища, факт находки в заполнении подвала обломка остроребердного мискообразного сосуда не может служить аргументом в пользу более раннего (по сравнению с датой, первоначально предложенной Т.М. Арсеньевой) появления таких керамических форм в Танаисе.

На Волге серия подобных сосудов, высоких и низких, происходит с городища Лбище (Самарская Лука, Рис. 1, *6–13*; 8) (Расторопов, 1985. Рис. 6, *2–4*; Матвеева, 2003а. С. 36. Рис. 16, *11–13*, *15*, *18*). Лбище считается наиболее ранним поселением именьковской культуры, правда, ее исследователи постоянно подчеркивают своеобразие этого памятника на фоне прочих именьковских древностей; выделяются даже "памятники лбищенского типа" (Матвеева, 1998).

Лепная лощеная посуда происходит из сооружений позднего горизонта Лбища. Г.И. Матвеева отмечает, что в объектах этого этапа найдено несколько вещей, которые либо датируются ран-

ним гуннским периодом (прогнутая подвязная фибула 4-го варианта по А.К. Амброзу), либо появляются в это время (массивный браслет со слабо расширенными концами, орнаментированными нарезкой в виде "елочки", два наконечника стрел типа IA варианта "б" по И.П. Засецкой) (Матвеева, 2003а. Рис. 22, *10*, *11*). Пожар на городище, после которого жизнь на нем прекратилась, относится к концу IV или началу V в. (Матвеева, 1998. С. 91).

Из культурного слоя памятника происходят обойма в виде усеченного овала и пряжки (опубликовано 3 экз.) (Матвеева, 1998. Рис. 4, *1–3*, *11*) с утолщенными в передней части овальными рамками. В одном случае отмечен "клювовидно изогнутый к концу и имеющий квадратный выступ у основания язычок" (Матвеева, 2003б. С. 91). У одной из пряжек, судя по рисунку, язычок такой площадки не имел, а был прогнут посередине (Матвеева, 2003а. Рис. 23, *3*). Г.И. Матвеева датирует эти вещи второй половиной III – IV в. по аналогиям на памятниках черняховской культуры (Матвеева, 2003б. С. 91).

Обойма и пряжки действительно выглядят весьма архаичными, тем не менее период их существования римским временем не ограничен. Как маленькие, так и большие пряжки хорошо известны, например, в степных комплексах гуннского периода (Засецкая, 1994. Табл. 34, *6*; 44, *8*, *9*; формы язычков приведены на рис. 18). Пряжки с язычками, аналогичными найденным в Лбище, встречены в комплексах V в. мазунинской культуры Прикамья (Останина, 1997. Рис. 33, *2*, *3*; 34, *15*). Некоторые из них снабжены сегментовидными обоймами (Останина, 1997. Рис. 32, *3*; 36, *32*). Так что пряжки не могут служить надежным основанием для удревнения нижней даты позднего горизонта Лбища.

Некоторые поздние миски из Замятино удивительно напоминают сосуды вельбарской культуры. Высокая миска с валиком под венчиком (рис. 7, *1*) имеет близкие аналогии в Мальборке-Вельбарке и Торуне (Wołągiewicz, 1993. S. 14, 15, 19. Tabl. 35, *7*; 67, *1*). Отдельные миски из Лбища снабжены каннелюрой под венчиком (рис. 1, *10*) (Матвеева, 1983. Рис. 33, *1*, *2*), как некоторые пшеворские и позднезарубинецкие сосуды (ср. рис. 4, *2*, *7*; 9, *6*). О сходстве мисок из Лбища с пшеворскими и позднезарубинецкими образцами упоминала и Г.И. Матвеева (1998. С. 91). "Инородность" мисок из погр. 86 и 128 Абрамовского могильника для керамики Поочья признает В.В. Гришаков (1988. С. 54, 55).

Каким же образом миски поздней группы могли попасть на восточноевропейские памятники Подонья и бассейна Волги середины I тыс. н.э.? Можно предложить два варианта объяснения этого феномена.

1. МЗП имеют черняховское происхождение и являются наследием вельбарских керамических традиций, сохранившихся в черняховской культуре. Допустимо (в первую очередь для низких мисок) подражание черняховским гончарным формам в лепной технике. На памятники Подонья и Поволжья лепные миски попали с группами черняховского населения, которые после разгрома державы Германариха мигрировали не только на запад (что хорошо известно по сообщениям историков рубежа античности и средневековья), но и на восток. Возможность такого процесса, кстати, предполагал В.В. Седов (1994. С. 304–315).

В пользу этой гипотезы свидетельствует ряд фактов. На памятниках типа Чертовицкое-Замятино распространены рельефные пряслица, имеющие черняховские аналогии; ряд форм лепных сосудов возник на основе черняховских прототипов (горшки с раструбовидными венчиками, сосуды с прямой шейкой и бордюром по венчику). Черняховская гончарная керамика в небольшом количестве есть на Третьем Чертовицком городище и поселении Староживотинное-3 (Акимов, Медведев, 2002. С. 171). Параллели на памятниках черняховской культуры имеют наземные дома с глинобитными стенами каркасно-плетневой конструкции, исследованные в Замятино-7 (Обломский, 2003б. С. 347–353). Каменное сооружение, открытое у вала Третьего Чертовицкого городища, по планировке аналогично каменным конструкциям укреплений черняховского городища Башмачка (Медведев, 1998. С. 56). На поселениях Замятино-5 и 8 функционировали мастерские, где изготавливали характерные предметы туалета населения черняховской культуры IV – начала V в. – наборные гребни из рога типа III по С. Томас. В Танаисе наряду с МЗП распространены и ребристые миски с изогнутыми, отогнутыми наружу венчиками и овальными каннелюрами по ребру, которые справедливо считают лепными подражаниями черняховским гончарным формам (Арсеньева, 1965. С. 180, 181. Табл. VIII, *2–4*; IX, *9*; X, *6*, *9*, *11*; Арсеньева, Науменко, 1995. С. 47, 48. Рис. 4, *6*, *7*; 8, *3*, *6*). Известна в Танаисе и черняховская гончарная посуда (Арсеньева, Науменко, 1995. Рис. 54, *9*; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. 45, *545*). Таким образом, факт миграции на восток части черняховского населения в раннегуннский период (в эпоху D1) можно считать установленным.

2. Нельзя исключать возможность непосредственного проникновения центральноевропейского населения в Подонье, Поочье и Поволжье. Развитие МЗП после III в. на территории пшеворской культуры продолжается. Они известны на некоторых позднепшеворских памятниках, в том числе и добродзеньского типа (рис. 9) (Dymaczewski, 1958. Ryc. 124, *6*; Szydłowski, 1974. Tabl. CXL, *d*; CXLIII, *d*; CCXVII, *a*, *d*; CCXVIII, *a*; CCXLII, *c*;

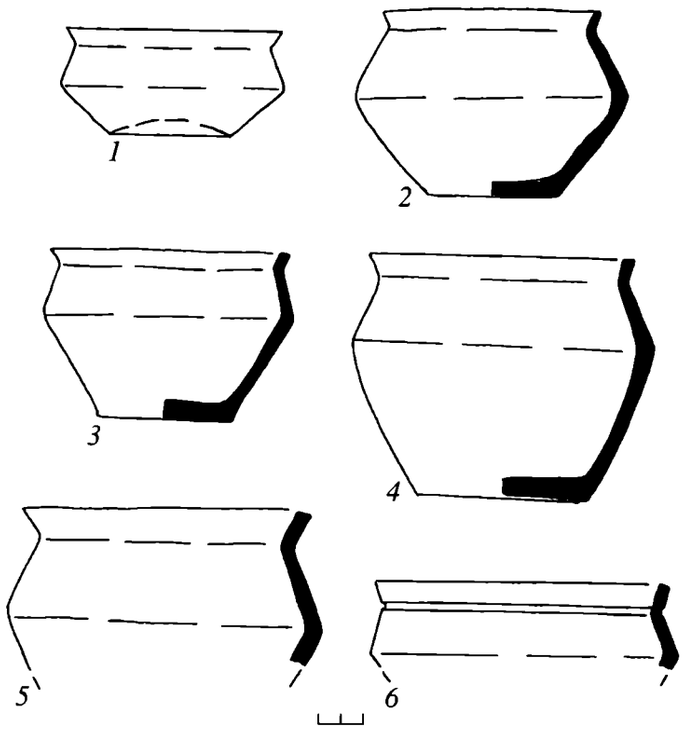


Рис. 9. Лепные миски памятников добродзеньского типа: *1, 4* – лощеные; *2, 3, 5, 6* – с заглаженной поверхностью. *1* – Добродзень-Рендзина; *2–6* – Ольштын, пов. Ченстохова (по Е. Шидловскому).

CCXLIII, *b*, *c*), которые, в основном, относятся к периоду D К. Годловского (Godłowski, 1981. S. 117). Один из лощеных сосудов поселения Замятино-8 имеет прямые аналогии на добродзеньском могильнике Щеджик (ср.: Обломский, 2003б. Рис. 3, *11* и Szydłowski, 1974. Tabl. XLVI, *a*). Гребни с полукруглыми выступами на спинках, следы производства которых зафиксированы на Верхнем Дону на поселениях Замятино-5 и 8, действительно, широко распространены на черняховских памятниках, но в известных к настоящему времени черняховских мастерских по обработке рога (в Бырлад – Валя Сяке и Великой Снитынке-2) изготавливали в основном изделия более ранних типов (Магомедов, 1992. С. 105–107). Возможно, мастерские, где делали гребни типа III, и функционировали на территории черняховской культуры, но пока они не обнаружены. До сих пор опубликованы результаты исследования только одной из них, в Регуве (Польша) (Brzeziński, 1980).

И.Р. Ахмедов, изучавший предметы, происходящие из рязано-окских могильников и связанные с престижной культурой эпохи Великого переселения народов, пришел к заключению о возможности прямых контактов германского дунайского и окского финно-угорского населения (Ахмедов, 2002. С. 32, 33; Ахмедов, 2003. С. 85). Одним из элементов женского восточногерманского костюма в гуннское время являются двупластинчатые фибулы (сводка этих украшений из Танаиса и его окрестностей опубликована С.И. Безугловым и И.О. Гавритухиным: Bezuglov, 2001. P. 275–279; Gavritukhin, 2002. P. 147).

Очевидно, что МЗП гуннского времени имеют прототипы в том круге культур, где доминировали германские народы. В отличие от предметов престижной культуры (украшений, поясной гарнитуры, снаряжения воинов-пехотинцев и всадников), во многом являвшихся символами принадлежности владельца к верхушке общества, лепная керамика могла распространяться только вместе с людьми, привыкшими использовать ее в быту.

Какая из двух гипотез в большей степени соответствует действительности, покажет дальнейшее накопление материала. Возможно, что они обе справедливы, т.е. на восток передвигались как отдельные черняховские, так и центральноевропейские группировки. В наибольшей степени такое предположение правдоподобно для Верхнего Подонья, на памятниках гуннской эпохи которого отмечены как явные черняховские элементы, так и отдельные сосуды, имеющие центральноевропейские параллели. Не исключено, что в некоторых случаях появление германцев в Подонье и Поволжье было связано с предпринятым гуннами перемещением пленных для освоения территории и создания ремесленных центров, необходимых для обслуживания кочевых группировок. Таким центром, вероятно, был комплекс памятников около с. Замятино в Верхнем Подонье.

Статья написана при финансовой поддержке программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социо-культурном контексте".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашина Н.С. Население Среднего Поднепровья в III–V вв. (по материалам киевской культуры). Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986 // Архив ИА НАНУ.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4.

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. № 3. М., 1993.

Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI в. (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Сер. Археология. М., 2003.

Акимов Д.В. К вопросу о хронологии памятников рубежа древности и средневековья лесостепного Подонья // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.

Акимов Д.В., Медведев А.П. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого го-

родища // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. Ч. 1 // Древности Нижнего Дона. М., 1965.

Арсеньева Т.М. Отчет об исследованиях на городище Танаис в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 16044.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. № 6. М., 1995.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре Восточной части городища // Древности Боспора. М., 2001.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А., Ильяшенко С.М. и др. Отчет Нижнедонской экспедиции за 2001 г. // Архив ОПИ ИА РАН. 2001. № 530.

Ахмедов И.Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. М., 2002.

Ахмедов И.Р. Новые находки гарнитур с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч. II. М., 2003.

Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери бїля с. Черепин. Київ, 1961.

Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160.

Брайчевская А.Т. Черняховские памятники Надпорожья (по материалам раскопок и разведок И.М. Фещенко, А.В. Бодянского и автора) // МИА. 1960. № 82.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7561.

Гришаков В.В. Керамика Абрамовского могильника // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. Саранск, 1988.

Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.

Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984.

Козак Д.Н. Поселение у с. Пасеки-Зубрецкие и некоторые вопросы культурного развития племен Поднестровья на рубеже и в первых вв. н.э. // Acta archaeologica Carpathica. 1987. T. XXVI.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.). Київ, 1991.

Козак Д.Н. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Линів. Київ; Луцьк; Львів, 1994.

Козак Д.Н. Етноплемінна належність вельбарсько культури в Україні (археологія, історія, лінгвістика) // Нові технології в археології. Київ; Львів, 2002.

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е. // Археологія. 1986. № 56.

Кравченко Н.М. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // МИА. 1967. № 139.

Кравченко Н.М. Черняхівське поселення Обухів та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язків між черняхівською та "традицийними" культурами римської доби) // Старожитності Русі-України. Київ, 1994.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. 1961. Вып. Д1–25.

Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ. 1964. Вып. Д1–19.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.

Куштан Д.П. Розкопки могильника черняхівської культури Черкаси-Центр у 2002 р. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002.

Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. Киев, 1987.

Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Киев, 1991.

Магомедов Б.В. Велика Снітинка-2 – поселення гребінників III – IV ст. // Стародавнє виробництво на території України. Київ, 1992.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Магомедов Б.В., Абашина Н.С., Солтис О.Б. Пам'ятки черняхівської культури в Київської обл. Київ, 2003.

Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // РА. 2002. № 4.

Матвеева Г.И. Отчет о раскопках городища Лбище в 1983 г. по открытому листу № 595 // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 10119.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв. Именьковская культура. Самара, 2003а.

Матвеева Г.И. К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003б.

Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998.

Медведев А.П., Акимов Д.В. Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья // Исторические записки. Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 7. Воронеж, 2001.

Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998.

Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991.

Обломский А.М. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагычны зборнік. № 13. Мінск, 1998.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999а.

Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999б.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002.

Обломский А.М. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч. II. М., 2003а.

Обломский А.М. Новая культурно-хронологическая группа памятников гуннского времени на территории восточноевропейской лесостепи // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin; Warszawa, 2003б.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica. T. 22. Łodz, 1998.

Обломський А.М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійци (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. 1999. № 4.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.

Петраускас О.В. Могильники черняховской культуры Косаново и Гавриловка. Сравнительная характеристика – хронология, погребальный обряд, этнокультурные особенности // Сто років вивчення культури полів поховань на Україні. Київ, 1999.

Расторопов А.В. Исследование городища Лбище на Самарской Луке // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1986.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Смиленко А.Т. Городище Башмачка III–IV вв. н.э. Киев, 1992.

Смирнова Г.И. Поселение Незвиско в первые века новой эры // МИА. 1964. № 116.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. Поселения Гочево-1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Узянов А.А. Отчет Роменского отряда Курской экспедиции ИА АН СССР за 1979 г. Т. 4 // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 8079.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. // Архив Черниговской областной инспекции по археологии. 1992.

Шовкопляс Г.М., Терпиловський Р.В. Керамика рубежу н.е. з поселення Оболонь у Києві (попередні спостереження) // Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.

Щукин М.Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или черняхов? // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin, 1989.

Щукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Bezuglov S.I. "Danubian fashion" and Tanais (The early phase of the Migration Period) // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Aszód; Nyíregyháza, 2001.

Brzeziński W. Przyczynek do badań nad rogownictwem na ziemiach polskich u schyłku starożytności (IV–V w. n.e.) // Kwartalnik historii kultury materialnej. T. XXVIII. № 1. Warszawa, 1980.

Dymaczewski A. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Młodzikowie // Fontes archaeologici poznanienses. T. VIII. Poznań, 1958.

Gavritukhin I. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup // A Nyíregyházi Jósa András múzeum évkönyve. É. XLIV. Nyíregyháza, 2002.

Godłowski K. Kultura przeworska // Prahistoria ziem polskich. T. V. Wrocław etc., 1981.

Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie predrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław etc., 1985.

Szydłowski J. Trzy cmentarzyska typu dobrodzieńskiego. Bytom, 1974.

Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.

Tikhanova M.A., Shcheglova O.A., Shchukin M.B., Sharov O.V. The Structure of the Lepesovka Settlement // Die Sîntana de Mureş-Černiachov-Kultur. Bonn, 1999.

Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej miedzy Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin, 1993.

Concerning certain group of vessels from the epoch of the Great Migration

A. M. Oblomsky

Summary

The article is devoted to the studies of the hand-made bowls with zigzag-like profile. These vessels can serve as an indicator of people migration over the territory of Eastern Europe in the Hunnic period (the late 4th–5th cc. AD). Vessels of this type are known in the mid 1st millennium AD in four regions: in the areas occupied by the Ryazan-Oka type and early Mordva type cemeteries, on Upper Don, on the Lower Don (the fortified settlement Tanais), on the Volga in the region of the Samara river band. In the earlier time bowls with similar profile are known from the sites of late Zarubintsy culture, as well as the dwelling sites and cemeteries of the Kiev, Przeworsk, Wielbar, and Chernyakhov cultures. The 3rd c. AD is established as *terminus ante quem* for the discussed vessels at the majority of sites, and only at some Chernyakhov sites separate pieces survive as late as the 4th c. AD. The author considers the bowls in question to have been brought to the territories eastward from the Chernyakhov culture in the Hunnic period by separate groups of the Chernyakhov population that migrated there after the Huns had defeated the power of Hermanaric. Direct contacts between the population of the Volga-Oka and the Don basins, on the one hand, and Central Europe, on the other hand, also cannot be exuluded.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 46–55

ТАЛАССКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

© 2005 г. И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва

Завершение основной работы по палеографической систематизации степных рунических алфавитов Евразии (Кызласов И.Л., 1994) выдвинуло задачу цельного восприятия каждой из этих письменностей. Разрешение ее пока достижимо лишь в отношении трех расшифрованных азиатских систем: орхонской, енисейской и таласской. Возможность исследования подлинников превращает памятники енисейской письменности в первоочередное поле деятельности российской науки. При учете осуществленных и продолжающихся исследований енисейских эпитафий (Малов, 1952; Кормушин, 1997) мною проводится поиск и анализ енисейских наскальных надписей. Именно они открывают ранее неведомую науке обширную область былой духовной жизни (Кызласов И.Л., 1994. С. 180–207; 2001; 2003а).

Опыт, накопленный в этой во многом своеобразной сфере рунической эпиграфики, позволяет мне ныне дать сводку новых прочтений и истолкования 11 камнеписных текстов, выполненных таласским руническим письмом. Остальные памятники не могут быть поняты по изданным воспроизведениям. В целом же материалы научной печати позволяют без сомнений насчитывать всего 15 или 16 рунических надписей, высеченных на скалах и отдельных валунах горных склонов Кыргызстана. Пять–шесть из них найдены в горах, ограничивающих Таласскую долину, остальные – на юге Кочкорской долины, лежащей западнее Иссык-Куля.

Рассмотрение надписей начну с последних находок. Они составляют компактную смысловую группу и обнаруживают местные эпиграфические и мировоззренческие особенности, важные для понимания нескольких давно известных надписей. Кроме того, ошибочно прочитанные и неверно понятые, они уже используются для значимых исторических и историко-культурных построений.

1. Надписи Кочкорской долины

Письменные памятники здесь обнаружены и скопированы археологами К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 1998 и 2000 гг. Большинство надписей (девять разрозненных строк) открыто в местности Кок-Сай на скоплении валунов по склону хребта Укек и одна строка – в близлежащей местности Калмак-Таш.

Описания и хорошие прорисовки надписей были обнародованы открывателями, как в научно-популярной, так и в академической периодике (Табалдиев, Солтобаев, 1998; 2001; Tabaldiyev, Soltobaev, 2002). Под доступным мне изданиям[1] в истории обнаружения памятников возникает одна неясность. В 1998 г. авторы указали на открытие восьми надписей в урочище Кок-Сай, позднее к этому сезону ими было отнесено только шесть строк, находки еще двух лаконичных текстов – уже к 2000 г. (1998. С. 33; 2001. С. 69). В публикации 2002 г. (С. 49) названы всего 9 надписей, хотя помещены 10 рисунков[2].

Первый опыт прочтения и общего исторического истолкования семи надписей из Кок-Сая был трижды опубликован С.Г. Кляшторным (2001а; 2001б; 2002). Последнее по времени издание отличают помещенные в нем фотоснимки надписей I, IV, V, дополняющие прорисовки (2002. Рис. 1, 4, 6).

Исследование камнеписных тянь-шанских текстов нельзя считать оконченным. Прежде всего, следует отвергнуть ошибочное и дать их точное прочтение.

Надпись Кок-Сай I

Прочтение С.Г. Кляшторного (er atïm adïγ on oq…"Мое мужское имя Адыг ("Медведь"). Десять стрел…") исходит из признания неполноты текста, обозначенного в транскрипции и переводе многоточием. К тому же оно основывается на неверном отождествлении одного из рунических знаков, повлекшем ошибочную разбивку на слова второй половины надписи. Судя по прорисовке (рис. 1, *1*) и изданному фотоснимку, эта короткая строка сохранилась целиком и состояла не из 8, а из 9 знаков (последний не был на месте воспринят полностью).

Транскрипция: (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a}

Перевод: Моя имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).

Словосочетание er atïm, как хорошо известно, обычно для енисейских и таласских эпитафий (см. Т 1, Т 2, Т 14). Надписи Кок-Сая впервые по-

[1] Благодарю Кубатбека Шакеевича Табалдиева за предоставленные оттиски публикаций 2001 и 2002 гг.

[2] Надпись Калмак-Таш не описана и не прочтена в работах предшественников. Однако она ясна: (e)r (a)t(ï)m b(i)lgä – "Моё имя мужа-эра – Бильге. (Боже, услышь меня)". Выполненная не таласской письменностью и начертанная слева направо, она требует отдельного рассмотрения.

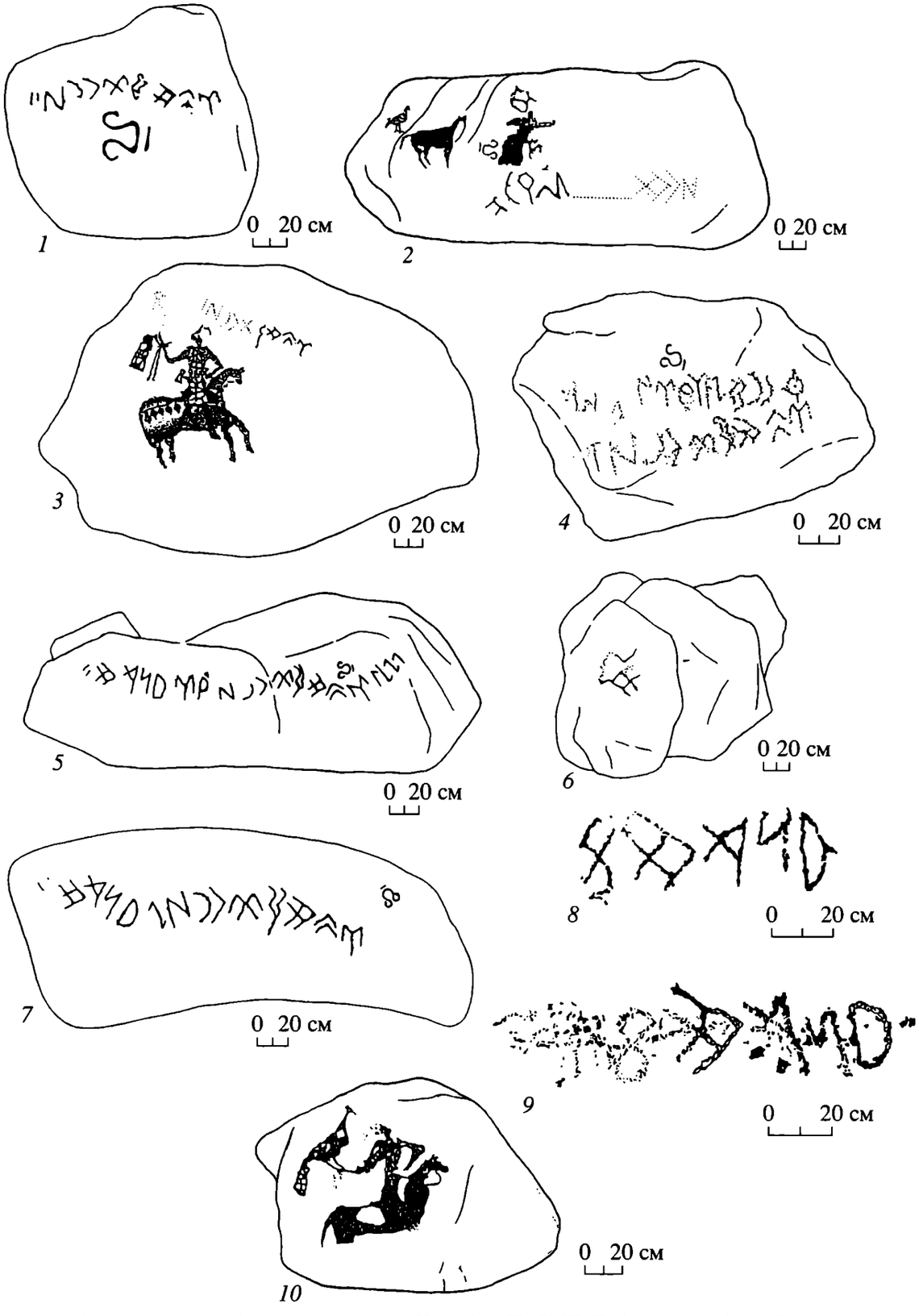


Рис. 1. Надписи и изображения урочища Кок-Сай. По К.Ш. Табалдиеву и О.А. Солтобаеву.

казывают, что оно применялось и в наскальных начертаниях таласского письма. В енисейских же наскальных надписях этот речевой оборот до сих пор не встречен ни разу. Переводить слово er, обозначавшее в раннем средневековье не столько возраст, сколько социальный статус свободного полноправного мужчины, по-видимому, вовсе не стоит (а если и делать это, то предпочтительнее, все же, более точный вариант В.В. Радлова и С.Е. Малова – "герой", может быть, "витязь").

Видеть в четвертом знаке надписи твердорядный d^1 ошибочно, поскольку две ломанных ли-

нии образуют не полную руну, а только ее верхнюю часть и завершаются они общим вертикальным стволом. Эта особенность буквы хорошо видна и в других надписях долины, содержащих то же самое мужское имя и выбитых одной рукой (см. рис. 1, *4*, *5*, *7*). Поскольку наскальный текст нанесен знаками талласского алфавита (о чем свидетельствует характерный облик 5-й и 8-й рун: γ и q), то и соответствие четвертой букве строки следует отыскивать среди его знаков. Таков знак для s[1], имеющий в талласском письме самобытный вид вертикального ствола с двумя симметричными верхними коленчатыми отводками (см. надписи на валунах из урочища Айртам-Ой). В нашем случае писавший лишь развернул налево правый отводок. Вероятно, эта индивидуальная почерковая особенность сложилась в курсивной сфере применения талласского письма и в полной мере отвечает начертаниям, устремленным справа налево.

Исходя из классической рунической орфографии, существует три формальных возможности прочтения личного имени, записанного рунами 4–8: s(a)γun(a)q, s(ï)γun(a)q или s(o)γun(a)q. Предпочтение зависит от понимания морфологии слова. Аффикс -aq не может быть здесь отглагольным, поскольку искомой глагольной основы в известных текстах не зафиксировано. Полагаю, что это именной уменьшительный показатель. Исходя из того, отвергаю первый вариант прочтения – от слова saγun, обозначавшего титул в карлукском обществе (ДТС, 1969. С. 481), как и от иных почетных званий, уменьшительные формы не образовывались. Слова sïγun и soγun, в равной мере означавшие оленя, марала-самца (ДТС, 1969. С. 503, 507; ЭСТЯ, 2003. С. 330, 331), вполне пригодны для образования личного имени с ласковым первоначальным значением "мараленок". Форма soγun встречена в прямом значении в третьей строке енисейской эпитафии Уйбат VI (Е 98): ...köök böri: q(a)ra soγ(u)n: öl(ü)rt(i)m – "...сивого волка, черного марала я убил". Однако в разбираемой тянь-шанской надписи пропуск губного гласного в первом слоге противоречил бы нормам правописания. Следовательно, наиболее приемлемым прочтением остается sïγun.

Личные мужские имена, имеющие в буквальном смысле не звучные и гордые, а уменьшительные, можно сказать, ласковые значения, уже встречались среди наскальных рунических надписей. Они свидетельствуют о сохранении детских имен взрослыми мужчинами: kul(u)n "жеребенок" (Мугур-Саргол I), k(e)nč "детеныш" (Ялбак-Таш XVIII), k(i)š "соболь" (Ялбак-Таш XXV) и т.д. (Кызласов И.Л., 1994. С. 194; 2003. С. 67, 69, 87, 100, 101). Заметим, что, как и в рассматриваемом здесь случае, такие имена лишены титулов.

Два штриха, отмеченные на прорисовке надписи левее восьмой руны, представляются мне частями завершающего знака a/ä, не увиденного исследователями полностью. И хотя при рассмотрении фотографии (Кляшторный, 2002. Рис. 1) уверенность в этом убывает, предположение подкреплено серией иных наблюдений. В сходной позиции эта руна играет роль словоразделительной отметки в надписи VII, она также обозначает окончание текста во второй строке надписи IV и в надписи IX (в двух последних случаях при копировании знак вновь не был передан полностью) (рис. 1, *4*, *7*, *9*).

Подобное применение этой буквы заслуживает особого внимания. Для известных талласских памятников оно вполне обычно (см. Т 1–Т 5, Т 10). Уже при анализе надписи первого талласского валуна (Т 1) стало ясно, что данный знак не имеет фонетического значения[3] (Радлов, 1899. С. 86; Малов, 1929. С. 800, 803) (ср.: Мелиоранский, 1899. С. 272). Справедливое утверждение, что «буква "А" в текстах выступает в качестве знака, отделяющего слова» (Батманов, 1971. С. 10. Прим. 10), не в полной мере отражает ситуацию. Оно не учитывает применения руны как отметки окончания фразы, завершения строки или всего текста.

Обе функции этого знака встречаем как непременный признак алтайского варианта енисейского письма, с IX–X вв. распространившегося на землях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Особенно наглядно подобное применение руны a/ä в кратких наскальных надписях (Кызласов И.Л., 2003а. С. 101)[4]. Надо отметить, что в алтайских текстах эта руна следует только за словами, завершающимися согласным звуком, т.е. сохраняет память о своем былом вокативном значении (ср.: Боргояков, 1960).

Не то находим в памятниках талласского письма. На валунах, судя по публикациям, обсуждаемый знак обыденно применяется также для отделения слов, завершающихся гласным звуком (негубным узким): q(a)t(u)nï-{a} (Т 1, стк. 2), inil(e)ri-{ä} (Т 1, стк. 3), (a)tï-{a} (?) (Т 2, стк. 8), tulï-{a} (Т 3, стк. 4), (e)či-{ä} (Т 5, стк. 1), oγlï-{a} (Т 5, стк. 2), (a)tï-{a} (Т 10, стк. 1, 4), (a)trïsï-{a} (Т 10, стк. 2), q(a)ldï-{a} (Т 14, стк. 1), qulï-{a} (Т 14, стк. 2). Из этого следует, что талласские надписи отражают последний этап эволюции руны a/ä в качестве разделительного знака и отметки окончания теста – в них буква потеряла всякую связь с некогда обозначавшимся ею звуком и, действительно, стала лишь знаком препинания.

[3] В этом случае при транскрибировании надписей он помещается мною в фигурные скобки: {a}.

[4] К этому кругу памятников примыкает единственная енисейская эпитафия из Бегире (Е 11). Вопреки верной давней традиции, расценивающей в ней букву a/ä как знак препинания (Малов, 1952. С. 29, 33), ее иногда до сих пор ошибочно воспринимают как вокативную частицу (Кормушин, 1997. С. 270, 273).

Вполне очевидно, что эта стадиальная особенность текстов указывает на более позднее создание памятников таласской письменности в сравнении с надписями алтайского извода енисейского письма. Оставляя на время в стороне это наблюдение, как и обсуждение природы данного явления рунической письменной культуры Азии, нельзя не признать необходимость учитывать такое использование руны a/ä при чтении таласских надписей.

В целом надпись Кок-Сай I служит отметкой, нанесенной в подтверждение произведенного здесь Сыгунаком моления. Обоснованием такого понимания строки служит анализ всей совокупности камнеписных текстов этого горного склона, как и опыт прочтения прочих рунических наскальных надписей (Кызласов И.Л., 2001; 2003а).

Надпись Кок-Сай II

Она сохранилась хуже прочих, что вызвало сложности при копировании и, как следствие, отказ от прочтения. Однако, думается, при сравнении с другими надписями долины текст II может быть восстановлен. При взгляде на его воспроизведение (рис. 1, *2*) ясно, что перед нами один из повторов наиболее распространенной в урочище Кок-Сай камнеписной формулы. На валуне, как и на других четырех (ср. рис. 1, *1*, *4*, *5*, *7*), выбита личная тамга, так же, как на двух других (рис. 1, *3*, *10*), и в той же манере изображен конь, ловчая птица и всадник (только спешившийся). Поэтому не удивительно встретить на нем и начертание того же личного имени. Стоит сравнить надпись I с остатками надписи II, чтобы заметить: первые три руны – это r^2 (уцелела левая часть вершины знака), t^1 (левая сторона "шалашика"; черта, на прориси уходящая налево – лишняя борозда) и m (целиком на месте). Последующие четыре буквы ($s^1\gamma un^1$) не видны, а руна q сохранилась (на прориси у нее лишний штрих справа). Следующий знак – неточно воспринятая завершающая надпись отметка a/ä. Последующие борозды не имеют отношения к рунической надписи – они тоньше букв и, вероятно, остались от наскального рисунка (козлика?); сравним такие же изображения, расположенные перед и выше антропоморфной фигуры. В итоге, нахожу основания восстановить надпись, во всем подобную предыдущей.

Транскрипция: (e)r (a)t(ï)m [s(ï)γun(a)]q {a}

Перевод: Мое имя мужа-эра – [Сыгуна]к. (Боже, услышь меня).

Надпись Кок-Сай III

Представляет собою уже знакомую формулу (не из восьми, как пишут исследователи, а из девяти букв).

Транскрипция: (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a}

Перевод: Мое имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).

При фиксации строки (рис. 1, *3*) исследователи не рассмотрели левый верхний отводок четвертой руны s^1 и отводки завершающего знака a/ä. Исходя из иных случаев, на камне следует ожидать изображение личной тамги. Возможно, она размещалась левее надписи и не уцелела, как и часть изображения ловчей птицы. Взаиморасположение надписи и наскального рисунка позволяют думать, что фигура всадника была нанесена на валун ранее рунической строки.

Надпись Кок-Сай IV

Вопреки утверждениям публикаторов, не нижняя, а верхняя строка этой единственной двухстрочной надписи сохранилась и воспроизведена не полностью (рис. 1, *4*). Начало первой строки прочитано верно: munda ilg(ä)rü. Далее про прорисовке нельзя предложить уверенного прочтения. Изданная фотография позволяет полагать, что заросший лишайником косой выкол поверхности уничтожил за десятым знаком вершины двух рун (возможно, č и n^2). Таким образом, слом строки, зафиксированный прорисовкой, по-видимому, мнимый. Основания трех заключительных рунических знаков (последний из которых, может быть, η^2) размещены на общем уровне с предыдущими. Перевести начало верхней строки надписи возможно не только "Там впереди (т.е. на востоке)..." (как у С.Г. Кляшторного), но и "Отсюда вперед (~на восток)...".

Вторая строка – четвертый случай написания в этом урочище личного мужского имени с указанием общественного статуса его владельца: (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} – "Мое имя мужа-эра – Сыгунак".

Обе строки выполнены таласской письменностью (в верхней надписи примечателен вид первой руны m) и, вероятно, одной рукою: ср. облик знаков для r^2, u и n^1, а также общий размер, размещение и технику выбивки знаков (Кляшторный, 2002. Рис. 4). Без дополнительного исследования подлинника связать строки в единый по смыслу текст не удается.

Надпись Кок-Сай V

Этот письменный памятник читается уверенно, но понять его непросто. Исхожу из того, что он представляет собою лишь более распространенный вариант текста Кок-Сай VII (ср. рис. 1, *5*, *7*) и, несомненно, связан по смыслу с граффити VIII и IX. В строке легко опознается привычная уже формула: (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q – "Мое имя мужа-эра – Сыгунак". Четыре вертикальных реза, предшествующие ей на прорисовке, вероятно, не имеют отношения к руническим знакам[5]. Не случайно их размещение на камне не соответствует основной оси текста. Сама именная формула также

[5] Из-за неровности камня фотография (Кляшторный, 2002. Рис. 6) не передает начала строки.

не требует вводных фраз (ср. надписи I–III, VII, не является исключением и памятник IV).

Четыре–пять букв, завершающие текст, точно транслитерированы С.Г. Кляшторным и находят полную аналогию в разбираемых далее надписях VIII и IX. Учитывая их, тюрколог оправданно предположил, что последние штрихи прорисовки воспроизводят часть знака z (ср. рис. 1, *8*, *9*). Изданная фотография зафиксировала нарушение поверхности, вероятно, повредившее нижнюю часть буквы. Полная ясность может быть внесена лишь исследованием оригинала надписи.

Как бы не разрешился вопрос с последним знаком текста (будем мы читать его как [(ï)z] или обозначать как непроизносимое {a}), наиболее существенно понять огласовку основы самого слова. Читать здесь j(a)r(ï)š(ï)m, как это сделал С.Г. Кляшторный, и воспринимать это как название местности ("Мой (~наш) Ярыш") нет никаких оснований. Мы уже видели, что в надписях Кочкорской долины отсутствует упоминание "десяти стрел" – неверно прочитанные руны на деле передают два последних слога мужского личного имени. Иной и синтаксис фразы: сочетание этих рун со словом j(e)r не составляет в ней определения и определяемого, т.е. в надписи нет упоминания "страны Десяти Стрел", увязываемой историком с Тюргешским каганатом. Всякая связь с событиями и с топонимикой VIII в. порождена лишь серией ошибочных умозаключений интерпретатора.

Наиболее вероятно, что надпись V содержит две кратких фразы, первая из которых во всем понятна (знаки 1–8), а во второй слово jer (руны 9–10) само служит определением к последующему (см. надпись VII). Вторая часть надписи содержит лишь существительные и должна быть дополнена подразумевавшимся глаголом. В отсутствие прямого, словарного контекста для понимания лаконичной надписи остается лишь учесть контекст смысловой, ситуационный, историко-культурный. Результаты изучения наскальных надписей Саяно-Алтайского нагорья и Северо-Западной Монголии позволяют видеть в большинстве из них молитвенные записи, обращенные к божеству манихейской религии и направленные на сохранение или получение верующим благого состояния (Казласов И.Л., 2001; 2003а).

Отрицая для рун 11–13 ($j^{l}r^{l}š^{l}$) предложенное С.Г. Кляшторным прочтение J(a)r(ï)š "Ярыш" (т.е. название степи, связанной с событиями VIII в.), из многих возможных вариантов иного озвучивания этих знаков выбираю j(a)r(a)š "приятность, красота" (ДТС, 1969. С. 240; Малов, 1951. С. 385: jarat-) в манихейском религиозном значении – "лучшее в человеке, праведность, чистота". Это существительное, образованное от глагольной основы jara- "подходить, годиться", относится скорее к внутренней, чем к внешней красоте человека (для обозначения последней в парное сочетание с jaraš входит существительное körk – "образ, изображение; облик") (ДТС, 1969. С. 239, 240, 317).

Опорой предлагаемому пониманию надписи служат некоторые молитвенные наскальные строки енисейского письма Хакасии. Так, о даровании внутреннего совершенства просил автор краткого текста, высеченного на горе Крес хая (Е 137): b(a)rm (i)č ur(u)ŋ – "Вложите совершенную душу (буквально – нутро)". Граффито сопровождается личным гербовым знаком писавшего (Кызласов И.Л., 1994. С. 188. Рис. 20; 2000). В надписи на скале Городовая стена (Е 144) наступление в природе гармонии (названной персизмом abad – "благоустроенность") увязывается с уничтожением греховного и служит причиной получения человеком земных и духовных благ (Кызласов И.Л., 1994. Рис. 25; 2001. С. 249). В единственном дошедшем до нас полном манихейском трактате "Кефалайа" внутренней красоте (как символу чистоты и праведности верующего) посвящена отдельная 83 глава "О человеке, безобразном телом, но прекрасном" (Кефалайа..., 1998. С. 215–218, 485). Подобными религиозными категориями и надеждами мотивированы, как мне представляется, и надписи Кок-Сай V и VII. Разрабатывая их прочтение, нельзя не учитывать двух других граффити этого урочища (VIII и IX), содержащих то же слово.

Словосочетание jer jarašïm – "лучшее, что во мне есть земного (~бренного)" вполне отвечает как доманихейским воззрениям о земном беспечальном существовании, отраженном в енисейских эпитафиях (Кызласов И.Л., 2001. С. 243; 2003б), так и сменившей язычество доктрине накапливания элементов Света как смысла земного бытия верующего-манихея. Важно помнить, что в тюркском манихействе святость отношения к земле продолжала сохраняться (Кызласов И.Л., 1998).

В итоге всего сказанного, надпись V читается и переводится мною следующим образом.

Транскрипция:
(e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q j(e)r j(a)r(a)š(ï)m[(ï)z]

Перевод: Мое имя мужа-эра – Сыгунак. Земная (~бренная) моя (~наша) праведность, (возрастай)!

В анализируемой надписи встречаем еще одну значимую палеографическую примету – облик руны $š^{l}$ (13-й в надписи) характерен именно для таласского алфавита.

Надпись Кок-Сай VI

По изданию (рис. 1, *6*) знаки выглядят сомнительно. Прочие надписи долины горизонтальны, а эти руны составляют вертикальную строку. Нижнее начертание подобно енисейскому (не таласскому) мягкорядному b^{2}, а последующее – твердорядному o/u, т.е. руны не составляют одного слова.

Удивительно, что строка обращена основанием букв направо, значит, написана была слева направо. Не может принадлежать тексту вертикальная борозда, соединяющая знаки слева. Взятые порознь все эти неувязки могут быть несущественны, но, соединяясь воедино, они заставляют до нового изучения подлинника воздержаться от отнесения его к памятникам письменности.

Надпись Кок-Сай VII

На камне читается: (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} j(a)r(a)š(ï)m[(ï)z] – "Мое имя эра – Сыгунак. Моя (~наша) праведность, (возрастай)!".

Первую фразу текста (рис. 1, *7*) комментировать уже не нужно (см. разбор надписи I). Она завершается лишенным фонетического значения словоразделительным знаком в виде руны a/ä (в строке он 9-й по порядку). К прочтению и переводу второй части текста см. разбор надписи V.

Надпись Кок-Сай VIII

Пять хорошо сохранившихся и ясно переданных на прорисовке рун $j^{1}r^{1}š^{1}mz$ (рис. 1, *8*) неверно читать как j(a)r(ï)š(ï)m(ï)z и невозможно переводить как "наш Ярыш" не только по причинам, приведенным в комментарии к надписи V. Сравнение с другими наскальными надписями показывает: когда речь в них идет о "нашем" (аффикс -ïmïz), то имеется в виду все бренное человечество. Приведу уже упоминавшуюся двухстрочную надпись на скале Городовая стена на Енисее: (1) (a)lp sol in (a)lγ(ï)p ab(a)dγa t(ä)ηri (a)na kem q(a)tun q(a)b(ï)š(ï)p jeg (a)šïγ qïlur biz (a)t j(i)r b(i)z (2) b(a)j b(a)r (e)t(t)(i)m – "(1) (Я–) Алп Сол. Когда положен предел греховному (букв. низкому) и Небо (~Бог) и Мать Кем-река (т.е. Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благую пользу и достигаем чинов. (2) (Так) (и) я стал богат". По-видимому, подобную гармонию – красоту и праведность (jaraš) – призывал в мир сынов человеческих автор камнеписной молитвы у хребта Укек.

Основы такого единого восприятия человечества и соответствующей объединяющей словесной формулы ("мы", "наше") коренились в манихейской идеологии и воплощались в обязательных покаянных коллективных молитвах верующих. Один из наиболее известных в тюркологии текстов такой общинной молитвы – "Хуастуанифт" – сохранился в нескольких списках, найденных в оазисах Восточного Туркестана. Каждый из его 16 разделов состоит из перечня "наших прегрешений" и завершается рефреном: "мы молим: прости наши согрешения" (Дмитриева, 1963).

Исходя из сказанного, получаем соответствующее прочтение и перевод нашей надписи.

Транскрипция: j(a)r(a)š(ï)m(ï)z

Перевод: Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!

Надпись Кок-Сай IX

Строка во всем подобна предыдущей, но, судя по прорисовке, могла иметь дополнительную шестую руну – не читающийся знак окончания текста (рис. 1, *9*). Облик букв, отличающийся лишь большей курсивностью начертания 5-ой руны (z), позволяет думать, что они нанесены на камень той же рукою, что и надпись VIII.

Транскрипция: j(a)r(a)š(ï)m(ï)z {a}

Перевод: Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!

Общие выводы

Исследование надписей Кок-Сай I–V и VII–IX приводит к ряду общих наблюдений и выводов. Палеографические их особенности указывают на принадлежность к таласской рунической письменности. Уже одно это обстоятельство ставит открытие кыргызских археологов в разряд важных тюркологических событий последнего времени, поскольку до сих пор памятников этого самобытного тюркского письма известно чрезвычайно мало (исключая недостоверные граффити и памятники иных алфавитов (ДТС, 1969. С. XXIX, XXX; Васильев, 1983. С. 38–41; Джумагулов, 1987. С. 8–14), надписям долины можно присвоить индексы Т XV–Т XXIII). Особенно значима принадлежность новых граффити к разряду наскальных надписей – текстов предельно лаконичных (и потому особенно трудных для прочтения и толкования), но впрямую никак не связанных с назначением и содержанием эпитафий. Этот источник раскрывает для нас новые сферы духовной жизни и культуры предков, совершенно скрытые или чрезвычайно скупо освещаемые иными свидетельствами.

Орфографические особенности кок-сайских строк, прежде всего, применение в них руны a/ä в качестве словоразделительной и завершающей текст отметки, имеют значение, выходящее за рамки правописания. При сравнении с прочими таласскими надписями и текстами алтайского варианта енисейского письма они дополняют новыми данными доводы относительно позднего появления памятников таласского алфавита (Кызласов Л.Р., 1965. С. 44. Прим. 34; Кормушин, 1975. С. 44, 45; Кызласов И.Л., 1994. С. 57–59, 98–100, 214; 1995. С. 143–145). Отражающие следующую за алтайскими надписями стадию в разграничительном использовании руны a/ä, надписи Кок-Сая следует относить к IX–X вв. и связывать с карлукским обществом.

Шесть из восьми достоверных надписей урочище (I–V, VII) созданы одним человеком, имя которого указано: Сыгунак (Мараленок). Следует особо отметить, что имя писавшего лишено титула, хотя принадлежность его к сословию эров оговорена специально. Многократность одного имени, вырезанного в одной местности, мы встречаем среди надписей на горе Ялбак-Таш на Гор-

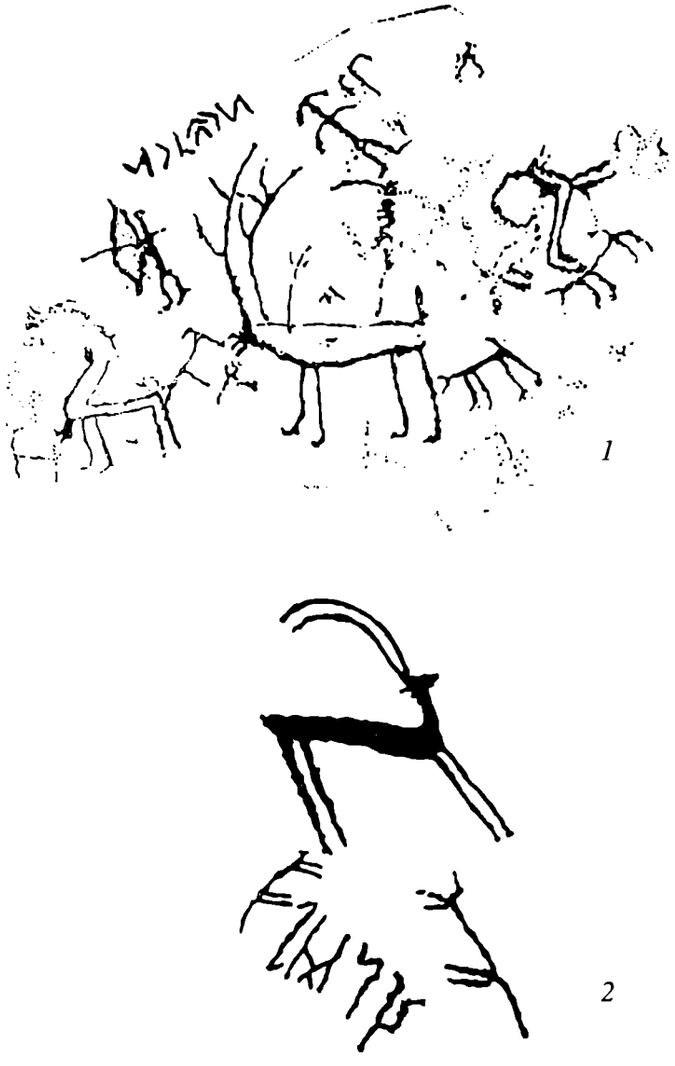


Рис. 2. Надписи ущелья Куру-Байкайыр. По Ч. Джумагулову. Без масштаба.

ном Алтае, где имя (e)l j(e)g(ä)n «Греховный Йеген (букв. "племянник")» встречено в строках III и XIII. Причем в надписи Ялбак-Таш XIII оговорено, что это имя мужа-эра (Кызласов И.Л., 2003а). На камнях урочища Шарбулак в Северо-Западной Монголии титулованное имя (a)j-čor было высечено трижды (Кызласов И.Л., 1999. С. 100).

Эти же надписи Кок-Сая (кроме III) сопровождены одинаковой тамгою. Однако прямо связывать ее с руническими текстами и считать геральдическим знаком писавшего пока мешают два обстоятельства. Во-первых, по взаимному размещению тамги и надписи V (рис. 1, *5*), можно предположить, что знак появился на камне ранее текста. Такому заключению не противоречат и особенности расположения этих элементов на прочих эпиграфических памятниках (I, II, IV и VII). Во-вторых, сомнения порождает смена направления тамги от текста к тексту: у строк I, IV и V она повернута налево, а у надписей II и VII – направо. Ориентация тамги дважды противоречит направлению письма и, тем самым, указывает на иную, чем у писца, позицию, занимаемую у камня создателем геральдического знака. На фотоснимке надписи IV (Кляшторный, 2002. Рис. 4) видно, что тамга высечена в иной манере, чем буквы – более плотной и мелкой точечной выбивкой. Эти особенности отражены и на прорисовке археологов (рис. 1, *4*) (ср. также прорисовку надписи I – рис. 1, *1*). Для разрешения вопроса необходимо дополнительное обследование и сопоставление следов инструментов, которыми нанесены на камни урочища тамги и надписи.

Сегодня можно указать близкую аналогию тамговому знаку Кок-Сая. Ее составляет один из двух лично-семейных знаков, в IX в. вырезанных на донце серебряного сосуда с енисейскими рунических надписями, найденного в 1935 г. в кургане 3 могильника Туяхта на Горном Алтае (Кызласов И.Л., 2000. С. 83–85, 88–90. Рис. 1, *4*). Учитывая закономерности видоизменения по поколениям раннесредневековых геральдических знаков тюркских народов (Кызласов Л.Р., 1960; 1965), можно заключить, что кок-сайская тамга, отличающаяся от туяхтинской лишь одним графическим элементом, позднее алтайской и представляет ее сыновнюю стадию.

Для исторического объяснения важно понять, высечены ли надписи VIII и IX тем же автором, что и граффити Сыгунака. Сходство составляющих их знаков позволяет думать, что это так. Показательно, пожалуй, начертание руны m, у которой всюду (кроме надписи VII) правый нижний отводок короче верхнего (если эта особенность не вызвана повреждениями валунов, см. фотоснимок надписи V – Кляшторный, 2002. Рис. 6). Подтвердись палеографическое сходство анализом следов примененного инструмента – выводы были бы несомненными. Пока их поддерживает содержательное и лексическое единство строк V, VII, VIII, IX. Скорее всего, сказанное означает, что муж-эр Сыгунак был манихейским проповедником. Это обстоятельство одновременно объясняет его грамотность, заметные навыки курсивного письма (облик рун s^1 во всех случаях и z в тексте IX), право наносить молитвенные отметки не только от своего (надписи I–V, VII), но и от коллективного имени религиозной общины (строки VIII, IX).

Придя к такому выводу, следует отказаться от прямой связи надписей с изображением конного охотника, выбитого на двух камнях с рунами (рис. 1, *2*, *3*) и в третий раз – отдельно (рис. 1, *10*). Манихейские праведники, отвергая всякое убийство, не могли заниматься охотой. Вполне очевидно, что надписи III и, вероятно, II, действительно, выбиты позднее изображений. На камне II и тамга нанесена позднее петроглифов. Типологические соответствия изучаемой ситуации можно видеть на енисейских наскальных надписях Южной Сибири и Монголии, которые обычно нанесены на те скалы и камни, где уже существовали изображения (в том числе и раннесредневековые, оставленные тюрк-

скими народами в VIII в.) (Кызласов И.Л., 1994. С. 292–299. Рис. 18, *2*, 21, 22, 25; 2003а. С. 98). Письменные формы поклонения, появившиеся с приходом манихейства, сменили обрядовые рисунки на скалах (Кызласов И.Л., 2003б. С. 48, 49)[6]. Сходную картину более позднего, чем рисунки, появления на скалах надписей наблюдаем и в ущелье Куру-Бакайыр в Кыргызстане (рис. 2, *1*, *2*).

Настойчивое повторение одного и того же термина jaraš и его связь как с личными, так и общечеловеческими земными качествами, наблюдаемые в надписях V, VII–IX урочища Кок-Сай, позволяют думать, что мы встречаем здесь одно из основных понятий тюркского манихейства, распространенное в областях таласского письма в IX–X вв. Восемь вновь открытых и прочитанных здесь рунических надписей Кочкорской долины, взятые в целом, позволяют заключить, что в этих местах в IX–X вв. существовала тюркоязычная манихейская община. Ее члены пользовались таласским руническим письмом.

2. Надписи ущелья Куру-Бакайыр

Ущелье р. Куру-Бакайыр (притока р. Суулуу-Бакайыр) находится в горах Таласского Ала-Тоо в западной части Таласской долины. Наскальные рисунки и первые письменные памятники (руническая и согдийская надписи) были здесь обнаружены геологом Л. Поповым и в 1981 г. обследованы И.К. Кожомбердиевым и Ч. Джумагуловым. Тщательно обследуя каменные поверхности, языковед сумел обнаружить у подножия той же скалы вторую руническую надпись. Оба лаконичных текста были вырезаны на юго-восточных обнажениях и, судя по размещению, позднее соседних петроглифов. Уже в 1983, а затем и в 1987 гг. подробные описания, графические и фотографические воспроизведения надписей, их прочтение и переводы были изданы (Джумагулов, Кожомбердиев, 1983; Джумагулов, Кляшторный, 1983. С. 78–81. Рис. 1, 2. Фото 2, 3; Джумагулов, 1987. С. 30–34. Рис. 5, 6, 8, 9). Даю новое прочтение и перевод обеих рунических надписей.

Надпись Куру-Бакайыр I

Предложенное предшественниками прочтение (qutčor – "Кутчор") поначалу выглядит вполне удачным: оба компонента титулованного имени хорошо известны среди антропонимов раннего средневековья. Однако ради такого прочтения первый знак надписи произвольно выдается тюркологами за зеркально развернутую руну q. Начальную букву надписи предпочтительнее и вполне возможно читать так, как она вырезана (рис. 2, *1*), т.е. как знак r[1]. Широта его начертания отличает таласское письмо.

Транскрипция: (a)rut čor

Перевод: (Я–) Арут-чор. (Боже, услышь меня).

Слово arut, в нашем случае ставшее личным мужским именем, согласно материалам Махмуда Кашгарского, применялось для обозначения высохшей прошлогодней травы (ДТС, 1969. С. 58). Более распространенный фонетический вариант этого слова – urut. Его смысл также "сухой, выгоревший". Помимо прямого значения термин определял и вид волос (ДТС, 1969. С. 616). Именно в этой роли интересующее нас слово пригодно для личного имени. Вероятно, его получил светлоголовый человек (ср. с надписью Куру-Бакайыр II). Носимый им титул čor/čur, также известен как мужское имя (ДТС, 1969. С. 157). Подобно всем наскальным надписям, содержащим личное имя, этот краткий текст свидетельствует о совершенной здесь молитве.

Надпись Куру-Бакайыр II

Характерный облик первой и третьей букв граффито принадлежит к таласскому письму (рис. 2, *2*). Четыре буквы этой надписи были прочитаны предшественниками в качестве имени собственного: š(a)rγa. Однако объяснить его оказалось сложно – лишь как «один из достаточно редких случаев передачи тюркским руническим письмом согдийского слова... 'лев'», которое "точно калькирует столь распространенное в карлукско-караханидской среде имя-титул arslan" (Джумагулов, Кляшторный, 1983. С. 81; Джумагулов, 1987. С. 34). Причины чужеродного заимствования ради передачи широко применявшегося собственно тюркского имени остались без объяснений.

Необходимость столь сложных построений отпадает полностью, если при чтении следовать известным орфографическим нормам таласской письменности. Первая (правая) руна обычно передает в ней не š[1], а s[1], последний же знак строки, как мы видели, и в эпитафийных, и в наскальных надписях играет роль завершающей отметки и не несет звукового значения. Эти обстоятельства позволяют читать изучаемую надпись иначе, чем предлагалось тюркологами.

Транскрипция: s(a)r(ï)γ {a}

Перевод: (Я–) Сарыг. (Боже, услышь меня).

Слово sarïγ буквально означает "желтый, бледный". В раннем средневековье оно нередко использовалось в качестве личного имени или служило частью составных мужских имен (ДТС, 1969. С. 488).

3. Надписи ущелья Терек-Сай

Рунические строки, высеченные на скале в этом ущелье, были обнаружены в 1897 г. В.А. Каллауром[7]. Тогда речь шла о двух строках из пяти

[6] Сказанное не означает, что на скалы вообще не наносились манихейские изображения, см., например, рисунок сатаны: (Кызласов Л.Р., 1999. С. 37. Рис. 11).

[7] В одной из публикаций Ч. Джумагулова (1987. С. 10) указан 1898 г., вопреки им же приведенным отсылкам и изданному ранее (1982. С. 23, 24) подробному изложению истории изучения надписей.

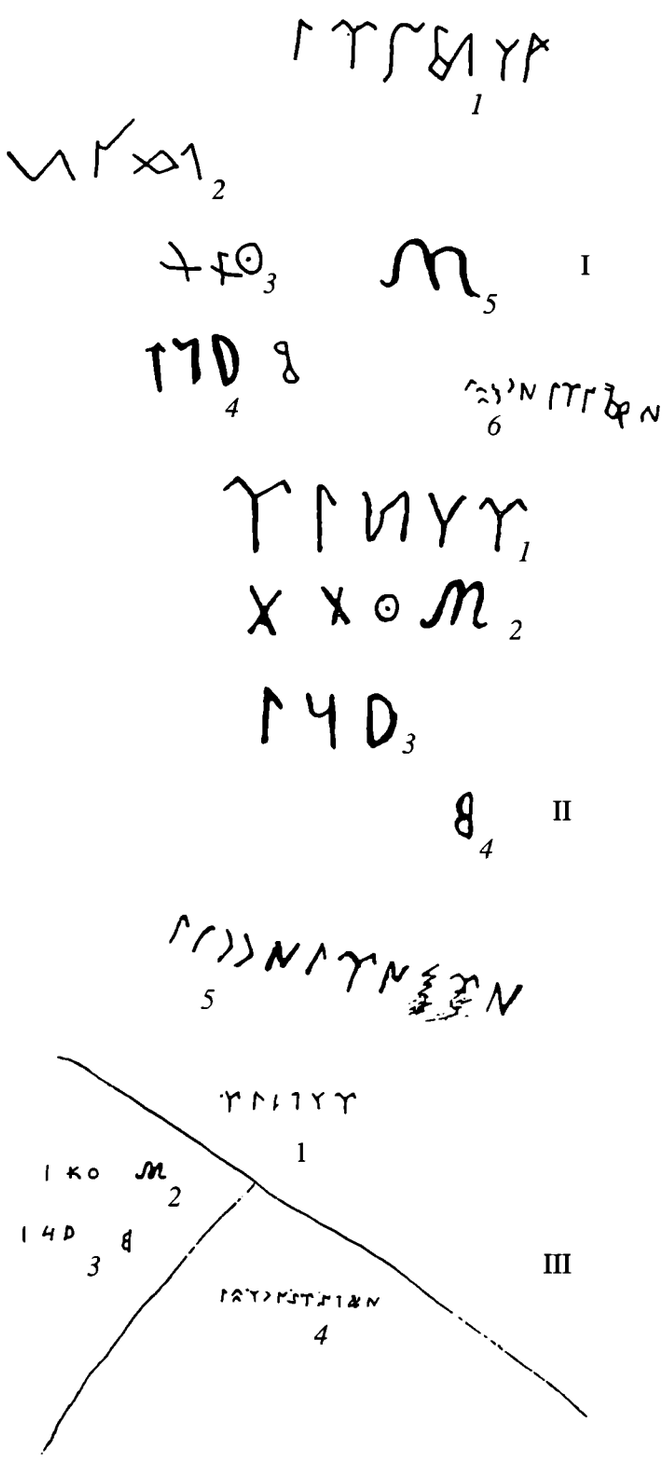


Рис. 3. Надписи ущелья Терек-Сай: I – по С. Сыдыкову, II – по Ч. Джумагулову, 1961 г., III – по Ч. Джумагулову, 1987 г. Без масштаба.

и четырех букв каждая. В 1930 г. М.Е. Массон заметил там пять строк, выполненных тремя разными почерками; одна из надписей состояла из 11 или 12 знаков (1936. С. 7, 8, 12). Через полстолетия появилось сообщение о шестой краткой надписи, найденной выше по ущелью (Джумагулов, 1982. С. 19. Табл. IV, *2*). Разобрать эти надписи пытался С.Е. Малов (1936. С. 27, 28) и Ч. Джумагулов (1963. С. 32; 1982. С. 17, 18, 23–28. Табл. IV, *1*; 1987. С. 10), публиковались также воспроизведения С. Сыдыкова (1964. С. 103, 106; Батманов, 1971. С. 16, 17). Однако с конца XIX в. при изучении этих высоко расположенных граффити никто не пользовался лестницей, точных копий так и не было получено и все изданные зарисовки отличаются друг от друга (рис. 3). Даже число строк и их нумерация менялись от автора к автору. До серьезного исследования подлинников нет никакой возможности оценить и прочесть эти надписи.

Ныне, после изучения серии надписей из урочища Кок-Сай, полагаю возможным обратить внимание специалистов лишь на одну строку из трех букв, которую С.Е. Малов издал под номером IV. Она воспроизведена всеми изучавшими памятник тюркологами без серьезных отличий (рис. 3, I, *4*, II, *3*, III, *3*): два первых знака не внушают сомнений, лишь вершина третьей буквы была воспринята по-разному (С.Е. Малов в наборном шрифте передал ее подобно рис. 3, II, *3*). По моему мнению, в надписи Терек-Сай IV (Т 6/4) можно опознать $j^1r^1š^1$, т.е. слово j(a)r(a)š "приятность, красота, лучшее в человеке", четырежды встреченное нами на валунах Кочкорской долины, т.е. бывшее распространенным понятием у местных грамотеев раннего средневековья. Если исследование оригинала подтвердит предложенную транслитерацию, рунические надписи этого ущелья пополнят перечень манихейских наскальных отметок IX–X вв., выполненных таласским письмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

Боргояков М.И. Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VIII. Абакан, 1960.

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Каргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Каргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Каргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.

Джумагулов Ч.Д., Кляшторный С.Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // Советская тюркология. 1983. № 3.

Джумагулов Ч., Кожомбердиев И.К. Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр // АО-1981. 1983.

Дмитриева Л.В. Хуастуанифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.

Кефалайа ("Главы"). Коптский манихейский трактат / Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане //

Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. 2001а. № 1–2.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологические вести. 2001б. № 8.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002.

Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. № 2.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов И.Л. Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.

Кызласов И.Л. Священная земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. М., 1998.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4.

Кызласов И.Л. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. IV. Абакан, 2000.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003а.

Кызласов И.Л. Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003б.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов (Тр. Хакасской археологической экспедиции. 6). М.; Абакан, 1999.

Малов С.Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Изв. АН СССР. VII серия. Отд. гуманитарных наук. Л., 1929. № 10.

Малов С.Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. М.; Л., 1936. Вып. 6–7.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. М.; Л., 1936. Вып. 6–7.

Мелиоранский П.М. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI.

Радлов В.В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // ЗВОРАО. СПб., 1899. Т. XI.

Сыдыков С. Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи в Кочкорской долине // Мээрим. Бишкек, 1998. № 2.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. 2001. № 1–2.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С. М., 2003.

Tabaldiyev K.Sh., Soltobaev O.A. Petroglyphs with Runic Inscriptions in the Kochkor Valley, Central Tienshan // Silk Road Studies. Tokyo, 2002. № 3.

The Talas rock Inscriptions

I. L. Kyzlasov

Summary

New deciphering of 11 rock inscriptions made in Talas runic writing is presented. Having compared them with the other runic rock inscriptions from the territory of Asia, the author identifies them as Manichean praying formulas of the 9th–10th cc. Evidently, the insciptions were performed by the Karluks. The inscriptions run as follows: Kok-Sai I (Fig. 1, *1*) – (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} "My name of er-man – Sygunak. (God, listen to me"; Kok-Sai II (Fig. 1, *2*) – (e)r (a)t(ï)m [s(ï)γun(a)]q {a} "My name of er-man – [Syguna]k. (God, listen to me)"; Kok-Sai III (Fig. 1, *3*) – (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} "My name of er-man – Sygunak. (God, listen to me)"; Kok-Sai IV (Fig. 1, *4*) – (lime 1) munda ilg(ä)rü… "There ahead (i.e. in the east)…" (or "From here anead (~eastward)…"), (line 2) (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} "My name of er-man – Sygunak"; Kok-Sai V (Fig. 1, *5*) – (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q j(e)r j(a)r(a)š(ï)m[(ï)z] "My name of er-man – Sygunak. Earthly (~perishable) my (~our) righteousness, (increase)!"; Kok-Sai VI (Fig. 1, *6*) probably is not an inscription; Kok–Sai VII (Fig. 1, *7*) – (e)r (a)t(ï)m s(ï)γun(a)q {a} j(a)r(a)š(ï)m[(ï)z] "My name of er – Sygunak. My (~our) righteousness, (increase)!"; Kok-Sai VIII (Fig. 1, *8*) – j(a)r(a)š(ï)m(ï)z "Our (i.e. common, earthly, human) righteousness (increase)!"; Kok-Sai IX (Fig. 1, *9*) – j(a)r(a)š(ï)m(ï)z {a} "Our (i.e. common, earthly, human) righteousness (increase)!"; Kuru-Bakaiyr I (Fig. 2, *1*) – (a)rut čor "(I–) Arut-chor (personal name and title). (God, listen to me)"; Kuru-Bakaiyr II (Fig. 2, *2*) – s(a)r(ï)γ {a} "(I–) Saryg (personal name). (God, listen to me)"; Terek-Sai IV (Fig. 3, I, *4*, II, *3*, III, *3*) – j(a)r(a)š "Pleasure (~beauty, human's best), righteousness".

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 56–65

РОГОВОЙ РЕЛИКВАРИЙ С ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (УНИКАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ С ОДНОНОГИМИ ДУ́ХАМИ)

© 2005 г. В. Е. Флёрова, В. С. Флёров

Институт археологии РАН, Москва

В каталоге "Antiquities. Friday, 8 June 2001" известного аукциона "Christie's" содержится информация о выставленном на торги роговом реликварии (лот 318). Предмет происходит из одного из разграбленных погребений на территории Хазарского каганата (Флёров, 2004).

Данная публикация имеет целью ввести в научный оборот содержавшуюся в каталоге информацию об этом предмете, дополнив ее комментариями. Назвать публикацию предварительной рискованно, так как она может оказаться единственно доступной науке. Местонахождение предмета и его нынешний владелец неизвестны, как неизвестно, был ли он продан или остается в руках лица, которое вывезло его контрабандой из России и имеет информацию о точном месте и обстоятельствах находки. На аукцион реликварий был выставлен как предмет из частной коллекции. Ввиду отсутствия данных о памятнике происхождения остается дать ему условное название "реликварий Christie's/Кристи".

Содержащаяся в каталоге информация о реликварии мизерна и ущербна, хотя и подготовлена причастным к археологии лицом. Она состоит из фотографии и краткого описания.

О фотографии. В каталоге опубликована цветная фотография, но в нашем распоряжении оказалась лишь ксерокопия с нее[1]. К сожалению, не все штрихи граффити отобразились на копии с необходимой четкостью. Затенена на фотографии нижняя часть предмета, изображения здесь просматриваются плохо. Но особенно приходится сожалеть о повреждении центральной части предмета, включая и главный персонаж изображенной сцены[2]. Происхождение повреждения понятно – именно на этой стороне предмет лежал в погребении.

Мы располагаем граффити только с одной стороны реликвария, примерно с 1/3 его поверхности, но они представляют громадный интерес.

Каталог содержит и краткое описание следующего содержания.

"ХАЗАРО-БУЛГАРСКИЙ КОНТЕЙНЕР ИЗ РОГА ОЛЕНЯ С ГРАВИРОВКОЙ. Около 8 – начала 9 века н.э. Вероятно, использовался для сухих продуктов. Внешняя поверхность сплошь покрыта выгравированными сценами повседневной жизни. Одна сторона – с охотничьими сценами с группой людей, целящихся из луков в оленя, стадом кабанов, большой птицей и стаей бегущих животных. Другая сторона – с группой людей на отдельных частях поверхности. Одна фигура человека, слезающего с оседланного коня. Еще одна фигура – гораздо большего масштаба, чем другие, возможно, вождь. Рог длиной 5 дюймов (12.7 см) имеет отверстия вдоль краев.

Хазаро-булгары относятся к салтово-маяцкой культуре, кочевническому населению Кавказа и степей.

Похожие предметы смотрите: рис. 119 в Плетнева *Очерки хазарской археологии*. Относительно "солонки" из рога оленя того же плана, найденной в Моравии, смотрите № 108 в Декан *Великая Моравия, Великая Моравская империя, ее искусство и время*".

Каждая фраза текста требует комментария.

"Хазаро-булгарский контейнер из рога оленя". Это достаточно прозрачный намек на обнаружение контейнера на территории Хазарского каганата. Действительно, именно здесь концентрируются их находки. Новейшая среди них происходит из Верхнего Салтова (Чернигова, 1999). Отдельные предметы известны в Польше, в Венгрии на аварских и древневенгерских памятниках, в Румынии.

"Около 8 – начала 9 века н.э.". Что касается VIII в., то это, вероятно, указание на принятую нижнюю дату салтово-маяцкой культуры, хотя, по нашему мнению, культура начала складываться раньше. Чем вызвано указание на "начало 9 в." непонятно. При современном состоянии хронологии культуры такая точность недостижима. Ре-

[1] Эту ксерокопию во время пребывания в США сделал главный редактор "Российской археологии" Леонид Андреевич Беляев и передал авторам, за что мы ему чрезвычайно признательны.

[2] Глубокая признательность Надежде Сергеевне Сафроновой, которая с помощью компьютера выявила плохо видимые на ксерокопии изображения. К сожалению, часть граффити восстановить не удалось. От реконструкций, домысливания мы принципиально отказались.

ликварии изготавливались до конца существования салтово-маяцкой культуры, до конца X в. и позднее. В Херсонесе реликварий найден в слоях XIII–XIV вв. (Романчук, 1981. Рис. 6). В позднее средневековье и новое время функции таких предметов меняются. В частности, они становятся пороховницами (Borsos, 1982; Чернецов, 1985), на поверхность которых наносилась декоративная орнаментация или соответствующие времени изображения (гербы, гравюры). Реликварий Кристи можно датировать эпохой салтово-маяцкой культуры, не точнее.

"Вероятно, использовался для сухих продуктов". Подобным предметам М.И. Артамонов дал ничем не обоснованное определение: "вероятно, горлышко от бурдюка" (Артамонов, 1958. С. 40). Данные предметы как конические, так и трехстворчатые типа Кристи связаны с обрядовой практикой. Они являлись вместилищами оберегов. О таком назначении свидетельствуют покрывающие их граффити (Нахапетян, 1987. С. 95, 96). Наряду с несложными рисунками и орнаментами на ликвариях встречаются мифологические сюжеты (Нахапетян, Шамрай, 1990; Нахапетян, 1994; Флёрова, 2001а. С. 51, 58, 94; 2001б. С. 104–106. Рис. 53)[3].

"Внешняя поверхность сплошь покрыта выгравированными сценами повседневной жизни". В этой фразе принципиальная ошибка. За всеми изображениями на ликвариях, будь то четвероногие животные, птицы, змеи, сцены охоты или единоборства, всегда стоит мифология, календарный цикл, космическая и иная символика. Другое дело, что они чаще всего воплощены в обыденных, земных образах. Но не всегда. На одном аварском реликварии у древа жизни два рогатых мифических существа (Ковачевић, 1977. Рис. 122; Нахапетян, 1994. Рис. 1, *27*). На упомянутом реликварии Верхнего Салтова – грифон или антропоид с телом льва. Для них характерны поднятая одна из передних ног и закинутый на спину хвост. Аналоги с такими признаками можно найти в средневековой Болгарии (Дончева-Петкова, 1996. Рис. 17, 21, 93). Совершено иные мифические образы на реликварии Кристи, о чем далее.

"Рог имеет отверстия вдоль краев". Это указание на устройство реликвария. На краю левого отростка реликвария одно отверстие (нарушено), затем по вертикали пять и еще два рядом. Справа на видимой нам стороне реликвария отверстий нет, но здесь часть края утрачена. Отверстия представлены на всех известных ликвариях. Они предназначались для шпилек, крепивших донца, превращавшие полость рога в закрытую "коробочку", "пенал". На верхнем отростке одно самое большое отверстие. Их должно быть два противолежащих, служивших для подвешивания и одновременно для крепления крышки. При подвешивании граффити оказывалась в горизонтальном положении, удобном для рассматривания. Возвращаясь к бытующему до сих пор определению "горлышко бурдюка" (Матвеева, 1997. С. 84; Багаутдинов и др., 1998. С. 149; Чернигова, 1999. С. 160), отметим, что конструкция и использование поверхности предмета под рисунок небытового содержания никак ему не соответствуют. Не знает таких "горлышек бурдюков" с сюжетными композициями и этнография, чем мы специально интересовались.

Перейдем к главному, к сюжету граффити на видимой стороне реликвария. Для удобства все фигуры нами пронумерованы (рис. 1). Сразу привлечем внимание к тому, что ни одна из человекообразных фигур не изображает человека! Это одноногие, за исключением двух центральных, с беспалыми руками существа, антропоиды.

Фигура № 1, центральная. Это главный персонаж сюжета. Из-за повреждения поверхности некоторые детали рисунка просматриваются плохо, но в целом он понятен. Персонаж сидит en face. Абрис головы сверху срезан двумя горизонтальными линиями. Это характерно для всех антропоидных фигур граффити. Глаза и нос просматриваются плохо, но заметен рот с опущенными уголками.

Руки разведены в стороны в направлении соседних фигур № 2 и 3. Левая завершается не пальцами, но парным копытом, которым он "берет" круглый предмет (плод?), подаваемый персонажем № 3. Окончание правой повреждено, но можно предположить, что в ней сосуд, в который что-то наливает из кувшина персонаж № 2.

Ноги. В отличие от прочих персонажей, у фигуры № 1 две ноги, причем они пересекаются так, что невозможно понять, какая из них сверху. После тщательного рассматривания (с большим увеличением на экране компьютера) мы пришли к выводу, что ноги как бы запутаны между собою. Сделано это, безусловно, преднамеренно. В графике Хазарского каганата ничего не воспроизводилось случайно, по наитию. Все изображаемое было строго канонизировано, соответствовало традиционным образам и должно было быть безошибочно узнаваемо. Ноги завершаются длинными ступнями с подвернутыми узкими пальцами или носками обуви. Длина голеней и бедер, судя по расположению коленей как данной, так и остальных антропоидных фигур, никак не соответствуют нормальной для человека анатомической схеме. Одеяние персонажа обозначено косыми

[3] Подробнее о трактовке данных предметов как ликвариев, особенностях расположения в погребениях и связи сюжетов на них с функциональным назначением см.: Флёрова, 1997. С. 59–66, а также в разных главах книги: Флёрова, 2001а. О находках в Саркеле: Флёрова, 2001б. С. 104–106.

Реликварий из каталога аукциона "Christie's". Компьютерная прорисовка.

короткими штришками. Хорошо просматривается ворот.

Фигура № 2. Расположена по правую руку от фигуры № 1 (для зрителя слева). Просматривается хорошо и полностью, как и противолежащая, парная ей фигура № 3. Голова с тем же горизонтальным срезом, над которым "венец" (шапочка?) или короткие штришки-волосы. Внешние уголки глаз и уголки рта опущены. Руки завершаются не пальцами, но парными копытами. Правая несколько отстранена от корпуса, а в левой кувшин, из которого должен быть наполнен сосуд персонажа № 1. Условно назовем этого персонажа "виночерпий". Обратим внимание на следующее: поскольку пальцев нет, то рука не держит кувшин в прямом смысле, а лишь прикасается к нему – действие передано условно.

Можно уверенно говорить о том, что персонаж в сидячем положении. Горизонтальная черта в основании торса (аналогичная черта в основании торса фигуры № 6) показывает, что единственная нога расположена горизонтально и направлена вправо (для зрителя влево). Ногу завершает все тот же длинный выступ.

Нога единственная! По одной ноге и у антропоидов № 3, 4, 5, 6, 8. Для сравнения укажем, что при наличии двух ног человек сидит с обоими согнутыми и поджатыми под себя. При этом видны оба колена. Такие персонажи с направленными в противоположные стороны коленями известны. Так сидят мужчины на гривне I–II вв. кургана нижнедонского Кобякова могильника (Прохорова, Гугуев, 1988. Рис. 2), на бляшке VIII–IX вв. из Давгаса в Северной Осетии – Алании (Цуциев, 1998). Особенно выразительны положения поджатых ног на раннетюркском изваянии Алтын-Эмель Семиречья (Шер, 1966. Табл. XXII), на стенке каменного ящика Хуль-Асхете I (Войтов, 1996. Рис. 67). На фоне этих и аналогичных изображений положение единственной вытянутой ноги смотрится особенно выразительно.

На фигуре одеяние показано штришками. Ворот не обозначен. Штрихов нет лишь на длинном выступе, завершающем ногу.

Еще о штрихах. На первый взгляд их можно принять за изображение меха, ведь они есть и на фигуре оленя № 10, но такие же и на орле № 7, и на кувшине. Штрихи предназначались не для передачи фактуры конкретного материала, но для выделения изображений на поверхности реликвария, их объемов.

О кувшине. Он, без сомнения, металлический. Тулово почти шарообразное, высокий конусовидный поддон и высокое горло с носиком-сливом (подобными и доныне пользуются в Дагестане). Вероятно, изображен импортный экземпляр, если только такое определение приложимо к мифологическому сюжету.

Фигура № 3. Парная для второй. Поза зеркально аналогична – сидя. Полностью схоже и изображение головы. Короткими штришками уверенно выполнены глаза, нос, рот. Уголки глаз и рта опущены. Аналогично изображены головы и у остальных антропоидов. Отстранена и направлена вниз левая рука. Правая же поднята и направлена к фигуре № 1. Это упоминавшийся акт передачи круглого предмета (плода?).

Теперь обратим внимание на оформление окончаний рук. На поднятой правой руке особенно хорошо видно, что вместо пальцев представлено копыто с разрезом, парное. Нет сомнения, что и левая завершалась копытом, но оно не просматривается.

На фигуре уже знакомое по первой нераспашное одеяние типа парки, без воротника, с треугольным вырезом на шее. Но есть и особенность: по бокам торса вертикальные швы (декоративные?). На одеянии прочих антропоидов таких швов нет. Итак, различие с фигурой № 2 только в покрое одежды.

Первые три фигуры составляют композицию: главному персонажу сюжета наливают напиток и предлагают неясный круглый предмет – возможно, плод. Несомненно, проводится какой-то обряд с ритуальным возлиянием.

Отметим, что на лицах его участников нет ни усов, ни бород, что явно указывало бы на принадлежность к мужскому полу. Но для не-людей такие отличия и не обязательны, к чему мы еще вернемся. С остальными героями сюжета первые три напрямую не связаны, хотя облик их тот же.

Фигуры № 4 и 5. По размерам они чуть меньше и занимают крайнее положение (справа для зрителя), будучи как бы дистанцированы от прочих, но тесно связанными между собой. Они совершенно идентичны. Мало того, соприкасаются плечами, при этом расположенная между ними рука является как бы общей. Трудно сказать, сделано ли это преднамеренно, либо правая и левая рука каждой из них спроецированы друг на друга. Как бы то ни было, обратим внимание на то, что их можно было разместить по отдельности. Места для этого более чем достаточно. Соединены не только руки – снизу линией соединены полы одеяний.

Основная особенность фигур № 4 и 5 – они стоят.

Обе фигуры обращены en face (левая фигура, для зрителя правая, сохранилась не полностью из-за выщерблены на реликварии). Руки опущены, с ними не связано никакое действие или жест. Надо полагать, для сюжета важно само присутствие этих персонажей, а любой смотревший должен был прекрасно знать их символику и необходимость введения их в композицию.

С руками связана вторая особенность четвертой и пятой фигур: их руки лишены не то что пальцев, но и копыт, какими обладают прочие антропоморфные персонажи. Речь не может идти о том, что окончания рук скрыты рукавами. Рукава, особенно это видно на правой руке фигуры № 4, доходят только до пояса. Но есть различие в изображении рук и рукавов. Низ правого отмечен четкой линией, а рукав "общей" руки такой не имеет. Обратим внимание, что и левая рука соседней фигуры № 3 такая же, без копыта с незавершенным рукавом.

Манера изображения голов все та же – срезаны горизонтально, на них "венчики" или короткие волосы. Глаза выполнены точками, носы выразительными крючками. И опять опущенные уголки глаз и ртов. Признаки пола не обозначены.

Покрытые штришками одеяния совершенно одинаковы, длиннополые, но без деталей. Пояс не показан, но, надо полагать, в талии они туго препоясаны. Талия подчеркнута у всех антропоидных фигур.

Вновь обратим особое внимание на то, что у фигур № 4 и 5 по одной ноге со ступнями повернутыми в одну сторону, к центру композиции. Лишь осторожно можно предположить, что может быть этим показано направление их движения к главной фигуре № 1. Без знания их роли в сюжете мифа судить об этом трудно.

Полное сходство поз, соединенность–соприкосновение плечами, "слияние" рук, одинаковые размеры наводят на мысль, что это близнецы. Близнечный культ в древности и средневековье был чрезвычайно распространен (Гаджиева, 1991. С. 64). Если наше предположение правильно, то перед нами именно близнецы-братья, а не иное сочетание (Иванов, 1987. С. 174). Но будем осторожны. Достоверная трактовка фигур № 4 и 5 (как и прочих) должна производится исключительно в свя́зи со всем мифологическим сюжетом реликвария.

Фигуры № 1–5 составляют первый, "передний" ряд на видимой стороне реликвария, его нижний фриз.

Несколько по-иному выглядят два антропоморфных персонажа второго ряда, верхнего – фигуры № 6/7 и 8. Они динамичнее.

Фигуры № 6/7 – антропоид (6) с орлом (7) на вытянутой руке. Они занимают крайнее левое положение на видимой стороне реликвария.

Фигура № 6 – одноногий антропоид с распростертыми руками. Изгиб поверхности реликвария не позволяет видеть верхнюю половину головы, но можно быть уверенным, что и она с горизонтальным срезом. Распростертые руки завершаются парными копытами. Единственная нога повернута вправо (влево для зрителя) и завершается длинным выступом (ступня?). Нераспашное одеяние с треугольным шейным вырезом обозначено штришками. Трудно определить сидит герой или все-таки находится в движении. Мы склоняемся к последнему.

На вытянутой левой руке уходящее за верхний контур реликвария изображение № 7. С некоторым сомнением мы видим в нем хищную птицу с круглым глазом и загнутым клювом – орла(?), сидящего на запястье. Окончательно решить это можно, только увидев изображение полностью.

Фигура № 8. Стиль рисунка аналогичен предыдущим. Голова с уже знакомым горизонтальным срезом. Опущены уголки глаз и особенно выразительно – рта. Левая рука упирается копытом в бедро. На правой копыта нет. Положение единственной ноги то же, что и у фигуры № 6.

Выполняя фигуру № 8, резчик допустил просчет: нога упирается в голову фигуры № 2. Этот казус весьма интересен для понимания очередности появления изображений и того, что процесс резьбы не предварялся "этюдом". Мастер явно начал с изображения сцены ритуального возлияния. На фигуре одеяние, покрытое штришками, без шейного выреза. Почему на одеянии одних персонажей вырез есть (№ 1, 2, 6), а прочих нет? Вряд ли это невнимательность резчика.

Одна деталь отличает данный персонаж от остальных – возвышающийся за правым плечом "шест", верхний конец которого вне видимости. Нет уверенности в том, что это копье.

В отношении данного персонажа также трудно решить, сидит ли он либо находится в движении. Упирающиеся в бедра руки вроде бы свидетельствуют о первом.

Фигура № 9. Это наиболее плохо сохранившееся изображение. Попытка восстановить его возможна только по оригиналу. Различимы нижние части двух ног. Слева ступня, аналогичная по положению у фигур № 1, 2, 6, 8. Справа тоже четко видна ступня, но стоящая горизонтально. Кроме ног просматриваются отдельные штрихи бедер, узкой талии и треугольного торса. Общий абрис нижней части фигуры, скорее всего, выдает традиционный образ целящегося коленопреклоненного лучника, объектом охоты которого является фигура № 10.

Фигура № 10. На видимой стороне реликвария оказалась только передняя часть этого зооморфного существа, включая передние ноги в беге. С некоторым трудом просматриваются рога, направленные вверх, и ухо под ними. Возможно, на верхнем краю реликвария просматривается и копыто задней ноги. Условно назовем фигуру "оленем", так как вертикально направленные рога скорее типичны для косули.

Условно, и еще по одной причине. Обратим внимание на строение ног. Основные суставы изгибаются в разных направлениях! У ноги, выброшенной вперед, голень приподнята также вперед, у второй ноги загиб в коленном суставе назад. О голени мы говорим не случайно, так как нижние части ног действительно весьма напоминают человеческие. Что касается копыт, то они более похожи на человеческие ступни. Что-что, а анатомию копытных в каганате знали, о чем можно судить по десяткам граффити на камнях и кости. Перед нами изображение отнюдь не реального животного, как и человекообразные персонажи – не-люди, о чем далее и пойдет речь.

Голову зооморфного существа пересекает линия (прослежена не полностью). Копье ли это или пущенная лучником стрела – остается под вопросом.

Лунарный № 11 и солярный № 12 символы. Обратим внимание на их расположение – они венчают весь сюжет видимой стороны реликвария. Нельзя не отметить, что изображение луны в виде полумесяца в графике Хазарского каганата до сих пор не было известно. Консультировавшая нас Т.М. Потемкина, специально занимающаяся проблемами палеоастрономии, считает, что изображение светил передает луну периода осеннего равноденствия и затмение (фигура № 12), обозначенное двойным контуром круга.

Непосредственное расположение молодой луны периода осеннего равноденствия над фигурами № 9 и 10 соответствует их трактовке как сцены охоты на оленя. Именно осеннее равноденствие маркируется сюжетом гибели оленя в близких календарных композициях: сцена охоты на оленя на ковше с Коцкого городка и сцены терзания оленя на реликварии Славянского музея (в сочетании с четырьмя солярными символами) и на сосуде А2 из Надь-Сент-Миклоша (Флёрова, 2001а, С. 115)[4].

[4] Определение времени по расположению луны, как периода осеннего равноденствия, подтверждает нашу версию прочтения изображений на сосуде А2, имеющую расхождение с точкой зрения Ж. Аладжова, отнесшего сцену терзания оленя к весеннему равноденствию (Aladžov, 1985. P. 80–82).

Все перечисленные выше фигуры составляют одну композицию с единым стилем. О сюжете на невидимой стороне реликвария в аннотации сказано: "охотничьи сцены с группой людей, целящихся из луков в оленя, стадо кабанов, большая птица и стая бегущих животных". Насколько правильно автор описания расшифровал все образы, мы не знаем. Но о том, что стиль изображений там иной, можно судить по изображению лошадки № 14, но сначала об объекте № 13.

Объект № 13. В самом низу видимой стороны длинная узкая полоса с поднятыми концами. Возможно, что это постамент, возвышение, на котором сидят центральный герой № 1 и прислуживающий ему № 3?

Лошадь № 14. Слева под фигурой № 2 видна только спина с седлом и полностью голова. Изображение животного более реалистично, чем антропоморфные. Седло схоже с седлами статуэтки из-под Бердянска (Гадло, 1965. С. 43), ковша Коцкого городка (Флёрова, 2001а. С. 100). Имел ли в виду автор текста каталога фигуру № 2 в качестве слезшей с лошади? Но лошадь явно относится к иной композиции. Не исключено, что передан двойной контур, который может обозначать наличие не одной лошади, а пары: прием характерный для раннесредневековой графики (Флёрова, 2001в). Нельзя исключить, что эта пара принадлежит "близнецам", стоящим с противоположной стороны "тронного места", но без обзора всей композиции на недоступной для нас части реликвария мы это утверждать не можем.

Объект № 15. Справа внизу неразличимое изображение под фигурами № 4 и 5.

Изображенное на реликварии Кристи необычно для графического искусства Хазарии во всех отношениях. Аналогов нет, что не удивительно. Реликварии с одинаковыми сюжетами неизвестны. Однако экземпляр Кристи отличается от всей их совокупности. Прежде всего, надо сказать о стиле. Изображения антропоидов характеризуются следующим: 1) головы и торсы всегда находятся en face; 2) стандартность в изображении лиц. В них нет индивидуальности. Единообразие лиц отражает принадлежность героев сюжета к одной общности. Таким образом, стиль рисунка лиц несет смысловую нагрузку. Можно говорить, если это допустимо, и об одинаковости выражений на лицах – опущенные уголки глаз и ртов; 3) единообразные срезы голов; 4) одинаковость нараспашной одежды. Одинаковость одеяния согласуется с одинаковостью лиц. В целом же гравировка выполнена очень уверенно, редки подштриховки, поправки. Надо полагать, гравер воспроизводил композицию не впервые, а сюжет и его герои были ему хорошо знакомы. Так кто же они?

Прежде всего следует обратить внимание на анатомические несвойственные людям признаки: копыта на руках и одноногость персонажей. Этого вполне достаточно, чтобы понять, что перед нами существа мифические, так называемые нелюди. Две ноги, но и те в странном переплетении только у центральных фигур № 1 и 9.

Кроме копыт на руках и одноногости три персонажа (№ 3–5) вообще не имеют ни пальцев, ни копыт на одной из рук.

Мы не ставим целью установить среду, в которой сложились эти образы. Она могла быть тюркской, но надо не забывать процессы этнокультурного взаимодействия тюркского и иранского миров. Напомним, что и сами они были неоднородны. Воспользуемся лишь одним исследованием, в котором оппозиция люди/не-люди рассмотрена детально.

Разбирая мифологическую анатомию человека, авторы "Традиционного мировоззрения..." (Львова и др., 1989) указывают на особую знаковость в биологической и социальной природе человека кистей рук и пальцев, особенно большого, подчеркивая, что "в поэтике эпоса палец наделяется сущностными свойствами и выступает в качестве квинтэссенции жизни" (Львова и др., 1989. С. 61). И это понятно, так как в кисти в целом и постановке в ней большого пальца заключается способность человека к любого рода деятельности. Напротив, "в числе ... характеристик обитателей потустороннего мира была *беспалость* как одно из наиболее очевидных свидетельств инаковости, несовместимости с культурой. Признаком же собственно человеческой природы, согласно фольклорной традиции, была рука с полным количеством пальцев...".

Авторы исследования отмечают "поразительную аналогию в концепции человека у тюрков Сибири и в современном представлении о главнейших морфологических характеристиках представителей рода и вида Homo sapiens. В их число включается рука с противопоставленным большим пальцем, как условием и инструментом разнообразных манипуляций" (Львова и др., 1989. С. 63, 64). Данный тезис согласуется с важнейшей, но не сразу бросающейся в глаза особенностью антропоморфных фигур реликвария: ничего не держат в руках и не производят никаких манипуляций! Их руки лишены пальцев, вместо них копыта. Копыто не держит кувшин, но лишь прикасается к нему, а шест у фигуры № 8 просто за плечом. Ничего не подвешено к поясам.

В равной степени с беспалостью "одноногость, хромота, "половинчатость" также признаки иных существ", т.е. нелюдей (Львова и др., 1989. С. 64, 65). Речь может идти только о "духах".

Указания на анатомическую патологию духов в посвященной шаманизму литературе многочис-

ленны. В.Н. Басилов отмечал, что одноногие духи жили в верованиях многих народов. Так, нганасанская шаманка Нобупти'е и энецкая шаманка Савонэ внушили страсть *одноногим* духам-уродцам. Покровителем Савонэ был *однорукий* и *одноногий* дух Варучи (Барочи). Изображения *безруких* и *безногих* духов нижнего мира представлены на плаще селькупского шамана (Басилов, 1984. С. 43, 51, 115).

Анатомические отклонения нелюдей свойственны не только представлениям сибирских народов. Примеры бессчетны. Так, по русским народным поверьям, "нечистая сила" могла быть опознана по отсутствию одной из парных частей тела – глаза (*одноглазые*), руки (*однорукие*) и ноги (*одноногие*) (Иванов, Топоров, 1965. С. 86–88).

Обратим внимание на то, что в древнем искусстве наличие пары ног в силуэте человека (анфас или в профиль) было обязательным. Это правило действует от палеолитической живописи до половецких изваяний. Даже стилизованные антропоморфные рукояти шаманских бубнов завершались двумя отростками-ногами, как и руки (Потапов, 1991. Рис. 3). Двуногость в первую очередь отличает облик человека от облика животных. Даже если на голове человека маска животного, его природа узнается по двум ногам. Одна нога персонажей реликвария – ни что иное, как признак их природы, отличающий от собственно людей.

В связи с вступлением духов в связь с шаманками отметим другое: хорошо известную способность духов к трансформации пола. При встрече с женщиной они могли превращаться в мужчину, а при встрече с мужчиной в женщину. Половая принадлежность духов вообще не всегда ясна в фольклоре. Не поэтому ли на лицах персонажей реликвария нет ни усов, ни бород? Так, у вилюйских якутов (по материалам А.А. Попова) духи – хозяева воды предстают антропоморфными, но в отличие от людей не имеют волос на голове, бороды и бровей (Алексеев, 1980. С. 229). Нет бровей и у персонажей реликвария Кристи. В древнетюркской среде усы и борода были распространены широко (Вайнштейн, 1991. С. 193). Возможно, изображению бровей, усов и бороды гравер не придавал никакого значения, хотя мифологические сюжеты в принципе исключают элементы случайности. Искажение образов влекло месть со стороны духов. Но и в данном случае будем осторожны, остановимся на самой констатации: лица персонажей реликвария безбровы, безусы, безбороды, что не противоречит беспалости и одноногости.

Наиболее сложен вопрос о волосах, хотя, как отмечает С.И. Вайнштейн, у соседей китайцев были известны коротко подстриженные волосы (Вайнштейн, 1991. С. 193). У тувинцев короткая стрижка означала переход рубежа пятидесятилетия (Сагалаев, Октябрьская, 1990. С. 78). Но надо иметь в виду, что волосам уделялось большое внимание не только в повседневности, но и в верованиях тюрок.

Итак, перед нами, безусловно, изображения не-людей. Это одноногие (моноскелы) с беспалыми, заканчивающимися "копытами" (а то и одной "бескопытной") руками существа. Условно назовем их "духами". Именно условно, так как в тюркском пантеоне определения сущности жителей соседних миров с человеческим миром весьма подвижны. Не будем рассматривать, к какому миру они принадлежат, нижнему или верхнему, тем более что в шаманизме известно до 33 сфер. Сами же шаманы в равной степени общались с насельниками всех миров и сфер. Инициаторами контактов были и сами духи. Для нас важнее следующее. Изображения нанесены на культовый предмет и это позволяет предположить, что персонажей реликвария не очень опасались, а возможно, и надеялись на их некоторое содействие. Нельзя исключить и того, что это эрены (ээрен) – добрые духи, каждый из которых должен был иметь свое вместилище-изображение. У тувинцев особую группу эренов составляли духи умерших предков, вместилищами которых служили антропоморфные изображения (Вайнштейн, 1991. С. 241), что мы, возможно, имеем и на реликварии. С другой стороны, стоит напомнить предупреждение одного тувинского шамана (Кенин-Лопсан, 1987. С. 143) :

На задней стороне вашего аала
Есть пещера, обращенная на север.
Там собралась компания чертей –
В будущем они могут быть опасны.

Не исключено, подобная "компания" (не эрены и не духи предков) воспроизведена на реликварии. Что же касается предусмотрительного "могут быть опасны", то это напоминание соплеменникам соблюдать в общении с духами, "чертями" определенные нормы. Могут быть опасны, но при уважительном отношении и должном "кормлении" могут быть и помощниками.

Для одноногих фигур реликвария Кристи мы остановимся на нейтральном определении – "духи". Эти персонажи можно относить и к хтоническим образам, но духи обитали и в мире живых. Мало того, духи зависели от людей, в вынужденные обязанности которых входило их кормление (Кенин-Лопсан, 1987. С. 15, 16).

Необходимо сделать следующее замечание методического характера. Чем более мы будем пытаться конкретизировать суть и соответственно название образа граффити (не только реликвария Кристи), особенно впервые встреченного, тем больше шансов впасть в ошибку. Примером может служить женский образ на известном валуне из Кудыргэ, неубедительность распростра-

ненной трактовки которого, как Умай, показал Л.П. Потапов, отметивший, что "использование этнографического материала в качестве историко-этнографического источника – дело не простое, а требующее широкой компетенции и критического подхода к отбору фактов" (Потапов, 1991. С. 294–298). Постоянное поддержание некоторой неопределенности в семантике графических изображений необходимо. Ведь и сами носители веры в духов имели о них смутные представления. Попутно отметим, что профильные изображения коленопреклоненных на валуне из Кудырге (Гаврилова, 1965. Табл. VI) не дают никаких оснований считать их одноногими. Это обычные люди. Вся сцена чрезвычайно реалистична, в отличие от рассматриваемой нами.

Мы оставляем пока без комментариев изображение оленя. Мешает то, что, половина этого граффити вне видимости. Но мы знаем главное об этом существе – анатомия его неземная, как и у окружающих его "духов".

Образы на реликварии Кристи дали принципиально новую информацию о верованиях Хазарии, информацию, которую не могут дать иные археологические источники. Существование "духов" в пандемониуме каганата *a priori* сомнений не вызывало, но их "реальный" вид не был известен. Теперь мы имеем не только подтверждение веры в них, но знаем, какими некоторых из них представляли. Источника, равного в этом отношении рекликварию, пока нет.

О семантической нагрузке сюжета[5]. Композиция не бессистемна. В ней каждая фигура занимает определенное место, а все вместе находятся в едином пространстве, подчиняясь общей ориентации "верх–низ" на плоскости реликвария. Расшифровка сюжета – дело будущего. К сожалению, без знания точного изображения композиции на противоположной стороне не удается проверить правильность предположения о связи гравировки с календарным циклом, на что наводит расположение фигур № 9 и 10 под солярно-лунарными символами. Нам она представляется едва ли не ключевой, более важной, чем фигура № 1, не имеющая аналогий в искусстве раннесредневековых кочевников европейских степей. Сопоставляя схему расположения известных нам сюжетов (Флёрова, 2001а. С. 115. Табл. 1), можно предполагать, что композиция с центральной фигурой № 1 изображает следующий за осенним равноденствием зимний период (ночь – нижний мир). Тогда перед нами образ некоего властелина нижнего мира в окружении пяти прислуживающих ему одноногих персонажей.

И еще одно замечание о композиции из семи антропоморфных фигур, орла и оленя. Их расположение не в малой степени подчинено трехконечным очертаниям самого предмета. На металлических сосудах изображения календарных циклов, оппозиции видимого и невидимого, света и тьмы, в сюжетах которых использованы сцены охоты и разные виды животных, – цикличны, персонажи движутся по кругу или группами встречно (кипский, коцкий, подгорненский: Флёрова, 2001а. Рис. 20, 21, 24в. С. 83–116). Не аналогичное ли воспроизведено на реликварии Кристи? Полагаем, возможны попытки дешифровать смысл композиции путем рассмотрения вариантов размещения персонажей по кругу. Возможно, с учетом и обратной, невидимой стороны.

Представленные образы и композиции в целом ранее в граффити Хазарии не были известны, что открывает новые возможности исследований. Это показало, что репертуар персонажей мифологии населения каганата не исчерпан. Следует ожидать появления пока еще не известных.

Теперь о противоположной стороне реликвария "с охотничьими сценами с группой людей, целящихся из луков в оленя, стадом кабанов, большой птицей и стаей бегущих животных". Кажется описание достаточно ясное. Перечисленное известно по граффити не только Хазарии, но и Первого Болгарского Царства (Аспарухов, 1984. Рис. VI, *б* – охота с луком; Овчаров, 1982. Табл. XLIV – кабаны; LXXI – группа животных).

Весьма заманчиво было бы продолжить сопоставление с известными календарными сюжетами и определить противоположную сторону в качестве "лицевой" стороны предмета со сценами, маркирующими весеннее равноденствие и летнее солнцестояние (Флёрова, 2001а. Табл. 1), к которым могут относиться "большая птица" (если это орел с добычей – весеннее равноденствие), пасущиеся стада кабанов и неизвестного вида копытных (летнее солнцестояние). На поверку же впечатление о ясности весьма обманчиво. Возникает цепь вопросов. Правильно ли автор описал те персонажи, которые нам недоступны? Действующих фигур на оборотной стороне много (группа, стадо, стая), детали граффити должны быть очень мелкими. Все ли они правильно поняты? Какие признаки взяты за основу при определении кабанов? Стая каких животных? "Охотник" имеет анатомию человека? Отличается ли его вид от уже знакомых нам одноногих?

Вторая группа вопросов связана с композиционным построением. Все изображенное на реликварии – это одна картина с общим сюжетом или же на каждой стороне свои персонажи и сюжет? Каково расположение названных персонажей? Стиль и манера изображений на недоступной нам стороне реликвария те же, что и лошади? Таким образом, описание не дает достоверного знания изображенного. Мы приходим к единственно возможному заключению: описание недоступной сто-

[5] Глубокая признательность Михаилу Федоровичу Косареву за консультации по этому вопросу.

роны реликвария не может быть использовано, так как его адекватность оригиналу сомнительна.

Не помогает пониманию невидимой, как впрочем, и видимой, сторон реликвария и указание: "Похожие предметы смотрите: рис. 119 в Плетнева *Очерки хазарской археологии*. Относительно "солонки" из рога оленя того же плана, найденной в Моравии, смотрите № 108 в Декан *Великая Моравия, Великая Моравская империя, ее искусство и время*". Такие ссылки приемлемы лишь как подтверждение существования искусства граффити в Хазарии и Центральной Европе, не более. На указанном рисунке С.А. Плетнева воспроизводит пластины Шиловского подкурганного погребения из Поволжья (Багаутдинов и др., 1998. С. 107. Рис. 21). Их стиль и персонажи совершенно иные (Флёрова, 2001в). Что же касается предмета из Подунавья, названного "солонкой" (каковой он не является), то общие с реликварием Кристи у него лишь материал (рог оленя) и форма. Он сплошь покрыт орнаментом и никаких прочих изображений на нем нет (Dekan, 1976. Рис. 108). Можно добавить, что нами учтено около 60 публикаций реликвариев, но ни на одном из них нет изображений, подобных фигурам реликвария Кристи.

Подведем общий итог относительно реликвария Кристи как источника. Он чрезвычайно неполон в силу обстоятельств его появления в нашем поле зрения. Что касается непосредственно опубликованного изображения, то и его нельзя назвать источником. Это суррогат источника. Обратная сторона предмета осталась неизвестной, ее описание ненадежно.

Изъятие вещи грабительским способом из археологического контекста лишило нас знания места находки и типа памятника, сопровождавших вещей. Они могли бы уточнить этническую принадлежность гравера, что необходимо для целенаправленного поиска фольклорных и этнографических параллелей. Сам облик антропоидных фигур не имеет определенных этнических и антропологических признаков. Наш экскурс в тюркскую демонологию не должен быть препятствием для обращения к другим, в частности к иранской мифологии. Вера в антропоморфных духов – явление стадиальное, не имеющее определенных территориальных и хронологических границ.

Публикация того, *что* мы имеем, необходима в силу редкой научной ценности предмета. Нет уверенности, что оригинал когда-либо будет доступен для полноценного исследования. Он может сгинуть в хаосе частных коллекций[6].

[6] Мы обращаемся к нынешнему владельцу реликвария, автору аннотации и всем, кто знает место и обстоятельства его обнаружения, с просьбой сообщить (можно анонимно) любую информацию об этой вещи в редакцию журнала или авторам статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. 1958. № 62.

Аспарухов М. Средновековни графити от северозападната България. Интердисциплинарни изследвания. XI–XII. София, 1984.

Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Гаджиева Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.

Гадло А.В. Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея // КСИА. 1965. Вып. 104.

Дончева-Петкова Л. Митологични изображения от българското средновековие. София, 1996.

Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987.

Ковачевић І. Аварски каганат. Београд, 1977.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1977.

Нахапетян (Флёрова) В.Е. Об изображениях на костяных изделиях салтово-маяцкой культуры // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. Донецк, 1987.

Нахапетян (Флёрова) В.Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. 1994. № 4.

Нахапетян (Флёрова) В., Шамрай А. Митологичен сюжет върху раннобългарското изделие от Подонието // Археология. Кн. 2. София, 1990.

Овчаров Д. Български средновековни рисунки-графити. София, 1982.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Прохорова Т., Гугуев В. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-н/Д., 1988.

Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античный и средневековый город. Сер. Античная древность и средние века. Свердловск, 1981.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Флёров В.С. Найдено на аукционе "Christie's". Роль эксперта в торговле древностями // РА. 2004. № 2.

Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; Москва, 2001а.

Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001б.

Флёрова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Средневековые древности евразийских степей. Сер. Археология восточноевропейской степи. Вып. 15. Воронеж, 2001в.

Цуциев А.А. Об одном аланском антропоморфном изображении // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Краснодар, 1998.

Чернецов А.В. Рец.: B. Borsos. Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982 // СА. 1985. № 1.

Чернигова Н.В. Дослідження Верхньосалтівського городища у 1999 р. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Aladžov Ž. Die Religion der heidnischen Protobulgaren im Lichte einiger arhäeologicher Denkmäler // Praehistorische Zeitschrift. Bd. 60. Heft 1. Berlin, 1985.

Borsos B. Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982.

Dekan I. Velka Morava. Doba a umenie. Bratislava, 1976.

Horn reliquary from the territory of Khazar kaganate at "Christie's" (Unique subject with single-legged spirits)

V. E. Flyorova, V. S. Flyorov

Summary

The object was presented for sale at "Christie's" auction on June 8, 2001 in New York as "the property of private collector" (see: V.S. Flyorov, Rossiyskaya Arkheologiya, 2, 2004). The artefact originated from unknown cemetery or a looted kurgan burial. In the catalogue of the exhibition one side of the reliquary was published decorated with graffito composition. The latter included anthropomorphic figures and one hippomorphic. The anthropomorphic images have got single leg each, on their hands hoofs are shown instead of fingers. They represent non-human beings, spirits. The hippomorphic image has non-horse head and human feet instead of hoofs, the joints of its legs are bent in opposite directions. The object is unique, no analogies are known. The authors consider the personages shown on the reliquary to be related with the circle of shamanistic beliefs, where the spirits characterised with pathological features of anatomical structure are known, including single-legged ones.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 66–74

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АМФОРЫ VIII–XIV вв. (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ)

© 2005 г. В. Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва

В отличие от изучения амфор периода античности, римского времени и эпохи раннего средневековья исследования амфор периода развитого средневековья (VIII–XIV вв.) сегодня сталкиваются с целым рядом проблем. Количество находок и число разновидностей средневекового амфорного материала во много раз уступает аналогичным показателям предшествующих периодов. Значительно меньше и количество закрытых археологических комплексов, способных предоставить надежно датированный материал. С другой стороны, затрудняет работу исследователей и состояние изученности проблематики. На сегодняшний день накопилось достаточно много работ, поднимающих самые разнообразные вопросы общетеоретического и общеметодического плана, так же как и исследований, рассматривающих отдельные частные моменты в рамках изучения средневековых амфор. Но большинство из них не систематизированы, не связаны друг с другом. По-прежнему остаются нерешенными актуальные, требующие неотложного рассмотрения проблемы, в том числе создание общей классификации средневековых амфор. Изучение отдельных вопросов незаслуженно ограничивается лишь поверхностным рассмотрением. Востребован далеко не весь круг источников. В сложившейся ситуации своевременным и нужным представляется обобщающий взгляд на более чем полувековую историю изучения средневековой амфорной тары, тем более что прежде отечественными исследователями не предпринимались попытки создания историографического обзора изучения средневековой тарной керамики.

Ареал амфор VIII–XIV вв. обширен: от берегов Египта до Балтики и от Испании до Поволжья. Их бытование на очерченной территории находилось в прямой зависимости от процветания Византийской империи, основного центра-производителя амфорной тары, а также стран с "провинциально-византийской культурой". Именно с исключительной ролью в торговых связях Византии связаны некоторое затухание производства амфор после 1204 г. и окончательное их исчезновение в XV в. вследствие падения империи.

Изучение амфор как археологического источника началось в середине XIX в. после открытия керамических комплексов в погребениях юга России и в ряде Средиземноморских городов. Изучение средневековой амфорной тары до 1950-х годов ограничивалось накоплением материала и его первичной обработкой.

Пожалуй, одной из первых является работа Б.И. Ханенко, где были представлены сосуды, обнаруженные в Киеве (1899). С начала XX в. публикации амфорного материала начинают появляться все чаще (Петров, 1915; Лявданский, 1926) и др. Несмотря на весьма поверхностный подход к изучению тарной керамики, данные работы зачастую содержали первые попытки выделения отдельных типов амфор, а кроме того в некоторых исследованиях амфорный материал впервые привлекался в качестве хронологического индикатора (Артамонов, 1935. С. 68–76).

Накопление материала повлекло за собой появление работ, содержащих анализ имеющихся источников, первые классификации и попытки локализации некоторых центров-производителей средневековой керамической тары, что позволяет нам выделить несколько периодов в изучении средневековой амфорной тары.

Первым периода можно назвать 50–80 годы XX в. Его начало связано с появлением первой классификационной работы А.Л. Якобсона (1951). Следом появляются классификации по материалам Северного Причерноморья (прежде всего такого памятника, как Херсонес) и Древней Руси. Начинают изучаться граффити, дипинти и клейма. Основной работой, завершающей период, стало дополненное издание работы А.Л. Якобсона 1951 г. (1979).

Второй период продолжается с конца 1980-х годов по настоящее время и также представлен классификациями, построенными по материалам Золотой Орды. Главными достижениями в это время стали классификации Н. Гюнсенин (Günsenin, 1990), А.В. Сазанова (Sazanov, 1997) и разработки В.В. Булгакова в сети интеренет.

В знаменующей начало первого периода в изучении средневековых амфор работе А.Л. Якобсона "Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации)" (1951) автор, характеризуя развитие средневеко-

вых амфор, предложил хронологическую классификацию, основанную на впервые привлекаемом датированном материале из раскопок городов Северного Причерноморья и примыкающих к нему районов северо-востока (Якобсон, 1951. С. 325–336). Найденным сосудам приведены аналогии из салтово-маяцких поселений, городов Древней Руси и Византии. Впервые автор обратился и к вопросу клеймения средневековых амфор. Эта работа в общих чертах наметила основные направления дальнейшего изучения средневековой амфорной тары – назначение и использование амфор, локализация амфорных производств, синхронизация и хронология, типология и стандартизация. Происходит переход от простого описания амфорного материала к качественному его анализу, а также количественным методам оценки импорта товаров в средневековых амфорах.

Яркой чертой первого периода стали глубокие исследования керамической тары отдельных регионов, рассматривающие амфоры уже в качестве непосредственного объекта исследования. Так, в одной из работ С.А. Плетневой содержится типология керамического материала Саркела – Белой Вежи, в том числе амфор (1959. С. 241–247. Рис. 50). Выделенные виды характеризуют керамическую тару хазарского и русского периодов существования города (VIII–XII вв.). В другой работе С.А. Плетневой была рассмотрена керамика из раскопок Таманского городища, а представленные виды амфор проанализированы в контексте изучения стратиграфических слоев Таматархи-Тмутаракани-Матреги. Исследовательница, используя классификацию, разработанную А.Л. Якобсоном, проводит сопоставление известных видов амфор с петрографическим анализом групп теста и на основании сравнительного анализа глин высказывает предположение о местном или привозном характере происхождения определенных видов сосудов (Плетнева, 1963. С. 47–50. Рис. 32).

Изучению средневековых амфор Херсона посвящен коллективный труд, в котором уточнены формы и хронология всего накопленного амфорного материала (Антонова и др., 1971. С. 82–101). Работа ("первая херсонесская классификация") подверглась критике А.Л. Якобсоном, который отмечал ряд спорных вопросов, в частности длительность бытования отдельных типов амфор (Якобсон, 1973. С. 286, 287).

Средневековая керамика Южной Таврики рассмотрена в работе Е.А. Паршиной, в которой также представлены уже выделенные А.Л. Якобсоном типы, найденные во время разведок и раскопок в Ялте, Мисхоре и других пунктах Южного Крыма (Паршина, 1974. С. 59–63).

Амфоры, обнаруженные во время раскопок древнерусских городов известны по ряду публикаций. В 1969 г. в статье "Амфоры Новогрудка XII–XIII вв." М.В. Малевская предложила свою типологию сосудов и остановилась на вопросе о количественном соотношении выделенных типов в культурном слое города (1969. С. 185–191). Исследуя керамику Белоозера Л.А. Голубева также выделила несколько типов амфор (1973. С. 101–104). В 1972 г. появилась статья А.И. Кубишева, в которой на основе сопоставления обнаруженного на амфоре клейма и чеканившейся на монетах монограммы Константина VII Багрянородного (905–959 гг.) были предложены узкие хронологические рамки бытования (середина X в.) для наиболее распространенного типа сосудов (Кубишев, 1972. С. 55–61).

К сожалению, на протяжении двух последующих десятков лет амфорная тара, обнаруженная при раскопках древнерусских городов, не рассматривалась детально. Появлялись лишь отдельные публикации фрагментов и целых амфор с граффити и надписями-граффити, найденных в средневековых слоях русских городов (библиографию см.: Медынцева, 2000. С. 21–52). Точно так же исследовались граффити на тарной керамике с памятников Северного Причерноморья и Хазарского каганата (Романчук, 1986. С. 171, 180; Флёрова, 1997. С. 69–80) и др. Изучались и немногочисленные клейма и дипинти на средневековой амфорной таре (библиографию см.: Паршина, 2001. С. 112–117; Булгаков, 2001а. С. 152; 2001б. С. 164; Волков, 2001б. С. 214, 215). Результаты изучения "тарной эпиграфики" – хронологически четко устанавливаемого и весьма обильного комплекса письменных свидетельств, во многом дополняют и коррелируют изучение амфорной керамики.

Своеобразным итогом многолетних работ А.Л. Якобсона, посвященных керамике, явился уже упомянутый труд "Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики", в котором классификация 1951 г. переработана и дополнена. Для VIII–XIII вв. определена хронология и проведены сопоставления с материалом памятников, расположенных за пределами Крыма (Якобсон, 1979. С. 29–32, 71–75, 109–113).

Отметим ряд специальных работ, посвященных изучению состава теста средневековых амфор и разработке методики вычисления их емкостей. В работе Г.М. Ковнурко на основе лабораторного изучения материала с 26 памятников Крыма и Приазовья по составу формовочной массы выделяются группы сосудов. Результаты исследования подтвердили предположение о вывозе амфор VIII–IX вв. из Крыма на поселения салтово-маяцкой культуры (Ковнурко, 1968. С. 119–122). Разрабатывается четкая система определения объема сосудов. Отмечается, что существующие методики определения емкостей

для античных амфор не всегда применимы для работы с амфорами средневековыми (Барабанова, Платонов, 1979. С. 127–133). Интересно исследование перевозимого в амфорах минерального сырья, в частности нефти, применявшейся для приготовления "греческого огня" и в медицине (Кострин, 1965. С. 291–293).

Исследуются гончарные печи VIII–X вв., известные в Крыму. Здесь отмечено 35 гончарных центров, в которых помимо бытовой посуды и строительной керамики изготовлялась тарная керамика (амфоры, пифосы, фляги). Общее количество печей – около 100 (Ivaschenko, 1997. P. 73–80. Tabl. II; Паршина и др., 2001. С. 52–77. Рис. 1). К сожалению, раскопано лишь небольшое количество печей (Смекалова и др., 2000. С. 4, 113–126). Общая их датировка – вторая половина VIII–X в. Прекращение функционирования гончарных центров скорее всего связано с нашествием печенегов во второй четверти X в. (Баранов, 1990. С. 153; Айбабин, 1999. С. 227). Собственно изготовление амфор (о чем зачастую можно судить лишь по подъемному материалу) связано с 23 гончарными центрами Таврики (библиографию см.: Ivaschenko, 1997. P. 82, 83; Паршина и др., 2001. С. 78–81). Таким образом, с уверенностью можно говорить о производстве некоторых видов амфорной тары на территории Крымского полуострова.

С конца 1980-х годов еще больше возрастает интерес к керамической таре, вызванный потребностью в систематизации и изучении всего массива накопленного материала, и прежде всего тем, что керамика, особенно тарная, часто оказывается незаменимой при датировании археологических памятников. Этот, второй, период в изучении средневековых амфор, характеризуется разработкой эволюционных линий развития. Прежде всего это исследование амфор из раскопок памятников средневекового Крыма.

В 1990 г. появляется работа И.А. Баранова, посвященная изучению Крыма хазарского периода, в которой амфорная тара середины VII–X в. привлекается в качестве действенного хроноиндикатора. Автор выделяет несколько типов амфор, датируя их VI – первой половиной VIII в. (Баранов, 1990. С. 22, 26–33). Однако хронология почти всех типов амфор в этой работе, основанная на неверно подобранных аналогиях, подверглась критике. По мнению А.И. Айбабина, наиболее вероятной представляется датировка VII–IX вв. (1999. С. 192–194).

Важный шаг был сделан в изучении амфор из комплексов византийского Херсона. В вышедшей в 1995 г. работе коллектива авторов был представлен 201 экземпляр сосудов, встреченных в комплексах VI–XIV вв. (Романчук и др., 1995. С. 46–89). Основной недостаток данной работы ("вторая херсонесская классификация") – слабое хронологическое обоснование, так как при датировках представленных сосудов, не учитывался весь материал из комплексов. Не для каждого класса амфор представлен круг известных аналогий.

По материалам из раскопок водохранилища в Херсонесе Л.В. Седиковой была предложена типология амфор IX в. (1995. С. 170, 171). В диссертации Л.В. Седиковой, посвященной керамическому производству и импорту, описывается амфорный материал из городских комплексов Херсоноса IX в., представлены сравнительный анализ амфор и их хронология; каждый тип подразделен на варианты (Седикова, 1997. С. 19–29, 58–109). К сожалению, в работе используются материалы открытых комплексов. Не до конца выяснен и вопрос о форме венчика как типообразующем факторе.

На основании материала, полученного из раскопок более 40 укреплений Крыма, исследователи выделяют типы амфор второй половины IX–X в. и рубежа XII–XIII в. (Мыц, 1991. С. 82–88, 96–98). Изучается тарная керамика из раскопок Керчи, позволяющая установить и дополнить хронологию средневековых слоев этого памятника (Sazanov, 1996. P. 191–195; Сазанов, 1998. С. 53–57, 64–83) и др. Для памятников сельской округи Боспора выделяются типы амфор VIII – рубежа IX–X вв. (Зинько, Пономарев, 1999. С. 190–200). В керамике, найденной в средневековой усадьбе у подножия Мангупа из выделенных типов амфор VIII–IX вв. три не имеют аналогов (Науменко, 1997. С. 326–335). Подробно исследуются амфоры из раскопок в Портовой части Судака, а также имеющиеся на некоторых сосудах клейма (Джанов, Майко, 1998. С. 163–168).

Три комплекса материалов из кораблекрушений в бухте Судак-Лимен в Восточном Крыму (два кораблекрушения X–XI вв., одно – конца XIII в.) опубликованы С.М. Зеленко. Комплексы представлены рядом типов амфор, один из которых имеет аналоги только в Константинополе и Новогрудке. Большой интерес вызывает картографический материал находок данных типов сосудов в районе Черного и Эгейского морей (Зеленко, 1999. С. 223–233; 2001, С. 82–92).

Систематизируются амфоры из позднекочевнических святилищ и погребений в степной зоне Северного Причерноморья. В совместной обобщающей работе А.В. Евглевского и Тат. М. Потемкиной описан амфорный материал из девяти известных святилищ и погребений кочевников развитого средневековья (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 209–213).

Изучаются импортные амфоры, встречающиеся на территории Золотой Орды. В работе, посвященной амфорам золотоордынского Азака (Азов) XII–XIV вв., И.В. Волков отмечает, что

"*до сих пор не создана даже относительная классификация амфор золотоордынского времени*" (1989. С. 85), сам же автор предлагает классификацию лишь импортных амфор, поступавших в Золотую Орду. В стороне остаются местные амфоры XIV в., производившиеся в Азаке и бытовавшие в Орде. Данная категория (азакские амфоры) основательно не исследована до сих пор. Автор в работе, опубликованной через 10 лет после написания, лишь намечает проблему дальнейшего исследования азакской и золотоордынской амфорной тары (Волков, 2002. С. 55–63).

В работе 1989 г., как и в диссертации, защищенной в 1992 г., И.В. Волков по-новому подходит к изучению амфор. В отличие от существующих классификаций, традиционно использовавших лишь внешние признаки (форму, декор, состав формовочной массы), И.В. Волков называет ряд технологических признаков: "*этап развития функций гончарного круга, вид начина, программа и способы конструирования полого тела, способы обработки поверхности, состав формовочной массы, качество обжига и др.*" Что позволяет "*детально классифицировать даже близкие керамические комплексы и выявить степень родства сходных и несходных типов*" (Волков, 1989. С. 86). С учетом этой схемы выводятся три группы амфор (объединенные этнокультурной близостью), разбитые на ряд отделов (по особенностям формы) и делящиеся на типы, причем под типом понимается "*стандарт объема амфор мастерских одного города*" (Волков, 1989. С. 87). На основании сопоставления письменных источников, данных метрологии, а также изучения клейм и граффити на амфорах, И.В. Волков условно локализует I группу амфор в Трапезунде (1989. С. 91–93; 1992а. С. 8). Подобная точка зрения была принята рядом исследователей (Волков, 1992б. С. 147; Белинский, Масловский, 1998. С. 223; Коваль, 2003. С. 349), но и подвергнута критике отдельными авторами (Сазанов, Иващенко, 1994. С. 181; Сазанов, 2000. С. 305). Аналогично изучены и две другие группы амфор (Волков, 1989. С. 96–98; 1992а. С. 9), но их классификация из-за небольшого количества исследуемых образцов не может считаться окончательной.

В последующих своих разработках И.В. Волков представляет эволюционный ряд так называемых "трапезундских" амфор и ряда амфор XII–XIII вв., условно локализованных им в Триллии близ Никеи, другим центром-производителем называются Кандия и Мальвагия (Крит), а также о. Хиос – известный с античности экспортер керамической тары (Волков, 1992б. С. 144–156). Другие редкие типы амфор, бытовавших в X и XII–XIII вв. в Северном Причерноморье и Древней Руси (по И.В. Волкову, амфоры "группы клейма АВ" и "группы клейма SSS"), условно локализованы в Гесперии (византийская часть Южной Италии и Сицилии) и Палестине (Акра, Триполи) на основании логических построений автора, привлекающего данные письменных источников, а также единичных находок клейменых сосудов из раскопок в Херсонесе и Новгороде (Волков, 1994. С. 3–8; 2001а. С. 131–144).

Обзор амфорной тары золотоордынского Азака представлен в работе И.В. Белинского и А.Н. Масловского. Авторы рассматривают здесь местные азакские амфоры, а также группы привозных амфор, отмеченных И.В. Волковым. В работе охарактеризован состав импорта керамики в Азак (Белинский, Масловский, 1998. С. 195–239). Азакские амфоры производились непосредственно на месте, о чем свидетельствуют открытые в Азове гончарные комплексы конца XIII в. – первой половины 90-х годов XIV в. (библиографию см.: Перевозчиков, 2001. С. 312–352).

Исследуются и амфоры, бытующие в золотоордынский период, прежде всего в Поволжье. Это так называемые "татарские" плоскодонные амфоры (общая их датировка XIV в.). Источниковой базой этого исследования послужили материалы раскопок наиболее известных золотоордынских памятников (Федоров-Давыдов, 2001. С. 141–146).

В 90-х годах XX в. вновь появляются исследования амфор из раскопок древнерусских городов. Так выделяются основные группы амфор X–XIII вв. из раскопок Новгорода Великого (Волков, 1996. С. 90–98). В очерке Р.Л. Розенфельдта приведены все известные на Руси виды амфор, находки их картографированы (Розенфельдт, 1997. С. 33–36. Рис. 3). Правда, материал не объединен в классификационную схему, представлено лишь его разнообразие в рамках одного типа. На карту нанесены 53 памятника с находками амфор. Работа является первой попыткой составления свода находок амфорного материала на территории Древней Руси.

В работах В.Ю. Коваля, посвященных керамике из стран Востока, бытующей на территории Древнерусского государства, керамика группируется по регионам-экспортерам (Византия, Ближний Восток, Средний Восток, Китай) в масштабах всей Руси. Амфоры входят в группу керамики изготовлявшейся в Византии и странах с провинциально-византийской культурой (Причерноморье, Малая Азия, Восточное Средиземноморье). Соглашаясь с И.В. Волковым, В.Ю. Коваль отмечает, что доминирующее место на Руси занимают типы и формы амфор Малоазийского производства, существенно меньше крымских VIII–XIV вв., возможно, некоторые амфоры завозились и из Палестины (Коваль, 1997. С. 275, 278).

В работе В.Ю. Коваля 1999 г., освещающей амфорный материал с территории Древней Руси,

атрибутируются и датируются известные типы, картографируются находки амфорного материала с известных городищ и поселений, что позволяет установить распределение амфорной тары на территории Руси. Особое внимание уделяется проблеме импорта, торговым путям, по которым амфоры проникали на Русь, а также вопросам хронологии этого импорта (Коваль, 1999. С. 246, 247, 252–254. Табл. 1; 2003. С. 340–360. Рис. 1).

В последнее время в сети интернет на сайте лаборатории аналитических исследований НИИПОИ МКИ и ИА НАН Украины существует специальный раздел, посвященный изучению византийских амфор (в основном X–XIV вв.). На сайте представлен ряд разработок В.В. Булгакова, касающихся как проблемы клеймения, так и присутствующих на сосудах граффити, введения в научный оборот материала из раскопок, и классификации самих амфор. Публикации, основанные на этом материале, появляются и в печати (Булгаков, 2003. С. 4–12).

Наиболее полно отображающим все известные типы амфор IV–XIV вв. на сегодняшний день является обобщающее исследование А.В. Сазанова 1997 г. В этой работе, помимо подробного описания каждого типа амфор, уточняется хронология, предлагаются эволюционные ряды сосудов, учитываются соответствия в типологических построениях других авторов (Sazanov, 1997. P. 87–101. Tabl. 1).

Чрезвычайно актуален вышедший недавно сборник научных трудов "Морская торговля в Северном Причерноморье", в котором большинство статей посвящены средневековым амфорам. Подобный коллективный труд, вводящий в научный оборот ряд новых памятников, полученных в результате наземных и подводных исследований, помимо материала по граффити и дипинти на амфорах, освещающий проблемы атрибуции амфорных клейм и поднимающий дискуссионные вопросы в отношении амфорной тары, впервые издается так полно (Майко, 2001. С. 118–122; Зоценко, 2001. С. 165–196; Баранов, Майко, 2001. С. 198–201 и др.).

Также проводится исследование средневекового амфорного материала из Болгарии, Румынии, Сербии, Греции и Турции – областей, непосредственно входивших в состав Византийской империи или соседних с нею. Так информацию о достижениях западных коллег в области изучения средневековых амфор можно почерпнуть из исследования П. Артура "Амфоры и византийский мир" (Arthur, 1986. P. 655–660), а также из работы Кен Дарка "Византийская керамика" (Dark, 2001. P. 47–49).

Одной из первых работ, посвященных изучению средневековых амфор, стала публикация французских исследователей Р. Дэманжель и И. Мэмбори, в которой на основании изучения значительного количества целых амфор из раскопок в Стамбуле Манганского дворцового комплекса были впервые представлены различные типы амфорной тары, датированные по стратиграфическим данным 1042–1055 гг. (Demangel, Mamboury, 1939. P. 148, 149). Другая работа, в которой рассматриваются целые формы, посвящена керамике из раскопок в Афинах (Frantz, 1938. P. 457, 464, 465).

Однако подробные исследования амфор начались в 1950-х годах. Так, Й. Чангова составила свод амфор VIII–XIV вв. из раскопок разных лет на территории Болгарского государства (1959. С. 248–258). Несколько позже Л. Дончева-Петкова также выделяет известные типы амфор Болгарии, а их распространение картографирует (1977. С. 98–103). Впоследствии появляются и другие публикации материала с территории Болгарии (Йотов, Атанасов, 1998. С. 74, 75 и др.)

Ряд работ И. Барни посвящен амфорной таре из феодальной крепости X–XI вв. Диногеция-Гарвэн (Румыния). Привлекая аналогии из других центров Византийской империи и Киевского государства, автор приходит к выводу, что средневековые амфоры эволюционировали из ранних греко-римских, а место их производства находилось как в Константинополе и различных центрах империи, так и в Северном Причерноморье (Barnea, 1954. P. 513–527; 1967. P. 251–267). В разное время публикуются материалы с территории Румынии (Florescu Gr., Florescu R., 1959. P. 626; Vasiliu, 1980. P. 437–447 и др.).

Ряд публикаций посвящен амфорному материалу с территории Сербии (Popovic, 1999. P. 155, 156, 239), в частности, классификация амфор I–VIII вв.; Мезийского Подунавья (Bjelajac, 1996) и из раскопок в Белграде (Бикић, 1994. С. 56–58). Исследуется материал из подводных раскопок (Brusic, 1979. P. 37–49).

Отдельно изучается вид амфор, местом производства которых предполагается Пелопоннесский полуостров, с таким вероятным центром, как г. Аргос. Авторами типологии этих амфор предлагается разбивка сосудов на три группы совместно с сопутствующей керамикой (кувшины, котлы), имеющей явные аналогии в изготовлении и по составу глины. Датировка устанавливается в пределах конца XI–XIII в. (Pierart, Thalmann, 1980. P. 466–482). Подобные сосуды в большом количестве встречены при раскопках Коринфа (MacKay, 1967. P. 274, 278, 279) и др. Они же присутствуют на Афинской Агоре (Robinson, 1959. P. 120) и др. При дальнейшем исследовании этих сосудов были выделены четыре их типа, различающиеся составом глины и изменением морфологических признаков (Oikonomou-Laniado, 1997. P. 237).

Отметим особо XVIII сборник научных трудов "Bulletin de Correspondance Hellenique", изданный в Париже. Том включает в себя работы, территориально охватывающие район Средиземноморья и посвященные классификации средневековых амфор, распространению керамической тары в целом ряде византийских центров, проблеме импорта, рассмотрению роли амфор в контексте развития средневековой экономики (Bakirtzis, 1989. P. 73–77; Bjelajac, 1989. P. 109–118; Sanders, 1989. P. 189–199; Doorninck, 1989. P. 247–257) и др.

Н. Гюнсенин – одна из немногих исследователей, изучающих средневековые амфоры в современной Турции. Ею опубликован ряд работ, представляющих обширную типологию амфорного материала с территории Византии. По материалам исследованных остатков гончарных печей в 140 км к юго-западу от Стамбула, на северном побережье Мраморного моря в районе Саркей (византийская Хора) и Газикей (Ганос), а также на о. Мармара (Мраморное море), где функционирование печей приходилось на вторую половину IX – середину XIV в., исследовательница выдвинула тезис о производстве здесь одного из видов средневековых амфор (Günsenin, 1989. P. 267–276; 1990; 1992. P. 197–207; 1993. P. 193–201) и др.

В работе Дж. Хэйса представлены практически все известные на территории Византии типы амфор IV–XIV вв. Работа во многом дополняет публикацию 1939 г. По сути это единственные исследования амфорного материала из раскопок столицы Византийской империи (Hayes, 1992. P. 71–79, 104, 107, 111–115, 123, 127, 130, 131, 133, 138, 142, 147–149).

В разные годы публиковались материалы из раскопок в районе средиземноморского бассейна – с территорий Испании, Франции, Италии, о. Кипр, Египта и других областей (Megaw, 1972. P. 328, 334, 340; Archéologie..., 1995. P. 106; Arcifa, Lesnes, 1997. P. 406–410) и др. Следует отметить, что многие типы средиземноморских амфор не встречаются на территории Восточно-Европейской равнины.

Изучались единичные находки амфор из Латвии и Швеции (Шноре, 1961. С. 117; Мугуревич, 1965. С. 78; Roslund, 1997. P. 272–274).

Таким образом, перед исследователями амфор VIII–XIV вв., располагающими рядом классификаций (Якобсон, 1951; Антонова и др., 1971; Günsenin, 1990; Романчук и др., 1995; Sazanov, 1997), гипотезами о возможной локализации некоторых типов амфор (Волков, 1989; 1992б и др.; Günsenin, 1989; 1993 и др.) и разработками иных проблем амфорной тематики, стоят нерешенные вопросы, касающиеся как методики изучения, так и систематизации, обобщения и научного осмысления накопленных материалов. Фактически все известные классификации базируются на материалах каких-то определенных центров – Херсонеса (Антонова и др., 1971; Романчук и др., 1995; Седикова, 1995), Новогрудка (Малевская, 1969), Мангупа (Науменко, 1997), или областей – Таврики (Паршина, 1974; Якобсон, 1979; Баранов, 1990; Мыц, 1991), Керченского полуострова (Зинько, Пономарев, 1999), реже более обширных территорий – Северного Причерноморья (Якобсон, 1951), Болгарии (Чангова, 1959; Дончева-Петкова, 1977), Турции (Günsenin, 1990), Древней Руси (Коваль, 1999; 2003) и др. Но при этом отсутствуют классификации, объединяющие все типы средневековых амфор, отображающие распространение каждого типа на всем пространстве его бытования. Для разработки подобной классификации требуются пересмотр и уточнение уже имеющейся хронологии и оперирование всем массивом имеющегося материала.

Вместе с тем необходима разработка методов изучения средневековых амфор, в связи с чем следует обратиться к весьма удачному опыту исследования античных амфор. Необходимы рассмотрение целых сосудов и отдельных профильных частей и фрагментов, анализ материала из всех известных комплексов (прежде всего закрытых), исследование комплексов отдельных или нескольких памятников, изучение тары значительных регионов.

Важным и продуктивным видится более глубокое изучение "тарной эпиграфики" – клеймения, граффити и дипинти на сосудах. Актуальны разработки по теме неамфорной керамической тары, а также привлечение при решении ряда вопросов амфорной тематики данных и методов палеогеографии. Очень важным представляется и целостное рассмотрение всей территории распространения керамической тары VIII–XIV вв. и соответствующее описание каждого известного памятника, содержащего амфорный материал. Только положительные результаты подобных разработок сделают керамическую тару надежным и действенным хронологическим индикатором и в достаточной степени достоверным источником политических и торговых связей в VIII–XIV вв. на территории Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Сб. 7.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции // Изв. ГАИМК. Вып. 131. М., 1935.

Барабанова О.О., Платонов С.Б. К методике изучения объемов средневековых амфор // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.

Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс амфор XIII–XIV вв. из Сугдеи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // ИАИАНД в 1995–1997 гг. 1998. Вып. 15.

Бикић В. Средньовековна керамика Београда. Београд, 1994.

Булгаков В.В. Византийские амфорные клейма XI в. с монограммой имени Константин // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001а.

Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001б.

Булгаков В.В. Византийские коничеки-вытянутые амфоры X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2003.

Волков И.В. Амфорная тара золотоордынского г. Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XV вв. Ростов-н/Д., 1989.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992а.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Ростов-н/Д., 1992б.

Волков И.В. Импорт из святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов-н/Д., 1994.

Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ. 1996. Вып. 10.

Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001а.

Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001б.

Волков И.В. Местные амфоры Азака // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. М., 2002.

Голубева Л.А. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. 1973. Вып. 135.

Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь, 1998.

Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през раннето средновековие (втората половина на VI-края на X в.). София, 1977.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.

Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. № 2. Київ, 1999.

Зеленко С.М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. III. Симферополь, 1999.

Зоценко В.М. Амфорна тара Києво-Подолу XII – початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Йотов В., Атанасов Г. Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998.

Коваль В.Ю. Керамика Востока в Древней Руси // Проблемы славянской археологии. Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 1. М., 1997.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского круга в Древней Руси // ННЗ. 1999. Вып. 13.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Ковнурко Г.М. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. 1968. Вып. 113.

Кострин К.В. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА. 1965. № 1.

Кубишев А.І. Хронологія одного типу амфор часу Київської Русі // Археологія. 1972. Вип. 6.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городах Смоленской губернии // Науч. изв. Смоленского гос. университета. Т. 3. Вып. 3. Смоленск, 1926.

Майко В.В. К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор юго-восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Малевская М.В. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тез. докл. к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М., 2000.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XI вв. Рига, 1965.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.

Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.

Паршина Е.А. Клейменая византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

Перевозчиков В.И. Историография местной керамики Азака–Таны // ИАИАНД в 1999–2000 гг. 2001. Вып. 17.

Петров Н.И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV–V. Киев, 1915.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. МИА. 1959. № 75.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

Розенфельдт Р.Л. Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины // Древняя Русь. Быт и культура. Сер. Археология. М., 1997.

Романчук А.И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова А.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург, 1995.

Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. V. М.; Магнитогорск, 1998.

Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб., 2000.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследования средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. № 4. М., 1994.

Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.

Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997 // Архив ИА РАН. 1997. Р–2. № 2632.

Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб., 2000.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские поселения Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

Ханенко Б.И. Древности Приднепровья. Вып. 2. Киев, 1899.

Чангова Й. Средновековни амфори в България // Изв. на Археологическия институт Българска академия науките. Кн. XXII. София, 1959.

Шноре Э.Д. Асотское городище. Рига, 1961.

Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. Т. XV.

Якобсон А.Л. Рец.: "Античная древность и средние века". Сб. 7. Свердловск, 1971 // СА. 1973. № 3.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л., 1979.

Archéologie sous-marine sur les côtes de France, vingt ans de recherche (Catalogue de l'exposition du 28 juin au 1er décembre 1985). Musées du château des ducs de Bretagne. 4. Nantes, 1995.

Arcifa L., Lesnes E. Primi dati sulle produzioni ceramiche Palermitane dal X al XV secolo // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence, 1997.

Arthur P. Amphorae and the Byzantine World // BCH. Suppl. XIII. Athenes, 1986.

Bakirtzis C. Byzantine Amphorae // BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989.

Barnea I. Amforele feudale de la Dinogetia // SCIV. 1954. T. V. № 3–4.

Barnea I. Ceramica de Import // Dinogetia I. Asezarea feudala timpurite de la Bisericuta-Garvan. Bucureşti, 1967.

Bjelajac L. Byzantine amphorae in the Serbian Danubian Area in the XIth–XIIth centuries // BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989.

Bjelajac L. Amfore gornjo Mezijskog Podunavlja. Beograd, 1996.

Brusic Z. Byzantine Amphorae (9th to 12th century) from Eastern Adriatic Undervater Sities // Archaeologia Jugoslavica. XVII. Beograd, 1979.

Dark K.R. Byzantine Pottery. Stroud, 2001.

Demangel R., Mamboury I. Les quartier des Manganes et la premier region de Constantinopole. Paris, 1939.

Doorninck Van F.H. The Cargo Amphoras on the 7th century Yassi Ada and 11th century Serce Limani Shipwrecks: Two Examples of a Reuce of Byzantine Amphoras as Transport Jars // BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989.

Florescu Gr., Florescu R. Sapaturile archeologice de la Capidava // MCA. 1959. V. VI.

Frantz M.A. Middle Byzantine Pottery in Athens // Hesperia. V. VII. № 3. Athens, 1938.

Günsenin N. Recherches sur les amphores byzantines dans les musées turcs // BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989.

Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles). Typologie, production, circulation d'après les collections turques. Paris, 1990.

Günsenin N. "Ganos": bin yildir sarap ve amphora ureten "Kutsal Dag" // Turk arkeoloji dergisi. Ancara, 1992.

Günsenin N. Ganos centre de production d'amphores a l'epoque byzantine // Anatolia Antiqua. II. Paris, 1993.

Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. V. 2. The Pottery. Princeton, 1992.

Ivaschenko Y. Les Ateliers de Ceramiques du VIe au XVe s. Au nord de la mer noire: le probleme de la continuite // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence, 1997.

MacKay Stillwell T. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // Hesperia. V. XXXVI. № 3. Baltimore, 1967.

Megaw A.H.S. Supplemenary Excavations on a Castle site at Phaphos, Cyprus, 1970–1971 // Dumbarton Oaks Papers. V. 26. Washington, 1972.

Oikonomou-Laniado A. Ceramique commune Byzantine D'Argos // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence, 1997.

Pierart M., Thalmann J.-P. Ceramique Romaine et Medievale // BCH. Suppl. VI. Etudes Argiennes. Athenes; Paris, 1980.

Popovic M. The fortress of Ras. Tvrdava of Ras. Beograd, 1999.

Robinson H.S. Pottery of the Roman period. Chronology // The Athenian Agora. V. V. Princeton; New Jersey, 1959.

Roslund M. Crumbs from the Rich Man's Table // Visions of the Past. Trends and Traditions in Swedish Medieval Archaeology. Lund, 1997.

Sanders G.D.R. The Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the 13th and early 14th centuri Pottery in the Easten Mediterranean // BCH. Suppl. XVIII. Paris, 1989.

Sazanov A. Les niveaux de la premiere moitie du XI siecle a Kerch (Crimee) // Anatolia Antiqua. IV. Paris, 1996.

Sazanov A. Les amphores de l'Antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la mer noire // La Ceramique Medievale en Mediterranee. Aix-en Provence, 1997.

Vasiliu I. Doua locuinte feudale timpurii de la Aegyssus // Peuce VIII. Raporte cerelarifor de arheologic, numismatica si istorie 1977–1978. Tulcea, 1980.

Medieval amphorae of the 8th–14th cc. (History of investigations)

V. N. Chkhaidze

Summary

First scientific publications of mediaeval amphorae appeared in the 50-s of the XIX c. Then for a century amphorae were regarded as separate subject not worth special studies and played the role of secondary source of information. By the 50-s of the XIX c. a corps of amphora material had been compiled, which caused a number of publications devoted to the analysis of this source. In them the basic problems of amphorae studies are raised: their function and use, location of producing centres, synchronous materials, chronology, typology and standards. A number of regional studies of amphora containers were published, and amphorae were considered in them the basic object of investigations. Since the 1980-s the interest to pottery containers has increased considerably, which is caused by accumulation of abundant new material and necessity of its classification and investigation. In this period much interest is paid to pottery containers as chronological indicators, the work aimed at constructing and evolutionary sequences of medieval amphorae was started. At present in the researches devoted to amphorae of the 8th–14th cc. some questions remain unsolved; they are investigational methods applied, systematisation, generalisation, and scientific ideas concerning the accumulated materials. The urgent problem is working out the classification, which can be applied to all types of mediaeval amphorae and mirror each type's position within the scope of its functioning.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 75–86

КАШИННАЯ КЕРАМИКА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

© 2005 г. В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Посвящается светлой памяти
Германа Алексеевича
Федорова-Давыдова

Средневековая керамика восточного происхождения[1], изготовленная из особого силикатного материала, называемого в научной литературе Европы и Америки "кварц-фриттой" (quartz-frit), "составным материалом", "искусственной" или "каменной" массой (artificial paste, stonepaste), фаянсом (faience), а на Среднем Востоке – "кашином" (kashi), известна археологам и антикварам уже почти 200 лет. Этот своеобразный материал представляет собой перемолотый кварцевый песок с добавками белой глины, извести и других примесей (например, водного раствора органического клея), сплавленных при температуре 1000–1200°С (Гражданкина, 1958. С. 30; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 127; Сайко, 1982. С. 85–87; Абдуразаков, 1987. С. 179). Кашин высшего качества отличался исключительной белизной, а по прочности и прозрачности приближался к китайскому фарфору. Кашинная керамика изготавливалась во многих странах Востока, но первые глазурованные изделия из силикатного материала (так называемого египетского "фаянса") – посуда, бусы, привески и т.п. – появились в Египте во II тыс. до н. э. (Сайко, 1982. С. 123), а может быть и в еще более раннюю эпоху (Галибин, 2001. С. 8–10). С XI в. н.э. кашин стал гораздо шире применяться в керамическом производстве Египта при изготовлении поливной посуды (Watson, 1985. P. 23). Однако массовое распространение кашинная керамика приобрела только после того, как в XII в. ее производство было освоено мастерами Ирана и Сирии. Тогда же появилось и слово "кашин" ("kashi"), отразившее название наиболее известного центра производства подобной керамики – иранского города Кашана. Самым ранним образцом иранской кашинной керамики считается бутыль, изготовленная, согласно надписи на ней, в 1132 г. (Grube, 1995. P. 148, 149). В XII в. из кашина начинают производить и глазурованные облицовочные плитки, широко применявшиеся во внешнем и внутреннем декоре зданий (мечетей, мавзолеев, дворцов знати). В XIII в. из Ирана и Сирии секрет изготовления кашина проник в Среднюю Азию, в XIV – в Золотую Орду, в XV в. – в Турцию. Производство кашинной посуды и декоративных плиток продолжалось в Турции, Иране и Средней Азии до XVIII–XIX вв.

Глазурованную кашинную керамику в европейской и американской научной литературе называют "фриттовой керамикой" (fritware) или "фаянсом" (faence) (Сайко, 1969. С. 82; Gardin, 1963. P. 152; Watson, 1985. P. 23; Mason, Keall, 1991. P. 52). Фаянсом ее стали называть еще в XIX в. по аналогии с западно-европейскими изделиями XV–XVIII вв., которые изготавливались из глин различных цветов (сам термин "фаянс" происходит от названия итальянского города Фаэнца, где было налажено производство высокохудожественной поливной посуды). В искусствоведении "фаянсами" называют керамику из белой массы, покрытую непрозрачной поливой; если же эта полива прозрачна, то такие изделия именуют "полуфаянсами" (Кубе, 1923. С. 10; Кверфельдт, 1947. С. 8). Поливную посуду из глин любого цвета называют "майоликой", если кроющая полива непрозрачна, и "полумайоликой", если она покрыта прозрачной глазурью (Зайцева, 1996. С. 130, 131). Данная терминологическая система используется и нами (Коваль, 1997а. С. 108; 1997б. С. 8). Следует заметить, что современная фаянсовая посуда, производимая промышленным способом, существенно отличается от средневековой (как европейской, так и восточной) – она делается из смеси кварца, белой глины, мела и покрывается прозрачной глазурью (Химическая технология..., 1972. С. 429).

Золотоордынская кашинная керамика стала известна археологам еще в XIX в. В XX в. ее изучением занимались такие исследователи, как Ф.В. Баллод, К.Н. Папа-Афанасопуло, А.Ю. Якубовский, Э.К. Кверфельдт. Большой вклад в исследование этой керамики внесли Н.Н. Вактурская, Г.А. Федоров-Давыдов и Н.М. Булатов, которыми разработана классификация золотоордынской кашинной керамики (Булатов, 1968; 1969б)[2].

[1] Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного на конференции "Поволжье в средние века", посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (Нижний Новгород, 2001). Завершение данной работы стало возможным благодаря поддержке РГНФ (проект № 03-01-00225а).

[2] Классификация Н.М. Булатова основана на цветовых различиях глазурей. Подобный принцип кажется нам не самым удачным, однако разбор данного вопроса выходит за пределы темы нашей статьи.

Изучением золотоордынской кашинной керамики занимались также Т.В. Скоробогатова, В.И. Шляхова, Л.Л. Галкин. На материалах Средней Азии кашинная керамика изучалась Н.С. Гражданкиной, Э.В. Сайко, Г.А. Пугаченковой, С.Б. Луниной, Т.В. Шишкиной. За рубежом кашинную керамику изучали Ф. Сарре, Дж. Поуп, Э. Кюнель, А. Лэйн, Г. Фехерваре, Э. Грубе, О. Ватсон, А. Поуп, А. Кагер-Смит, В. Портер и другие. В отечественной литературе сформировалась система взглядов на происхождение традиции производства такой керамики и ее декорировки, была выработана терминология, применяемая поныне. Однако не все из этих воззрений бесспорны, не вся терминология адекватно отражает характеристики керамики, а отдельные термины безнадежно устарели.

Еще в самом начале изучения золотоордынской кашинной керамики А.Ю. Якубовским было высказано мнение о том, что навыки производства этой керамики были принесены в города Поволжья мастерами, переселенными из Хорезма (Якубовский, 1931. С. 13, 16). Это мнение поначалу получило поддержку (Кверфельдт, 1947. С. 89, 90), но было пересмотрено Г.А. Федоровым-Давыдовым, установившим, что кашинная керамика Поволжья не копировала хорезмские образцы (которые им синхронны). Керамическое искусство Золотой Орды развивалось одновременно и параллельно в Поволжье и Хорезме на основе традиций Ирана, Кавказа и Средней Азии (Федоров-Давыдов, 1976. С. 128). Синтез этих традиций привел к появлению нового – золотоордынского – варианта кашинной керамики, отличия которого фиксируются как в технологии подготовки формовочной массы, так и в декоре. Однако по инерции "среднеазиатская" линия влияния на сложение золотоордынской синкретической традиции продолжала считаться доминировавшей. Между тем накопилось немало фактов, указывающих на то, что налаживание производства кашинной керамики в Золотой Орде происходило под сильным влиянием керамических традиций Ирана[3] и Сирии. Так, именно в иранской, так называемой "султанабадской", керамике второй половины XIII – первой половины XIV в. получил распространение своеобразный стиль орнаментации сосудов при помощи росписи их поверхности жидким кашином (служившей основой для дальнейшей росписи красками), который был в готовом виде перенесен в керамическое производство Золотой Орды (Lane, 1957. P. 14). Ни в одной из стран Востока керамика с подобным декором не получила столь широкого развития, как в Джучидском государстве второй половины XIV в. При этом золотоордынские изделия не копировали роспись иранских чаш, отличаясь своеобразием сюжетов и набором элементов декора.

Тезис Г.А. Федорова-Давыдова о том, что "именно традиционные иранские мотивы росписи сосудов оказали влияние на сложение золотоордынского стиля керамического декора" (1976. С. 126) получил новые подтверждения. Действительно, орнаментальные мотивы керамики Поволжья и Хорезма XIV в. не находят прототипов в среднеазиатском посудном декоре XII–XIII вв., выполненном на красноглиняной полумайолике, но обнаруживают ближайшее сходство с орнаментами Ближнего Востока и Ирана XIII в. Из иранской керамики была воспринята ордынскими гончарами и одна из самых распространенных посудных форм – "лотосовидные" (полусферические в сечении) чаши. Очень скоро в Золотой Орде из них была выработана новая форма – полусферическая чаша со слегка отогнутым наружу краем, ставшая культурным индикатором ордынской керамики.

Несколько меньшее влияние на золотоордынскую поливную посуду оказала художественная керамика Сирии XII–XIII вв. (так называемые фаянсы Ракки), развивавшаяся параллельно с иранской и зачастую трудноотличимая от нее. В частности, ближайшие аналогии излюбленному на золотоордынских полуфаянсах мотиву цветка лотоса исследователи указывают именно среди сирийских и египетских сосудов XIII–XIV вв. (Скоробогатова, 1983. С. 95). Сходство ряда образцов золотоордынской кашинной керамики с сиро-египетской было отмечено и зарубежными специалистами (Lane, 1957. P. 15). Разнообразные "влияния" на золотоордынскую керамику выражались в основном в переселении гончаров из захваченных державой Чингизидов культурных центров Ближнего Востока (Булатов, 1976. С. 98), однако миграция заметного количества мастеров из Египта или Сирии в Поволжье представляется более чем сомнительной. Следовательно, наряду с перемещениями живых носителей традиций восточного керамического производства большую роль в становлении золотоордынского гончарства играли и привозные сосуды, служившие образцами для подражания. Именно таким путем могло осуществляться влияние сиро-египетской керамики на золотоордынскую. Однако среди коллекций керамики из раскопок золотоордынских городов отмечаются лишь единичные обломки сосудов египетского или сирийского происхождения (Булатов, 1969б. С. 262; Коваль, 2003. С. 67, 68). Правда, раннезолотоордынские комплексы (второй половины XIII – начала XIV в.) исследованы пока в недостаточной степени, да и сама сиро-египетская керамика не настолько хорошо изучена и опубликована, чтобы делать ка-

[3] Связь золотоордынской и иранской кашинной керамики была подмечена еще Э.К. Кверфельдтом, по мнению которого иранская традиция формировалась под влиянием золотоордынской (1947. С. 74).

кие-то окончательные выводы о масштабах ее ввоза в Орду.

В области технологии изготовления золотоордынской кашинной керамики выделяются три особенности, существенные для понимания формирования традиции ее производства.

1. Применение рыхлого (рассыпчатого) кашина, свидетельствующее об отступлениях от высокой технологии его изготовления (недостаточной насыщенности кашинной массы водой и грубом помоле песка). Похожий по фактуре кашин стал применяться в сирийском и иранском керамическом производстве с XIII в. и доминировал там в XIV в. Лишь в XV–XVIII вв. иранские мастера вернулись к производству твердого кашина. В Золотой Орде твердый (т.е. сплавленный до состояния каменной массы) кашин никогда не изготавливался. По своему составу золотоордынский (как поволжский, так и хорезмский) кашин являлся высокосиликатным (с содержанием кремнезема 90–95%), что сближает его с иранским кашином, но отличает от среднеазиатского, рецептура которого отличалась повышенной нормой глины и извести (Гражданкина, 1965. С. 158. Табл. 2).

2. Присутствие красного кашина, не встречающегося среди изделий других стран Востока[4]. При этом основная масса кашина золотоордынской керамики имеет белый, сероватый или розовый цвет, т.е. не отличается от иранского или сирийского. Спектральный анализ иранской кашинной керамики показал, что розовая окраска кашина не связана с добавками оксида железа, поскольку как в белом, так и в розовом кашине этот компонент присутствует в одинаковом количестве (не более 0.4–0.8%)[5] (Allan, 1974. P. 63; Allan et al., 1973. Tabl. 3). Появление розового цвета кашина специалисты объясняют его высокосиликатным составом при незначительном количестве добавок глины и извести (соответственно в составе белого кашина отмечается присутствие около 8% глины и 2% извести) (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 131). Разницу в цвете кашина пытались объяснить и различной температурой обжига изделий: при низкой температуре (ниже 1000°С) кашин приобретает розовый цвет, при более высокой он становится желтоватым и белым (Гражданкина, 1958. С. 63). Таким образом, данная проблема окончательно еще не решена.

Ярко-красный цвет кашина у ряда образцов поволжской керамики, по мнению Н.М. Булатова, достигался добавлением в формовочную массу перетертого в порошок красноглиняного шамота (Булатов, 1968. С. 95), однако причины столь резкого изменения рецепта приготовления кашина им указаны не были. Химический и петрографический анализы красного поволжского кашина не проводились, а потому эта гипотеза не может быть принята до ее детальной проверки. Позволим себе высказать предположение, что красный цвет кашина может объясняться добавкой в формовочную массу красной глины взамен белой, применявшейся в стандартном рецепте приготовления кашина. Такая замена могла быть проведена для удешевления производства в связи с дефицитом белой глины, запасы которой в Среднем и Нижнем Поволжье отсутствуют.

3. Для формовки кашинных изделий в странах Ближнего и Среднего Востока применялись матрицы (калыпы), однако в золотоордынских городах (равно как и в Средней Азии) кашинная посуда (чаши, альбарелло и кувшины) часто формовалась на гончарном круге подобно обычной керамике из глины (Вактурская, 1959. С. 322; Гражданкина, 1965. С. 158), о чем свидетельствует ротационное рифление на внутренней поверхности сосудов. Алебастровые же калыпы, найденные в Поволжье, применялись для изготовления сосудов с рельефными (волнообразно изогнутыми) стенками (Булатов, 1972. С. 272–274). Обжиг сформованных на круге кашинных сосудов, как показали эксперименты, мог производиться даже без их просушивания, поскольку высокая пористость кашина препятствовала растрескиванию изделий при обжиге (Гражданкина, 1958. С. 31).

После первого обжига кашинные изделия покрывались художественной росписью минеральными красками, а затем водным раствором глазури ("сырой" глазурью) и вновь обжигались. В процессе обжига глазурь расплавлялась и покрывала сосуд стекловидным слоем. При этом второй обжиг кашинных изделий осуществлялся иначе, нежели поливной керамики, изготовленной из глины. Сосуды устанавливались в горнах в вертикальном положении, дном вниз – на это указывают потеки глазури на внешней стороне стенок и утолщенный слой глазури на внутренней стороне дна чаш. При обжиге же полумайоликовых (глазурованных красноглиняных) чаш они собирались в стопки, где отделялись друг от друга глиняными треножниками ("сепая") и устанавливались вверх дном. Такая технологическая традиция получила распространение в Средиземноморском бассейне с начала XIII в., тогда же она, вероятно, стала известна в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Препятствиями для внедрения этого высокоэффективного метода в производство кашинной керамики послужили как устойчивые гончарные традиции, усвоенные из Ирана и Сирии, так и высокая текучесть щелочных глазу-

[4] Среди изделий различных стран известны образцы с коричневым и сиреневым цветом кашина. Кашин, производившийся в Маджарах (Северный Кавказ), имел желтоватый оттенок (Булатов, 1968. С. 95).

[5] Кашин среднеазиатских декоративных плиток иногда содержит несколько бóльшую, но также незначительную долю оксида железа – не более 2% (Гражданкина, 1958. С. 62, 159, 179, 187; Абдуразаков, 1987. Табл. 2).

рей, мешавшая осуществлять обжиг изделий вверх дном или в стопках[6].

Обратимся к вопросу о химическом составе глазурей кашинной керамики. Н.М. Булатов, опиравшийся на результаты проведенных качественных спектральных анализов глазурей золотоордынской посуды, считал, что они разделяются на 4 класса, среди которых преобладали "поташные" (классов Na–K–Ca–Mg–Si и Na–K–Si – 59%)[7] и "содовые" (классов Na–Ca–Mg–Si и Na–Si – 41% анализированных образцов) (Булатов, 1968. С. 98). Однако на нынешнем уровне знаний о древних стеклах и глазурях такое разделение не может быть принято: глазури, названные "поташными", содержали слишком мало оксида калия (не более 2%), а те, что были названы "содовыми", практически не отличались от первых по своему химическому составу (они содержали оксид калия в несколько меньшем количестве).

Проведение серии количественных рентгеноспектральных анализов глазурей золотоордынской кашинной посуды (таблица) позволило сделать несколько важных выводов:

1. Все исследованные образцы глазурей относились к одному химическому типу искусственных силикатов, сваренных на золе пустынных растений, и более того – к одному подтипу: Na–Ca(Mg)–Si[8] по системе В.А. Галибина (2001. С. 69). По своему составу они близки средневековому ближневосточному стеклу, наибольшее же сходство имеют с глазурями иранских полуфаянсов XII в. и иранских люстровых фаянсов XII–XIV вв. (Табл. 1. № 22, 23, 25). Следует также заметить, что по соотношению щелочноземельных элементов (оксидов кальция и магния, доли которых составляют в среднем соответственно 5–6 и 2–4%) золотоордынские глазури аналогичны иранским и сирийским глазурям XII–XIV вв. (таблица).

2. При сравнении химического состава глазурей золотоордынской кашинной керамики с другими восточными фаянсами и полуфаянсами обращает на себя внимание практически полное отсутствие окиси свинца в исследованных образцах, что резко отличает их от основной массы сирийской кашинной керамики XII–XIII вв., за исключением одной поздней ее разновидности – полуфаянсов типа "Русафа", датирующихся XIII в. (табл. № 21). По этому же показателю заметна высокая степень сходства с иранскими полуфаянсами XII–XIII и XVI–XVIII вв. Подобный же состав имели глазури иранских полуфаянсов "султанабадского" типа, изготавливавшихся во второй половине XIII – XIV в. (Allan et al., 1973. P. 165, 166). Глазури декоративных среднеазиатских облицовочных плиток (изразцов) XIV в. имели совершенно иной состав, относясь к свинцово-щелочным глазурям (табл. № 31). Еще большим было содержание оксида свинца в глазурях турецких полуфаянсов XVI в. (табл. № 28). Таким образом, глазури золотоордынской кашинной керамики изготавливались по рецептуре иранских и существенно отличаются от глазурей, применявшихся в других странах Востока (Сирии, Средней Азии, Турции). Следовательно, глазурный полуфабрикат (порошок) импортировался в Поволжье из Ирана либо глазури приготавливались золотоордынскими мастерами самостоятельно, но из иранского сырья и по иранской рецептуре.

Следует заметить, что в золотоордынских глазурях бирюзового цвета доля оксида свинца иногда бывает несколько повышенной (табл. № 1, 15), что объясняется добавлением в шихту медного красителя в виде окислов, полученных из многокомпонентной бронзы, в составе которой наряду с медью и оловом, видимо, содержалось некоторое количество свинца. Присутствие среди золотоордынских бронз образцов с повышенным содержанием свинца (до 9%) показали результаты эмиссионного спектрального анализа (Недашковский, 2003. С. 247, 249)

3. Щелочные глазури золотоордынского Поволжья содержат от 1 до 3.5% оксида алюминия. По норме этого элемента они весьма схожи с сирийскими и иранскими, но заметно отличаются от среднеазиатских (в том числе хорезмских) глазурей, включавших значительно большее количество этого оксида – до 8% (табл. № 29, 31). Золотоордынские глазури не обесцвечивались оксидом марганца (как, впрочем, и в других странах Востока), содержание которого редко превышало 0.1%. Бирюзовый цвет глазури достигался добавлением оксида меди в количестве от 2 до 5.6%, а светло-зеленая полива псевдоселадонов окрашивалась оксидом железа в количестве 3–4%.

Термин "кашинная керамика", безусловно, наиболее точно отражает качественную характеристику формовочной массы этого типа восточной посуды. При этом значительная часть такой керамики имела выпуклый подглазурный декор, который давно стали называть "рельефом" (Булатов, 1968. С. 99, 104), исходя из мнения о том, что он достигался путем формовки сосудов в калыпах (матрицах), имевших соответствующий контррельефный (углубленный) рисунок. Однако в подавляющем большинстве случаев такой "рельеф" достигался росписью густым ангобом, имевшим силикатную основу, идентичную телу кашинного сосуда (Сайко, 1969. С. 53), т.е. фак-

[6] Сепаи стали применяться в иранском производстве кашинной керамики лишь в XVI–XVII вв.

[7] По классификации Ю.Л. Щаповой.

[8] Соотношение оксидов натрия и калия в некоторых образцах позволяет относить их по формальным признакам к подтипу Na(K)–Ca(Mg)–Si, однако эти отклонения от основной рецептуры могли носить случайный характер либо стать результатом выщелачивания глазурей из-за долгого пребывания обломков сосудов в земле.

Химический состав глазурей золотоордынской кашинной керамики

№	Адреса образцов и типы керамики	Удельный вес оксидов (%)											
		Na_2O	K_2O	CaO	PbO	Al_2O_3	MgO	SnO_2	MnO	FeO	CuO	CoO	SiO_2
	Керамика золотой орды Полуфаянсы Без росписи (*бирюзовая глазурь*)												
1*	Москва (Кремль. № 565/47479)	12.4–13.0	1.6–1.7	6.6–7.3	0.2–0.3	2.8–3.0	2.5–2.8	0.7–1.7	<0.1	1.0–1.2	2.3–2.7	–	65–66
	С полихромной росписью, без росписи кашином (*бесцветная глазурь*)												
2*	Москва (Кремль. № 458/47340)	16.6–17.2	1.7–1.8	5.5–5.9	0–0.1	2.2–2.5	2.2–2.3	<0.1	<0.1	0.9–1.1	<0.1	–	69–70
3*	Тверь	13.8–15.5	2.4–2.5	3.7–4.8	–	2.9–6.1	1.5–2.2	<0.1	0–0.1	0.7–0.9	0.1	<0.1	71–72
4*	Селище Ближнее Константиново-1 около Нижнего Новгорода (1996. № 181)	15.4–16.0	2.0–2.2	5.7–6.4	0–0.2	1.2–1.8	3.4–3.8	–	–	0.7–0.8	–	–	68–69
5*	Селитренное городище (п.м.)	14.4–15.2	3.3–3.6	5.9–6.5	2.6–2.8	1.8–2.6	1.6–2.6	–	0–0.1	1.5–2.2	0–0.1	0–0.1	63–66
6**	Селитренное городище (1985, № 226)	**1.7–3.5**	1.4–1.7	5.4–5.7	–	1.5–1.8	1.3–1.9	–	–	1.2–1.6	–	–	60–62
7**	Селитренное городище (1987, № 37)	**1.6–3.5**	1.3–1.6	4.1–5.8	–	0.8–1.0	2.0–3.4	–	–	1.2–1.7	0.6–1.0	–	61–64
	С полихромной росписью и росписью кашином (*бесцветная глазурь*)												
8*	Москва (Кремль. 1995. № 1)	13.8–14.1	2.1–2.2	6.1–6.4	0–0.1	2.4–2.8	2.1	–	0–0.1	0.9–1.0	<0.1	<0.1	71–72
9*	Москва (Кремль. № 474/47356)	18.9–19.4	1.4–1.5	3.6–4.3	0.1–0.2	2.8–3.4	2.4–2.5	–	<0.1	0.9–1.1	–	<0.1	67–68
10*	Москва (Кремль. № 459/47341)	14.2–14.9	1.9	7.0–7.2	0.2–0.3	1.7–1.9	4.1–4.3	0–0.1	<0.1	0.7–1.0	0–0.1	–	68–70
11*	Коломна (2002, УЛ-19, № 122)	11.9–12.3	1.7–1.8	5.8–6.0	0.3–0.5	2.2–2.9	3.2–3.6	–	–	0.9–1.1	0.1	0.02	70.3–71.8
	С монохромной синей росписью (*бесцветная глазурь*)												
12*	Рязань (1956, № 360) (с рельефной моделировкой тулова)	15.4–16.0	2.4	5.2–5.6	0.3–0.5	2.7–3.2	2.0–2.2	–	–	1	–	–	68–69
13*	Селитренное городище (п.м.) (с декором в технике "grain de riz" и синей росписью)	17.8–18.4	1.8	3.6–3.8	0.7–0.9	1.7–1.8	1.8	0.1–0.2	<0.1	0.8–0.9	<0.1	–	71
14***	Селитренное городище (16 различных образцов)	3–14	–	7–15	0–0.5	0.9–3.3	2.2–6.0	–	0–0.2	1.0–2.8	–	–	72
	С черно-синей росписью и росписью кашином (*бирюзовая глазурь*)												
15*	Коломна (2002, УЛ-19, № 165)	13.6–14.2	3.9–4.1	4.4–4.6	1.7–2.0	3.3–3.7	2.3–2.6	0.3–1.5	0.1	1.2–1.3	4.5–5.1	–	58
	С черной росписью, без росписи кашином (*бирюзовая глазурь*)												
16**	Селитренное городище (п.м.)	**8.0–9.6**	1.4–1.7	5.2–5.6	–	0.3–1.9	1.8–2.2	–	–	0.9–1.1	4.6–5.6	–	59–62
17*	Селитренное городище (п.м.)	15.1–15.3	1.4	5.2–5.5	–	2.2–2.5	2.4–2.5	–	0.1	1.1–1.2	2.1–2.4	–	69–70

Таблица. Окончание

№	Адреса образцов и типы керамики	Удельный вес оксидов (%)											
		Na_2O	K_2O	CaO	PbO	Al_2O_3	MgO	SnO_2	MnO	FeO	CuO	CoO	SiO_2
		Фаянсы											
		Со светло-зеленой поливой (*псевдоселадоны*)											
18*	Селитренное городище (п.м.)	12.7–12.9	1.2–1.3	4.4–4.8	7.9–8.5	1.9–2.1	1.6–1.7	8.5–10.4	<0.1	3.0–3.6	0.2	0–0.1	50–52
		Справочные материалы											
19**	Египетские полуфаянсы XI в. (Коваль, 1997б. Табл. 2. № 1).	7.0–8.2	1.5–1.8	3.5–3.7	16.6–18.6	0.6–1.4	1.1–1.6	–	–	0.8–1.2	0.4–0.6	–	58–60
20	Сирийские полуфаянсы XII в.*	8.4–8.8	1.3–1.6	3.3–4.6	16.9–22.5	1.1–1.4	1.3–1.7	0.1–0.2	<0.1	0.6–0.9	0–2.2	–	54–60
	»**	**5.1–5.4**	1.7–1.8	2.4–2.8	15.3–15.7	–	1.3–2.5	–	–	0.6–0.8	0.3–0.5	–	57–61
21**	Сирийские полуфаянсы типа "Русафа" XIII в.	5.5–13.2	2.6–3.2	6.1–8.6	–	0.7–1.3	3.1	–	–	0.4–0.8	–	–	62–65
22*	Иранские полуфаянсы XII в.	11.4–13.6	2.0–3.0	5.6–10.4	0.1–0.6	0.9–1.6	3.3–4.0	0–0.1	<0.1	0.4–0.8	1.7–1.9	–	67–74
23*	Иранские люстровые фаянсы XII – начала XIII в.	7.9–12.9	1.7–1.9	3.5–4.5	5.0–22.8	1.5–2.7	1.1–2.2	5.5–8.2	0–0.1	0.5–1.0	0.1	–	50–65
24*	Иранские фаянсы "минаи" XII–XIII вв.	5.4–5.5	1.6	4.0–4.1	31.0–31.6	0.7–0.9	1.2–1.3	6.8–7.8	<0.1	0.4–1.4	<0.1	–	45–47
25*	Иранские фаянсы второй половины XIII–XIV вв.	11.4–12.6	1.4–1.8	4.7–6.6	6.2–16.0	1.4–2.1	1.7–2.7	1.0–4.6	0–0.1	0.6–0.7	0–0.1	–	52–65
26**	Иранские полуфаянсы XIVв.	**4.6–6.6**	2.5–2.9	4.7–5.8	5.5–7.0	1.3	1.8–2.5	0.6–1.1	–	0.5–2.0	0.5–1.0	0.5–0.6	63–65
27**	Иранские полуфаянсы XVI–XVIII вв.	4.2–13.9	1.1–2.3	4.2–5.0	0–1.7	1.1–2.3	1.7–4.1	–	–	0.6–1.0	0–1.4	–	66–71
28**	Турецкие полуфаянсы XVI в.	2.7–7.2	1.0–1.2	0.9–1.4	31.9–33.6	–	–	1.2–5.8	–	0.2–0.4	–	–	53–56
29	Полуфаянсы с голубой глазурью (Хорезм, XIV в.) (Сайко, 1969. Прил. 4).	7.2–11.9	0.6–1.9	2.5–8.2	?	3.0–6.9	2.7–5.2	?	?	1.1–2.4	?	?	64–75
30	Полуфаянс с полихромной росписью под бесцветной глазурью (Хорезм, XIV в.) (Сайко, 1969. Прил. 4).	12.1	1.5	4.9	?	2.3	2.6	?	?	1.7	?	?	69
31	Кашинные плитки с голубой глазурью (Средняя Азия, XIV в.) (Абдуразаков, 1987. Табл. 4)	2.7–4.5	1.6–2.8	5.1–6.9	16.7–24.1	3.5–8.1	2.2–3.5	4.8–5.6	–	1.8–2.7	0.4–1.0	–	42–53

* Анализы проведены в ИГЕМ РАН А.И. Цепиным на микроанализаторе "Camebax SX-50".

** Анализы выполнены во Всероссийском НИИ минерального сырья Н.И. Чистяковой на микроанализаторах SuperProbe-733 и Camebax-MBX (Коваль, 1997б. Табл. 2). Низкие значения оксида натрия объясняются особенностями примененной методики (эти значения выделены в таблице жирным шрифтом).

*** Анализ проведен В.И. Галибиным в ИИМК РАН (Шляхова, 1991. Табл. 3).

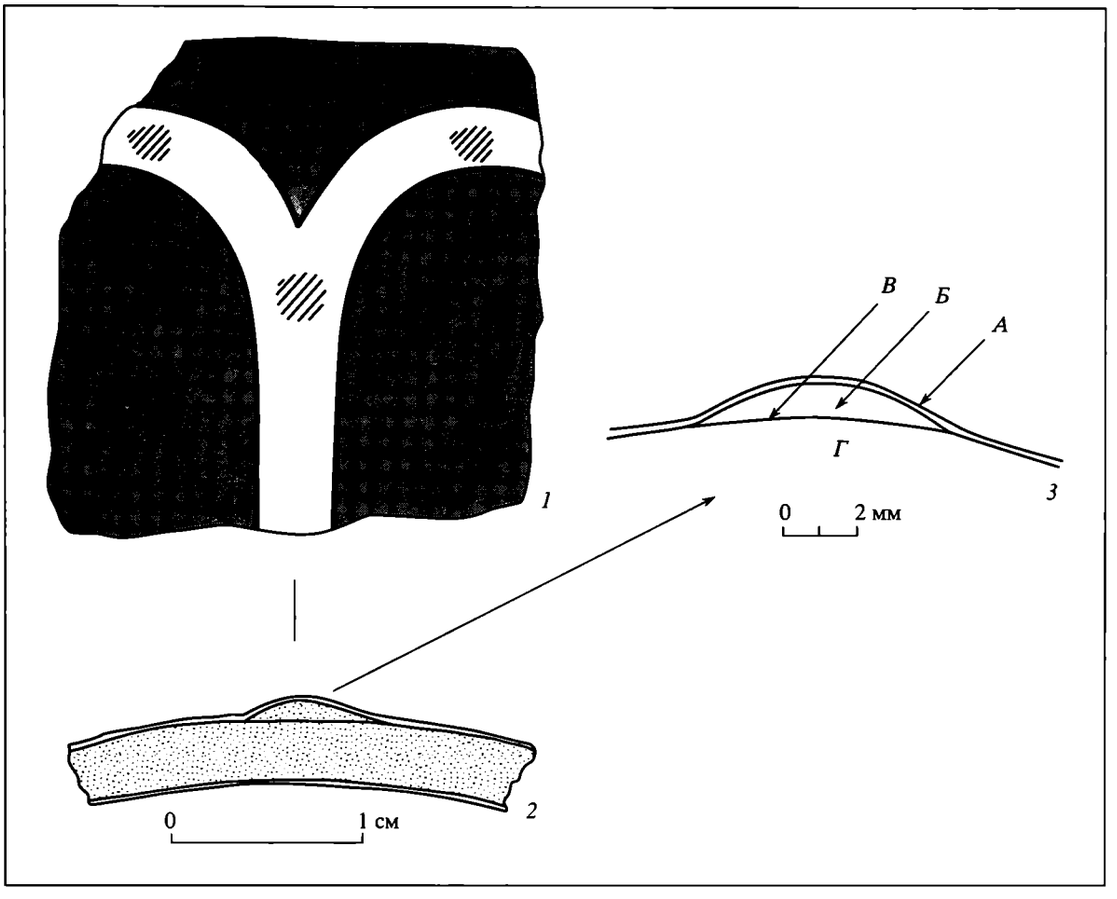


Рис. 1. Образец полуфаянса с росписью кашином. *1* – Внешняя поверхность обломка чаши с изображениями стилизованных лепестков лотоса; *2* – структура излома черепка; *3* – то же при увеличении (*А* – слой прозрачной глазури; *Б* – слой кашина, нанесенный в процессе росписи поверхности сосуда; *В* – слой серой краски; *Г* – кашинная стенка сосуда – основа росписи).

тически тем же самым кашином, но несколько более жидким. Впервые эта технологическая особенность была замечена и описана Н.Н. Вактурской (1959. С. 322). Между тем роспись ангобом по поверхности, например, красноглиняной керамики, "рельефом" никто никогда не называл. Таким образом, термин "рельеф" неточно отражает способ декорировки кашинной керамики. Поэтому следует разделять "рельефную моделировку"[9] поверхности сосуда, полученную в калыпе, и "роспись кашином".

Характерной особенностью золотоордынской кашинной керамики с росписью кашином является окраска ее поверхностей серой или сероватозеленоватой краской, служившей фоном для дальнейшей росписи кашином и красками. О том, что окраска осуществлялась до росписи кашином, свидетельствует наличие красочного слоя под накладными кашинными деталями, фиксирующееся на изломах стенок сосудов (рис. 1). Сероватая окраска фона отличает золотоордынскую керамику от иранской ("султанабадской"), где широко использовали светло-коричневую краску, и от египетской, использовавшей серую и синюю фоновую краску (Lane, 1957. P. 11, 19). Другим отличием золотоордынской кашинной керамики от ближневосточной является отсутствие, зачастую, окраски фоновых поверхностей, в результате чего роспись кашинным ангобом теряла свою контрастирующую яркость.

При описании орнамента на золотоордынской кашинной керамике встречается особенно много неточных определений. Одним из них являются так называемые арочки (Вактурская, 1959. С. 323; Булатов, 1968. С. 100, 101; Скоробогатова, 1983. С. 93, 94; Федоров-Давыдов, 1994. С. 80, 90), украшавшие внешнюю поверхность большинства полихромных изделий с росписью кашином (рис. 1, *1*). Эти "арочки" в действительности представляют собой стилизованные изображения лепестков лотоса, присутствовавших на внешней поверхности китайских селадоновых чаш эпох Сун и Юань (X–XIV вв.) (Morgan, 1991. Fig. 6–11), послуживших прототипами для керамики Ирана и Сирии XII–XIV в. (Lane, 1957. P. 9; Morgan, 1991. P. 67).

[9] Термин "рельефная моделировка" применялся в свое время Артуром Поупом при характеристике иранской керамики, но также почему-то был забыт. Рельеф, полученный оттиском в калыпе, обычно являлся более сложным по рисунку, более выпуклым (высоким).

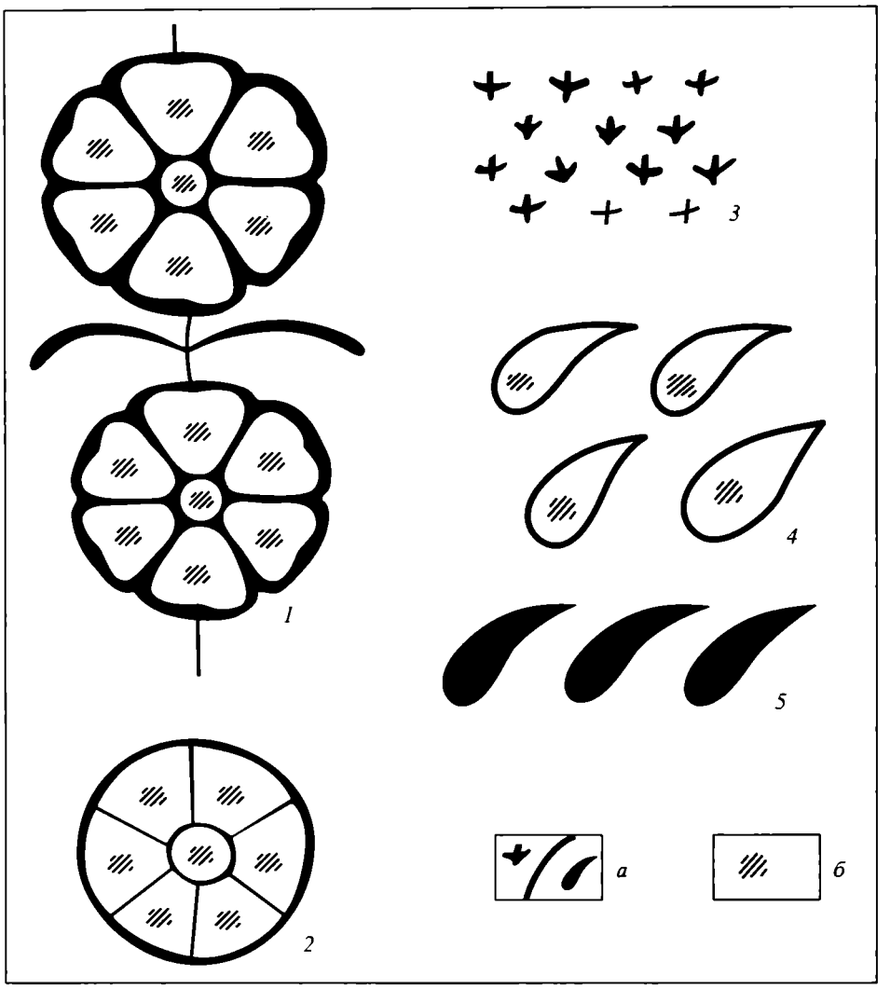


Рис. 2. Орнаментальные мотивы стилизованной росписи золотоордынской кашинной керамики. *1*, *2* – Соцветия; *3* – крестики-звездочки; *4*, *5* – каплеобразные мотивы стилизованных рыбок; *а* – черная или зеленая краска; *б* – синяя краска.

Подобные стилизации лепестков лотоса присутствуют на "ильханской" люстровой керамике и на всех разновидностях иранской керамики "султанабадского" типа (второй половины XIII – первой половины XIV в.) (Lane, 1958. Fig. 64a, 93b, 96b; Islamische Keramik, 1973. № 246, 247; Oriental Islamic Art, 1963. № 20, 22), ставшей образцом для подражания в золотоордынской кашинной посуде. Термин "арочки" неизбежно придает описанию декора чаш чуждую ему архитектурную нагрузку. В результате при описании декора восточной керамики в работах отечественных исследователей между "арочками" закономерно появились "колонны" (Медведев, 1963. С. 279) – так лепестки лотоса чуть было не превратились в некую "аркаду с колоннами". Происхождение термина "арочки" связано с тем ранним периодом изучения керамики Востока, когда делались лишь первые шаги в классификации орнаментальных мотивов, смысл которых еще не был уяснен (Якубовский, 1931. С. 31, 33). Тогда такой описательный термин имел право на существование. Сегодня же, когда накоплен солидный багаж знаний о семиотике восточного керамического декора, неразумно пренебрегать этими знаниями ради сохранения вводящего в заблуждение термина. Заметим, что осмысление восточной орнаментики вообще сильно пострадало из-за произвольного подбора терминов в искусствоведческих работах. Ярким примером подобного произвола стали декоративные элементы в виде так называемых "знаков карточных мастей" ("червы", "трефы", "пики"), усмотренные в живописном искусстве Средней Азии рядом исследователей и, разумеется, имеющие с этими знаками лишь самое поверхностное внешнее сходство (Сычева, 1990. С. 125–130).

Не менее условны и другие применяющиеся сегодня названия орнаментальных мотивов на золотоордынской кашинной посуде: "колесовидный" орнамент – является в действительности стилизованным изображением соцветий (рис. 2, *1*, *2*); орнамент "павлиний глаз" – представляет собой стилизацию силуэтов ныряющих рыбок в виде изогнутых каплеобразных фигур (рис. 2, *4*, *5*); "ряды черных крестиков" или "летящих птичек" (т.е. поля, заполненные расположенными в шах-

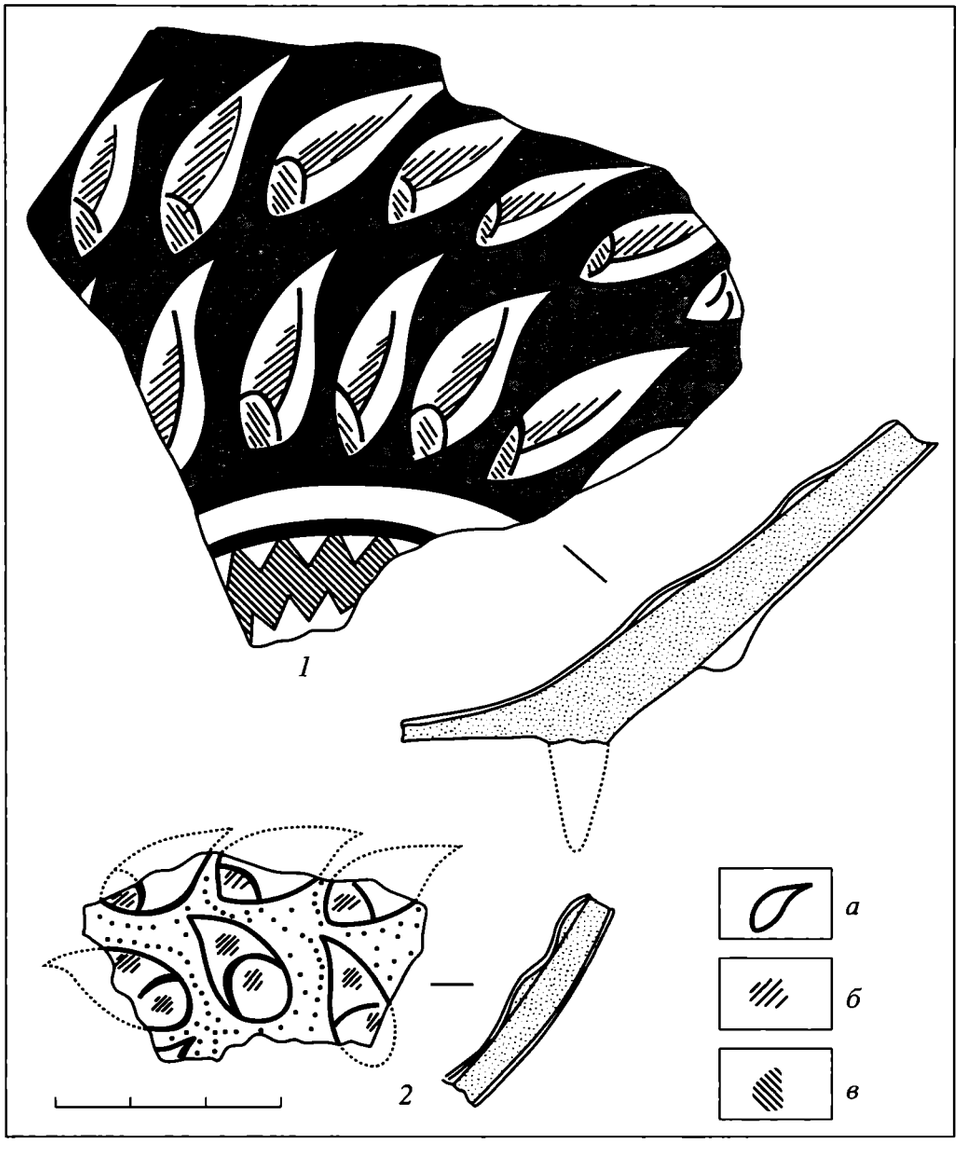


Рис. 3. Образцы золотоордынской керамики с полихромной подглазурной росписью и росписью кашином. *1* – Обломок блюда из Болгара (ГИМ. Оп. 60. № 165); *2* – обломок чаши из раскопок в Москве (Коваль, 1997а. Рис. 2, *б*); (*а* – черная или зеленая краска; *б* – синяя краска; *в* – бирюзовая краска).

матном порядке крестиками) (рис. 2, *3*), в которых можно видеть стилизованные изображения звездочек (звездного неба).

Прототипы первому из названных мотивов (шестилепестковые соцветия) хорошо известны в сирийской керамике (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 593, 723), где есть и прямые аналогии ему (Bernus-Taylor, 1993. МАО 618). В керамике Ирана и Средней Азии этот мотив не встречается.

Ряды ныряющих рыбок известны как в раннем (стилизованном) варианте (рис. 3, *1*, *2*), так и в позднем (сильно схематизированном) виде (рис. 2, *4*, *5*), когда они действительно начинают напоминать каплеобразные фигуры. Этот сюжет пришел в золотоордынское керамическое искусство путем заимствования изобразительных схем керамики Ирана и Сирии, где известны как прототипы таких сюжетов, так и синхронные (внешне идентичные золотоордынским) изображения. Так, на сирийских и иранских полуфаянсах с черной росписью XII–XIII вв. можно видеть еще слабо стилизованные (почти реалистические) изображения ныряющих рыбок (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 591; Grube, 1976. №. 136). Переходный этап трансформации силуэта рыбки в каплеобразную фигуру демонстрирует иранский кашинный сосуд второй половины XIII в., где "рыбки" изображены уже в виде овально-серповидных фигур с тонкими раздвоенными хвостиками (Lane, 1958. Fig. 91). Наконец, нельзя не отметить идентичные ряды каплеобразных фигур, украшающие внешнюю поверхность люстровых сосудов XIII–XIV вв., происходящих из Сирии или Ирана (Коваль, 1996. Рис. 1, *5*, *10*).

Процесс трансформации мотива ныряющих рыбок в каплеобразные фигуры можно просле-

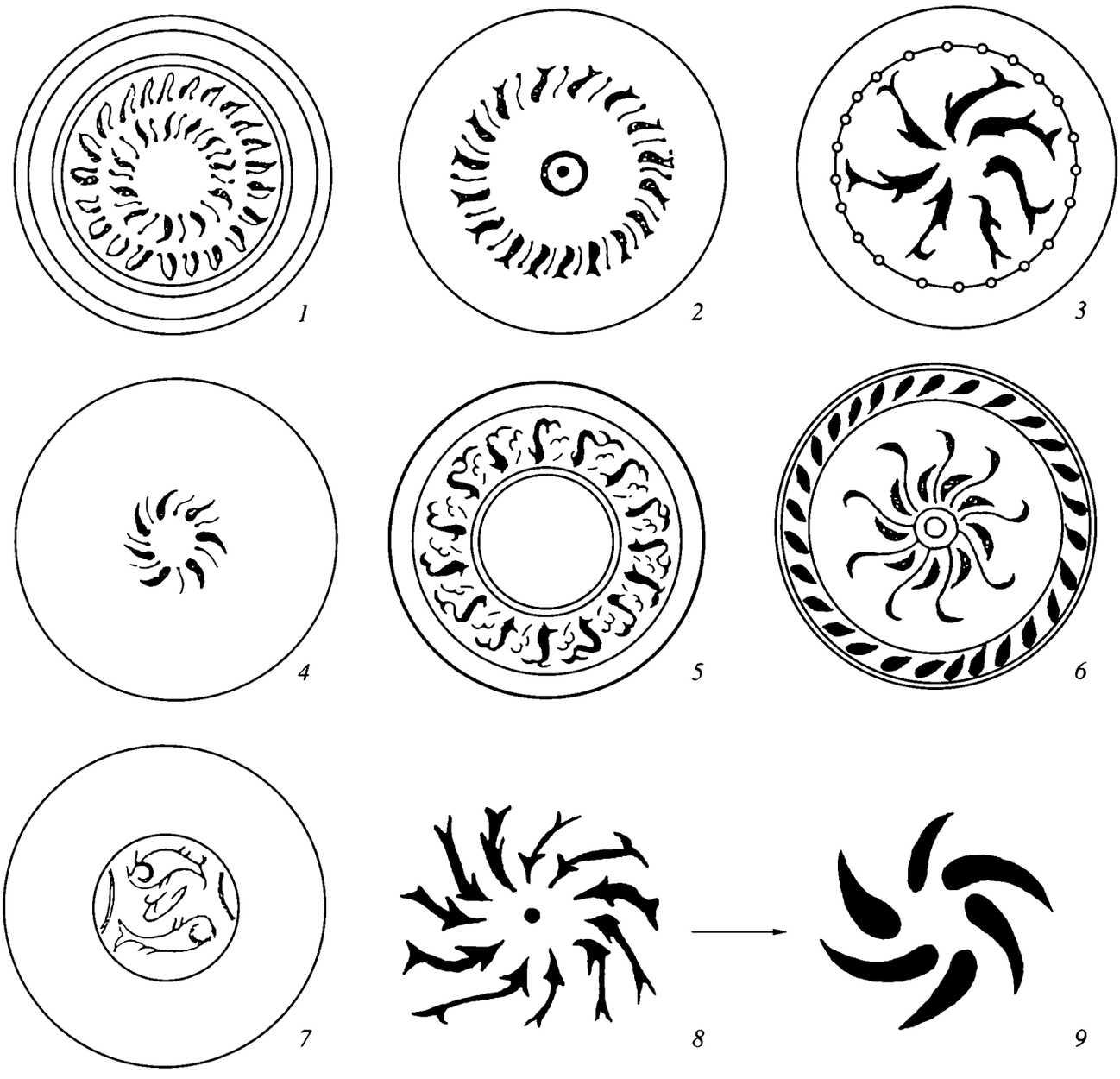


Рис. 4. Орнаментальные схемы росписи керамики южной Туркмении (по Н.С. Бяшимовой).

дить и по керамике XIII–XIV вв. из южной Туркмении (Бяшимова, 1989), входившей тогда в состав Хулагуидского Ирана. Здесь известны сосуды с сильно стилизованными изображениями рыб (рис. 4, *7*; сравнить с рис. 3, *1*) и с вихревыми розетками, составленными из фигур рыб как в натуралистическом исполнении (рис. 4, *3*, *8*), так и в стилизованном (рис. 4, *2*, *5*). Широко были распространены аналогичные композиции из каплеобразных фигур (рис. 4, *1*, *4*, *6*, *9*), позволяющие видеть в них схематизированные изображения рыб (Бяшимова, 1989. С. 66. Табл. 20, *1*). Сам мотив рыбы получает развитие в искусстве Средней Азии и Ирана лишь с XIII в., что связывается исследователями с влиянием монгольских племен, принесших дальневосточные представления о рыбе как символе счастья (Бяшимова, 1989. С. 74).

Не может быть принято утверждение о том, что мотив стилизованных ныряющих рыбок ("каплеобразных фигур") перешел в кашинную керамику из красноглиняной полумайолики с росписью ангобом (Булатов, 1969а. С. 52), поскольку на последней отсутствуют прототипы этого декоративного элемента и не прослеживается его генезис. Скорее здесь можно видеть обратный процесс – заимствование орнаментальных мотивов кашинной керамики мастерами, изготовлявшими более дешевую полумайолику. Вообще, копирование орнаментов обычно осуществлялось с высокохудожественных и более дорогих образцов на дешевую массовую посуду, а не наоборот.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что орнаментация в виде рядов черных крестиков под бирюзовой глазурью за пределами Поволжья и

Хорезма нигде не известна (Булатов, 1969а. С. 52). Подобная орнаментация была распространена в Сирии XIII–XIV вв. (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 476, 531, 532; Pecorella, 1983. Fig. 5; Davids samlung, 1975. Fig. 47), в том числе на люстровых полуфаянсах (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 675; Grabar et al., 1979. Fig. G–4, № 11; Porter, 1981. Pl. XVIII, XXX). Между тем, по мнению того же Н.М. Булатова (с которым мы в данном случае полностью согласны), именно эта сирийская керамика послужила прототипом для золотоордынских полуфаянсов с бирюзовой глазурью и черной подглазурной росписью (Булатов, 1968. С. 103)[10].

Интересна история трансформации терминологии, применявшейся для описания орнаментальных сюжетов. Так, К.Н. Папа-Афанасопуло называла каплеобразные фигуры (стилизованные изображения рыбок) "бобами" (1925. С. 61), А.Ю. Якубовский для полихромных полуфаянсов применял в отношении этого же мотива термин "миндалины", а для бирюзовых – "мазки", стилизованные изображения соцветий он именовал "шестилепестковыми шиповниками", ряды крестиков-звездочек – "трехлепестковыми бутонамилистьями, очень напоминающими летящих птичек" (Якубовский, 1931. С. 31, 33, 37). Н.М. Булатов стал называть каплеобразные фигуры на полихромных полуфаянсах "павлиньим глазом", а на бирюзовых – "мазками в виде запятых" (1968. С. 101, 104; 1969а. С. 52). Вслед за ним эта терминология была применена в работах Т.В. Скоробогатовой (1983. С. 97) и Г.А. Федорова-Давыдова, усматривавшего в мотиве "павлиньего глаза" влияние Средней Азии, где якобы подобный элемент встречался еще в домонгольский период (Федоров-Давыдов, 1976. С. 126). Однако в действительности в Средней Азии такого элемента в XII–XIII вв. не существовало – там известен похожий по абрису мотив каплеобразного "листа" (Брусенко, 1986. Табл. 25, *16*; 34, *1*; 42, *5*, *9*; Бяшимова, 1989. Табл. 19, *14*; 32, *15*; 57, *1*; 65, *2*; 79, *5*), но этот мотив никогда не использовался в таких декоративных схемах, которые применялись в Золотой Орде (т.е. не составлял заполнение полей или концентрических полос).

Изучение золотоордынской поливной посуды обещает преподнести еще много новых открытий и поставить немалое число проблем перед исследователями. До сих пор не исследованы многие аспекты происхождения орнаментальных мотивов золотоордынской керамики. Среди общей массы керамических находок еще предстоит выделить разнообразные импортные изделия, доля которых была, вероятно, несколько больше, нежели это представлялось ранее.

[10]Такой же орнаментальный элемент известен и в полумайолике Южной Туркмении и Азербайджана (т.е. Северного Ирана) XIII–XIV вв. (Бяшимова, 1989. Табл. 21, *6*; 82, *6*; 84, *3*; Якобсон, 1959. Табл. 8, *6*), но там они имели иную изобразительную трактовку, отличную от той, какая применялась в Сирии и Золотой Орде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуразаков А.А. Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент, 1986.

Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4.

Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1969а. № 2.

Булатов Н.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969б.

Булатов Н.М. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. 1972. № 1.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Бяшимова Н.С. Поливная керамика Южного Туркменистана. Ашхабад, 1989.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. 4. М., 1959.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.

Гражданкина Н.С. Древние строительные материалы Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958.

Гражданкина Н.С. Методика химико-технологического исследования древней керамики // Археология и естественные науки. М., 1965.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1.

Зайцева О.Е. Поливная посуда: некоторые методологические аспекты проблемы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мінск, 1996.

Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.

Коваль В.Ю. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.

Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы // РА. 1997а. № 2.

Коваль В.Ю. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997б.

Коваль В.Ю. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. 2003. Вып. 215.

Кубе А.Н. История фаянса. Прага; Берлин, 1923.

Медведев А.Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. 1963. № 117.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Археология Пскова и Псковской земли. Мат. науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003.

Папа-Афанасопуло К.Н. Золотоордынская керамика (опыт классификации и описания золотоордынской посуды) // Уч. зап. Саратовск. ун-та. Т. III. Вып. 3. Саратов, 1925.

Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе, 1969.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.

Скоробогатова Т.В. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. 1983. № 4.

Сычева Н.С. О так называемых "знаках карточных мастей" в искусстве Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Химическая технология керамики и огнеупоров. М., 1972.

Шляхова В.И. Тимуридская керамика Сарая // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1991. № 1.

Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. 1959. № 67.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Изв. ГАИМК. Т. 8. Вып. 2–3. Л., 1931.

Allan J.W. Some observations on the origins of the Medieval Persian Faience body // Colloquis on Art and Archieology in Asia. № 4. L., 1974.

Allan J.W., Llewellyn L.R., Schweirer F. The history of the so-called Egyptian Faience in Islamic Persia: investigations into Abu'l-Qasim's Treatise // Archaeometry. V. 15. № 2. L., 1973.

Bernus-Taylor M. Les Arts de l'Islam. Paris, 1993.

Davids samlung. Islamisk kunst. Kobenhavn, 1975.

Gardin J.-C. Ceramiques et monnaies de Lashcari Bazar et de Bust // Memoires de la Delegation Archeologique Francaice en Afganistan. T. XVIII. Paris, 1963.

Grabar O., Holod R., Knustad J., Trousale W. City in the desert. Qasr al-Hayr East // Harvard Middle Eastern Monograph Series. № 4. Cambridge, 1979.

Grube E.J. Islamic Pottery of the 8th to the 15th Century in the Keir Collection. L., 1976.

Grube E.J. Cobalt and Lustre. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. V. IX. Oxford, 1995.

Islamische Keramik. Dusseldorf, 1973.

Lane A. Later Islamic Pottery. L., 1957.

Lane A. Early Islamic Pottery. L., 1958.

Mason R.B., Keall E.J. The Abbasid glazed wares of Siraf and the Basra connection: petrographic analysis // Iran. V. 29. L., 1991.

Morgan P. New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteenth centuries // Iran. V. 29. L., 1991.

Oriental Islamic Art. Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation. Lisboa, 1963.

Pecorella P.E. The 1980–1982 Campagns at Tell Barri-Kahat, in the Jazirah // Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes. V. 33 T. 1. Damas, 1983.

Porter V. Medieval Syrian Pottery. Oxford, 1981.

Riis P.J., Vagn Poulsen. Les verreries et poteries medievales // Hama. Fouilles et recherches. V. IV. Iss. 2. Copenhague, 1957.

Watson O. Persian lustre ware. L., 1985.

Kashi pottery in the Golden Horde

V. Yu. Koval

Summary

In the article some problems concerning studies of kashi pottery (fritware) produced in the territory of the Golden Horde in the 14th–15th cc. are considered. Tradition of manufacturing the pottery in question was formed under strong influence of pottery art of Iran and Syria. The author points out Iranian and Syrian analogies to the decoration of the Golden Horde pottery. Basic features of the Golden Horde semi-faiences are stressed. These are: usage of low quality loose kashi paste, its red colour observed on some objects of the Volga basin origin, application of both "kalyp" – moulds and potter's wheel for shaping objects. Two diferent modes of relief modelling of vessels' surface are investigated: stamping in "kalyp" matrixes and painting with kashi slip.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 87–92

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МОНЕТНОГО ДВОРА ОРДА-БАЗАР (XV в.)

© 2005 г. А. В. Пачкалов

Институт археологии РАН, Москва

Нумизматический материал является весьма важным источником для выяснения местоположения монетных дворов Золотой Орды. Метод локализации городов по монетам был разработан еще в 1920-е годы саратовским краеведом А.А. Кротковым: "если на каком-либо из татарских городищ находят наибольшее число монет с датою какого-либо города, исключая Сарая и Гюлистана, то это городище в свое время носило название города, указанного на этих монетах" (Кротков, 1923. С. 29). Метод А.А. Кроткова позволил локализовать несколько городов на территории Улуса Джучи.

Джучидский монетный двор Орда-Базар, функционировавший в XV в., остается до сих пор нелокализованным. Долгое время были известны главным образом серебряные эмиссии Орда-Базара. Топография находок серебряных монет дает ограниченную информацию о локализации монетных дворов, так как дирхемы могли распространяться от места выпуска значительно дальше медных монет. Появление сведений о новых находках пулов, чеканенных в Орда-Базаре, побудило нас обратиться к теме локализации этого центра.

МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ

Все джучидские монеты, чеканенные в Орда-Базаре, относятся к XV в. Большинство из них серебряные. К сожалению, почти на всех монетах отсутствуют даты (только на одной монете Чекре обозначен 817 г.х./1414–1415 гг.) (Марков, 1896. № 1490). На всех дирхемах Орда-Базара обозначено имя хана, но хронология правлений джучидских ханов XV в. разработана еще недостаточно. Это отдельная тема, требующая специального исследования, здесь рассматриваться не будет. В настоящее время самый ранний выпуск монеты в Орда-Базаре следует отнести ко времени правления Джелал ад-Дина (1411–1412 гг.), а самый поздний – это, возможно, чекан Мухаммеда бен Ахмеда. Хронология последних выпусков джучидских монет мало известна, но можно предполагать, что чекан в Орда-Базаре продолжался вплоть до конца XV в.

Сведения о серебряных монетах Орда-Базара (и о количестве известных экземпляров) приводятся в таблице.

Первый тип медных монет Орда-Базара был выявлен еще Х.М. Френом. В работе 1826 г. "Нестор золотоордынской нумизматики" упомянул пул с изображением зверя (Fraehn, 1826. P. 655). Долгое время эта монета оставалась единственным подтверждением чеканки в Орда-Базаре пулов. В 1930 г. Н.П. Лихачевым были представлены фотографии двух монет Орда-Базара с изображением зверя из собрания Эрмитажа (Лихачев, 1930. С. 139. Рис. 123). По всей видимости, эти монеты следует отнести к тому же типу, что и экземпляр, описанный Х.М. Френом.

Новый тип пулов Орда-Базара (с геометрическим орнаментом) был выявлен недавно (Гончаров, 2000. № 6а)[1].

Новые находки джучидских монет на Украине продемонстрировали как новые экземпляры пулов со зверем (тип, описанный Х.М. Френом и Н.П. Лихачевым), так и два новых типа медных монет Орда-Базара. Я.В. Студитский предоставил нам эти монеты для публикации[2]. Новые типы пулов Орда-Базара анонимны, не датированы и имеют изображения кувшина и цветочного орнамента. Изображения медных монет Орда-Базара приведены на рисунке.

Помимо Джучидов в XV в. в Орда-Базаре чеканились монеты Гиреев. В настоящее время известны монеты Хаджи Гирея (Retowski, 1901. S. 246–248).

ТОПОГРАФИЯ НАХОДОК[3]

Клады

Нижнее Поволжье

1. Жареный (Шареный) Бугор (Астраханская обл.), 1867 г. Чекре – 2 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 167, № 188). Всего определено 469 экз. В кладе

[1] Е.Ю. Гончаровым представлен и другой тип медной монеты (с тамгой), приписываемой им Орда-Базару (Гончаров, 2000. № 6б). На наш взгляд, чтение ошибочно, а приведенная прорисовка легенды позволяет отнести эту монету к чекану Бик-Базара.

[2] Автор выражает признательность Я.В. Студитскому за разрешение использовать в работе неопубликованные материалы из частной коллекции.

[3] Если металл и дата не указаны, то монеты – серебряные, без обозначения даты или с несохранившейся датой.

Таблица

Эмитент	Литература	Количество
Джелал ад-Дин	Федоров-Давыдов, 1963. № 445	1
Чекре	Марков, 1896. № 1490*, 1498	2
Давлет-Бирди	Федоров-Давыдов, 1974. № 202в	5
Мухаммед	Марков, 1896. № 1516, 1517	88
Мухаммед бен Тимур	Fraehn, 1826. P. 386; Френ, 1832. № 312; Lane-Pool, 1881. № 569; Марков, 1896. № 10–16	197
Махмуд	Федоров-Давыдов, 1960. № 195	2
Махмуд бен Мухаммед бен Тимур	Fraehn, 1826. P. 393; Марков, 1896. № 21–23	21
Сеид-Ахмед	Lane-Pool, 1881. № 567	2
Мухаммед бен Сеид-Ахмед	Федоров-Давыдов, 1960. № 195	1
Ахмед	Федоров-Давыдов, 1960. № 225	1
Сеид-Ибрахим	Нестеров, 1988. С. 12; 2001. С. 274–279	4
Сеид-Ахмед бен Ахмед бен Мухаммед	Марков, 1896. № 47	
Мухаммед бен Ахмед	Марков, 1896. № 57	

Примечание. Приведены сведения только о тех монетах, места находок которых известны, так как депаспортизированные монеты, изданные в различных каталогах, могут быть теми же монетами, что были ранее найдены в кладах или вообще являться одним и тем же экземпляром.
* На монете имеется дата – 817 г.х.

представлены монеты локализованных дворов Поволжья, Средней Азии, Крыма, а также Азова.

2. Каменный Бугор (Астраханская обл.), 1998–1999 гг. Махмуд(?) – 1; Мухаммед бен Тимур – 10 (Лебедев, Клоков, 2001. С. 23, 24). Всего 30 экз. (атрибутирован только чекан Хаджи-Тархан).

3. Каменный Бугор (Астраханская обл.), 1998–1999 гг. Мухаммед – 1; Мухаммед бен Тимур – 3; Махмуд бен Мухаммед бен Тимур – 1 (Лебедев, Клоков, 2001. С. 23, 24). Всего 19 экз. (атрибутирован только чекан Хаджи-Тархана).

4. Селитренное (Астраханская обл.), 1960 г. Мухаммед бен Тимур – 1 (Федоров-Давыдов, 1963. С. 217. № 186а). Состав клада неизвестен.

5. Селитренное (Астраханская обл.), 1969 г. Хан(?) – 2 (Федоров-Давыдов, 1974. С. 180. № 186б). Только Поволжские эмиссии (23 экз.).

Среднее Поволжье

6. Большой Шокши-Олуяз (Татарстан), 1895 г. Мухаммед – 16; Мухаммед бен Тимур – 61; Сеид-Ахмед – 1 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 167. № 189). Всего 329 экз. (среди локализованных монетных дворов представлен только чекан в Поволжье)

7. Казань (Татарстан), 1893 г. Мухаммед – 27; Мухаммед бен Тимур – 107; Махмуд – 1; Махмуд бен Мухаммед – 20; Сеид-Ахмед – 1; Мухаммед бен Сеид-Ахмед – 1 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 168, № 195). Всего 595 экз. (9 экз. – чеканены в Крыму, а подавляющее большинство монет – в Поволжье).

8. Караульная Гора (Татарстан), 1957 г. Мухаммед – 41; Давлет-Бирди – 5 (Мухамадиев, 1966. С. 259; Федоров-Давыдов, 1974. С. 180. № 202г). Всего 2859 экз. Чекан только локализованных поволжских центров, представлены монеты без места чекана, совершенно нет монет, чеканенных к западу от Волги (Мухамадиев, 1966. С. 267).

Северный Кавказ

9. Сандатовская (Ставропольский край), 1891 г. Ахмед – 1 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 175. № 225). Всего 54 экз. дирхемов XIV и XV вв. Монеты XIV в. (4 экз.) чеканены в Нижнем Поволжье, а все монеты XV в. чеканены в Крыму.

Единичные находки

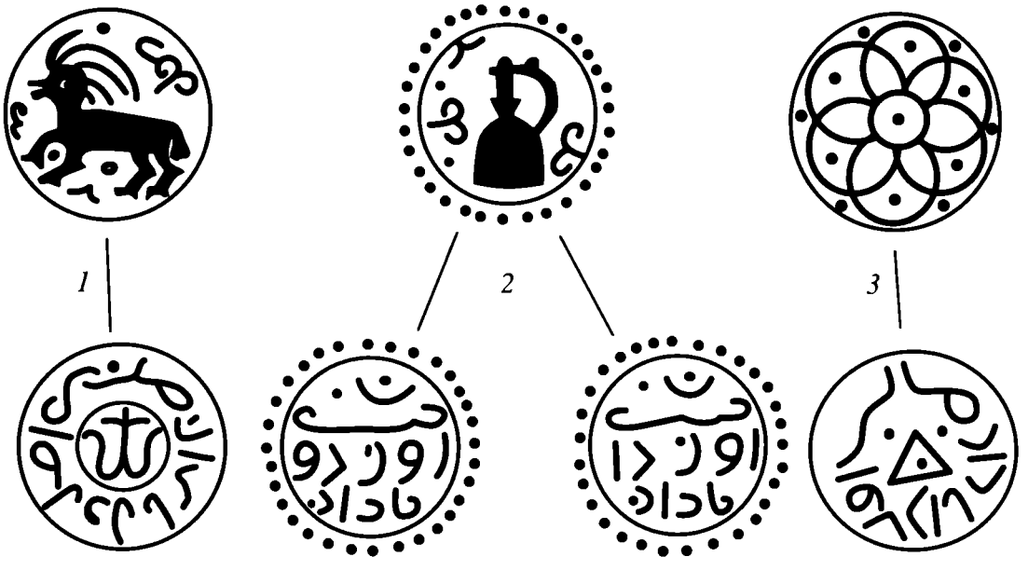
Приуралье

10. Сарайчик (Атырауская обл.), 1997–1998 гг. Медные джучидские монеты Орда-Базара XV в. (Гончаров, 2001. С. 181).

11. Могилевая (Курганская обл.), 1912 г. Четыре серебряные монеты (Аргентовский, 1911. С. 39, 40; Бирюков, 1926. С. 60). Дирхемы были осмотрены А.К. Марковым, предположившим, что монеты чеканены казанским ханом Ибрахимом бен Махмудом бен Мухаммедом (1467–1479 гг.). По мнению А.Г. Нестерова, которому удалось ознакомиться с фотографиями монет, эти дирхемы чеканены сибирским шейбанидом Сеид Ибрахим ханом (до 1468 г. – около 1495 г.) в Орда-Базаре (год не обозначен) (Нестеров, 1988. С. 12; 2001. С. 274–279).

Нижнее Поволжье

12. Каменый Бугор (Астраханская обл.), 1998–1999 гг. Мухаммед – 2; Мухаммед бен Тимур – 13 (Лебедев, Клоков, 2001. С. 23).



Медные монеты Орда-Базара

13. Селитренное (Астраханская обл.), 1998 г. Мухаммед бен Тимур – 1. Медь: анонимные – 1 (геометрический орнамент – "орнаментальное построение с осью двенадцатого порядка") (Клоков, Лебедев, 2002. С. 113)[4].

Среднее Поволжье

14. Билярск (Татарстан), до 1963 г.[5] Джелал ад-Дин – 1 (Федоров-Давыдов, 1963. С. 198. № 445).

15. Камаево (Татарстан), до 1984 г. Хан(?) – 2 (Фахрутдинов, 1984. С. 142–144).

Украина

16. Точное место находки неизвестно (Херсонская обл.). На одном из городищ Поднепровья был собран небольшой комплекс джучидских монет. Информация о находке передана нам Я.В. Студитским. Ввиду большой информативности этой находки представляем сведения о всех монетах вместе с метрологическими данными.

Серебро: Мухаммед: Орда-Базар – 1 (0.74 г.) (тип: Клоков, Лебедев, 2002. Рис. 1.51); Мухаммед бен Тимур: Орда-Базар – 1 (0.67) (тип: Клоков, Лебедев, 2002. Рис. 1.68–91); Сеид-Ахмед: без обозначения места чекана – 2 (0.72 г.; вес второго экземпляра неизвестен) (тип: Клоков, Лебедев, 2002. Рис. 2.107).

Медь: анонимные: Орда-Базар: зверь влево – 4 (размеры, мм: 15.2–16.7; 15.1–17.8; 14.2–16.7; 13.7–17.0; вес, г: 0.87; 0.93; 1.09; 0.75), кувшин – 5 (размеры: 14.2–17.5; 15.2–18.1; 14.6–15.9; 14.5–17.2; 12.2–14.2; вес: 0.85; 1.05; 1.27; 0.95; 0.48), цветочный орнамент – 1 (размеры: 12.9 – 16.1; вес: 1.05); неопределенные монеты с надчеканками: тамга-двузубец (как на дирхемах XV в., чеканенных в Орда-Базаре и на других джучидских монетных дворах) – 1 (размеры: 15.1–16.1; вес: 1.21), неясная надчеканка[6] (шестиконечная звезда?) – 1 (размеры: 19.0 – 20.5; вес: 2.80).

17. Старый Крым. По данным Я.В. Студитского, на городище были найдены медные монеты Орда-Базара: анонимные: зверь влево – 2 (размеры: 14.2–15.2; 13.1–16.4; вес: 0.64; 0.78).

ВЕРСИИ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ОРДА-БАЗАРА

В историографии существуют различные трактовки Орда-Базара. Так, Г.А. Федоров-Давыдов, А.Г. Мухамадиев, А.Г. Нестеров считают Орда-Базар кочевой ханской ставкой (Федоров-Давыдов, 1973. С. 122; Мухамадиев, 1966; Нестеров, 2001. С. 25). В.Л. Егоров называет этот монетный двор то городом – административным центром, то ставкой ханов (Егоров, 1977. С. 124; 1985. С. 13, 139). К разряду городов относят Орда-Базар М.Г. Сафаргалиев (1996, С. 459, 460) и авторы-составители Истории Казахской ССР (1979, С. 179); А.Б. Булатов указывает на существование в Ногайской Орде города Орда-Базара (Булатов, 1974. С. 186).

Г.А. Федоров-Давыдов (1960. С. 188) и М.Г. Сафаргалиев (1996. С. 459, 460) считают, что место этого монетного двора неизвестно. Однако в более ранних нумизматических работах было предложено несколько версий локализации.

О. Ретовский предполагал, что Орда-Базар Джучидов располагался, где-то в районе Астрахани

[4] Интересно, что аналогичный орнамент был встречен на пуле монетного двора Иль Уй Муаззам, который, по данным новейших исследований, следует локализовать в Нижнем Поволжье (Клоков, Лебедев, 2002. С. 113). Вероятно, выпуск этих типов медных монет с различными легендами был одновременным или близким по времени.

[5] Достоверность находки монеты в окрестностях Билярска вызывает сомнения.

[6] Возможно, монета не джучидская, а османская.

(Retowski, 1901. S. 246). С Сараем отождествлял Орда-Базар английский ориенталист О. Кодрингтон (Codrington, 1904. P. 136), а по Э. Цамбауру, Орда-Базар золотоордынских ханов располагался в Крыму (Zambaur, 1968. S. 58). Представленные версии были высказаны без какой-либо аргументации. Только предположение Е. Цамбаура имело под собой основание: в XV в. в Орда-Базаре чеканили монеты не только Джучиды, но и Гиреи Крыма[7].

Рассмотрев материал двух кладов серебряных золотоордынских монет, казанский нумизмат А.Г. Мухамадиев предложил выделить два одноименных монетных двора Орда-Базара для джучидской нумизматики: один – на Нижней Волге, другой – в Среднем Поволжье (Мухамадиев, 1966. С. 272; Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972. С. 315). Основаниями для такого предположения послужили весовые нормы монет: часть монет Орда-Базара чеканена по сарайской норме, а другая часть – по средневолжской. Однако среди других исследователей версия А.Г. Мухамадиева поддержки не получила.

А.Г. Нестеров, выявивший среди находок на территории Курганской области монеты хана Ибрахима, предложил локализацию Орда-Базара недалеко от Хаджи-Тархана (Нестеров, 2001. С. 25). По мнению исследователя, выпуск монет Ибрахимом (Ивак русских летописей) был связан с его захватом в 1481 г. зимовища Ахмата. В летописях сообщается, что Ивак повел Орда-Базар в Тюмень, не грабя (Устюжский летописный свод, 1950. С. 93, 94).

Наконец, Е.Ю. Гончаровым было замечено, что на городище Сарайчик (Западный Казахстан) количество монет Орда-Базара превышает количество пулов из Хаджи-Тархана, ближайшего монетного двора от Сарайчика (Гончаров, 2001. С. 181).

Вышеперечисленные мнения о локализации Орда-Базара и замечания о топографии находок монет, однако, весьма противоречивы и не основываются на анализе всей совокупности находок.

ГИПОТЕЗА

Новые находки медных монет Орда-Базара (три типа пулов) на одном из городищ Херсонской обл. неопровержимо свидетельствуют об их чеканке в этом регионе, так как находки подобных монет на других памятниках почти неизвестны (только в большом комплексе монет из Старого Крыма зафиксированы два экз. одного из этих типов). Обращает на себя внимание также и то, что в представленном нумизматическом комплексе из Поднепровья все монеты, на которых читается место чекана, выбиты в Орда-Базаре (медь – 10 экз., серебро – 2 экз.). Два типа пулов (с кувшином и с цветочным орнаментом) вообще не были встречены на других памятниках.

В южном Поднепровье известен ряд памятников XIII–XV вв. Они в целом еще плохо изучены, а их точная датировка неизвестна. В числе наиболее важных городищ можно назвать Таванское, расположенное на берегу Днепра в 40 км выше г. Херсона. Здесь на обоих берегах Днепра отмечены два памятника золотоордынского времени, между которыми существовала переправа. Важность Таванской переправы засвидетельствована также для времени, близкого к чеканке монет в Орда-Базаре (середина XVI в.) (Егоров, 1985. С. 85, 86).

К сожалению, точное место находки монет Орда-Базара осталось неизвестным. Нет подтверждений тому, что это Таванское городище.

Письменные источники также свидетельствуют в пользу чеканки монет джучидскими ханами в низовьях Днепра в XV в. Например, в письме Улу Мухаммеда Мураду II указано, что оно "составлено в Аруре, когда Орда была близ Узу" (Kurat, 1940. S. 27). По мнению А.Г. Мухамадиева, Орда в это время была на берегу Днепра (1966. С. 273).

Возможно, выпуск монет ханами Большой Орды в непосредственной близости от владений Гиреев был связан со стремлением большеордынских ханов (Улу Мухаммед, Сеид-Ахмед) удержать Крым, который под управлением Гиреев проводил все более самостоятельную политику. Известно, что Сеид-Ахмед – конкурент Хаджи-Гирея – в 1434 г. совершил поход на Крым, и Сеид-Ахмеду удалось изгнать соперника, правившего там.

Есть мнение, что выпуск монет Хаджи Гиреем в Орда-Базаре был связан с захватом им орды Махмуда бен Кичи Мухаммеда в 870 г.х. (Гаев, 2002. С. 43)[8]. Это также свидетельствует в пользу локализации Орда-Базара поблизости от Крыма, а не в далеком Поволжье.

Русские источники свидетельствуют, что Орда сыновей Ахмеда (Муртоза, Сеид-Ахмед) в 1480–1490-е годы кочевала именно у Днепра (Памятники..., 1884. С. 88, 108), а в самом конце XV в. войска Большой Орды продолжали совершать нападения на Крым, останавливаясь на зимовку также в устье Днепра (Памятники..., 1884. С. 108). В связи с этим интересно и то, что некоторые монеты Орда-Базара, возможно, принадлежат сыновьям Ахмеда (дирхемы Сеид-Ахмеда бен Ахмеда бен Мухаммеда, Мухаммеда бен Ахмеда).

[7] Существует мнение о локализации Орда-Базара Гиреев у Карасу-Базара (Белогорск) (Домбровский, Сидоренко, 1978).

[8] Отметим также, что Орда-Базар упоминается в грамоте Менгли-Гирея 1502 г. (Памятники..., 1884. С. 446).

Топография находок кладов с монетами также может свидетельствовать в пользу того, что Орда-Базар располагался где-то недалеко от Крыма. Так, обращает на себя внимание клад из ст. Сандатовской Ставропольского края. Все монеты XV в. (50 экз.), бывшие в составе клада, чеканены в Крыму. Это несомненно важный довод в пользу того, что и монета Ахмеда Орда-Базара, встреченная в кладе, была выбита недалеко от Крыма. Чекан Крыма имеется и в кладах из Жареного (Шареного) Бугра (1867 г.) и из Казани (1893 г.). Однако в ряде других кладов, найденных в Поволжье, кроме монет Орда-Базара содержались только дирхемы Хаджи-Тархана, а крымские монеты совершенно отсутствовали (см. в этой статье топографию находок). Такие клады преобладают.

Однако только топография находок в Поволжье кладов с монетами Орда-Базара не может еще точно свидетельствовать в пользу их чеканки на Волге. Важно то, что один тип пулов Орда-Базара (с геометрическим орнаментом) был встречен в Астраханской обл. Находки подобных монет ни в Крыму, ни в Херсонской обл. неизвестны. Орнамент на этом пуле идентичен орнаменту на пуле Иль Уй Муаззама, монетного двора, располагавшегося в Нижнем Поволжье. Медные монеты Орда-Базара зафиксированы также и в Казахстане на городище Сарайчик, где количество монет Орда-Базара превышает количество пулов из Хаджи-Тархана, ближайшего монетного двора от Сарайчика (Гончаров, 2001. С. 181)[9]. Отметим также, что чекан монет от имени Сеид Ибрахима (находки только в Курганской обл.) также вряд ли может быть связан с Поднепровьем. Кроме этого, источник начала XVI в. дает возможность предполагать чеканку монет в Орда-Базаре, расположенном где-то в Приуралье.

В "Тарих-и Абд-л-Хайр-хани (составлено Масудом бен Османом Кухистани около 1513/1514 г.) сообщается о сражении основателя государства кочевых узбеков Абу-л-Хайра с ханами Ахмедом и Махмудом. В 1431 г. Абу-л-Хайр одержал победу над Махмудом и Ахмадом[10] и взял их ставку Орда-Базар. Масуд бен Осман Кухистани сообщает, что здесь же были отчеканены и монеты с именем Абу-л-Хайра. Предполагается, что в источнике упомянут именно город Орда-Базар (Кобищанов, 2002. С. 104). Комментаторы этого текста считают, что Орда-Базар этот располагался в районе р. Кенгир, где была ставка Батыя (Материалы по истории..., 1969. С. 515)[11]. Это интересное сообщение неоднократно комментировалось. Б.А. Ахмедов полагает, что Орда-Базар располагался где-то к северо-западу от Аральского моря. Исследователь указал на возможность локализации Орда-Базара близ устья р. Караул (150 верст от Оренбурга), где в середине XVIII в. инженер-подпоручик Ригельман отметил следы древнего города (Ахмедов, 1965. С. 52, 53). По мнению И.В. Зайцева, Орда-Базар, упомянутый Кухистани, располагался на Яике (Зайцев, 2002. С. 37). Несмотря на то что точного расположения Орда-Базара источник не дает, можно заметить, что "все связанные с биографией Абу-л-Хайра топонимы локализуют его деятельность в районах Казахстана и Западной Сибири" (Гаев, 2002. С. 31). Таким образом невозможной оказывается локализация монетного двора Джучидов Орда-Базар только в Херсонской обл.

Новые находки монет в Поднепровье неопровержимо свидетельствуют в пользу чеканки здесь ряда типов монет Орда-Базара, но сведения Масуда бен Османа Кухистани и находки монет Орда-Базара в Сарайчике позволяют считать, что чекан производился и где-то в Приуралье (возможно, недалеко от Сарайчика). Некоторые монеты Орда-Базара могли чеканиться и в других регионах. Представляется затруднительным разграничить в настоящее время серебряные монеты, чеканенные в одном Орда-Базаре, от монет другого Орда-Базара (но три типа медных монет, встреченные в окрестностях Херсона, относятся безусловно к поднепровскому Орда-Базару). Дальнейшая работа над топографией находок джучидских монет поможет прояснить вопрос локализации Орда-Базаров.

Работа выполнена при финансовой поддержке "Фонда содействия отечественной науке", грант по программе "Лучшие аспиранты РАН".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аргентовский Ю.П. Археологические находки в дюнах близ д. Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Зап. Уральского Общества любителей естествознания. Т. XXXI. Вып. 1. Екатеринбург, 1911.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Бирюков Ю.П. Природа и население Шадринского округа. Шадринск, 1926.

Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974.

Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволь-

[9] К сожалению, этот интереснейший комплекс находок еще подробно не опубликован. Все типы монет Орда-Базара еще не представлены.

[10] Авторы-составители Истории Казахской ССР подчеркивают, что и Махмуд, и Ахмад чеканили в Орда-Базаре монеты (История..., 1979. С. 179). Предполагается, что оглан Махмуд и Ахмад, противодействовавшие Абу-л-Хайру, могли являться сыновьями Хаджи-Мухаммеда (Кобищанов, 2002. С. 103).

[11] Монеты Абу-л-Хайра до настоящего времени не обнаружены.

жья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002.

Гончаров Е.Ю. Медные джучидские монеты XV в. // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М., 2000.

Гончаров Е.Ю. О городище Сарайчик // Восток–Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001.

Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978.

Егоров В.Л. География городов Золотой Орды // СА. 1977. № 1.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 2. Алма-Ата, 1979.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда. Город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002.

Кобищанов Ю.М. Империя Джучидов // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2. Эпоха Великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата (середина XIII – середина XVI в.). М., 2002.

Кротков А.А. В поисках Мохши // Тр. Общества истории, археологии и этнографии Саратовского края. Т. 34. Вып. 1. Саратов, 1923.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // ТА. 2001. № 1–2 (8–9).

Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. II // Тр. музея палеографии. Т. II. Л., 1930.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV в. // СА. 1966. № 2.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. М., 1972.

Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Нестеров А.Г. Монеты сибирских Шейбанидов // Восток–Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. I. Сб. Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1884.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.

Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т. I.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.

Codrington O. A manual of Musalman numismatics. L., 1904.

Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.

Kurat A.N. Altin Ordu Kirim ve Turkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Stambul, 1940.

Lane-Pool St. Catalogue of the oriental coins in the British museum. V. 6. L., 1881.

Retowski O. Die Munzen der Girei // ТМНО. Т. II. Вып. 3. М., 1901.

Zambaur E. Die Munzpragungen des Islams. Zeitich und ortlich geordnet. Bd 1. Wiesbaden, 1968.

Concerning localisation of the mint Orda-Bazar (XV c.)

A. V. Pachkalov

Summary

In the paper the question on localisation of the 15-century mint Orda-Bazar is considered. The author presents information on topography of coin finds and publishes a new association of the Djuchi coins from Kherson region. It is of special interest, that the accociation consists practically only of rare coins struck in Orda-Bazar, some new types of coins being signled out. Proceeding from the analysis of written sources and coin finds the author puts forward a supposition that coins with inscription "Orda-Bazar" could have been struck both in the Dnieper basin and the Urals region.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 93–101

ДИСКУССИИ

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА: УРОКИ ЗАРАЙСКА И АВДЕЕВО (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ)

© 2005 г. Х. А. Амирханов

Институт археологии РАН, Москва

Спустя почти пять лет после выхода моей книги "Зарайская стоянка" исследователи Авдеевской стоянки (памятника родственного в культурном отношении Зарайску) – Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова опубликовали на нее рецензию (Григорьев, Булочникова, 2004) под претенциозным, на мой взгляд, названием "Методика исследования палеолита". Некоторая запоздалость рецензии, вероятно, свидетельствует не столько о силе впечатления, произведенного моей книгой на рецензентов, сколько о том, что исследования Зарайска и подобных ему памятников действительно значимы для проблематики верхнего палеолита Восточной Европы.

В книге были обобщены данные по Зарайску, которыми мы располагали на 1998 г. После выхода книги исследования на стоянке проводились непрерывно вплоть до настоящего времени. Результаты их разнообразны и чрезвычайно информативны. Они полностью снимают ряд полемических суждений моих оппонентов или лишают их актуальности. Тем не менее Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова предложили свое видение проблем Зарайска, основывающееся на известных им результатах четырех лет раскопок Зарайской стоянки. Их не смущает то, что помимо данных, обобщенных в моей книге, существуют результаты шести последующих лет работ Зарайской экспедиции. Можно ли оставлять их в стороне, формулируя и, как это делают авторы рецензии, смело решая проблемы Зарайска? Если цель рецензии состоит в том, чтобы действительно разобраться в существе обсуждаемых вопросов, то такой подход вряд ли соответствует правилам и практике научной критики. Им бы дождаться новой публикации. Ведь ожидают же исследователи палеолита почти тридцать лет сколько-нибудь обширной публикации материалов Авдеевской стоянки.

Авторы рецензии продолжительное время сами ведут раскопки памятника, во многом похожего на Зарайск. Поэтому естественно, что наши работы видятся им сквозь призму проблем, с которыми они сталкиваются в Авдеево. Эти два памятника действительно трудно рассматривать в отрыве друг от друга. В них много общего с точки зрения археологии, стратиграфии, а также природных и антропогенных факторов, участвовавших в формировании культурного слоя. Тем не менее подходы к изучению этих двух памятников и осмысление результатов раскопок различаются. Иногда эти различия кажущиеся, но некоторые из них носят принципиальный характер. Поэтому взаимная оценка тех или иных результатов невозможна без учета исходных отличий в методической основе исследований.

Положения и тезисы моих оппонентов в том виде, каком они приведены в рецензии, трудно систематизировать. Тем не менее попытаемся рассмотреть их в более или менее организованном виде.

1. КВАДРАТНЫЕ МЕТРЫ, НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рецензенты не скрывая иронии пишут: "Пока предметом публикации является раскоп в 50 м^2. А что автор будет делать, когда раскоп будет иметь 600 м^2?". Странный вопрос. Ведь сами оппоненты оперируют теми же 50 м^2, когда они на свой лад решают практически все проблемы Зарайской стоянки. Почему же эта площадь должна быть менее ценной для автора раскопок? А если доведется дожить до времени, когда раскоп расширится до 600 м^2 – будет новая книга. Но в ней будут уже рассматриваться проблемы, которые решаются на шестистах, а не пятидесяти квадратных метрах.

На самом деле в книге обобщены результаты раскопок А.В. Трусова и моих на площади 215 м^2 (к настоящему времени раскопанная площадь приблизилась к 350 м^2). Пятью раскопами и большим количеством шурфов исследованы различные участки стоянки, отстоящие друг от друга на многие десятки метров. Вскрытие такой площади на памятнике считается обычно довольно продвинутым этапом раскопок. Для Зарайска же эта стадия работ была определена мною как завершение интенсивных разведочных исследований. По результатам этого этапа можно сделать обоснованные заключения об общей и локальной стратиграфии памятника; описать основные типологические характеристики инвентаря; получить и обобщить разнообразные лабораторно-аналитические данные; установить место данного памят-

ника в общей культурно-хронологической шкале того или иного отрезка археологической эпохи; определить стратегию следующего – экстенсивного этапа раскопок на больших площадях, основной целью которого является получение целостной картины планиграфии находок и объектов, а также планировки и структуры поселения.

Таков наш подход к последовательности изучения и публикации материалов памятника. В Авдеево он иной. Там в основе лежит принцип разделения пресловутых этапов накопления и обобщения материала в весьма специфическом понимании продолжительности и содержания этих самых этапов. Негативные последствия такого подхода для разработки тех или иных направлений исследований, кажется, уже достаточно хорошо осмыслены (Синицын, 2002. С. V–VI).

2. О СТРАТИГРАФИИ И МИКРОСТРАТИГРАФИИ

Зарайск и Авдеево относятся к тому редкому для палеолита типу памятников, которые представлены не просто каменными изделиями, находящимися в геологическом контексте. Их культурные остатки с известными оговорками можно сравнить с руинами поселений более поздних археологических эпох. Здесь встречаются очаги, "землянки", многочисленные ямы. Порой разные объекты впущены вглубь с разных уровней. Иногда они перекрываются друг другом. Две группы объектов могут быть разделены этапом формирования системы мерзлотных образований. В этом случае можно различать более ранние объекты, нарушенные прохождением через них ответвлений мерзлотных трещин, и более поздние – выкопанные целиком или частично в заполнении других отрезков этих трещин. В Зарайске такие факты чрезвычайно выразительны и хорошо документированы. В Авдеево же вопрос о возможностях мерзлотных образований (систем трещин), как *стратиграфических маркеров* до последнего времени не ставился. Этот и другие моменты определяют наши расхождения и в вопросах стратиграфии стоянок. Остановимся на них ниже несколько подробнее.

1. В Авдеево все ямы (а их только во втором жилищно-хозяйственном комплексе насчитывается более 300) изначально рассматриваются как единовременные. Связываются они с первым – "ямным" этапом формирования культурного слоя. Всего для данного слоя Авдеево Г.П. Григорьевым выделяется два этапа – "ямный" и неямный. Общая продолжительность накопления основного культурного слоя, изучаемого ими памятника, определяется рецензентами в 20–30 лет. Если опираться на замечание Г.П. Григорьева о том, что "на протяжении трех четвертей жизни человека на этом поселении их (ямы – *Х.А.*) не рыли" (Григорьев, 2003. С. 56), продолжительность "ямного" этапа должна быть приравнена 5–7 годам.

Что касается Зарайска, то мы руководствуемся другой исходной посылкой. Она формулируется в виде правила – *синхронность функционирования одного объекта с другим должна являться предметом доказательства, а не априорным допущением. Другими словами, геологическая одновременность объектов (приуроченность к одному и тому же литологическому горизонту) не является доказательством единовременности их существования*. Основанием синхронизации объектов для исследователей Зарайска являются все виды стратиграфии (чаще всего в их сочетании): а) литостратиграфия, б) собственно археологическая стратиграфия (переслаивание объектов), в) криостратиграфия (переслаивание систем мерзлотных трещин), г) биостратиграфия (дифференцированные данные палинологических определений отдельно по объектам). Применение этого подхода к авдеевским материалам означает, что если там "почти все ямы впущены в материк с уровня нижних 5 см культурного слоя, а чаще с уровня материка" (Григорьев, 2001. С. 76), то рассматривать все эти ямы как возникшие и существовавшие одновременно нельзя. По-моему, оспорить это трудно. А вопрос о продолжительности существования так называемого ямного (не ямного тоже) этапа в Авдеево вообще не может быть предметом анализа по той причине, что приводимые рецензентами значения этой продолжительности представляются произвольными. Они не только ничем не подкреплены, но нет даже попытки (добавим – возможности тоже) хоть чем-нибудь их обосновать.

2. Существенно отличаются наши представления от отстаиваемых Г.П. Григорьевым и по вопросу о возможностях обычного стратиграфического анализа при членении культурных отложений Зарайска и Авдеево. Рецензенты не используют других видов стратиграфии, кроме литологической. О хронологической разнесенности культурных остатков, по их представлениям, может говорить лишь наличие сплошной стерильной прослойки, разделяющей разные уровни залегания археологических остатков. Для нас же в связи с рассматриваемым вопросом имеют принципиальное значение следующие факты: а) переслаивание объектов, наличие несплошных стерильных прослоек, б) разделенность культурных отложений системой мерзлотных трещин, в) различия в литологии заполнителя культурного слоя (например, почвенный горизонт и негумусированный горизонт), г) выраженные особенности в палинологических характеристиках разных уровней отложений.

В связи со стратиграфическими проблемами рецензенты часто ссылаются на использование ими в Авдеево микростратиграфического метода. Напоминают они об этом и в рецензии. Остав-

ляя в стороне вопрос о своеобразном понимании ими данного метода, позволим только спросить, что благодаря этому методу сделано в Авдеево принципиально нового и важного, чего не сделано в Костенках, где этот "метод" не использовался? И почему при столь пристальном внимании рецензентов к проблемам стратиграфии в Авдеево *вопрос об уровнях обитания даже не поставлен* при том, что самим Г.П. Григорьевым здесь фактически выделяются два (о третьем будет сказано позже) этапа формирования культурного слоя?

3. Рецензенты совершенно не принимают во внимание или обходят вопрос о различиях в палинокомплексах разных уровней обитания Зарайской стоянки. В Авдеево такой дробный, как в Зарайске, анализ отдельно по объектам (объектам в привычном понимании, а не в "авдеевской терминологии") не делался и винить в этом рецензентов трудно. Претензии к ним могут быть только в игнорировании значения этого биостратиграфического показателя для членения культурных отложений памятников, где подобный метод анализа использован.

4. Рецензентов не убеждает выделение верхнего слоя Зарайской стоянки в качестве отдельной стратиграфической единицы культурных отложений. В моей книге приведены следующие аргументы в пользу выделения этого слоя: а) находки и объекты залегают в гумусовом горизонте верхней погребенной почвы зарайской стратиграфии; б) насыщенность находками в этом слое в среднем в 3–4 раза выше, чем в нижележащем слое; в) к слою приурочены не только находки, но и объекты: очаг, яма (в раскопе 4), крупные скопления кремня (раскоп 1); г) на обширной площади распространения культурных остатков в исторической части города Зарайска имеются участки, где в археологической стратиграфии представлен только этот верхний слой (раскоп 5; обширный шурф на площади Пожарского, даже оставляя в стороне раскоп 3 А.В. Трусова и участки, обнаруженные после выхода книги на соседнем с кремлевским мысу). Таким образом, на территории, прилегающей к зарайскому кремлю, имеется группа стоянок разного возраста и с разной литолого-стратиграфической приуроченностью культурных остатков. Соответственно имеются участки, где при не нарушенной естественной стратиграфии представлен только нижний или только верхний слой, а также такие, в которых обнаруживаются оба указанных слоя.

Чтобы отрицать наличие верхнего слоя, необходимо опровергнуть эти аргументы. Как это делают рецензенты? Во-первых, они объявляют, что верхняя погребенная почва на самом деле может не являться почвой. Но, возразим мы им, разве такие вопросы решаются гаданиями и произвольными допущениями? У специалистов-геологов и почвоведов из Института географии РАН, МГУ и из Пущино, изучавших данный слой на месте, не возникло и тени сомнения относительно того, что это почва. Сделаны и необходимые аналитические исследования. Наконец, по гумусу из этого слоя получена даже радиоуглеродная дата.

Наличие археологических находок в этой почве рецензенты объясняют возможностью проникновения его туда из нижележащего слоя. Ссылаются при этом на мнение А.В. Трусова. И напрасно, поскольку по результатам своих раскопок в Зарайске он делал противоположный вывод, а именно: "ввиду большой насыщенности гумусированного суглинка находками в этом (1994) году было решено выделить его в отдельный горизонт" (Трусов, 1996). В цитированном тексте год указан не случайно. Автор подчеркивает этим собственный приоритет в стратиграфическом вычленении данного горизонта. Однако впоследствии А.В. Трусов стал предлагать противоречивые, а иногда и взаимоисключающие аргументы против данного заключения. Нахождение артефактов в почве объяснялось то "миграцией" предметов снизу вверх. При этом, по его же мнению культурный слой почему-то "рос скорее вниз, чем вверх" (Трусов, 2002. С. 156). Высказывалось допущение, что почва сформировалась гораздо позже, чем были экспонированы заключенные в ней предметы. И тут же утверждалось, что "Процесс почвообразования был более растянутым во времени, поскольку ... *условия* для *возможного почвообразования* (выделено мною – *Х.А.*) (стабилизация поверхности) сложились еще до появления здесь людей, а закончились после их ухода..." (Трусов, 2002. С. 156). Последнее заключение выглядит особенно эксцентрично. Непонятно что такое "условия для возможного почвообразования" применительно к данной конкретной ситуации, как эти "условия" документированы и какое они имеют отношение не к гипотетическому, а реально наблюдаемому факту приуроченности культурных остатков к верхней погребенной почве Зарайской стоянки?

В заключение сюжета о почве можно сказать – если бы в слое верхней погребенной почвы Зарайска были одни только находки без объектов, то и этого было бы достаточно для придания данному уровню отложений особого стратиграфического значения. А объекты культурного слоя, вопреки безосновательному утверждению рецензентов, здесь присутствуют и не только в раскопе 4. Пытаясь это оспорить, Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова ставят вопрос: "можно ли говорить, с какого слоя выпущена яма?". И сами же отвечают: "На опыте Авдеева скажем дружно: нет, не может". Единодушие рецензентов в этом вопросе не может не умилить. Но возникает встречный вопрос – а как же в таком случае выделяются в Авдеево ямы "ямного" этапа, которые впуще-

ны не с уровня материка, а с уровня уже накопившегося на 5 и даже 10 см культурного слоя? Примечательно, что в Авдеево на участке, где яма впущена с уровня 10 см над полом, вся мощность культурного слоя составляет всего около 20 см.

В связи со сказанным выше выглядит странной попытка рецензентов убедить читателя в том, что их авдеевский опыт не позволяет устанавливать уровень, с которого ямы впущены, как указывается ими, верхи ям бывают разрушены. Тогда чей же опыт привел Г.П. Григорьева в его последних публикациях к прямо противоположным заключениям. Так, у этого автора мы читаем: "Можно исключить вероятность разрушения верха культурного слоя с тем, чтобы возможность разрушения верха ямы (тут речь идет не об одном конкретном случае, о ямах вообще – *Х.А.*) мы могли не принимать во внимание" (Григорьев, 2003. С. 57). Хочется заметить рецензентам, что основания для такого рода уверенности могут существовать не только в случае с Авдеево, но и с Зарайском и другими памятниками тоже. Существует ряд признаков, которые позволяют безошибочно определить первоначальные края ям и других углубленных объектов. Например, характерная "шапка" углистости, несколько возвышающаяся над собственно заполнением очага – надежный показатель сохранности уровня впуска очажной ямы. Еще более показателен такой зарайский пример, когда сильная (до красноты) обожженность стенок очага захватывает перегиб края очажной ямы. С такой же точностью можно говорить о реальном уровне впуска ямы, в случаях, когда фиксируется "затекание" породы (в нашем случае – светлого мелкозернистого песка) с горизонтального уровня в полости мелких мерзлотных трещин, которые образовывались по границе стенок и заполнения ямы. В Зарайске зафиксированы примеры того, когда таким же образом с горизонтального уровня на стенки ямы перегибается тонкая прослойка охристой линзы, имеющей значительное горизонтальное распространение на междуямном участке. Наконец, выше говорилось о возможностях криостратиграфии для установления крупных этапов формирования культурного слоя и содержащихся в нем объектов.

Таким образом, не видно, чтобы хоть один из аргументов в пользу выделения верхнего слоя в Зарайской стоянке был снят критикой рецензентов. Что же касается их аргументов "против", то о степени их обоснованности можно составить представление из приведенных выше замечаний.

В заключение сюжета о стратиграфии нельзя не упомянуть и о главном вопросе, который рецензенты почему-то обходят стороной. Речь идет об определении палеолитического культурного слоя. Я использую это понятие, исходя из предложенного мною определения. Рецензенты же считают возможным отмахнуться от самой необходимости какого бы то ни было определения на этот счет, ограничившись беглым указанием на то, что "такое явление, как культурный слой трудно поддается однозначному определению" (Булочникова, 2002). Следовало бы помнить, что изучение чего бы то ни было имеет смысл только тогда, когда оно предполагает ясное определение предмета исследования. Не выяснив вопроса о том, что является слоем на памятнике, который в течение тридцати лет ты исследовал сам, невозможно рассуждать о слое или слоях в Зарайске. А что касается замечания о невозможности "однозначного" определения, то это не должно смущать рецензентов. Неоднозначность – свойство любого определения. И от этого необходимость в определениях, особенно в научном исследовании, не отпадает.

3. О МЕРЗЛОТНЫХ СТРУКТУРАХ В АВДЕЕВО И ЗАРАЙСКЕ

О системах мерзлотных трещин в культурных отложениях Зарайской стоянки рецензенты рассуждают не менее смело, как и в том случае, когда они отрицают очевидное – наличие в зарайском разрезе верхней погребенной почвы. Они считают возможным наличие здесь системы трещин второй генерации, но высказывают сомнения в существовании криогенных структур первой генерации. Рецензентов почему-то удивляет то, что в Зарайске удалось в основных чертах разобраться с криогенными формами, тогда как в Авдеево предстоит сделать еще немало в этом направлении.

Впервые в Авдеево мерзлотные структуры были зафиксированы в ходе раскопок М.В. Воеводского. Он их определил как "следы вечной мерзлоты" (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950. С. 9) и установил сопряженность в некоторых случаях полостей трещин с ямами, которые были "использованы человеком как складочные места для крупных костей и бивней" (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950. С. 9). Изучение этих структур было продолжено в ходе раскопок А.Н. Рогачева (1953. С. 191). Им были более или менее подробно описаны удлиненные углубления, по дну которых читались выразительные мерзлотные клинья. Тогда же эти образования были обозначены как "канавы" или "канавообразные углубления" (кстати, рецензенты очень гордятся этой "терминологией" и относят ее к особым достижениям авдеевской экспедиции). А.Н. Рогачевым была отмечена и другая разновидность мерзлотных образований – "тонкие ответвления и трещины, заполненные светлым песком" (Рогачев, 1953. С. 143).

Аналогичные известным по первому комплексу структуры были обнаружены и при раскопках второго жилищно-хозяйственного комплекса Ав-

деево (Гвоздовер, Григорьев, 1977). На этом этапе была сделана попытка их систематизации. Было подтверждено существование двух разновидностей структур, отличавшихся по размерам, степени вовлеченности в археологический контекст и характеру заполнения. Одна из них сохранила старое название "канавы", вторая была обозначена как "песчаные реки". Определены они были предположительно как мерзлотные образования и дальнейшее изучение ограничилось рассмотрением их в качестве нарушений культурных отложений, а также выявлением степени их использования и переоформления древними обитателями стоянки.

В Зарайске, в отличие от Авдеево, с самого начала особое внимание было уделено стратиграфическому аспекту криогенных структур. Было выделено две генерации последних. Одна из них отнесена ко времени непосредственно предшествующему заселению людьми стоянки. Вторая образовалась, когда культурный слой уже накопился на определенную толщину и уже прекратила существование жилая площадка костенковского типа с длинным рядом очагов. Спустя значительное время образовался слой верхней погребенной почвы. И для каждой составляющей этой последовательности имеются радиоуглеродные даты. Именно так обстоит в Зарайске дело с выделением двух генераций мерзлотных трещин. Рецензенты же пытаются представить эту картину (видимо, по невнимательности чтения) искаженной до неузнаваемости. Они не верят в возможность "деления толщи в десять-двадцать см на уровни трещин". Разумеется, никто такого деления и не делал. Тем более "на уровни трещин".

Для рецензентов рассматриваемые криогенные формы являются лишь нарушениями культурных отложений. Я же рассматриваю эти структуры, как имеющие несопоставимо больший информационный потенциал. Соответственно они и изучаются мною с различных точек зрения: как один из факторов нарушения культурных отложений; как стратиграфический маркер; как показатель смены климатических условий; как фактор, воздействующий на способы освоения непосредственно обитаемой площади и влияющий на морфологию, структуру и планировку элементов жилищно-хозяйственного комплекса.

Новый интерес к мерзлотным структурам Авдеево возник в ходе последних раскопок Г.П. Григорьева и Е.В. Булочниковой. Заключение геологов по результатам этих работ показывает, что Зарайск не одинок в том, что касается временной разнесенности генераций мерзлотных трещин, связанных с культурными отложениями. По поводу Авдеево в этой связи отмечается, что "здесь выделяется ранний криогенный горизонт, который сформировался еще до заселения участка первобытными охотниками и более поздний, формирование которого деформировало уже частично погребенный культурный слой. Особенности залегания культурных находок на участке раскопок последних лет и строение вмещающих отложений дают возможность предполагать наличие здесь, по крайней мере, двух уровней культурных слоев, соответствующих разным уровням обитания". (Грибченко и др., 2002. С. 92, 93). По моим наблюдениям, основывающимся на знакомстве с новыми разрезами Авдеево и частью коллекции каменного инвентаря, полученной в результате этих работ, для разделения толщи культурных отложений Авдеево существуют и другие основания. Это археолого-стратиграфические показатели, технико-типологические характеристики каменной индустрии и данные, относящиеся к особенностям сырьевой базы.

4. ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ РАДИОУГЛЕРОДНЫМ ДАТАМ?

Различия наших подходов в отношении к радиоуглеродным датам рецензенты сводят все к тем же, давно набившим всем оскомину, вопросам о возможностях метода, доверительных интервалах и степени доверчивости в использовании дат. Гораздо продуктивнее было бы вести речь о методике применения радиоуглеродных дат в конкретном археологическом исследовании, оставив обсуждение физических основ метода специалистам-физикам.

Многие придерживаются практики избирательного отношения к датам одного и того же памятника. Очень часто без вразумительного объяснения какой-либо процедуры отбора и ограничившись указанием на несовершенство радиоуглеродного метода одни даты признаются предпочтительными, а другие – отбрасываются. Часто возникает мысль – почему несовершенство метода, реализованного в одной и той же лаборатории, по одному и тому же материалу, в одно и то же время отразилось именно на тех образцах, которые считаются "непредпочтительными", а не на других, которые данным исследователем одаряются более счастливой судьбой? Математический анализ и построение графических моделей тоже вряд ли помогут подкреплению правомерности отбора. Если какая-то часть дат признается заведомо ущербной, то в математической процедуре ее нельзя объединять с датами, которые считаются достоверными. То есть нельзя строить график нормального распределения с использованием дат, которые заведомо считаются "ненормальными".

Суть позиции, которой я придерживаюсь, состоит в том, что использование любой радиоуглеродной даты независимо от ее значения оправдано в том случае, когда эта дата имеет четкие *стратиграфические, планиграфические и контексту-*

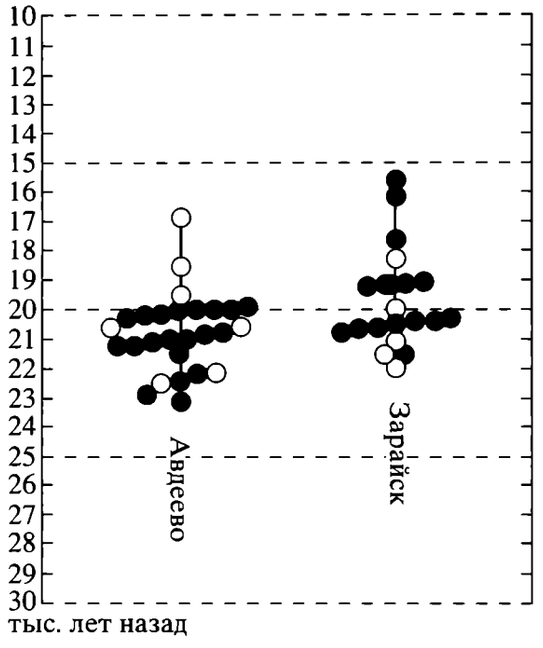


Схема группирования радиоуглеродных дат Авдеево и Зарайска. Составлена по: Сулержицкий, 2002. С. 62 (с добавлением новых дат по Зарайску). Условные обозначения: кружки с заливкой – даты по костному углю; кружки без заливки – даты по кости мамонта.

альные характеристики. При этом желательно, чтобы в тех случаях, когда это возможно, были приведены стратиграфические или иные основания верификации. К моменту выхода моей книги для Зарайска было известно 18 радиоуглеродных дат с разбросом, примерно, от 23 до 16 тыс. лет. Если бы каждую из них мы рассматривали вне стратиграфического контекста и в отрыве от объектов и уровней культурных отложений, то тоже выбрали бы в качестве подходящей датировку в 22–21 тыс. л.н. – и тогда результат был бы тот же, что и у Г.П. Григорьева. Однако ради такого уподобления мы не можем игнорировать комплекс непротиворечивых стратиграфических характеристик отложений Зарайской стоянки и уж никак не можем рассматривать даты отдельно от этих показателей. В нашем случае даты распределяются по выделяемым стратиграфическим уровням следующим образом: *самые ранние даты связаны с культурными отложениями ниже уровня системы мерзлотных трещин второй генерации, более поздние – со слоем выше этой системы, но ниже погребенной почвы и самые поздние – с верхней погребенной почвой*. Разумеется, есть единичные (2 из 18) даты, не вписывающиеся в эту картину. Но мы не отбрасываем и их как неудачные или ущербные, а пытаемся объяснить причину несогласованности с другими.

Таким образом, в ответ на призыв рецензентов не обольщаться "кучностью" дат могу рекомендовать им проделать в Авдеево такой же хроностратиграфический анализ, как в Зарайске. То, что здесь имеются хорошие перспективы, отмечают и другие исследователи (Александрова, 1998. С. 145). Особенно это касается верхнего уровня культурных отложений Авдеево, исследованного в последние годы. Стратиграфически этот, хорошо выраженный, уровень обитания, приурочен не к основанию слоя 5, с которым связан нижний (основной) слой Авдеевской стоянки, а к его верхам вплоть до контакта с перекрывающим слоем. Поселенческих объектов, характерных для костенковско-авдеевской культуры он не содержит. Технические и типологические характеристики каменного инвентаря весьма существенно отличаются от материала, происходящего из основного слоя стоянки. Наконец, здесь совершенно другое исходное сырье.

Весьма красноречива в Авдеево и незамеченная Г.П. Григорьевым и Е.В. Булочниковой хронологическая разнесенность больших групп радиуглеродных дат, не идентичная, но в принципе сравнимая с Зарайском (рисунок). Так может быть пора, хотя бы проверить давнее заключение А.Н. Рогачева о неоднократности заселения площади Авдеевской стоянки и о том, что здесь имеется не одно поселение? (Рогачев, 1953. С. 139). Или оставить это вместе с "канавами" и "песчаными реками" для будущих поколений?

Плодотворность периодического возвращения к старым исследованиям и проверка их результатов подтверждались не раз. Одним из примеров этого является хорошо известная стоянка Краков-Спадзиста (Escutenaire et al., 1999), относящаяся к той же культурной общности восточного граветта, что Зарайск и Авдеево. Исследовать ее начали несколькими годами раньше (1968), чем второй комплекс Авдеево. По результатам первых работ слой с наконечниками с боковой выемкой и ножами костенковского типа рассматривался здесь как единый. Возобновление исследований в 1980-е и особенно в 1990-е годы и раскопки новых участков позволили вычленить здесь два слоя, соответствующих двум этапам заселения стоянки в отрезках 23–22 тыс. л.н. (слой 6а) и 22–20 тыс. л.н. (слой 6б). Кроме того, в основании покровных суглинков был выявлен постграветтский слой, относящийся примерно ко времени 17 тыс. л.н. Нетрудно заметить, что при повторных работах здесь обнаружилась примерно такая же хроностратиграфия, какая оформилась и в Зарайске в ходе параллельных и тоже повторных раскопок.

5. О РАЗРЕЗАХ

Много внимания уделено рецензентами вопросу о разрезах. "Большинство профилей через ямы, приведенные в книге, старомодны по способу исполнения: там есть место только контуру ямы. Теперь принято делать такой разрез, чтобы

в профиле были и контуры ямы и позиция примыкающих к ней горизонтально лежащих отложений" – говорится в рецензии. То, о чем говорят рецензенты, – банальная истина. Не понятно, почему такие разрезы нужно считать нововведением.

В книге приводится достаточно "новомодных" разрезов (Амирханов, 2000. Рис. 28, 37, 49 и др.), хотя считаю, что новизна – это состояние, а не свойство или показатель качества. И, хотя с расширением раскопок число таких чертежей увеличивается, это совсем не означает, что традиционный тип разрезов должен быть отменен. В тех случаях, когда яма выкопана в однородном грунте и содержит иное по составу, но также однородное заполнение, смысла в вышеназванных разрезах нет никакого. От того, что заполнение ямы будет заштриховано одной линией, а огибающее профиль пространство – другим образом, информации не добавится. Таких ям у нас немало. И для них, естественно, приводятся разрезы в виде профилей. Другое дело, если над такими ямами удается надстраивать (не реконструктивно, а по реально существующей стенке) разрез до самого верха раскопанных отложений, т.е. до современной дневной поверхности. Оставлять для этого "бровки" целенаправленно практически невозможно. Во-первых, начиная копать с современной поверхности, невозможно точно предвидеть, что откроется в глубине. Хотя в случае с жилыми площадками костенковского типа в общем виде можно прогнозировать предположительное расположение основных элементов жилищного комплекса. Но это будут только догадки. Во-вторых, в раскопе 4 Зарайской стоянки из-за переслаивания уровней обитания углубленные объекты и трещинные углубления приходятся почти на каждый квадрат. А представить себе, как при этом можно вести раскопки, оставляя бровки на каждый квадрат с уровня современной дневной поверхности, трудно.

Особо говорится о яме на кв. Н–П – 1–2 и очаге 3. Эта яма выкопана в уже накопившемся ранее культурном слое. Впущена она была с более высокого уровня. Но верх ямы оказался разобранным в ходе предшествующих раскопок А.В. Трусова, копавшего, руководствуясь своими представлениями о характере этого объекта. Если бы был установлен реальный край ямы, то удалось бы документировать стратиграфическое соотношение данного объекта с пятном золистости, связанным с очагом 3, что действительно важно. Однако сделать это на этапе наших работ было уже невозможно. Что касается отсутствия в книге несложного профиля очага 3, то это досадное упущение. Тем более, что разрез этот имеется в отчете. Причем выполнен он был в "старомодном" стиле одним из рецензентов – Е.В. Булочниковой (в то время аспиранткой автора).

6. К АПОЛОГИИ ТРУСОВА

В начале рецензии говорится, что в раскопе 4 памятник разрушался "действиями археологов, до появления в раскопе Х.А. Амирханова". Видимо, рецензенты каким-то не известным мне образом информированы в этом вопросе. В отличие от рецензентов я не был в своих оценках столь строгим к моему предшественнику по раскопкам в Зарайске. Моменты, имеющие отношение к данному вопросу, мною никогда не выпячивались. Напротив, подробно описывались работы А.В. Трусова и отмечались все без исключения его приоритеты, включая выделение верхнего слоя как самостоятельного горизонта и неоднократность заселения стоянки. Но это не значит, что я согласен во всем с уровнем методической обеспеченности прежних работ. И претензии в этой части не являются самоцелью. Они носят вполне конкретный характер и имеют отношение к интерпретациям раскопанных объектов. Их простая суть сводится к следующему: нельзя копать памятник типа Зарайска горизонтальными плоскостями без учета характера залегания слоев и с использованием лопатки как основного раскопочного инструмента; нельзя быть ориентированным преимущественно на методичное выкапывание вещей. Раскопки должны быть нацелены на выявление и исследование древних поверхностей и связанных с ними объектов когда, как в случае с Зарайском, для этого есть возможность; "этапы заселения" должны фиксироваться в ходе раскопок с документацией выявляемых объектов на планах раздельно для каждого из этапов, а не (или не только) в стенке раскопа, уже после того, как культурный слой полностью выбран; недопустимо копать скопления костей в ямах как кучи костей. Точно так же нельзя копать "кострища" по негативному принципу (выборка слоя вокруг с оставлением углистой массы на останце); нельзя вести раскопки культурного слоя без установления его соотношения к общей геологической стратиграфии участка, занятого стоянкой и, тем более, без установления того, какой слой здесь является материком.

7. К КАКОЙ КУЛЬТУРЕ ОТНОСИТСЯ ЗАРАЙСКАЯ СТОЯНКА?

О принадлежности Зарайской стоянки к костенковской культуре говорили А.В. Трусов (1994), Л.В. Грехова (1994. С. 10), М.В. Аникович (1998), Е.Ю. Гиря и Б. Бредли (Giria, Bradley, 1998). Хотя бы уже поэтому, для отнесения мною Зарайской стоянки к костенковско-авдеевской культуре особой проницательности не требовалось. К моменту выхода книги для такого заключения появились всесторонние и неопровержимые данные. К этому времени каменный инвентарь Зарайска заключал в себе уже все культурообразе-

ляющие типы, характерные для указанной культуры. Кроме того, была доказано существование здесь жилой площадки, с планиграфической структурой и типологией ее элементов, тождественных Костенковской и Авдеевской стоянкам. Однако Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова с непонятным упорством отрицали этот факт даже после того, как он стал для всех остальных очевидным. Это не признавалось даже в защищенной недавно кандидатской диссертации одного из соавторов рецензии Е.В. Булочниковой. Так кого же из нас и когда озарило? Ведь с момента выхода книги до написания на нее рецензии не появилось принципиально новых данных, проливающих дополнительный свет на данную проблему.

В связи с рассматриваемым вопросом рецензенты сожалеют, что мимо меня прошли "особенности материала Зарайска, не находящие соответствий .... в Авдеево, Костенках и Гагарино". Имеется в виду, что на Зарайской стоянке есть участки, где производилась первичная обработка сырья. Но это известно всем с 1982 г. "Мастерские" или скопления на участках первичного раскалывания кремня встречались в раскопах 1 и 3; они описаны А.В. Трусовым и опубликованы. Это специально рассматривалось даже в одной студенческой дипломной работе. В исследовавшемся нами раскопе 4, материалы которого публикуются в книге, таких участков пока не обнаружено, за исключением случая, когда разовая высыпка массовых отходов первичного раскалывания обнаружена в одном из участков углубления мерзлотного происхождения. Этот факт подробно рассмотрен в книге (Амирханов, 2000. С. 153).

Как бы ни обстояло дело с детальностью публикации данных такого рода, о которых идет речь, для проблемы культурной идентификации памятника это имеет далеко не первостепенное значение. Общеизвестно, что изобилие сырья на стоянке или его недостаток отражается на технических и типологических характеристиках индустрии, а также структуре коллекции каменного инвентаря. Рассмотрение подобных частных вопросов лучше осуществлять на том этапе исследований, когда вскрыта достаточно большая площадь памятника и коллекция каменных изделий более представительна чем та, которой мы располагали к 1998 г. В значительной мере это реализовано в другой работе, посвященной специально каменному инвентарю (Лев, 2003). Подробный анализ показывает, что рассматриваемый аспект сырьевой специфики отражается в деталях, которые не меняют общей костенковско-авдеевской типологической картины инвентаря Зарайска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало нашей дискуссии с Г.П. Григорьевым восходит к 1995 г., т.е. ко времени, когда я только приступил к работам в Зарайске. В то время Г.П. Григорьев уверенно утверждал, что на Зарайской стоянке вообще нет сохранившегося культурного слоя. Круг дискутируемых вопросов сужался по мере того, как в ходе раскопок выявлялась отчетливая структурированность культурных отложений, вскрывались разнообразные объекты, стала вырисовываться редкая по выразительности картина обширной жилой площадки, становилась несравненно более представительной коллекция каменного и костяного инвентаря. Потом уже стало невозможно отрицать "костенковский" характер некоторых важных объектов культурного слоя Зарайской стоянки, но оспаривалось соответствие их структуры костенковской модели обширных жилых площадок. Отмечалось, например, что наличие двух очагов недостаточно для заключения о линейном расположении очагов и отнесения зарайской жилой площадки к разновидности жилых площадок костенковского типа. Но в ходе продолжающихся раскопок появился третий очаг, причем там, где ему полагалось находиться по костенковской планировке. Отвергалось включение Зарайска в костенковскую культуру на том основании, что тут отсутствуют листовидные наконечники и пластинки с притупленным краем и подработанными концами – типы, являющиеся диагностическими для данной культуры. Однако по мере накопления материала в коллекции Зарайска количество этих предметов увеличилось до серий. То же происходило и с другими, более частными, спорными вопросами.

Учитывая предысторию, нетрудно заметить, что в нашем споре есть явный прогресс. Вопросы, которые дебатируются сейчас, не более сложны, чем те, по поводу которых уже нет споров, и они тоже не являются не решаемыми. Тем не менее дебаты и разъяснение позиций могут служить пользе дела и успеху дальнейших исследований. Несомненно, обсуждение рассматриваемых вопросов будет гораздо более плодотворным после сколько-нибудь развернутой публикации материалов Авдеево. Потенциал этого памятника огромный. Особенно важно то, что раскопки, осуществляемые в последние годы Г.П. Григорьевым и Е.В. Булочниковой, дали вопреки их ожиданиям, веские аргументы в пользу стратиграфической и хронологической разнесенности культурных отложений Авдеевской стоянки. Моим оппонентам представляется, что, опровергая очевидные факт временной растянутости культурной колонки Зарайской стоянки, они заодно решат и проблему археологической стратиграфии Авдеево. Однако непредубежденному взгляду не трудно увидеть в картине, полученной для Авдеево, убедительное подтверждение давнего вывода одного из исследователей этого памятника – А.Н. Рогачева о неоднократности обитания на Авдеевской стоянке групп палеолитических людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова М.В. "Идеология" раскопок и приоритеты археологического исследования (У истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный граветт. М., 1998.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от "восточного граветта" к "восточному эпиграветту" // Восточный граветт. М., 1998.

Булочникова Е.В. Механизм накопления культурного слоя (по материалам стоянок Авдеево и Зарайск) // Доклад на расширенном заседании Отдела археологии каменного века ИА РАН. М., 2002.

Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам раскопок 1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXI.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. К X Конгрессу INQUA. М., 1977.

Грехова Л.В. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Воскресенская Е.В. Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.

Григорьев Г.П. Две фракции женских статуэток в Авдееве // Каменный век восточноевропейских равнин. Мат. междунар. конф. М., 2001.

Григорьев Г.П. Экспонирование объектов в слое палеолитических стоянок // Пушкаревский сборник. Вып. II. СПб., 2003.

Григорьев Г.П., Булочникова Е.В. Методика исследования палеолита: микростратиграфия и хронология. Рец. на кн.: Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000 // Археологические вести. № 11. СПб., 2004.

Лев С.Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки. (Типологический аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // МИА. 1953. № 39.

Синицын А.А. От редактора // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых верхнепалеолитических стоянок по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.

Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.

Трусов А.В. Отчет о раскопках Зарайской верхнепалеолитической стоянки в 1994 году // Архив ИА РАН. 1996.

Трусов А.В. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология-стратиграфический аспект) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.

Escutenaire C., Kozlowski J.K., Sytlivy V., Sobczyk K. Les chasseurs de mamouths de la vallée de la Vistule. Krakow-Spadzista B, un site gravettien à amas d'ossements de mamouths. Bruxelles, 1999.

Giria Y., Bradley B. Blade Technology at Kostenki and Zaraysk // Восточный граветт. М., 1998.

Methodics of the Palaeolithic studies: On the Zaraisk and the Avdeevo lessons (Concerning a review)

H. A. Amirkhanov

Summary

Four years after the publication of the book by H.A. Amirkhanov "The Zaraisk camp" (Moscow, "Nauchny Mir", 2000, 246 p.) G.P. Grigor'ev and E.V. Bulochnikova have presented the review of the monograph. Both authors have been excavating the Upper Palaeolothic camp Avdeevo for some years. The site in many aspects is similar to Zaraisk. The authors of the review have got some approaches to the investigation of the sites of this kind, worked out by the experience of their own. They also suggest the ideas in which way should be interpreted numerous questions of stratigraphy, planigraphy, chronology, and cultural attribution of the discussed sites. Their opponent H.A. Amirkhanov is an adherent of in many aspects different approaches to the investigation and interpretation of the results obtained by the excavations of the sites of this type. The scholar makes stress on the comprehensive and differentiated stratigraphic analysis and the detailed studying of the natural phenomena that accompanied formation of cultural deposit and influenced its post-positioned changes. H.A. Amirkhanov underlines the necessity of such an approach to the method of applicaiton of radiocarbon dating in concrete archaeological investigation, as well as the necessity of strict archaeological definitions. Taken most generally, the discussed questions concern the geography, the chronological stages of existence, and the basic characteristics of the dwelling sites attributed to Kostenki culture – the most impressive manifestation of the Late Palaeolithic in Eastern Europe. The discussion demonstrates that some of the debated problems gradually gain their solution parallel to the extension of the excavated areas at the camps Zaraisk and Avdeevo. Other ones will remain debatable until the source database grows considerably and new analytical data are obtained.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 102–109

ДИСКУССИИ

КАК ИСТОРИК И АРХЕОЛОГ ПРЕВРАТИЛИСЬ В БУРЖУАЗНЫХ ПРОПАГАНДИСТОВ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ КОМПАРАТИВНАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ?

(Ответ на рецензию Г.А. Кошеленко на книгу С. Гориениной и К. Рапэна "От Кабула до Самарканда. Археологи в Средней Азии", Париж, Открытия Галлимар, 2001[1])

© 2005 г. С. Горшенина*, К. Рапэн**

**Университет Лозанны, Швейцария*

***Центр научных исследований Франции (CNRS), группа "Эллинизм и восточные цивилизации", Париж*

Отвечать на критику, прозвучавшую в адрес книги, недоступной для российской публики как по причине языкового барьера, так и в силу того, что в настоящее время в СНГ ею располагают не более 50 специалистов, которым книга была подарена самими авторами, крайне трудно. Однако критика Г.А. Кошеленко, не заслуживающая внимания в силу предвзятости избранной позиции и ненаучного тона ведения дискуссии, отражает один из дискурсов гуманитарной науки постсоветского периода. А потому данный ответ следует скорее расценивать как попытку разобраться в вопросе, возможен ли объективный компаративный анализ истории археологии Средней Азии или же идеологическое противостояние является здесь неизменяемым стандартом.

Первые параграфы рецензии скорее нейтральны. Представление структуры книги согласно формальным требованиям лишь изредка перемежается критикой, которая, однако, по мере "закипания" автора, становится все более агрессивной. Нелицеприятные выпады, как правило, не имеют под собой почвы, ибо книга, как дает основание думать нижеследующий анализ, не столько прочитана Кошеленко, сколько превратно интерпретирована им на основе поверхностного восприятия французского языка, с одной стороны, и в соответствии с тенденциозным видением проблемы – с другой. Неудивительно, что к концу текста рецензия трансформируется в личные оскорбления. Опасность появления подобного рода рецензии двояка. Она состоит не только в том, что неприемлемая для научного сообщества манера ведения полемики, напоминающая по тону публикации конца 1940-х годов, появившиеся после выступления А. Жданова в журналах "Звезда" и "Ленинград" против "злостных космополитов", представлена как норма, достойная академического журнала[2]. Но и в том, что любой исследователь, ознакомившись со статьей Кошеленко, априорно склонен думать, что рецензия "справедлива". Удивляясь прозорливости и внимательности рецензента, кто-нибудь, кто и читал книгу, будет уверен в том, что по рассеянности он не заметил всех этих "огрехов", но идея проверить критику Кошеленко, сравнивая ее с реальным текстом, никому не придет в голову. Другие же, которые и не видели книги (а таких большинство), составят свое мнение о ней исключительно по рецензии Кошеленко, не предполагая, что имеют дело с чистой воды фальсификацией, выстроенной на ложно интерпретированных фактах.

Отвергая подобную манеру ведения полемики, воспользуемся, однако, предложенным оппонентом подразделением на "концептуальные недостатки книги" и "мелкие ошибки" (Кошеленко, 2003. С. 176). При этом напомним, что книга писалась не как научная монография, но как научно-популярное эссе в соответствии с требованиями издательства Галлимар, планировавшего серию *Открытия* исключительно для молодежи. Последнее не означает упрощенного толкования, но

[1] В этой рецензии (Кошеленко, 2003. С. 176–180) представлен в развернутом виде тезис, впервые озвученный автором годом раньше (Кошеленко, 2002. С. 194–201), согласно которому мы были определены как "буржуазные пропагандисты". В качестве примера радикально иной оценки книги см.: Bernard, 2002. С. 353–355. Полный ответ на критику Кошеленко будет опубликован в журнале Культурные ценности: 2002–2003, Bibliotheca Turkmennica, Saint-Petersburg, European house, а также размещен в интернете на сайте этого журнала.

[2] Б.Я. Ставиский также указывал на неприемлемо агрессивный характер рецензии Кошеленко на свою книгу "Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)", напоминающей по тону политический донос (Ставиский, 2002. С. 81–90).

подразумевает синтез известных фактов, предполагающий возможность перевода на другие языки без какой-либо культурно-национальной адаптации. Именно ориентацией на широкую публику диктовались отсутствие перегруженности фактографической информацией и книжной эрудицией, лаконичность изложения и доминирование франкоязычной литературы в краткой библиографии, где, однако, представлены практически все наиболее важные русские и советские публикации на французском языке (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 151)[3].

Механизм прочтения текста: "реальная критика" или "поиск блох"?

Как показывает анализ механизма ведения полемики Кошеленко, "мелкие ошибки", как впрочем и "реальная критика", которая структурно соотносится практически исключительно с приложением нашей книги (первая колонка "Хронологии"), проистекают от предвзятого восприятия текста или от недостаточного знания нюансов французского языка.

В арсенале приемов фальсификации текста[4] можно видеть приписывание нам тех положений, которые были высказаны как констатация фактов для реконструкции определенной исторической или эпистемологической ситуации[5]; замечания по поводу мнимоотсутствующих деталей, не замеченных оппонентом[6]; "вычитывание" желаемой информации между строк и ее последующая критика[7]; нежелание видеть общеизвестные факты[8], необоснованные претензии в неправильном переводе на французский язык русских собственных имен[9]; регулярно повторяющееся отсутствие нюансов при переводе и соответственно огрубление высказанных идей и опрощение научных гипотез[10], приписывание нам неправильных датировок[11], передергивание фактов в угоду "политической корректности" по отношению к имперским амбициям России[12] и, наконец, применение двойного стандарта в оценке истории русской и советской археологии[13], что позволяет нашему оппоненту, вне зависимости от избранной нами позиции, даже если она и абсолютно лояльна по отношению к русско-советскому наследию, определять нашу книгу как работу "буржуазных пропагандистов", при этом на редкость безграмотных.

"Концептуальные" или методологические проблемы

Следующая группа критических замечаний восходит к проблемам методологического порядка.

Во-первых, для нашего оппонента вопрос считать ли Туркестан российской колонией, а саму Россию – империей с постоянно видоизменяющимися границами, в большей или меньшей степени похожей на другие "великие колониальные державы", остается открытым. Отказываясь принять определение истории России как истории прогрессивной экспансии в поисках свободного выхода к морю (Кошеленко, 2003. С. 178) (в данном случае не мешало бы перечитать классиков российской истории Ключевского, Соловьева, Костомарова и т.д.), Кошеленко, передергивая нашу фразу[14], удивленно констатирует, что начало "русскому проникно-

[3] Среди 22 публикаций имена российских и советских исследователей присутствуют в 10 монографиях и коллективных работах (Barthold, 1947; Belenitsky, 1968; Gorshenina, 2000; Litvinsky, 1998; Mongait, 1959; Stavisky, 1986; Histoire et cultes..., 1991; Les Arts..., 1999; History of Civilizations..., 1992–2000; L'Asie des steppes, 2000).

[4] Детальный анализ см. в журнале "Культурные ценности", 2002–2003.

[5] В вопросе о наполнении термина Центральная-Средняя Азия (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 20, 21; Кошеленко, 2003. С. 176).

[6] Несоблюдение нами же избранных хронологических рамок (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 51; Кошеленко, 2003. С. 177); "отсутствие" упоминания кочевых народов (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 74, 75, 94, 95; Кошеленко, 2003. С. 177).

[7] По поводу даже не упоминавшегося в тексте якобы завещания Петра I (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 28; Кошеленко, 2003. С. 176); о появлении иностранных экспедиций в Средней Азии (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 121, 124, 125; Кошеленко, 2003. С. 177).

[8] Противостояние между учеными Москвы, Санкт-Петербурга и республиканских центров.

[9] Перевод Лазаревского института как Institut Lazare (Кошеленко, 2003. С. 177).

[10] Взаимосвязь проблемы "Большого Хорезма" и создание С.П. Толстовым ХАЭЭ (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 70); о серии публикаций трудов ЮТАКЭ (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 66; Кошеленко, 2003. С. 177); о пяти социально-экономических формациях (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 64; Кошеленко, 2003. С. 178); по поводу датировок "бактро-маргианской цивилизации" (Кошеленко, 2003. С. 177); о государственно-политической структуре ахеменидского времени (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 74; Кошеленко, 2003. С. 178).

[11] Ошибясь строкой, Кошеленко приписывает нам датировку ранне-бронзового века периодом между 2500–1500 гг. до н.э., в то время как эти цифры соотносятся в нашем тексте с периодом средне-бронзового века, а энеолит и ранне-бронзовый век для западной Средней Азии датирован в книге 3500–2500 гг. до н.э. (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 148; Кошеленко, 2003. С. 177). Ср. наши датировки халколита и ранне-бронзового века, охватывающие весь среднеазиатский регион (западную Среднюю Азию и Туркменистан), 4500–2500 гг. до н.э., и датировки Б.А. Литвинского и В.А. Ранова – конец V тыс. до н.э. – 2200/2100 гг. до н.э. (История таджикского народа, 1998. С. 130; см. также Lyonnet, 1996). Та же ситуация с датировкой дворца в Топрак-кале (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 148; Кошеленко, 2003. С. 177).

[12] По поводу правомерности использования прилагательного "финские", а не "российские" исследователи к ученым Финляндии в период существования Великого финского княжества в составе Российской империи (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 40, 41; Кошеленко, 2003. С. 177).

[13] Оценка комплексных экспедиций 1930–1960 гг. (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 59, 73; Кошеленко, 2003. С. 179).

[14] Дословный перевод: "Экспансия России в мусульманском мире в направлении к Средней Азии представляется долгой историей, что дебютирует со взятием Казани Иваном Грозным в 1552 г. и завершается окончательной ассимиляцией Бухары в 1920 г." (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 28).

вению в Среднюю Азию (авторы) видят во взятии Казани Иваном Грозным (?)" (Кошеленко, 2003. С. 176). Негодование вызывает и архибанальное положение о том, что появление туркестанской колонии в составе России дало дополнительный импульс развитию ориенталистических штудий (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 29; Кошеленко, 2003. С. 176)[15].

Во-вторых, недостаточное знание западной литературы по истории XIX–XX вв. привело к тому, что выражение *Great Game*, было ошибочно определено как "упрощенная схема". Заметим, что это словосочетание, введенное в оборот капитаном Конолли (Conolly), обезглавленным эмиром бухарским в 1842 г., в фигуративном смысле обозначало игру в гольф или охоту на бизонов, а так же шпионаж. В этом последнем значении выражение появляется в романе Р. Киплинга "Ким" (Hopkirk, 1997). Однако в XX в. этот оборот перерос литературные рамки и утвердился в научном языке как термин, равнозначный "англо-русскому противостоянию" советских историков.

Та же проблема терминологии всплывает и в отношении Закаспийской железной дороги. Уточняя, что, согласно современной терминологии, "Закаспийской называлась только одна линия (железнодорожной сети Средней Азии): от Красноводска (сейчас Туркменбаши) до Чарджоу (сейчас Туркменобад)" (Кошеленко, 2003. С. 177), Кошеленко не придает никакого значение ни тому, что современники строительства железной дороги в Средней Азии использовали термин "Закаспийская железная дорога" в отношении всего проекта (так, В.И. Масальский указывает, что только после строительства железнодорожной ветки между Ташкентом и Андижаном в 1895–1899 гг. Закаспийская железная дорога была передана в ведение Министерства путей сообщения и переименована в Среднеазиатскую железную дорогу: Масальский, 1913. С. 581; Анский, 1890), ни тому, что во всех официальных историях советской Средней Азии указывалось, что "протяженность главной линии Закаспийской железной дороги (от Красноводска до Ташкента), впоследствии переименованной в Среднеазиатскую, составляла 1748 верст" (История Узбекской ССР, 1956. С. 120; История Узбекской ССР, 1968. С. 61, 62), ни, наконец, тому, что в западных языках этот термин является устоявшимся в отношении всей системы среднеазиатской железной дороги, проложенной в XIX – начале XX в., от Красноводска через Мерв, Бухару и Самарканд до Ташкента (Nouveau Larousse universel, 1949. P. 953; Poujol, 2001. P. 308, 309).

Возвращаясь к вопросу об азиатских колониях России, приведем еще одну реплику оппонента, которая выдает его нежелание признать Туркестан колонией, сравнимой с британскими или французскими владениями. Кошеленко отмечает "факт, который хорошо знают все специалисты по данному периоду, и который остался, видимо, не известным авторам", а именно, "постоянный конфликт между военным министерством и министерством финансов Российской империи: если первое стремилось к завоеваниям, то второе столь же упорно им противилось, справедливо указывая, что ничего кроме финансовых потерь казны эти завоевания не принесут" (Кошеленко, 2003. С. 178).

Будучи хорошо знакомы с вышеупомянутыми перипетиями, позволим себе спросить, каковы выводы из этого незаконченного или недодуманного пассажа? Означает ли он, что наличие министерской грызни равносильно отсутствию колониального характера российской экспансии на Востоке? Или же, учитывая убыточность Туркестана для России на первых порах после его завоевания, следует отвергнуть тезис о колониальном захвате среднеазиатских ханств и вернуться к советскому тезису о "добровольном присоединении Средней Азии"? Отвечая на этот не до конца сформулированный упрек, сошлемся на выводы Г.Л. Дмитриева, специалиста по русско-британским отношениям, отмечавшего, что "в масштабах госбюджета России дотации колониальным властям были сравнительно невелики" и речь шла скорее об убыточности не самой колонии, а туркестанской администрации и военного корпуса, что грешили многочисленными злоупотреблениями (Дмитриев, 1976. С. 31, 36). Помимо этого добавим, что колониальные захваты никогда экономически не окупались в мгновение ока ни для одной колониальной державы, однако немедленно приносили геополитические дивиденды. Процитируем мнение современника событий, американского дипломата Е. Скайлера (Schuyler), чья публикация анализа ситуации в Средней Азии вызвала в 1875 г. взрыв полемики "о рентабильности Туркестанской колонии". Россия, несмотря на понесенные убытки в 19 млн. рублей за 1868–1872 гг., с его точки зрения, получила ряд неоспоримых стратегических и политических выгод, а "потому, – писал Е. Скайлер, – финансовое бремя должно быть выносимо (ей) безропотно" (Schuyler, 1876). Требуя воспроизведения одного из "исторических клише", наш оппонент не замечает, что для передачи всей сложности колониальной ситуации мы обратились к живописным работам В.В. Верещагина, отражающим всю гамму чувств от патриотизма до ксенофобии как колонизаторов, так и колонизированных (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 29, 31).

Отметим эту склонность Кошеленко к устоявшимся схемам представления исторического материала и в следующем пассаже. Оценивая описание ранних этапов становления археологии в Туркестане как "несколько благостную картину",

[15]Об ориенталистических штудиях Туркестана как форме колониального освоения завоеванного пространства см.: Brower, 2003; Sidikov, 2003.

Кошеленко призывает "для уравновешивания" вспомнить «Салтыкова-Щедрина с его замечательными "Господами ташкентцами"» (Кошеленко, 2003. С. 178).

Последовав этому совету, констатируем, что наш оппонент нарушает здесь все правила интертекстуального анализа. Во-первых, сатирический роман "Господа ташкентцы", писавшийся М.Е. Салтыковым-Щедриным в период между 1869–1872 гг., не может быть экстраполирован, как всякий иной памфлет, на более позднюю эпоху. Двадцать с лишним лет, отделяющие создание романа от возникновения Туркестанского кружка любителей археологии в 1895 г. и соотносимые с жизнью одного поколения, были, с учетом темпов русской колонизации в Средней Азии, чрезвычайно насыщены событиями. Даже В.В. Бартольд, не раз отмечавший "плодотворные труды" ТКЛА (Бартольд, 1966а; 1966б; Кононов, 1977. С. 16–18), несмотря на свое более чем скептическое отношение к научным силам "провинции" (Бартольд, 1966в. С. 22; 1977б. С. 485–487; 1977в. С. 488–491), не позволял себе критиковать своих корреспондентов-туркестанцев в таких терминах, делая различие между чинушами, погрязшими в казнокрадстве и взяточничестве, и представителями военной и гражданской интеллигенции, стремящимися внести свою посильную лепту в изучение края.

Далее, отметим, что Салтыков-Щедрин, чья профессиональная жизнь протекала между Москвой, Петербургом и русской провинцией, и который никогда не был в Ташкенте, не является создателем документальной хроники о реальном Туркестане. Отталкиваясь от скандальных газетных публикаций второй половины 1860-х – начала 1870-х годов о злоупотреблениях колониальных властей в Туркестане, куда вслед за военными хлынули в поисках легкой наживы авантюристы и чиновники, мечтающие о карьере, Салтыков-Щедрин использовал имя собственное "Ташкент" в качестве эпитета, позволявшего заклеймить изъяны русского общества периода реакции, наступившей после каракозовского выстрела 1866 г. Его "Ташкент" и "ташкентцы" внегеографичны и вненациональны. Как писал сам сатирик в главе «Что такое "Ташкентцы"? Отступление», ставшей своего рода теоритическим определением "ташкентства": «О! если б все ташкентцы нашли себе убежище в Ташкенте! Мы могли бы сказать тогда: "Ташкент есть страна, населенная вышедшими из России, за ненадобностью, ташкентцами". Но теперь – разве мы можем по совести утверждать это? разве мы можем указать наверное, где начинаются границы нашего Ташкента и где они кончаются? не живут ли господа ташкентцы посреди нас? ... Истинный Ташкент устраивает свою храмину в нравах и в сердце человека».

Более того, реальный Ташкент так и не появляется в романе, а все действие разворачивается в Санкт-Петербурге, Москве, городах русской провинции и русской Польше, где сатирик обнаруживает "Ташкент" в фигуративном смысле слова. Осознанно или по незнанию, наш оппонент попал впросак, не заметив этого гиперболического приема написания политического памфлета. Следуя логике Кошеленко, которая диктует использование литературной метафоры для характеристики состояния науки в конкретном регионе, можно отказать в праве на интеллектуальную деятельность Москве и Петербургу, где готовятся к действиям "господа ташкентцы", и объявить всю Европу ханжеским болотом, отталкиваясь от другого романа того же автора *Берлин и Париж. Сатирическое путешествие по Европе* (Saltykov-Chtchedrine, 2002). Более того, использование образа экзотических стран, через призму которых возможна критика современного общества, встречается достаточно часто в мировой литературе: Монтескье устами Рики и Узбека критикует парижское общество в своих "Персидских письмах" (1721) и Задиг, герой одноименного философского романа Вольтера (1748), в вымышленном Вавилоне сражается с монстрами "цивилизованной Европы". Соответственно "господа ташкентцы" процветали равным образом как на периферии, так и в европейской части России, но никак не в рамках первых научных туркестанских обществ.

Почему же с учетом всего вышесказанного "господа ташкентцы" регулярно выплывают в публикациях как неизбежная характеристика географического Ташкента? Эта тенденция к перестановке акцентов с общего, в масштабах всей России, на частное, ограниченное исключительно среднеазиатским пространством, а следовательно, и менее опасное для царского режима, обнаружила себя сразу же по опубликовании романа в правой славянофильской прессе, в частности в критике Данилевского. Свою роль в трансформировании метафоры в характеристику конкретного города сыграли также критические высказывания самих представителей туркестанской интеллигенции, с сожалением констатирующие присутствие в Туркестане "ташкентцев" (Лунин, 1962. С. 24). Затем, с легкой руки В.В. Бартольда, это выражение, очень осторожно примененное им как синоним "ханжеского провинциального болота" в отношении столичной ташкентской среды (Бартольд, 1977а. С. 485), было подхвачено советскими историками в поисках общеприемлемой формулы передачи образа всего туркестанского общества. Подобное прочтение постепенно стало неотъемлемой частью тезиса советской исторической науки 1920–1970 гг., противопоставлявшей царский режим ("тюрьму народов"), когда "все было плохо", в том числе и деятельность "буржуазных специалистов дореволюционного

времени", и советский период, "прогрессивный" по определению[16]. Именно эту биполярную схему и воспроизводит Кошеленко, перечеркивая ближайшую предысторию среднеазиатской археологии и не замечая нюансов в данной нами реконструкции (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 29, 32–34). Отметим также, что, во-первых, практически во всех европейских странах первые этапы развития археологии были связаны с деятельностью любителей, минимально поддерживаемой правительством[17], и во-вторых, при всей наивности методов археология к 1895 г. уже располагала более чем вековым опытом ведения раскопок на Востоке и серьезными публикациями (Bahn, 1996; Gran-Aymerich, 1998), в которых предлагалась археологическая периодизация, основанная на принципах линейного эволюционизма[18].

Та же методика – "от противного" – повторяется и при оценке деятельности советских экспедиций. Противореча избранной для себя позиции "защитника советской науки", Кошеленко в противовес нашей позитивной оценке (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 66, 67) принижает достоинства первых крупных советских экспедиций, говоря о хроническом недостатке средств у советских археологов. Перенося на поколения 1930–1960-х годов самочувствие российской науки рубежа XX–XXI вв., оппонент отказывается видеть в этот период размах и методичность проводимых археологических исследований, рекогносцировок и многотомных публикаций (Кошеленко, 2003. С. 179). Подчеркивая бедность российской археологии, "вооруженной" исключительно энтузиазмом, Кошеленко забывает, что последнее качество, как и тяжелые условия работы, были присущи всем без исключения археологическим экспедициям, как советским, так и западным, и являются своего рода обязательными условиями данной профессии. Вместе с тем, если даже согласиться с наличием "нищенских" условий работы советских археологов, отметим, что они не входят в противоречие с утверждением о "размахе археологических работ в СССР": советская история знает немало примеров того, как грандиозные сооружения выстраивались самыми примитивными методами.

Логично, что следующим шагом в интерпретации добровольно принятой на себя роли "униженных" возникает и повторяющийся рефреном ничем не обоснованный упрек в высокомерном отношении авторов к советским археологам, которые, якобы, представлены в книге в виде "серой", безымянной массы (Кошеленко, 2003. С. 179). Приведем лишь две цифры: в отношении центральноазиатского региона в самом широком смысле слова на 117 имен русских и советских исследователей в нашей книге упомянуты 94 имени западных ученых, путешественников и писателей.

С другой стороны, Кошеленко инкриминирует нам точку зрения, согласно которой, все советские исследователи, упомянутые в книге, проводили единую "линию партии", даже в отношении Амударьинского клада. Приводя перевод одного из параграфов книги, где, как и повсюду, мы стремились представить весь диапазон существовавших научных идей, нам бы хотелось спросить, кто из нижеприведенных исследователей более соответствует "партийной линии" и где проходит эта демаркационная черта: "В 1950-е годы реальность (Амударьинского клада) была поставлена под сомнение советскими исследователями (Михаил Дьяконов), полагавшими, что клад представляет собой произвольное собрание вещей различных эпох и происхождения, сформированное торговцами. Однако, десять лет спустя, Тамара и Евгений Зеймаль присоединяются к мнению британского историка Александра Каннингейма, полагавшего клад единовременным собранием, так как они констатируют, что в районе Кобадиана после 1877 г. подобного рода находок более не было обнаружено" (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 76)?

Идеологическое или эпистемологическое противостояние?

Объективно понимая всю сложность периода деколонизации (распад СССР, утрата Россией позиции контрбаланса США в мировой политике, причисление бывших советских республик к странам третьего мира, экономический кризис, свертывание системы финансирования академической и университетской науки, потеря ведущих специалистов, ушедших в "бизнес" или уехавших за рубеж, крах идеологических мифологем, фундаментальная переоценка ценностей и т.п.), позволим себе не согласиться с позицией Кошеленко, который отказывает в самой возможности нейтрального компаративного анализа деятельности западных и русско-советских археологов, без предварительного определения зон, не подлежащих критике, и вне априорного определения "передовых школ"[19].

Оценка западной и советской археологии производится им по двойному стандарту. Не замечая

[16]Убедительный анализ трансформации членов ТКЛА в любителей-дилетантов в советских публикациях см.: Германов, 1996. С. 91.

[17]Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский, бывший почетным председателем и одним из основателей ТКЛА, брал на себя все расходы по проведению его собраний в Белом Доме, а бюджет кружка хоть скудно, но пополнялся из фондов Министерства иностранных дел, в ведении которого он состоял.

[18]1836: подразделение на каменный, бронзовый и железный век К.Ю. Томсена [C.J. Thomsen]; 1869–1872: периодизация палеолитических памятников Г. де Мортийэ [G. de Mortillet], основанная на анализе каменных орудий.

[19]Отчасти подобный анализ был начат в работах Клейна (1993), Формозова (2004).

истории крушения французской монополии в Афганистане, Кошеленко сокрушается об утрате российской археологией привилегированного положения в Средней Азии. Прочитав книгу Ф. Оливье-Утар о Французской археологической делегации в Афганистане[20], наш оппонент, не замечая никаких погрешностей в изложении (см. критику: Grenet, 1998. P. 159, 160), с воодушевлением пишет о крайней политической ангажированности французских археологов. Очевидно, будучи не в курсе "ориенталистических дебатов", вызванных публикациями Е. Сайда (Said, 1978), которые объясняют позицию Оливье-Утар, и ни на секунду не задавшись вопросом "А возможно ли появление подобной истории в отношении советской археологии?", Кошеленко отрицает какое-либо влияние идеологии на советскую науку (Кошеленко, 2003. С. 178). Не расценивая вышесказанное как попытку "обелить" западную археологию, отсылаем читателей к интегральному тексту нашей книги, где наряду с советскими обозначены и идеологические принципы западной археологии этой эпохи: поиск красивых, впечатляющих предметов, европоцентризм и эллиноцентризм в оценках, элитизм научных поисков, сосредоточенных на истории великих людей, борьба за право монополии при ведении археологических исследований, диктовавшая проведение превентивных раскопок и т.д. (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 57, 59, 60–62).

Следующим шагом в деполитизации советской истории является утверждение Кошеленко о том, что марксизм никогда не был философско-теоретической базой советских исторических исследований и советские археологи никогда не были марксистами (Кошеленко, 2003. С. 177). Более того, пишет Кошеленко, "вульгарно-социологические схемы касались только интерпретационного уровня и ни в коем случае не затрагивали саму методику раскопок. С точки зрения методики, никакого различия между советской школой и западными археологами не было" (Кошеленко, 2003. С. 178, 179). Однако "различия" в принципах ведения раскопок все же существовали и существуют. Не останавливаясь подробно на этом вопросе (в нашей книге проанализированы только первоначальные методы раскопок XIX в.), отметим лишь одну деталь: советские специалисты традиционно копали ярусами по 50 см высотой, выделяя "культурные комплексы", в то время как западные археологи следовали естественным слоям. Помимо этого, приведенная выше фраза Кошеленко поднимает проблему эпистемологического соотношения истории и археологии, превращая археологию в "служанку истории", играющую вспомогательную роль по отношению к последней, вопреки практике и теоретическому пониманию археологии советской наукой. Вместе с тем сравнительный анализ различных национальных школ не может быть сведен исключительно к "рытью ям", ибо археологическая наука, в современном понимании термина, не ограничивается техникой проведения самих раскопок, а представляет собой более широкий дисциплинарный комплекс, в который входят процессы предварительных рекогносцировок, планирования раскопок с выделением приоритетов ведения работ, разнообразные методы обработки археологических данных, их интерпретации согласно различным методологическим принципам и последующая публикация (Клейн, 2001).

Что до понимания марксистского прочтения истории, то те положения вкупе с их последующими трансформациями, о которых говорится в книге (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 62–64, 97, 98, 127) – отвержение схем циклического развития, отрицание роли внешних влияний и значения миграций, подчеркнутое внимание к социально-производственным отношениям и вопросам этногенеза – и которые "не нравятся" нашему оппоненту (Кошеленко, 2003. С. 177), присутствуют в качестве программных в публикациях 1930–1950-х годов Толстого, Якубовского, Бернштама и др. (Бернштам, 1949; Толстов, 1949). По поводу негодования Кошеленко, вызванного нашей фразой о крупных советских экспедициях 1930–1950-х годов, "сформированных согласно марксистским критериям", напомним, что начиная с октября 1930 г. деятельность Академии наук была впервые за 200 лет своего существования регламентирована согласно "планам социалистического строительства" (Лахтин, 1990. С. 11, 34, 136, 138), а ее новый устав того же года радикально изменил принципы ее функционирования[21], поставив академическую науку в прямую зависимость от советской системы и официально провозгласив марксизм ее методологической базой (Лахтин, 1990. С. 35). Для реконструкции "настроения внутри профессии" приведем цитату С.П. Толстого о разведочных работах 1946 г., ведшихся с применением авиации: "Успех этого предприятия определила сама методология марксизма-ленинизма, лежащая в основе советской археологической науки, ибо применение авиации нашей экспедицией было подчинено не кладоискательским целям и не погоне за эффектными фотографиями ..., а решению крупных исторических задач" (Толстов, 1952. С. 9, 10). И если подобного рода марксистская фразеология со временем принимает характер "магических заклинаний", помещаемых во введении и в заключении публикаций 1970–1980 годов,

[20]См. панегирическую рецензию Кошеленко (2002) на Olivier-Utard (1997), в которой нет ни слова о деятельности советских археологов, а значит, нет и повода для сравнения и обид.

[21]Первый советский устав Академии 1927 г. практически повторил устав 1836 г. (Лахтин, 1990. С. 35).

основы марксистской интерпретации истории, вне реального знания западных теорий и желания понять позиции западных ученых, остаются практически незыблемы вплоть до горбачевской перестройки (Клейн, 1993. С. 13, 14).

Ксенофобия, унаследованная от славянофилов XIX в., позволяет объяснить узловую проблему, обнаружившую себя при анализе. Неприятие по отношению к "западным исследователям, хлынувшим сейчас на просторы стран СНГ" (Кошеленко, 2003. С. 179), безосновательное утверждение об их безграмотности и незнании российской и советской литературы[22] и априорное отрицание возможности получения новых результатов путем сотрудничества[23] провоцируют националистические выпады против западных коллег и бесмысленные обвинения в антисоветизме[24] (Кошеленко, 2003. С. 177), которые отнюдь не способствуют налаживанию диалога между специалистами. Подразделяя "всю историю археологического изучения Средней Азии на два больших периода: до прибытия сюда К. Рапэна и после" и делая иронический вывод, что "первый период – время дикости и варварства, а цивилизованное состояние начинается только во втором" (Кошеленко, 2003. С. 180), наш оппонент забывает, что, перефразируя его же текст, до прибытия западных археологов, в том числе и Клода Рапэна, была империя. Теперь ее уже нет и имперские амбиции не могут более служить базой ни для научного сотрудничества, ни для компаративного эпистемологического анализа, который, согласно нашей позиции, не позволяет употребление оценочных категорий "лучших" или "худших", "передовых и прогрессивных" или "отсталых", и не допускает взгляда сверху на объект изучения. И если слово "пропагандисты" дорого Кошеленко, то в отношении книги *От Кабула до Самарканда. Археологи в Средней Азии*, отбросив эпитет "буржуазные", было бы правильнее говорить о впервые предпринятой попытке "пропаганды" советской археологии среди самой широкой франкоязычной публики, имеющей весьма приблизительное представление о среднеазиатской археологии[25], а не о желании принизить советскую науку. Вместе с тем думается, что публикация этой книги на русском языке, могла бы стать соответственно открытием западной археологии для российского читателя, столь же неискушенного по поводу научных процессов, происходивших за "железным занавесом".

[22]К. Рапэн, после участия в раскопках на Черном море, в Румынии в 1976 г. и, начиная с 1977, в Ай-Ханум в Афганистане, работает с 1989 г. в Узбекистане в тесном сотрудничестве с узбекскими и российскими коллегами, и С. Горшенина, выпускница кафедры археологии ТашГУ, защитила кандидатскую диссертацию под руководством Г.А. Пугаченковой и В.А. Германова, а потому для обоих русскоязычная литература не является тайной.

[23]Пересмотр теорий и датировок последующими поколениями – нормальный процесс, тем более в рамках диалога между различными школами.

[24]Не меняя своей внутренней позиции, Кошеленко представляет на суд членов конференции, посвященной 150-летию Французской школы в Афинах, более гибкий дискурс. Объявляя себя сторонником "участия иностранцев в археологических исследованиях на территории России" и не трогая "высший эшелон" западных коллег, Кошеленко сосредоточивает свою критику на "рядовых", более молодых, археологах (Kochelenko, 2000. P. 293, 294).

[25]Среди прецедентов этого издания можно назвать не получившие широкого распространения работы Г. Фрумкина и переводные работы А. Монгайта и М. Миллера (Frumkin, 1959; Mongait, 1959; Miller, 1956).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анский М. От Парижа до пределов Индии. Закаспийская железная дорога. Русские среднеазиатские владения и краткий очерк Индии. Составлено по графу Шоле, Буланже, Бонвало и др. СПб., 1890.

Бартольд В.В. Рец. на кн.: ПТКЛА. Год 5. 1900 // Собрание сочинений. Т. 4. М., 1966а.

Бартольд В.В. Рец. на кн.: ПТКЛА. Год 14. 1910 // Собрание сочинений. Т. 4. М., 1966б.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 // Собрание сочинений. Т. 4. М., 1966в.

Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии // Собрание сочинений. Т. 9. М., 1977а.

Бартольд В.В. Научное общество в Ташкенте // Собрание сочинений. Т. 9. М., 1977б.

Бартольд В.В. Положение науки в Туркестанском крае // Собрание сочинений. Т. 9. М., 1977в.

Бернштам А.Н. Советская археология Средней Азии // КСИИМК. 1949. Вып. 28.

Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики? // Вестн. Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан. 1996. № 1.

Дмитриев Г.Л. Депеша Е. Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х гг. XIX века // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. науч. трудов ТашГУ. № 517. Ташкент, 1976.

История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998.

История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ташкент, 1956.

История Узбекской ССР. Т. 2, Ташкент, 1968.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб., 2001.

Кононов А.Н. Предисловие // Собрание сочинений академика В.В. Бартольда. Т. 9. М., 1977.

Кошеленко Г.А. Рец.: Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997 // ВДИ. 2002. № 4 (243).

Кошеленко Г.А. Рец.: Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, 2001 // РА. 2003. № 3.

Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990.

Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в. Ташкент, 1962.

Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, настольная и дорожная книга. СПб., 1913.

Ставиский Б.Я. К дискуссии о книге "Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)" // Древности. Сб. статей по археологии. Вып. 35. М., 2002.

Толстов С.П. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК. 1949. Вып. 28.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР (1945–1948 гг.) // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945–1948. М., 1952.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историо-графические очерки. М., 2004.

Bahn P.G. The Cambridge Illustrated History of Archaeology. Cambridge, 1996.

Barthold V.V. La Découverte de l'Asie. Paris, 1947.

Belenitsky A. Asie centrale. Paris, 1968.

Bernard P. Présentation du livre offert à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres: Svetlana Gorshenina, Claude Rapin. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie centrale. Archéologie. № 411. Paris, 2001 // CRAI. 2002. Janvier-mars. Fasc. I.

Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. L.; N.Y., 2003.

Frumkin G. Archéologie soviétique en Asie. Berne, 1959.

Gorshenina S. La Route vers Samarcande: l'Asie centrale dans l'objectif des voyageurs d'autrefois. Genève, 2000.

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie centrale. Archéologie. № 411. Paris, 2001.

Gran-Aymerich E. Naissance de l'archéologie moderne. 1798–1945. Paris, 1998.

Grenet F. Review about the book of F. Olivier-Utard : Politique et archéologie: histoire de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997 // BSOAS. 1998. № 1 (62).

Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques / Eds Bernard P., Grenet F. Paris, 1991.

History of Civilizations of Central Asia. Paris, 1992–2000.

Hopkirk P. Quest for Kim: in search of Kipling's Great Game. Oxford, 1997.

Kochelenko G.A. Le rôle des missions archéologiques étrangères en Russie // Les politiques de l'archéologie du milieu du XIXe siècle à l'orée du XXIe. Colloque organisé par l'Ecole française d'Athènes à l'occasion de la célébration du 150e anniversaire de sa fondation / Éd. Etienne R. Athènes, 2000.

L'Asie des steppes. Barcelone; Paris; La Caixa, 2000.

Les Arts de l'Asie centrale. / Ed. Chuvin P. Paris, 1999.

Litvinsky B.A. La Civilisation de l'Asie centrale antique. Leidorf, 1998.

Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan). Céramique (Chalcolithique et Bronze Ancien), avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. Mémoires de la mission archéologique française en Asie centrale. T. VII. Paris, 1996.

Miller M.A. Archaeology in the URSS. L.; N.Y., 1956.

Mongait A. L'Archéologie en URSS. M., 1959.

Nouveau Larousse universel. T. 2. / Dir. Augé P. Paris, 1949.

Olivier-Utard F. Politique et archéologie: histoire de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997.

Poujol C. Dictionnaire de l'Asie centrale. Paris, 2001.

Said E.W. Orientalism. L.; Henley, 1978.

Saltykov-Chtchedrine M.E. Berlin et Paris, voyage satirique à travers l'Europe. La conscience perdue. Paris, 2002.

Schuyler E. Turkistan; notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. V. 2. N. Y., 1876.

Sidikov B. "Eine unermessliche Region". Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914). Berlin, 2003.

Stavisky B. La Bactriane sous les Kushans: problemes d'histoire et de culture. Paris, 1986.

In what way a historian and an archaeologist have turned into bourgeois propagators, or is a comparative history of Central Asiatic archaeology possible?

S. Gorshenina, Cl. Rapin

Summary

The authors of the publication categorically object to the main subject of G.A. Koshelenko's review of their book (S. Gorshenina, Cl. Rapin, De Kaboul à Samarkande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, 2001) published in the journal Rossiyskaya Arkheologiya (2003, V. 3). They consider that the review does not reflect real subject of the book, but is the product of old Soviet ideology and xenophobia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 110–114

ДИСКУССИИ

НУЖНА ЛИ ИСТИНА С. ГОРШЕНИНОЙ И К. РАПЭНУ?

© 2005 г. Г. А. Кошеленко

Институт археологии РАН. Москва

Читатели журнала "Российская археология" смогли ознакомиться со статьей С. Горшениной и К. Рапэна. Любой непредубежденный человек, я думаю, согласится с тем, что статья представляет собой самую решительную отповедь зарвавшемуся российскому археологу, осмелившемуся выразить свое мнение относительно книги, которая, естественно, представляет собой образец совершенства. С. Горшенина и К. Рапэн не находят в рецензии ни одного справедливого критического замечания, более того, они изо всех сил стремятся доказать, что вся она – продукт фальсификации их взглядов и мнений. Автор рецензии, к тому же, с их точки зрения, ведет полемику в непозволительной форме. Еще один недостаток рецензии (видимо, самый главный) состоит в том, что она написана убедительно, как признают они сами в самом начале своего ответа (С. 102).

Основное же состоит в том, что, по мнению этих авторов, выраженному в целом ряде мест, Г. Кошеленко написал не столько рецензию на конкретную книгу, сколько своего рода "манифест", продиктованный ущемленными имперскими амбициями, унаследованной от славянофилов ксенофобией[1], горечью, порожденной упадком российской науки и т.п. (2003). Он, с точки зрения авторов статьи, своей рецензией выражает не столько свое мнение о данной конкретной книге, сколько отрицательное отношение к работе западных археологических экспедиций на территории стран СНГ, в частности Средней Азии.

Поскольку все эти утверждения С. Горшениной и К. Рапэна совершенно не соответствуют действительности, а представляют собой абсолютную и к тому же наскоро слепленную фальсификацию моих взглядов, то я вынужден, хотя и в самой краткой форме[2], ответить им.

Для того чтобы с самого начала не оставалось никаких сомнений в реальных позициях обеих сторон, я должен заявить, что утверждения авторов о моем неприятии западных экспедиций на территории СНГ являются злонамеренной ложью, рассчитанной на распространение среди людей, не очень хорошо знакомых с реальностью. Для того чтобы правильно судить о ситуации, нужно знать не только то, что тому или иному человеку приписывается, но и то, как он действовал и действует на самом деле. Если бы Г. Кошеленко был таковым, как его описывают эти авторы, то он не мог бы быть инициатором и активным участником создания четырех западных миссий на территории современного СНГ: двух в Туркменистане[3] и двух в России[4]. При этом две первые были организованы еще в советское время, когда это было предприятием весьма трудно осуществимым[5]. В силу этого в высшей степени лживо то, что эти авторы приписывают мне: "Кошеленко сокрушается об утрате российской археологией привилегированного положения в Средней Азии" (С. 107).

Точно так же я должен сказать, что мой доклад на конференции в Афинах (Kochelenko, 2000. P. 293–300), на который С. Горшенина и К. Рапэн неоднократно ссылаются, совершенно не содержит того, что они мне приписывают. В нем обобщен первый опыт сотрудничества западных и российских археологов на территории России в постсоветское время. Главная идея доклада состояла в том, что одним из важнейших залогов успешности совместных действий являются взаимные терпимость и уважение. Одним из проявлений этого со стороны западных коллег должно было быть, с моей точки зрения, знакомство их с результатами исследований их предшественников – советских археологов. К сожалению, некоторая часть западных археологов более склонна к тому, чтобы поступать противоположным обра-

[1] Укажу, кстати, что ксенофобия может иметь и иные источники, а не только славянофильство. Недавно проведенный в Швейцарии референдум наглядно показывает, в какой из стран Европы ксенофобия проявляется в наибольшей степени.

[2] Уже сам ответ С. Горшениной и К. Рапэна в несколько раз превосходит по объему мою весьма краткую рецензию, и если бы я стал отвечать на все их выпады, то моя статья неизбежно приобрела размеры небольшой монографии.

[3] Имеется в виду объединенная итало-туркмено-российская экспедиция по составлению археологической карты Мервского оазиса (руководитель с итальянской стороны М. Този) и экспедиция по исследованию Старой Нисы, начинавшаяся как итальяно-советская (руководитель с итальянской стороны А. Инверницци).

[4] Имеется в виду проект по исследованию историко-экологических проблем на Таманском полуострове, в котором принимали участие сотрудники Института археологии РАН и Французской школы в Афинах, а также совместные исследования в Танаисе, где партнерами российских археологов являются специалисты из Немецкого археологического института. В работах также принимают участие и польские археологи.

[5] Первая из них начала действовать еще в 1989 г., вторая – в 1990 г.

зом, считая себя "первооткрывателями", полностью игнорируя весь опыт своих предшественников.

Характерно, что действительно крупные исследователи (такие как, например, П. Бернар, А. Инверницци, П. Лериш, М. Този, Дж. Херрман и другие) никогда так не поступали, в то время как К. Рапэн уже был объектом достаточно суровой критики именно за полное игнорирование результатов исследований своих предшественников (Пьянков, 2004. С. 96–110).

На этом можно было бы и закончить ответ на статью С. Горшениной и К. Рапэна, поскольку, как мне кажется, стали достаточно ясны позиции как мои собственные, так и моих оппонентов. Несомненно, что для того, чтобы приуменьшить значение критики, обращенной к конкретной книге, С. Горшенина и К. Рапэн полностью извращают исходные позиции рецензента, подменяя их грубо искаженными.

Однако, как мне кажется, необходимо обратить внимание и на то, каким образом эти два автора пытаются отстоять свои позиции и доказать, что их критик абсолютно не прав, что он фальсифицирует их взгляды и т.п. Приведу только несколько примеров, которые наглядно демонстрируют методы полемики этих двух авторов, если это только можно назвать полемикой.

Начнем с самого простого – с названия статьи С. Горшениной и К. Рапэна - "Как историк и археолог превратились в буржуазных пропагандистов...". В самом начале статьи они очень искренне возмущаются тем, что автор рецензии в другой своей работе назвал их "буржуазными пропагандистами" (Кошеленко, 2002. С. 195). Откровенно говоря, я не совсем понимаю, что оскорбительного можно найти в этих словах. Дело, однако, совсем в ином. Дело в том, что в моей рецензии термин "буржуазный" совершенно не используется. Для того чтобы ситуация стала более понятной, позволю себе чуть более подробно остановиться на данном сюжете. Ссылаясь на документы французского МИДа, приведенные в рецензируемой работе, я указал (в полном согласии с тем, что писала и автор книги), что создание Французской археологической делегации в Афганистане было продиктовано не только чисто научными соображениями, но и имело иную задачу – политическую. Именно исходя из этого, я и позволил себе процитировать наших авторов[6], добавив после этого следующий комментарий: "Этот тезис, столь привычный для многих западных пропагандистов, твердо убежденных в своем моральном превосходстве и старательно распространяемый ими, однако, не выдерживает столкновения с грубой прозой жизни". Как видят читатели, речь шла не о буржуазных, а о западных пропагандистах, "убежденных в своем моральном превосходстве". Налицо явное и намеренное искажение позиции.

На этом примере мы видим, что один из основных методов полемики, используемых С. Горшениной и К. Рапэном, состоит в искажении моих позиций, которое присутствует на каждой странице статьи. Не перечисляя и тем более не опровергая всего, выдержанного в данном стиле, ибо это потребовало бы огромного места, укажу только еще на два момента. Авторы статьи пишут о моем восхищении книгой Ф. Оливье-Утар, посвященной истории Французской археологической делегации в Афганистане. Это опять "передержка", явное искажение моей позиции, поскольку мое восхищение вызывает не книга (ценная, с моей точки зрения, только обилием приведенных в ней документов), а деятельность этого замечательного научного коллектива, сделавшего так много для познания прошлого огромного региона, и его выдающихся руководителей.

Еще один пример "передергивания", но носящего уже характер некоторой моральной нечистоплотности, демонстрируют авторы, привлекая на помощь Б.Я. Ставиского, который также написал свой ответ на мою рецензию на его книгу о буддизме в Средней Азии (Кошеленко, 2001). В его статье имеется такой любопытный пассаж. Цитируя одну из фраз в рецензии, Б.Я. Ставиский бросает мне такой упрек: "Напомню, что в советское время подобные "уточнения" носили характер политического доноса, теперь же они просто непонятны" (Ставиский, 2002. С. 87). Оставим на совести автора воспоминания его комсомольской юности со столь обычной тогда манерой ведения дискуссии. Важно другое – даже Б.Я. Ставиский, столь обиженный на автора отрицательной рецензии, все же понимает, что бросаться упреками в политическом доносительстве не стоит. Однако С. Горшенина и К. Рапэн в своем воспроизведении его позиции этого нюанса совершенно не замечают и пишут о тоне, "напоминающем политический донос". Опять легкое "передергивание" в расчете на то, что читатель не будет проверять факты.

Отмечу, кстати, что столь же нелепо утверждение авторов в том, что я обвиняю их в антисоветизме (С. 108). Ничего подобного в рецензии нет. С. Горшенина и К. Рапэн, постоянно искажают мою позицию, заменяя слово "археология" словом "наука" (С. 107) и т.д.

Поразительно то, что самые простейшие указания на конкретные факты вызывают у наших

[6] "На юге Амударья составляла политическую границу между советской Трансоксианой, которая с течением времени закрывалась, и афганской Бактрией, которая повернулась к "свободному", некоммунистическому миру. Река разделяла два археологических подхода, которые исключали друг друга. Мотивации научной любознательности, природа полученной информации, и публика, которой она сообщалась, в течение XX в. были диаметрально противоположны. Академизм, контролируемый колониальной, а затем тоталитарной системой, доминировал к северу от Окса, оставляя место на юге научному подходу, менее подверженному влиянию политики" (Gorshenina, Rapin, 2001. P. 54, 55).

авторов совершенно неадекватную реакцию. Например, я хотел только указать, что в верхах Российской империи не все были согласны с политикой экспансии в Средней Азии. Ответом на это простое и элементарное соображение служит долгое рассуждение о выгодах стратегического положения, о колониализме и т.д. Еще большее негодование вызывает у этих авторов мое указание на то, что финские экспедиции в Среднюю Азию в это время (конец XIX – начало XX в.) нельзя, собственно говоря, называть полностью иностранными. Великое княжество Финляндское в это время было частью Российской империи и соответственно его граждане были подданными российской короны. Очень трудно представить себе, например, экспедицию барона К. Маннергейма в Китай в качестве независимого финского предприятия. К. Маннергейм в это время был полковником Русского Генерального штаба и его экспедиция – одно из разведывательных мероприятий. В дальнейшем К. Маннергейм стал командиром дивизии, генерал-адъютантом, а еще позднее, как это хорошо известно, регентом и президентом Финляндии. Но эти последующие факты его биографии не отменяют того, что в свое время он был блестящим кавалергардским офицером, сопровождавшим императора Николая II во время его коронации в Москве, а затем и столь же блестящим офицером Русского Генерального штаба. Какой извращенной логикой надо пользоваться, чтобы видеть в этом простейшем указании свидетельство имперских амбиций.

Авторы явно очень плохо знают реалии жизни интеллигенции России в императорское время и принятые в этой среде способы выражения мысли. Их рассуждения о "господах ташкентцах" служат хорошей иллюстрацией этого. Когда я говорил о них, я имел в виду существовавшее в течение десятилетий среди русских интеллигентов специфического выражения, появившегося благодаря М.Е. Салтыкову-Щедрину, которое, однако, скоро зажило самостоятельной жизнью. Им пользовались для определения своекорыстных чиновников, действовавших на окраинах Империи (Лотман, 1994. С. 241). В этом выражении нет ничего, что заслуживало бы столь длительный экскурс, как это представлено в статье.

Однако в статье имеются и иные свидетельства того, что авторы весьма смутно представляют себе предметы, о которых они пишут. Удивительный пример этого появляется на тех страницах (С. 102), когда они упрекают автора рецензии в недопустимом тоне дискуссии. С. Горшенина и К. Рапэн пишут о том, что они напоминают по своему "тону публикации конца 1940-х годов, появившиеся после выступления А. Жданова в журналах "Звезда" и "Ленинград" против "злостных космополитов". Авторы не знают элементарных фактов, в частности того, что никаких выступлений А. Жданова в указанных журналах никогда не было. Было постановление ЦК ВКП(б), принятое по докладу А. Жданова, о журналах "Звезда" и "Ленинград".

Однако самый главный из упреков в адрес С. Горшениной и К. Рапэна состоял в том, что они рисуют весьма превратную картину истории советской археологии в Средней Азии. Достаточно подробно С. Горшенина и К. Рапэн характеризуют ранний период, но совершенно ничего не говорят об ее эволюции в последующее время. У читателя, не знакомого детально с реальной картиной (а много ли таких читателей на Западе?), в результате создается впечатление, что в 60–80-е годы советские археологи, работавшие в Средней Азии (как московские и ленинградские, так и местные), оставались на тех же позициях, что и участники пресловутых дискуссий начала 30-х годов[7]. Моя же основная идея, естественно, выраженная очень кратко, поскольку она была представлена в журнальной рецензии, состояла в том, что начиная примерно с 1953 г. происходит постепенное, но неуклонное ослабление идеологического пресса[8] и в конечном счете никаких принципиальных различий между советскими и западными археологами уже не осталось.

Критика этого моего тезиса идет по нескольким направлениям. С одной стороны, С. Горшенина и К. Рапэн хотят доказать, что существовали порожденные методологическими расхождениями различия в методике раскопок. В частности, они пишут: "советские специалисты традиционно копали ярусами по 50 см высотой, выделяя "культурные комплексы", в то время как западные археологи следовали естественным слоям" (С. 107). Прежде всего, ярусы – черта, присущая только школе М.Е. Массона, Хорезмская экспедиция никогда подобным понятием не пользовалась. Но гораздо важнее другое: ярус – чисто технический термин. По ярусам копали только в том случае, если шел однородный слой без каких-либо изменений в его характере. Не надо представлять среднеазиатских археологов тупыми роботами, которые, видя смену слоев, не учитывают этого, механически фиксируя только ярусы и не отмечая изменений в остатках архитектуры и находок по естественным слоям. Это же бессмыслица. Копали среднеазиатские археологи именно по естественным слоям, а указания на ярусы служили чем-то вроде мерной линейки. Не буду приводить примеры этого – в каждой археологической публикации того времени все это хорошо видно.

[7] О характере этих дискуссий см. (Формозов, 2004. С. 49–61).

[8] Видимо, можно согласиться с мнением о том, что начало "десталинизации" советской археологии, ее освобождению от системы тоталитарных догматов было положено самим И.В. Сталиным (конечно, того не желавшим) в ходе "дискуссий о языкознании" (Лебедев, 1992. С. 431, 432; 2004. С. 30).

Укажу только один пример – описание раскопок на городище Эрк-кала в древнем Мерве. Результаты этих раскопок были в свое время опубликованы З.И. Усмановой (1969. С. 13–55). Ссылаюсь на эти раскопки и их публикацию только потому, что когда в 1959 г. я впервые оказался на раскопках в Средней Азии (в составе ЮТАКЭ в Мерве), то именно З.И. Усманова дала мне первые уроки методики раскопок среднеазиатских памятников и несколько позднее, работая на соседнем раскопе, я постоянно наблюдал ее раскопки на Эрк-кале и ее методику и собственно земляных работ и фиксации материалов. Ничего похожего на утверждения С. Горшениной и К. Рапэна просто нет. Очень показателен в этом отношении чертеж, показывающий слои шурфа № 5 и описание хода раскопок здесь (Усманова, 1969. С. 14. Рис. 1). На этом чертеже зафиксировано более 20 отдельных слоев, границы которых совершенно не совпадают с ярусами. Аналогичная картина и с шурфом № 6 (Усманова, 1969. С. 31. Рис. 13). Примеров этого огромное число. Если С. Горшенина и К. Рапэн не знают этого, то что вообще они знают о среднеазиатской археологии советского времени?

Вторая линия критики – указание на то, что археология не состоит только в "рытье ям", "а представляет собой более широкий дисциплинарный комплекс, в который входят процессы предварительных рекогносцировок, планирование раскопок с выделением приоритетов ведения работ, разнообразные методы обработки археологических данных, их интерпретации согласно различным методологическим принципам и последующая публикация". Эта нотация освящается авторитетом Л.С. Клейна (Клейн, 2001). Естественно, никто не будет опровергать подобные мысли. Но могут ли С. Горшенина и К. Рапэн показать, в чем конкретно, например, состоит разница в марксистском и "буржуазном" проведении разведок или в фиксации керамики? Позволю себе указать на то, что Л.С. Клейн, на которого они ссылаются, всегда считал археологию источниковедческой дисциплиной (Клейн, 1995. С. 10). Какие марксистские идеи могут быть заложены в такого рода дисциплину? Сама природа археологической науки препятствует этому. Марксистские идеи появлялись только на уровне исторических интерпретаций, но это уже не археология, а история.

Наконец, третья линия критики состоит в том, что авторы приводят длинные цитаты из ряда работ советских археологов (С.П. Толстова, А.Н. Бернштама), в которых заявляется о марксистских методологических принципах советской археологической науки. Однако самое позднее, что С. Горшенина и К. Рапэн могут найти, это цитаты из статей, относящихся к 1952 г. Самое неприятное в такого рода пассажах состоит в том, что сами эти авторы прекрасно сознают, что в послесталинские времена все эти слова о марксистской археологии ничего не значили, но тем не менее упорно пытаются изобретать советскую марксистскую археологию.

Наконец, в заключение несколько замечаний о том, как рекламируют себя авторы, стремясь тем самым подчеркнуть, что они глубоко сведущие специалисты (С. 108). Не совсем ясно, почему участие К. Рапэна в раскопках в Румынии в 1976 г. делает его специалистом по истории советской археологии. Более ясна картина с С. Горшениной. Она заявляет о себе как о выпускнице кафедры археологии ТашГУ, защитившей кандидатскую диссертацию под руководством Г.А. Пугаченковой и В.А. Германова. Конечно, быть ученицей Г.А. Пугаченковой – большая честь, однако я подозреваю, что гораздо большее влияние на С. Горшенину оказал все-таки В.А. Германов. Для суждения об этом, к сожалению, у меня не очень много материалов, но зато они очень показательны. Я имею в виду, в частности, одну из последних статей этого автора, которая поразила меня удивительной смесью рациональных наблюдений и безудержных фантазий. Он, например, всерьез обсуждает вопрос о предполагаемом перенесении (по воле Сталина) в Хорезм, в район Нукуса столицы советской Империи (Германов, 2002. С. 22, 23). С. Горшенина, судя по всему, склонна в некоторых отношениях идти по стопам этого своего университетского руководителя.

Можно еще очень многое сказать об этой статье, однако я думаю, что и того, что уже сказано, достаточно. В своей рецензии я оценил вышедшую в свет книгу не очень высоко. В ответе на эту рецензию С. Горшенина и К. Рапэн попытались отвести критику на том основании, что автор рецензии вообще склонен негативно относиться к представителям западной науки, работающим в Средней Азии. Однако я еще раз укажу – подобное утверждение совершенно не соответствует действительности. Моя критика – это критика конкретной книги, для которой характерно самодовольно-покровительственное отношение к предшественникам и грубое искажение истории археологического изучения Средней Азии. Прятаться за спины "старших" – занятие не очень почтенное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Германов В.А. Глас вопиющего в пустыне // Культурные ценности. 2000–2001. СПб., 2002.

Клейн Л.С. Археологические источники. Изд. 2. СПб., 1995.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб., 2001

Кошеленко Г.А. О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 2001. № 4.

Кошеленко Г.А. Рец.: Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997 // ВДИ. 2002. № 4.

Кошеленко Г.А. Рец.: Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, 2001 // РА. 2003. № 3.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии (1700–1917). СПб., 1992.

Лебедев Г.С. Л.С. Клейн и петербургская школа российской археологии // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Пьянков И.В. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация // ВДИ. 2004. № 1.

Ставиский Б.Я. К дискуссии о книге "Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)" // Древности. Сб. статей по археологии. Вып. 35. М., 2002.

Усманова З.И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, 2001.

Kochelenko G. Le rôle des missions archéologiques étrangères en Russie // Les politiques de l'archéologie du milieu du XIXe siècle à l'orée du XXIe. Colloque organisé par l'École française d'Athènes à l'occasion de la célébration du 150e anniversaire de sa fondation. Discours prononçés à l'occasion du 150e anniversaire de l'EFA. Athènes; Paris, 2000.

Are S. Gorshenina and Cl. Rapin searching the truth?

G. A. Koshelenko

Summary

The paper is a reply to the article by S. Gorshenina and Cl. Rapin published in the same volume of the journal. The author is in no way satisfied with it and thinks it improper to transfer scientific discussions into the field of political polemics. The author is convinced, that the history of Soviet archaeology in Central Asia has been distorted by S. Gorshenina and Cl. Rapin, first of all because they did not wish to notice its evolution from the 20-s till the 80-s of the XX century.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 115–131

ПУБЛИКАЦИИ

КОМПЛЕКСЫ V в. н.э. МОГИЛЬНИКА "ГОРА ВЕЛИКАНОВ"

© 2005 г. **В. И. Кулаков*, Е. А. Тюрин****

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Калининградский государственный университет*

История Самбии в завершающую фазу эпохи Великого переселения народов представляет собою одну из наименее изученных тем прусской археологии, поэтому, на взгляд авторов, публикация ряда комплексов захоронений грунтового могильника "Гора Великанов" (Hünenberg) должна расширить представления об этом весьма интересном периоде истории Самбийского п-ова.

Из работ, посвященных данной проблематике, безусловно, стоит отметить труд известного шведского археолога Нильса Оберга, создавшего для древностей юго-восточной Балтии типологию инвентаря эпохи переселения народов, не утратившую своего значения по сей день. Прусская школа, основателем которой считается Отто Тишлер, за годы своего существования накопила огромные материалы по археологии Пруссии, тем самым создав базу для дальнейших исследователей прусских древностей. Такими исследователями стали польские археологи, сумевшие проанализировать накопленные материалы. Так, например, известный польский археолог Ежи Окулич, опираясь на работы археологов прусской школы О. Тишлера, В. Герте, Э. Холлака и других исследователей, издал сводную работу, в которой касался и специфики древностей V в. н.э., присущих самбийско-натангийской группе западнобалтской культуры (далее – НГ). Другим представителем польской археологии, Яном Ясканисом, была сделана основательная работа по каталогизации западнобалтских могильников I–V вв. н.э., куда вошли и памятники Самбии данного периода. Значительный вклад в изучение древностей Самбии внесла польская исследовательница Анна Битнер-Врублевска. Ею была составлена на базе материалов юго-восточной Балтии типология фибул со звездчатой ножкой, а также проанализирован ход развития фибул, выступающих в роли этнографических индикаторов эстиев V в. Литовская археология тему Великого переселения народов также не обошла вниманием. Так, литовский археолог В. Шименас, работая с материалами могильника римского времени Видгиряй, выявил запоздалое появление фибул со звездчатой ножкой, а также других артефактов V–VI вв. н.э. на северо-востоке от ареала пруссов, подчеркивая культурное влияние Самбии на соседний регион.

С 1974 г. Балтийской экспедицией ИА РАН было обследовано 336 памятников археологии Калининградской области (по большей части территория Самбии), из которых немалая часть относится к эпохе Великого переселения народов. Балтийской экспедицией проводились раскопки базовых для Самбии памятников археологии, таких как Коврово (Dollkeim) и "Гора Великанов" (Hünenberg). Представленные на последнем памятнике объекты V в. н.э. публикуются в предлагаемой статье.

Грунтовой могильник "Гора Великанов" расположен в северной части исторической земли пруссов Самбии в 1.5 км к югу от г. Пионерский, в 2 км к югу от берега Балтийского моря, на дюнной возвышенности овальной в плане формы, (300 × 170 м), вытянутой по линии северо-запад – юго-восток, достигающей высоты от уровня моря 36.5 м. Высота вершины дюны от своей подошвы – 6 м. Занимаемая могильником дюна расположена на левом берегу безымянного ручья – левого притока р. Мотыль (ранее – Rantauer Beek), впадающей в 2.35 км к северо-северо-востоку от могильника в Балтийское море к западу от мыса Гвардейский (ранее – Rantauer Spitze). В 1 км к юго-западу от "Горы Великанов" до 1986 г. располагался пос. Доброе (до 1945 г. именовавшийся Tenkieten (?), Tenkitten, в 1947–1978 гг. – Летное), по которому был первоначально назван могильник (Кулаков, 1990а. С. 85, 86).

Впервые внимание археологов "Гора Великанов" привлекла в 1860 г. Проведший здесь первые раскопки (было изучено около 20 погребений) В. Хенше обследовал на могильнике несколько каменных кладок кольцевидной формы диаметром 3 и 6 шагов, соотнесенных им с захоронениями мужчин или женщин и/или детей. В ряде случаев в центре кладки находился вертикально стоящий камень. Некоторые погребения представляли собой урновые кремации с сосудами-приставками. Данные могилы были не только перекрыты каменными кладками, но и их борта были укреплены каменными крепидами. В урнах и вне их В. Хенше упоминает бронзовые и серебряные фибулы, булавки, кольца, римские монеты, буси-

ны различных типов из стекла и янтаря (?). Находки из железа составляли наконечники копий и стрел, короткие мечи и ножи. Упоминание удил свидетельствует об обнаружении в 1860 г. на "Горе Великанов" конских захоронений (Hensche, 1861. S. 132–134). Предварительная дата изученных В. Хенше погребений – эпоха римского влияния (по системе Тишлера-Годловского – этапы B и C).

В 1862 г. раскопками Й. Виттиха на "Горе Великанов" было обнаружено 13 погребений. В трупосожжениях были зафиксированы на глубине от 3 до 4 шагов куски древесного угля со скоплениями кальцинированных костей и орнаментированными сосудами-приставками. Металлические находки были встречены лишь в одном погребении, в могиле диаметром 6 шагов (Wittich, 1863. S. 79–81). Конские захоронения находились, по мнению В. Грунерта, в нижних ярусах исследованных Й. Виттихом погребений эпохи переселения народов (этап D), и не были им обнаружены (Grunert, 1944. S. 23).

В 1874 г. ставшие постоянными исследования на могильнике продолжил Г. Девитц. Раскопав 10 захоронений, он впервые обратил внимание на то, что в урновых погребениях кальцинированные кости находятся преимущественно вне сосудов, в заполнении могилы. Также впервые Г. Девитц зафиксировал высоту каменных кладок до 1 м над современной дневной поверхностью, что характеризует эти комплексы как нечто промежуточное между курганами и грунтовыми захоронениями. Были обнаружены и захоронения коней с удилами, стременами, пряжками и другим снаряжением коней из бронзы и железа (Dewitz, 1872. S. 68), что позволяет датировать данные комплексы XI в.

Около 1900 г. на могильнике провел раскопки А. Бецценбергер. К сожалению, в археологической литературе осталось только беглое упоминание об этих работах (Grunert, 1944. S. 23).

В 1909 г. разведки на могильнике осуществил Й. Хейдек, обнаруживший при помощи щупа (Visitiernadel) между картофельных грядок на глубине 0.30 м каменную кладку, перекрывавшую кремационное погребение с фрагментами керамики и рассеянными кальцинированными костями. Восточнее были обнаружены обломки железных скребницы, обоймицы и ножниц (остатки конского захоронения). Данные находки позволили Й. Хейдеку без надлежащей аргументации датировать могильник на "Горе Великанов" III в. н.э. (Heydeck, 1914. S. 81).

В 1935 г. К. Фойгтманн в траншее размером 100 × 4 м обнаружил 39 погребальных объектов, датируемых этапами C–E. В 16 случаях выявлены захоронения лежавших головой на юг коней. Эти объекты располагались западнее соответствующих им кремаций всадников. Судя по расположению частей их костяков, они были живыми помещены в ямы и убиты только там (Grunert, 1944. S. 24).

В 1943 г. молодой представитель прусской археологической школы Вальтер Грунерт, перед войной окончивший в Кенигсберге Альбертс-университет, провел раскопки на северной окраине "Горы Великанов". Они стали для упомянутой школы не только последними работами на данном могильнике, но и ознаменовали начало долгого перерыва в изучении западными специалистами древностей Пруссии. В своем раскопе В. Грунерт вскрыл 25 погребальных объектов (Stelle), которые включали 19 трупосожжений и 8 захоронений коня. Согласно находкам в погребениях фибул, В. Грунерт датировал вскрытые комплексы эпохой переселения народов (этап E) (Grunert, 1944. S. 24). В целом к концу полевого сезона 1943 г. на могильнике было раскопано более 150 погребений III–VIII вв. (Grunert, 1944. S. 26). Кроме того, В. Грунерт суммировал связанный с "Горой Великанов" подъемный материал, а также результаты работ своих предшественников на памятниках всех эпох в окрестностях нынешнего г. Пионерский.

В 1977 г. итоги многолетних, но практически не опубликованных раскопок на "Горе Великанов" подвел Ян Ясканис (Jaskanis, 1977. S. 296). Правда, при описании интересующего нас могильника Я. Ясканис по недоразумению использовал преимущественно данные по расположенному в 1 км к юго-западу от "Горы Великанов" могильнику Летное (Tenkieten), который датируется в целом III–IV вв. н.э. и характерен привычным для этого периода обилием находок (Я. Ясканис насчитал в погр. 156/этап C_2/26 категорий инвентаря). Могильник Тенкитен является, видимо, более ранним предшественником "Горы Великанов", номенклатура инвентаря обоих памятников совпадает для IV в., ставшего завершающим этапом существования могильника Тенкитен (Jentzsch, 1892. S. 36). Несмотря на появление в 1977 г. статьи Я. Ясканиса, реальной характеристики могильника "Гора Великанов" в археологической литературе так и не появилось.

В 1985 г. разведками Балтийской экспедиции ИА АН СССР была установлена нависшая над могильником "Гора Великанов" опасность разрушения, были начаты планомерные раскопки данного могильника, занявшие 8 сезонов. В 1985, 1987–1993 гг. на "Горе Великанов" Балтийской экспедицией было вскрыто 35 раскопов общей площадью около 3000 м^2 (рис. 1). Это составило не менее 20% предположительной площади могильника. В результате этих работ и раскопок наших коллег из Кенигсберга, производившихся в 1860–1943 г., представляется возможность создать достаточно полный каталог изучавшихся с середи-

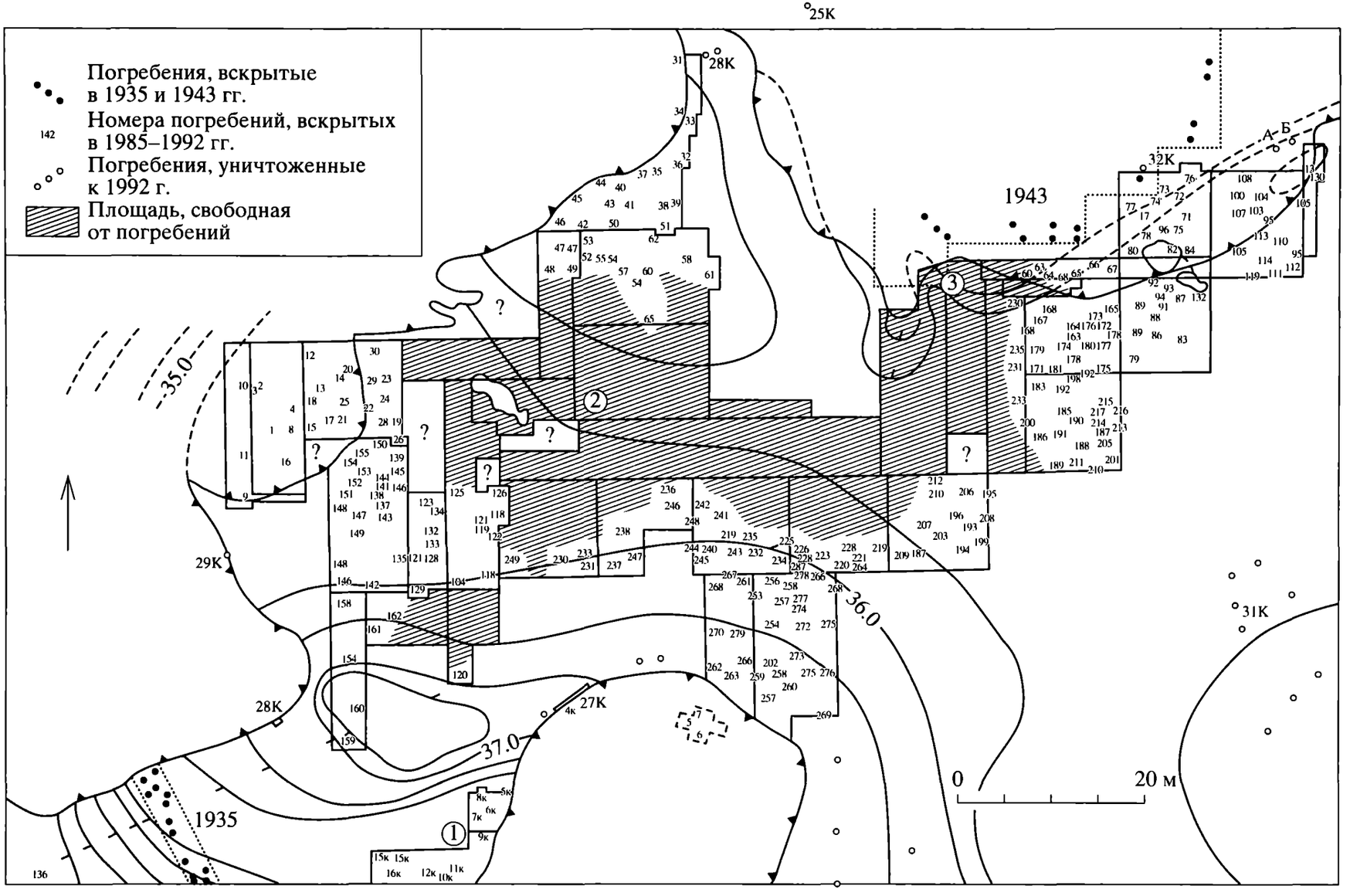


Рис. 1. План грунтового могильника "Гора Великанов" – Hünenberg.

ны XIX в. по конец XX в. погребений V в. н.э. могильника "Гора Великанов". Типология находок дается при этом в соответствии с новейшими разработками в плане изучения прусских древностях (Кулаков, 2003. С. 276–282).

Периодом 400–450 гг. на "Горе Великанов" уверенно датируются 14 погребений, характерной особенностью которых являются сосуды-приставки с налепами (признак – сосуд-приставка подтипа 1.2 с налепами). Ведущий обряд для этого периода – урновая кремация. Группы погребений 400–450 гг. имеют ряд общих признаков с группой погребений 300–400 гг. (сосуд-приставка варианта 2.3.1 с орнаментом "двойные кресты", сосуд-приставка подтипа 2.1 биконической формы, ведерковидная подвеска), что демонстрирует генетическую преемственность между этими массивами погребений. Показательно, что два из трех общих для них признака ("ведерковидные подвески" и "сосуд-приставка с орнаментом в виде двойного креста") характерны для вельбарских древностей. Все эти признаки исчезают в вельбарском Нижнем Повисленье ок. 300 г. и появляются в это время на Самбии. Несмотря на прерывание прямых контактов между ареалами эстиев и восточных германцев на этапе С, "вельбарские" черты в материальной и духовной культуре жителей севера Самбии ("Гора Великанов") сохранялись еще на протяжении полутора веков.

Из большого массива находок, датированных 400–450 гг., авторами было отобрано пять погребальных комплексов, которые представляют интерес в связи с тем, что находящийся в них материал во многом аналогичен материалам того же периода, обнаруженным на других памятниках Самбии, что дает основание говорить о правильности датировки.

Н-67зап (рис. 2) – **захоронение коня** в овальной в плане яме (1.83 × 0.80 м, глуб. в предматерике 0.70 м), заполненной остатками органики, у дна – золистым переотложенным предматериком, ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. На дне могилы обнаружен лежащий на правом боку, ориентированный головой на юг некомплектный конский скелет. В зубах обнаружены кольчатые удила с небольшими кольцами, сохранившими остатки рифления (подтипа Кулаков 1.1). В юго-восточной части могилы открыта столбовая яма (диам. 0.60 м, глуб. в материке 0.90 м). Данная могила частично перекрыта связанным с ней комплексом.

Н-67вост. – кремация (далее – **КРМ**) в овальной в плане яме (1.79 × 0.90 м, глуб. в материке 0.60 м), заполненной золистой супесью, перекрытой слоем остатков погребального костра (далее – ОПК). В юго-западном и северо-восточном секторах могилы выявлены два скопления кальцинированных костей. В юго-западном скоплении найден глиняный шарик. Рядом с северо-восточным скоплением найден орнаментированный сосуд (подтипа Кулаков 2.3). Кроме того, в могиле обнаружены остатки других сосудов, фрагмент пряслица глиняного, капелька бронзы. Граница между Н-67зап и Н-67вост. перекрыта мощной каменной кладкой, причем самый восточный камень в ней носил следы обработки и стоял в грунте вертикально, в виде своеобразного надгробия (Malstein). По удилам комплекс Н-67 датируется 400–450 гг.

Н-72 – КРМ в овальной в плане яме (1.20 × 0.94 м, глуб. в материке 0.20 м), заполненной органическим тленом и ОПК, ориентированной по линии север–юг. В юго-восточном секторе могилы встречено скопление кальцинированных костей, среди них – бусина янтарная, язычок пряжки бронзовой, фрагменты железной оковки, фрагменты не менее четырех сосудов. Все находки обожжены. Язычок пряжки относится к типу Madyda-Legutko H29 (Madyda-Legutko, 1986. S. 68. Taf. 20), датирующему комплекс 400–450 гг.

Н-95 (рис. 3) – **урновая КРМ и захоронение коня** в овальной в плане яме (2.06 × 1.26 м. глуб. в предматерике 0.70 м), заполненной в верхнем ярусе ОПК, в нижнем – переотложенным предматериком, у дна – слоем остатков органики, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В слое ОПК обнаружен развал сосуда типа Nowakowski Dollkeim с элементами зонального орнамента блока II (Кулаков, 1998. С. 92), окруженный рассеянными 42 кальцинированными костями, основная часть которых относится к восточному сектору могилы, где найден фрагмент урны с небольшой ручкой. В нижнем ярусе могилы выявлен костяк лежавшего на левом боку коня, его череп передними зубами был ориентирован на юго-восток. В зубах коня находились кольчатые удила, на нижней челюсти – пряжка железная, относящаяся к типу Madyda-Legutko H11. Последняя находка позволяет датировать комплекс 400–425 гг. (Madyda-Legutko, 1986. S. 64. Taf. 19).

Н-124 – урновая КРМ в овальной в плане яме (0.62 × 0.58 м глуб. в материке 0.38 м), заполненной ОПК. В восточном борту могилы выявлена ступенька. В северо-западном секторе могилы найдена урна, кальцинированные кости находились как в урне, так и вне ее. Вне урны найдены также фрагменты пары арбалетовидных фибул тип Duratón с зонами рифления на спинке, в древности соединенных с ожерельем из пастовых бусин, третья фибулы с остатками плетеного ремешка, к которому крепилась несохранившаяся железная подвеска (бубенчик или "ведерко"), тонкая (вотивная) бронзовая пряжка, обломки железной иглы, фрагмент сосуда-приставки. Согласно фибулам (Godłowski, 1970. Pl. XII, *8*) Н-124 датируется 350–475 гг.

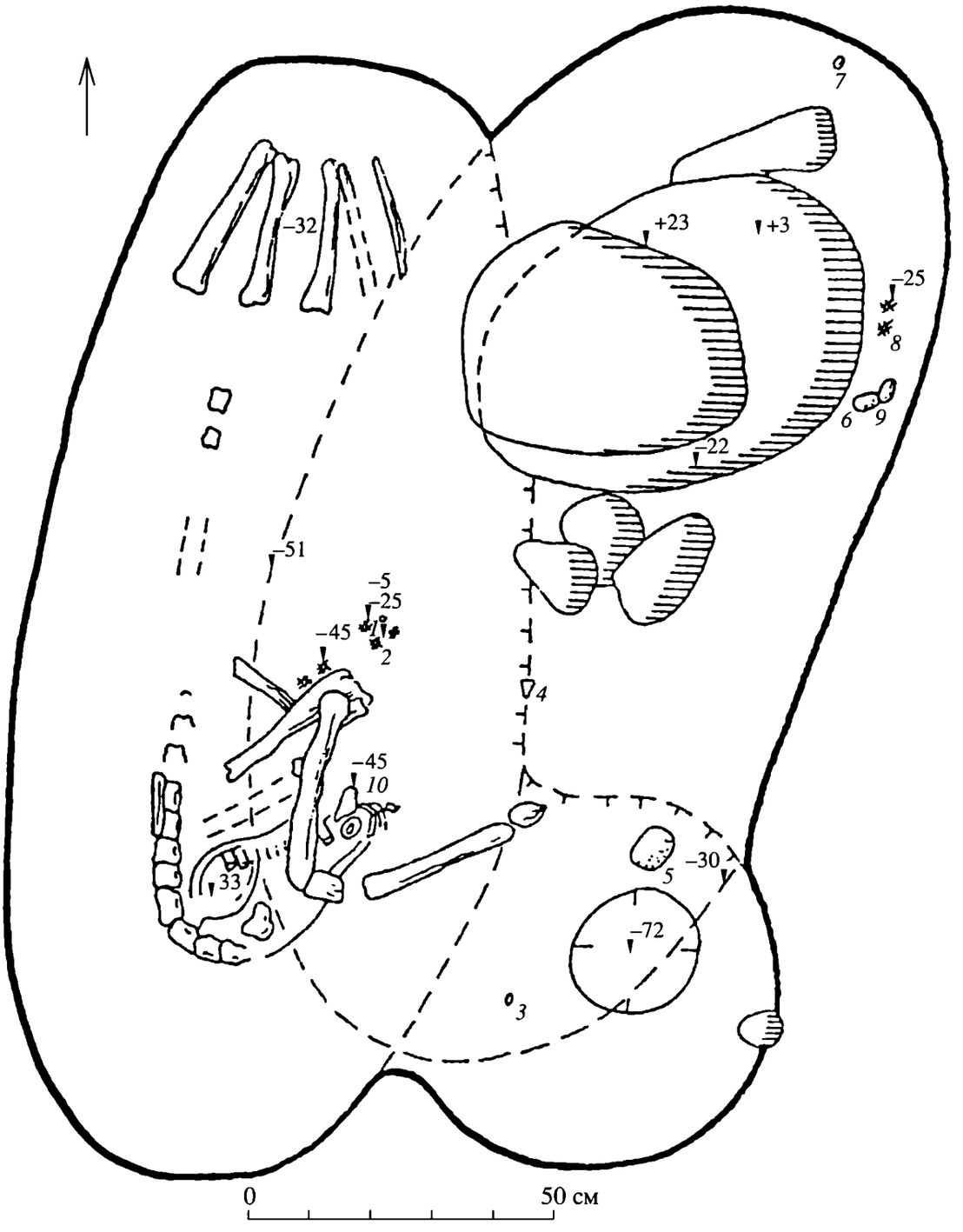


Рис. 2. План комплекса Н-67: *1* – шарик глиняный; *2* – скопление кальцинированных костей; *3*, *7* – кусок янтаря; *4* – донце сосуда; *5* – фрагмент сосуда; *6*, *9* – фрагменты временной урны; *8* – второе скопление кальцинированных костей; *10* – удила.

Н–223 – урновая КРМ в округлой в плане яме (диам. 0.57 м, глуб. 0.63 м), заполненной преимущественно ОПК. По центру ямы обнаружена перекрытая тремя камнями урна, причем два нижних камня, миновав истлевшую в древности крышку из органического материала, провалились в урну. В урне найдено 104 крупных и средних обломков кальцинированных костей, сконцентрированных у дна урны. Выше них в заполнении сосуда (интенсивно-золистая супесь) обнаружены бронзовая арбалетовидная фибула, фрагмент сосуда-приставки и янтарная бусина. Вне урны найдено значительное количество кальцинированных костей и два железных гвоздя, что, видимо, является показателем осуществления трупосожжения в гробу или на деревянных носилках. По фибуле комплекс датируется ок. 450 г.

На основе материалов данных комплексов, содержащих инвентарь, стандартный для Самбии V в., видно продолжение развития традиций НГ, вследст-

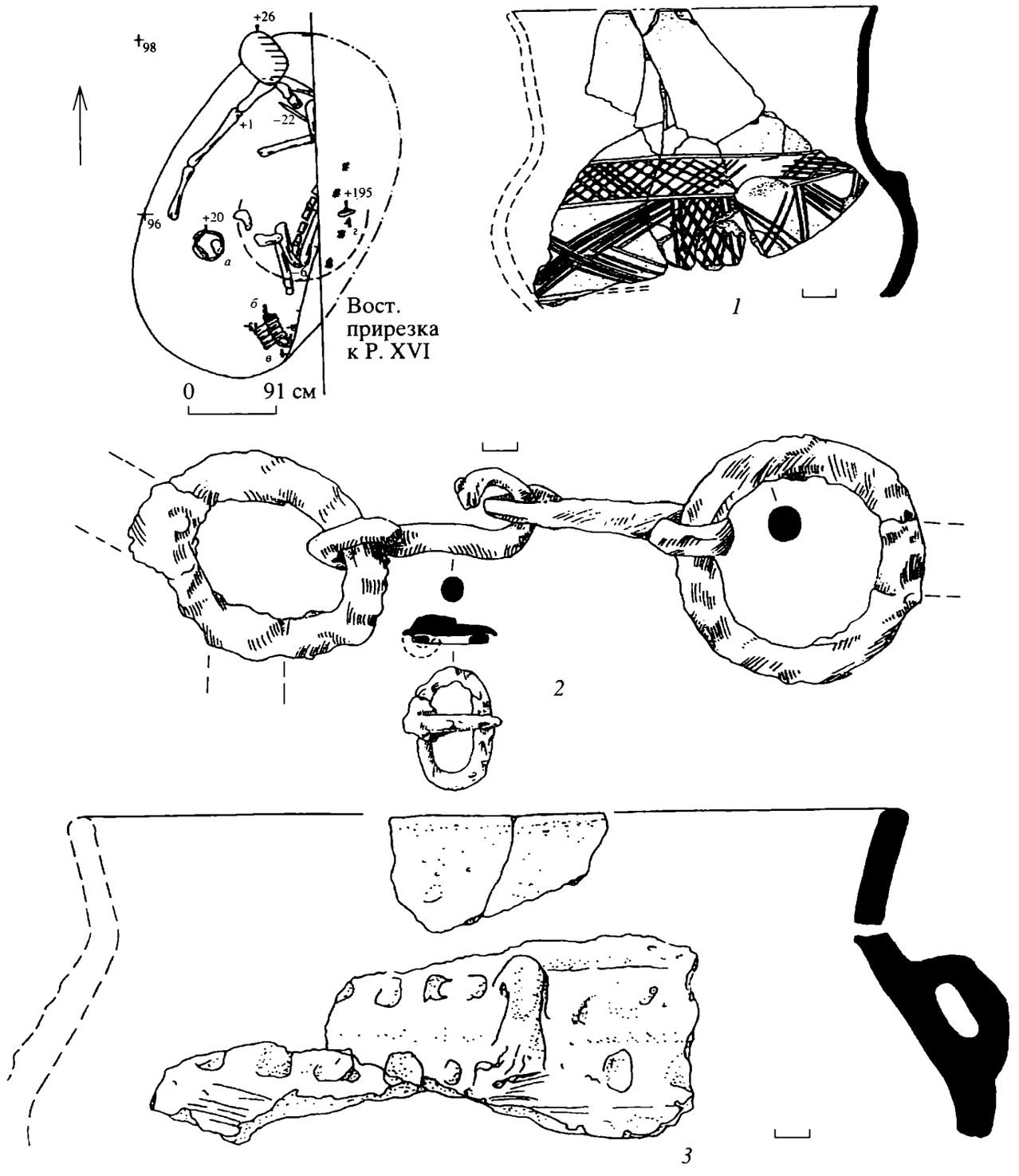


Рис. 3. План (*а* – развал сосуда; б – пряжка железная; *в* – удила; *г* – фрагмент сосуда с ручкой) и инвентарь комплекса Н-95: *1* – фрагментированный чернолощеный сосуд-приставка; *2* – удила и железная пряжка; *3* – фрагмент урны.

вие этого можно говорить, что на ранней фазе эпохи Великого переселения народов лишь начинается процесс изменения материальной культуры жителей Самбийского полуострова. Лишь середина V в. знаменует резкий переход к новой культуре, отдаленные черты которой фиксируются ранее, уже в 400–450 гг.

Периодом 450–500 гг. с разной степенью уверенности можно датировать 73 погребальных комплекса. Данный массив погребений демонстрирует массовое появление новаций в местной культуре. Погребальный обряд в этот период реализуется всем спектром возможных вариантов кремации в ее поступательном развитии от урнового погребения через группирование в могиле кальцинированных костей во вместимости из органических материалов к обломкам обожженных костей, рассеянным в остатках погребального ко-

стра. Показательно, что последний вариант КРМ характерен для могил воинов, сопровождавшихся конскими захоронениями.

Из обширного материала, датированного 450–525 гг., авторами было отобрано 19 погребальных комплексов. Они представляют интерес для исследования в связи с тем, что инвентарь, встречающийся в погребениях, отражает как изменения в материальной культуре жителей Янтарного края, так и традиции НГ.

Н-35 (рис. 4) – **КРМ** в подтрапециевидной в плане яме (2.96 × 2.10 м, глуб. в материке 0.46 м), ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Придонная часть ямы заполнена слоем супеси с частицами органики, перекрытым ОПК, в пределах которых в восточном секторе могилы выявлено скопление кальцинированных костей. Верхний уровень этого скопления совпадает с уровнем ступенек у западного и восточного бортов могилы, предназначенных, видимо, для деревянного настила. Скопление кальцинированных костей перекрыто каменой кладкой и содержит арбалетовидную фибулу типа Кулаков 1ус с деревянным стержнем пружины, бронзовую пряжку варианта Кулаков 1.2а, схожую с пряжкой более раннего времени типа Madyda-Legutko H38, и железную пряжку типа Madyda-Legutko H14, фрагмент второй бронзовой пряжки, фрагмент железной иглы, бронзовое кольцо, фрагменты трех сосудов, глиняное пряслице. По бортам могилы выявлены куски обожженной глины, в заполнении могилы – мелкие куски янтаря. По пряжкам комплекс датируется 450–500 гг. К этому времени относится появление деревянных перекрытий в могилах гуннского круга древностей (Засецкая, 1977. С. 95), традиция которых, видимо, представлена в данном комплексе.

Н-47 – захоронение коня в яме, имеющей в плане форму неправильного овала, (1.60 × 0.60 м, глуб. в предматерике 0.63 м), заполненной золистой супесью с частицами органики, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В северной части ямы, с двумя обломками кальцинированных костей найдены часть бронзовой иглы фибулы, четыре янтарных бусины и два куска янтаря. На дне могилы обнаружен скелет коня головой на юго-восток, возраст – 3–4 года (по определению В.П. Данильченко). В зубах черепа коня найдены кольчатые удила подтипа Кулаков 1.2, согласно которым Н-47 датируется 450–500 гг.

Н-47а – КРМ в имеющей в плане форму неправильного овала яме (1.00 × 0.66 м, глуб. в предматерике 0.23 м), заполненной золистой супесью с частицами органики, ориентированной по линии север–юг. Могила с востока непосредственно примыкала к Н-47, грунтовая перемычка между ними перекрыта мощным валуном. В верхней части заполнения Н-47а выявлена небольшая линза

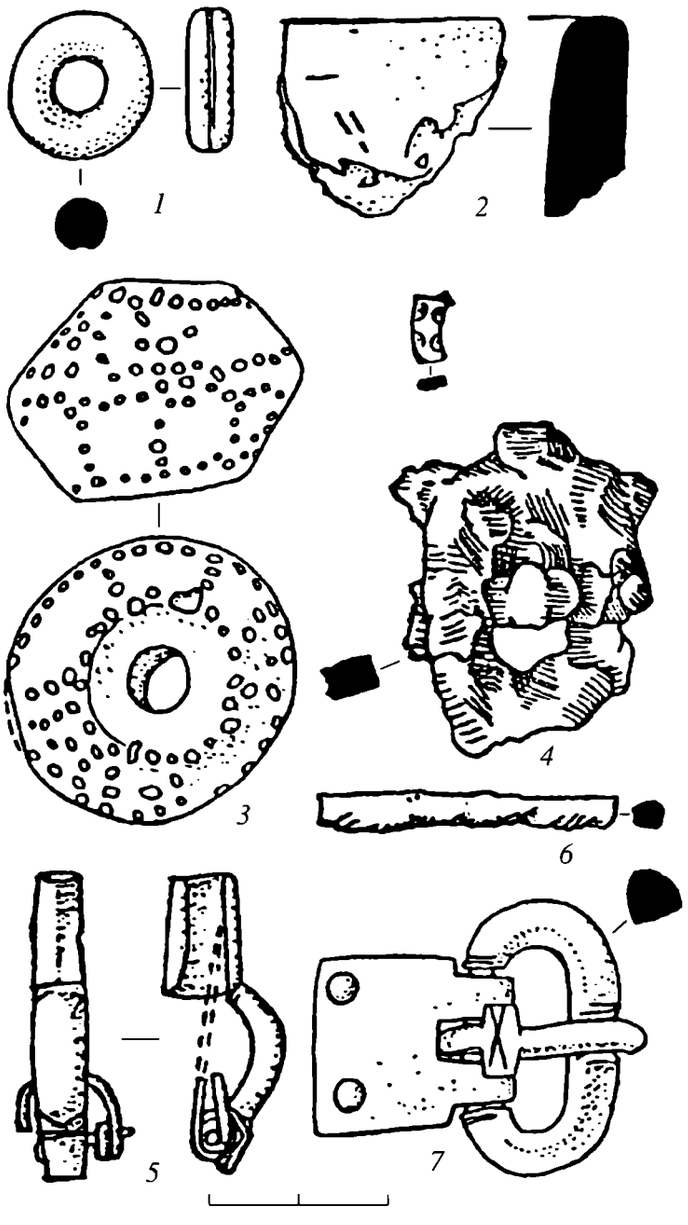


Рис. 4. Инвентарь комплекса Н-35. *1* – бронзовое кольцо; *2* – фрагмент сосуда-приставки; *3* – глиняное пряслице; *4* – железная пряжка; *5* – бронзовая фибула; *6* – фрагмент железной иглы; *7* – бронзовая пряжка.

ОПК, в которой обнаружены обломки орнаментированного сосуда ("временная урна"), некомплектные обломки еще трех сосудов, сгруппированные с редкими кальцинированными костями, бронзовая арбалетовидная фибула подтипа Кулаков 2а2 с деревянным стержнем пружины, бронзовая пряжка типа Madyda-Legutko H14, датирующие Н-47а (как и Н-47) 450–500 гг.

Н-70 – урновая КРМ в подпрямоугольной в плане яме (0.97 × 0.60 м, глуб. в материке 0.50 м), ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В могиле найдена урна типа Grebieten, заполненная ОПК и перекрытая камнями. Кальцинированные кости найдены вне урны, в слое древесного угля. К западу от урны обнаружена обо-

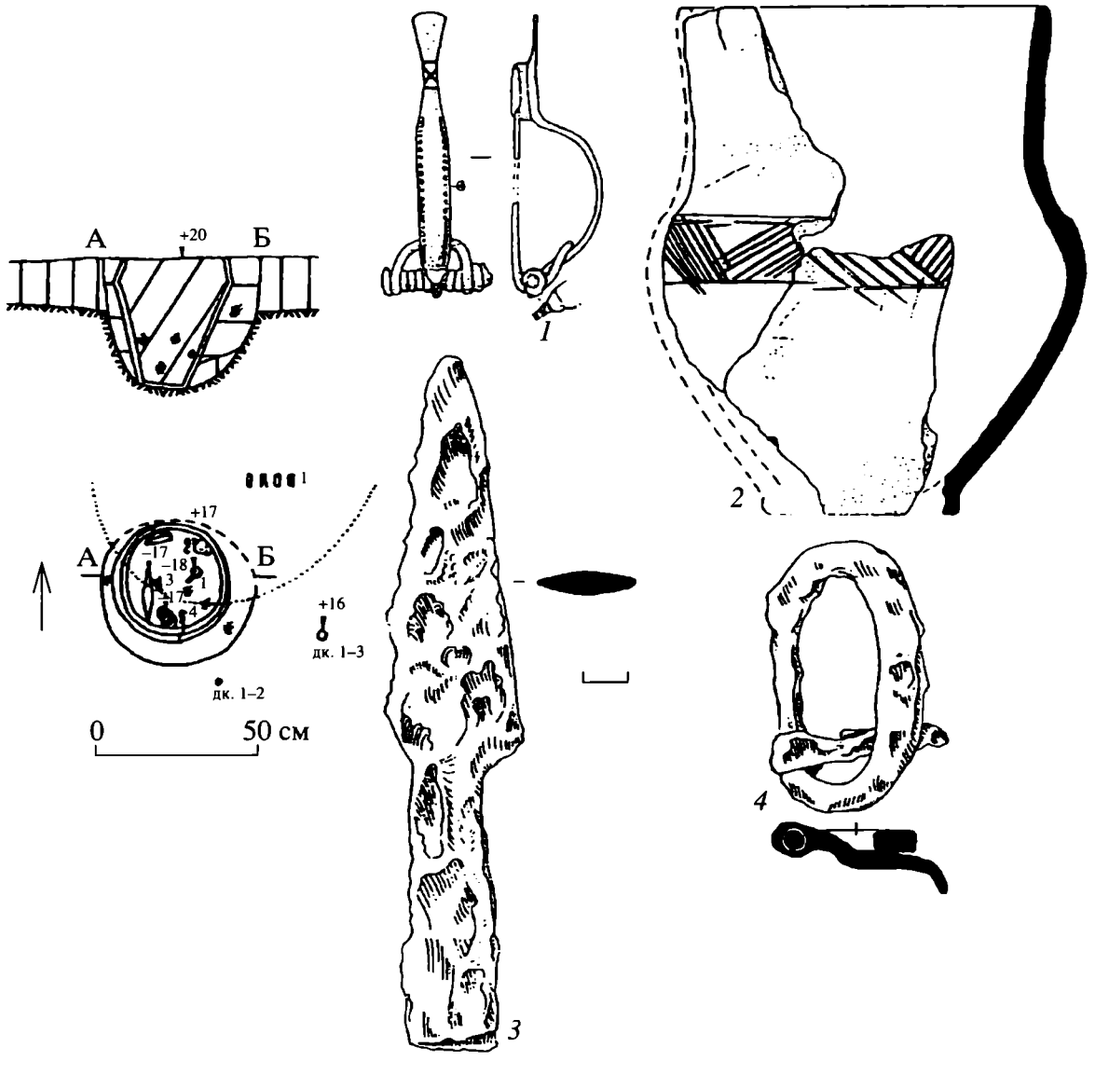


Рис. 5. План и инвентарь комплекса Н-109: *1* – бронзовая фибула с остатками органики у иглы; *2* – фрагментированный сосуд-приставка, обнаруженный вне могилы; *3* – наконечник копья; *4* – железная пряжка.

жженная железная пряжка. В основании язычка этой пряжки имеется двутавровидное утолщение, никогда в прусской археологии ранее не встречавшееся на железных пряжках. Предварительно комплекс датируется 400–500 гг. (Кулаков, 1989).

Н-74 – урновая КРМ в округлой в плане яме (диам. 0.70 м, глуб. в предматерике 0.20 м), заполненной у дна слоем древесного угля, перекрытым интенсивно-золистой супесью. В южном секторе могилы открыта нижняя часть урны типа Grebieten, содержавшая кальцинированные кости и бронзовую накладку. У южного борта могилы находился сосуд-приставка, в северо-западном секторе могилы – остатки оплавленного бронзового предмета. Накладка имеет орнамент, находящий аналогии в гуннских древностях (Dąbrowski, 1981. Ryc. 131), что позволяет датировать комплекс 450–500 гг.

Н-80 – урновая КРМ в округлой в плане яме (диам. 1.03 м, глуб. в материке 0.28 м), заполненной ОПК. В процессе распашки урна типа Grebieten оказалась переотложенной в северо-западный сектор могилы, при ее разрушении заполнявшие ее ОПК и кальцинированные кости высыпались. С ними найдены обломки бронзовых фибулы и прямоугольной обоймицы пряжки. К югу от урны обнаружен фрагмент сосуда-приставки. Кроме того, в могиле находились 33 куска янтаря. По фрагменту фибулы, относящейся к типу Bitner-Wróblewska II застежек со звездчатой ножкой (Nowakowski, 1989. S. 153), Н-80 датируется 450–500 гг.

Н-109 (рис. 5) – **урновая КРМ** в округлой в плане яме (диам. 0.40 м, глуб. в материке 0.40 м), заполненной ОПК. В центре могилы найдена урна, заполненная интенсивно-золистой супесью (показатель наличия в древности крышки урны, сделанной из органического материала). В урне, с кальцинированными костями найдены копье типа G1, обожженная железная пряжка типа Madyda-Legutko H11, бронзовая фибула с остатками шерстяной ткани у иглы. В урне и вне ее найдены

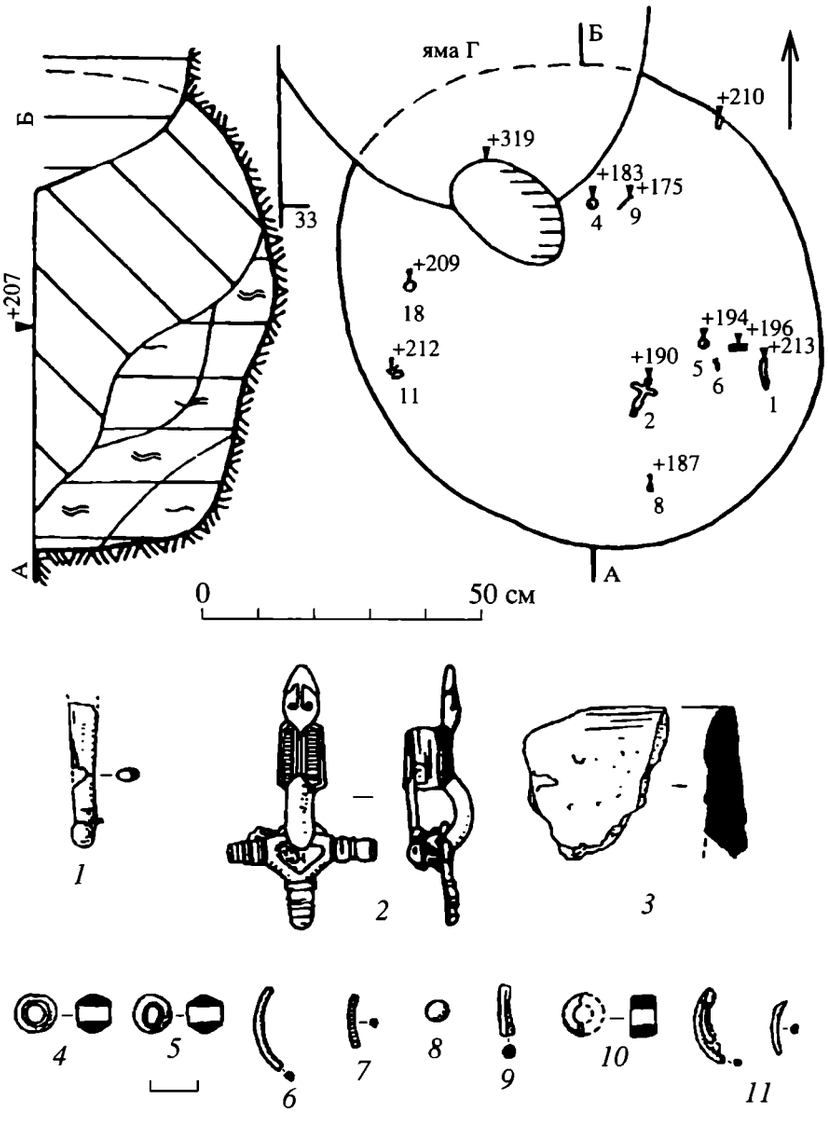


Рис. 6. План и инвентарь комплекса Н-125: *1* – фрагмент предмета; *2* – фибула; *3* – кусок янтаря со следами обработки; *4*, *5* – бусины; *6* – фрагмент предмета; *7* – фрагмент пружины; *8* – капля; *9*, *11* – фрагмент проволоки; *10* – фрагмент янтарной бусины. *1*, *2*, *4–9*, *11* – бронза.

фрагменты орнаментированного сосуда-приставки. По фибуле, относящейся к группе AVI,2, вариант Schulze Ix CR 1a (Schulze, 1977. Taf. 17) Н-109 датируется 425–525 гг.

Н-125 (рис. 6) – **КРМ** в овальной в плане яме (разм. 0.90 × 0.82 м, глуб. в материке 0.44 м), заполненной в основном интенсивно-золистой супесью, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В юго-восточном секторе могилы найдены "звериноголовая" трехлучевая фибула, две бронзовые бусины, фрагмент кольца, фрагмент бронзового наконечника ремня, бронзовая капля. В северозападном секторе могилы найдены бронзовая бусина, фрагмент янтарной бусины, обломки бронзового спирального перстня, потревоженные при сооружении позднейшей ямы Е. В результате этого из могилы могла исчезнуть парная к упомянутой выше фибула, обнаруженная позднее А.П. Мартынюком в стороне от Н-125, к западу от раскопа XVII. По "звериноголовой" фибуле (Кулаков, 1990б. С. 212–214) Н-125 датируется 450–500 гг.

Н-144 – **захоронение коня** в яме овальной в плане формы, (1.34 × 0.48 м, глуб. в материке 0.58 м), вытянутой по линии север–юг. Ввиду чрезвычайной рыхлости песка в бортах ямы, ее параметры в древности следует предполагать меньшими. Яма заполнена в основном переотложенным материковым песком со слабым содержанием золистых и органических (ближе ко дну) включений. У дна могилы обнаружены кости коня весьма плохой сохранности. Его череп с удилами в зубах был ориентирован практически на юг, основное направление костяка – с севера на юг. Возможно, кости коня были лишены в древности анатомического порядка. В средней части хребта коня найдены железные скребница и подпружная пряжка типа Madyda-Legutko H14, бронзовая

пряжка с обоймицей типа Madyda-Legutko H3. Здесь же в верхней части заполнения конский скелет перекрывался четырьмя камнями. Восточный борт Н-144 прорезан более поздним и, видимо, связанным с ним погребением

Н-145 – КРМ в яме округлой в плане формы, (диам. 1.00 м, глуб. от материка 0.40 м). Яма заполнена слоем интенсивно-золистой супеси. В южной части погр. 145 в заполнении рассеяны шесть обломков кальцинированных костей с двумя кусками янтаря и два фрагмента сероглиняного сосуда-приставки с кварцитом в примеси (внешняя и внутренняя поверхности заглажены). Под этими находками в дне ямы выявлена столбовая ямка округлой в плане формы (диам. 0.26 м, глуб. от уровня могильного дна 0.10 м). Данная ямка заполнена ОПК, с северо-запада от нее в заполнении Н-145 найден валун. Не исключена возможность его использования как подпорки для стоявшего в ямке столба. Планиграфически Н-145 перекрывает своим западным бортом соседствующее Н-144 и составляет с ним, видимо, единый комплекс захоронения всадника и его коня. Это является ведущим обрядом для культуры пруссов в 400–500 гг.

Н-165 – КРМ. Слой над могилой потревожен эрозией, ввиду этого верхний абрис ямы весьма расплывчатый. На уровне предматерика Н-165 перекрыто отдельными камнями. Здесь в переотложенном слое найдены фрагменты двух бронзовых перстней (один спиральный) и железной фибулы. К востоку от могилы в слое найдены фрагменты бронзовой вотивной (?) стрелы. В древности яма имела, видимо, овальную в плане форму с условными размерами 1.18 × 1, 10 м, вытянутую по линии север-юг, глуб. от уровня материка до 0, 26 м. Яма заполнена переотложенным материковым песком, в местах четырех скоплений кальцинированных костей (по всему периметру ямы, кроме ее северной части) отмечены небольшие пятна ОПК. Данные скопления костей – результат эрозии могилы. Среди костей найдены бронзовые перстень, часть пряжки и кольцо, фрагменты сосудов, относящихся в основном к южному скоплению костей. Кроме эрозии, погр. 165 повредил соседствующий с запада окоп, в заполнении которого встречены 17 кальцинированных костей. Судя по арбалетовидной фибуле варианта Кулаков 2а2 комплекс можно датировать 475–500 гг.

Н-177 (рис. 7) – **урновая КРМ** в яме округлой в плане формы (диам. 0.44 м, глуб. в материке 0.53 м). Яма вырыта строго по параметрам урны типа Grebieten, имевшей горизонтальные и вертикальные глиняные налепы и содержавшей янтарную бусину (подвеску?), а также часть разбитого на костре сосуда-приставки типа Dollkeim. Другие его части найдены вокруг урны в слое ОПК. Этот слой в урне отмечен лишь у дна, с 27 кальцинированными костями, перекрытыми камнем. Остальное заполнение урны – переотложенный песок с золой – индикатор покрытия урны крышкой с шестью кальцинированными костями и куском янтаря. К юго-западу от урны в яме – обожженное копье типа Kaczanowski II, подтипа 2, варианта 1 (Kaczanowski, 1995. Tab. V, *5*), погнутый боевой нож, близкий по своей форме к ножу-кинжалу. Судя по этой форме оружия, Н-177 датируется 400–500 гг. Оно связано с соседствующим с запада комплексом Н-180.

Н-180 (рис. 7) – **захоронение коня** в яме прямоугольной в плане формы, (1.78 × 0.68 м, глуб. в материке 1.18 м), ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Юго-западный угол могилы и прилегающие ее стороны занимает подбой, углубляющийся в борт на 0.30 м. Заполненная переотложенным материковым песком с золой яма с своей северо-восточной части перекрыта каменной кладкой. На дне могилы выявлен костяк коня, лежащего на левом боку, головой на юг. В зубах коня – удила типа Кулаков 1.2, в области спины компактно лежали (первоначально в холщевой или кожаной сумке?) железные коса, ножницы и скребница. Данный комплекс по связанному с ним Н-177 датируется 400–500 гг.

Н-175 – урновая КРМ в яме, частично выходящей за пределы раскопа XXIII к югу от него. Имеет овальную в плане форму (0.78 × 0.66 м, вытянута по линии северо-запад – юго-восток, глуб. от верхнего уровня слоя золистой супеси до 1 м), заполнена золистой супесью с отдельными частицами золы. Яма в своей южной части перекрыта камнем, под которым рассеяны 18 кальцинированных костей с фрагментами керамики, в том числе явно от урны, разбитой плугом. В 0.5 м к западу от Н-175 на глубине второго штыка найдена бусина синего стекла (из данной могилы?). Погр. 175 частично перекрывает с востока связанный с ним комплекс Н-182.

Н-182 (южная прирезка к раскопу XXIII) – **захоронение коня** в яме подпрямоугольной в плане формы, (1.64 × 0.74 м, глуб. от уровня предматерика 1.02 м, ориентированной практически по линии север-юг, заполненной переотложенным материковым песком с частицами золы. У дна ямы обнаружен скорченный костяк коня, лежавший на правой части подбрюшья, с головой, подогнутой под грудь, ориентированный на юг. Складывается впечатление, что величина коня значительно превышала параметры ямы и помещение его туши в могилу было сопряжено с определенными трудностями. Ноги коня традиционно для обряда эстиев подогнуты, в зубах – удила типа Кулаков 1.3. У спины костяка коня найдена группа железных предметов – ножницы и скребница, у костей ног две пряжки типа Madyda-Legutko H29 и типа Кулаков 6к соответственно. Судя по тому,

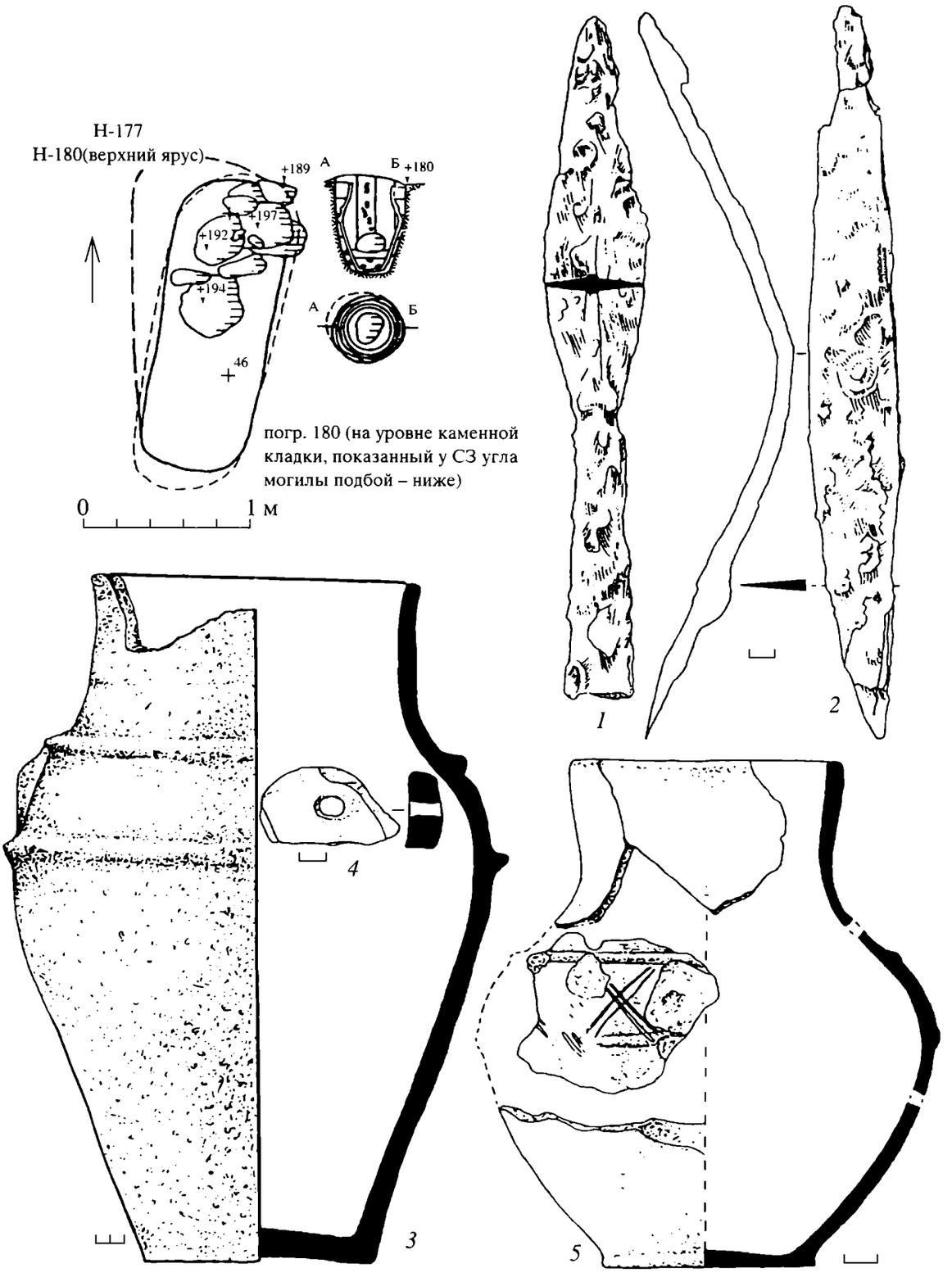


Рис. 7. План и инвентарь комплекса Н-177. *1* – наконечник копья; *2* – боевой нож; *3* – урна; *4* – янтарная подвеска (?); *5* – сосуд-приставка.

что соседствующее с востока погр. 175 частично перекрывает данный комплекс, можно предположить непосредственную связь этих могил, устроенных по характерному для эстиев обряду 400–500 гг.

Н-247 – урновая КРМ в округлой в плане яме (диам. 0.50 м, глуб. в материке 0.60 м), заполненной ОПК. В северо-восточном секторе могилы найдена урна, заполненная интенсивно-золистой супесью с провалившуюся внутрь частью перекрывавшего некогда урну типа Grebieten сосуда. Кроме того, в урне с 20 кальцинированными костями найдены орнаментированный сосуд-приставка и железная скоба. Вне урны выявлены фрагмент оплавленной бронзовой пряжки, часть боевого

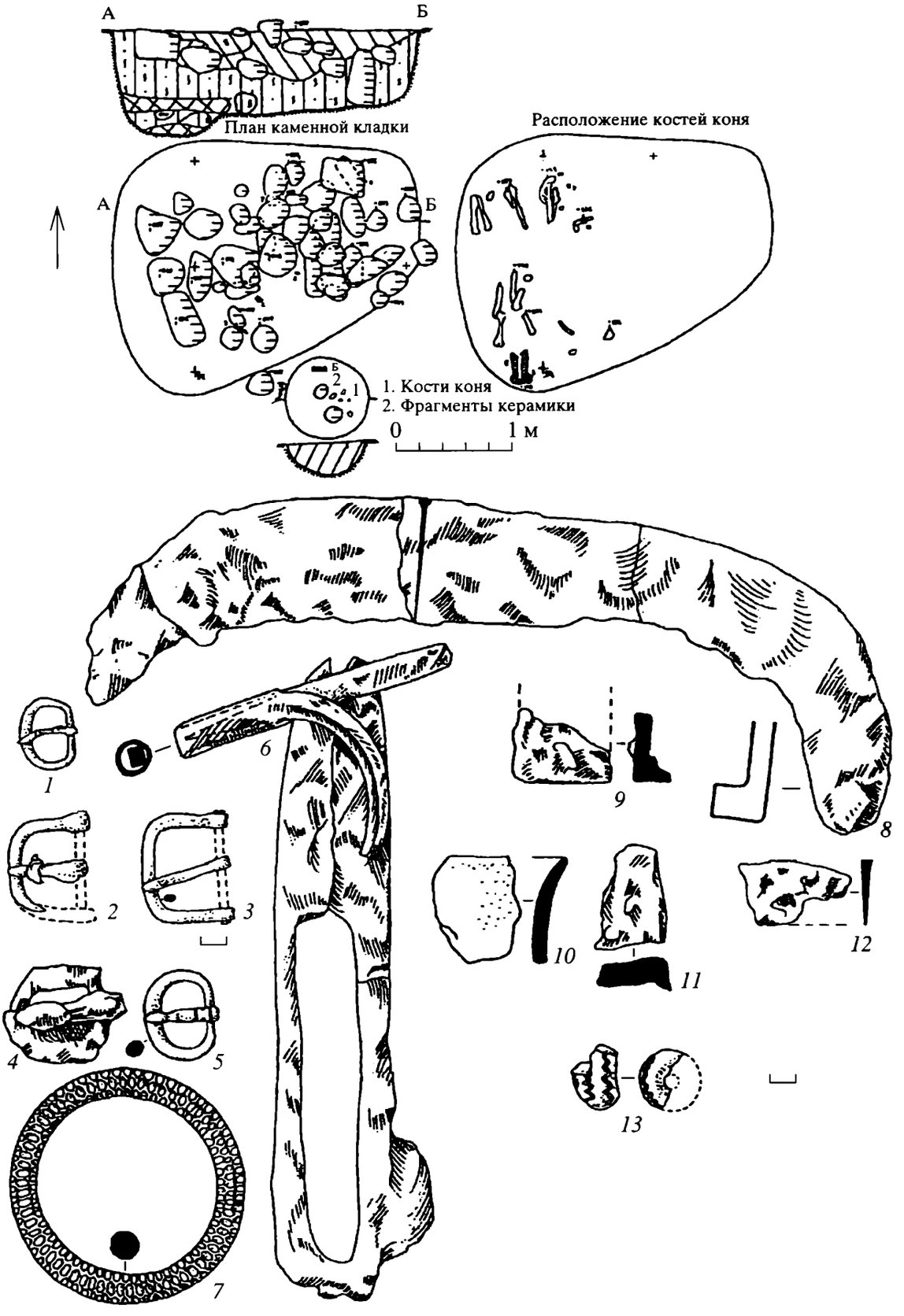


Рис. 8. План и инвентарь комплекса Н-254.

ножа, железная пластина, бронзовый наконечник ремня, бронзовая ведерковидная подвеска, часть железного стержня. Все находки обожжены. Согласно типу обнаруженного листовидного наконечника ремня (Bitner-Wróblewska, 1992. P. 250), Н-247 датируется 450–500 гг. (Кулаков, 1992).

Н-254 (рис. 8) – **урновая КРМ и захоронение коня** в яме трапециевидной в плане формы (3.96 ×

× 2.25 м, вытянута по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, глуб. в материке 0.12 до 0.96 м). Перекрытая каменной кладкой яма заполнена в основном переотложенным предматериком с примесью органики. В северо-восточной части верхнего яруса могилы отмечено аморфное в плане скопление слабо-золистой супеси мощностью около 0.40 м. Здесь среди 42 рассеянных кальцинированных костей найдены остатки уничтоженной камнями урны, фрагмент сосуда-приставки, пастовая бусина, обломок боевого ножа. У дна могилы, ближе к ее западному борту обнаружен конский скелет плохой сохранности, черепом ориентированный на юг. Традиционно для ритуала эстиев костяк был помещен в яму с подогнутыми ногами. Кости его спины практически полностью отсутствуют. Это связано, возможно, с его расчленением. В зубах черепа коня находились удила с бронзовыми фасетированными кольцами. К юго-западу от тазовых костей обнаружены комплектно (в сумке из органического материала) лежащие коса, ножницы и скребница. Деревянная рукоять последней, покрытая железным листом, служила чехлом для железного острия. Видимо, он служил для прокалывания кожи коня в ритуальных целях (жертвенное пролитие крови коня традиционно для многих народов древней Евразии) (Кулаков, 1994. С. 104). Найденные над костяком коня железные и бронзовые пряжки подпруги типа 6к и Madyda-Legutko H29 соответственно позволяют датировать мужское погребение Н-254 450–500 гг. В соседствующей с юго-востока с данным комплексом яме Б, имеющей в плане округлую форму (диам. 0.77 м, глуб. в материке 0.29 м) найдены несожженные зубы коня и фрагменты керамики. Возможно, это является остатками жертвенного комплекса, связанного с Н-254.

Н-260 (рис. 9; 10) – **урновая КРМ и захоронение коня** в яме овальной в плане формы, разм. (4.20 × 3.13 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, глуб. от предматерика 0.98 м). По своим размерам данное погребение – самое крупное из вскрытых на могильнике. Яма заполнена в своей нижней части крупнозернистой супесью, выше – слоем переотложенной супеси с большим содержанием органики и интенсивно-золистой супесью. В пределах двух последних прослоек открыта кладка из мощных камней, некоторые из них стояли в древности вертикально. Между камнями, значительно потревоженными в западной части могилы траншей, и под ними найдена "временные урны", отдельные фрагменты разбитой камнями урны типа Grebieten, железный бубенчик, часть стеклянной бусины, оселок, каменная фишка для игры, фрагмент железного умбона (?). В центральной части верхнего яруса могилы, южнее линзы золы найдены 46 кальцинированных костей из разбитой урны. Кроме бронзовых пряжки и обоймицы ко второй пряжке, к комплексу относится найденный южнее могилы, извлеченный из нее при рытье соседствующего окопа фрагмент фибулы со "звездчатой ножкой" позднего варианта. Нетронутым остался лишь сосуд II, поставленный в могилу после заполнения ее валунами и перекрытый плоским камнем, найденным рядом. Так как кальцинированных костей рядом с ним не было обнаружено, можно предполагать, что эта находка является остатками заупокойного приношения (аналог – славянская "страва"), осуществленного после сооружения могилы. В ее западной части, у дна ямы в южной части открыт переотложенный при рытье окопа костяк коня. В зубах черепа коня, традиционно ориентированного на юг, обнаружены удила типа Кулаков 1.2. Передняя часть коня перемещена в траншее целым блоком. У тазовых костей коня найдена коса. Последняя, судя по отпечаткам ткани в ее окалине, была положена у трупа коня в шерстяной сумке, С-образно свернутой и скрепленной по своему восточному краю бронзовыми трубкообразными заклепками. К снаряжению коня относились также железная и бронзовая пряжки типа Кулаков 6к и Madyda-Legutko H29 и остатки железных накладок оголовья. По остаткам фибулы и пряжки Н-260 датируется 475–500 гг. и содержит останки знатного прусского воина или, не исключено, дружинного вождя.

Комплексы, подобные вышеперечисленным, являвшиеся ранее редким феноменом для местных древностей, в начале эпохи переселения народов становятся здесь обязательной частью могильников. Ранее редкое для эстиев захоронение всадника к востоку от его коня сменяется во второй пол. V в. количественно многочисленными двухъярусными могилами с конями (костяки часто – некомплектные) у дна. Если предположить существование в умах западных балтов мысли о мистической роли коня в заупокойных ритуалах, то в последний путь воины Янтарного берега в позднеримское время отправляются рядом со своими четвероногими спутниками. Середина V в. обозначила изменение восприятия роли коня в ритуале: воины своих мертвых соратников погребают так, чтобы в свое заоблачное путешествие воин отправлялся верхом. Иными словами, около 450 г. мертвые всадники Самбии "садятся" на коней. Как и ранее, кони помещались в могилу головой на юг, что показывает направление пути в загробный мир. В позднеримское время коней или убивали непосредственно в могиле (на что указывают находки вместе с костяками ножей), или помещали в могилу живыми (Trunz, 1979. S. 22). В начале эпохи переселения народов ориентировка конских захоронений, представленных уже некомплектными костяками коней, изменяется на юго-восточную. Бег своих коней пруссы в послед-

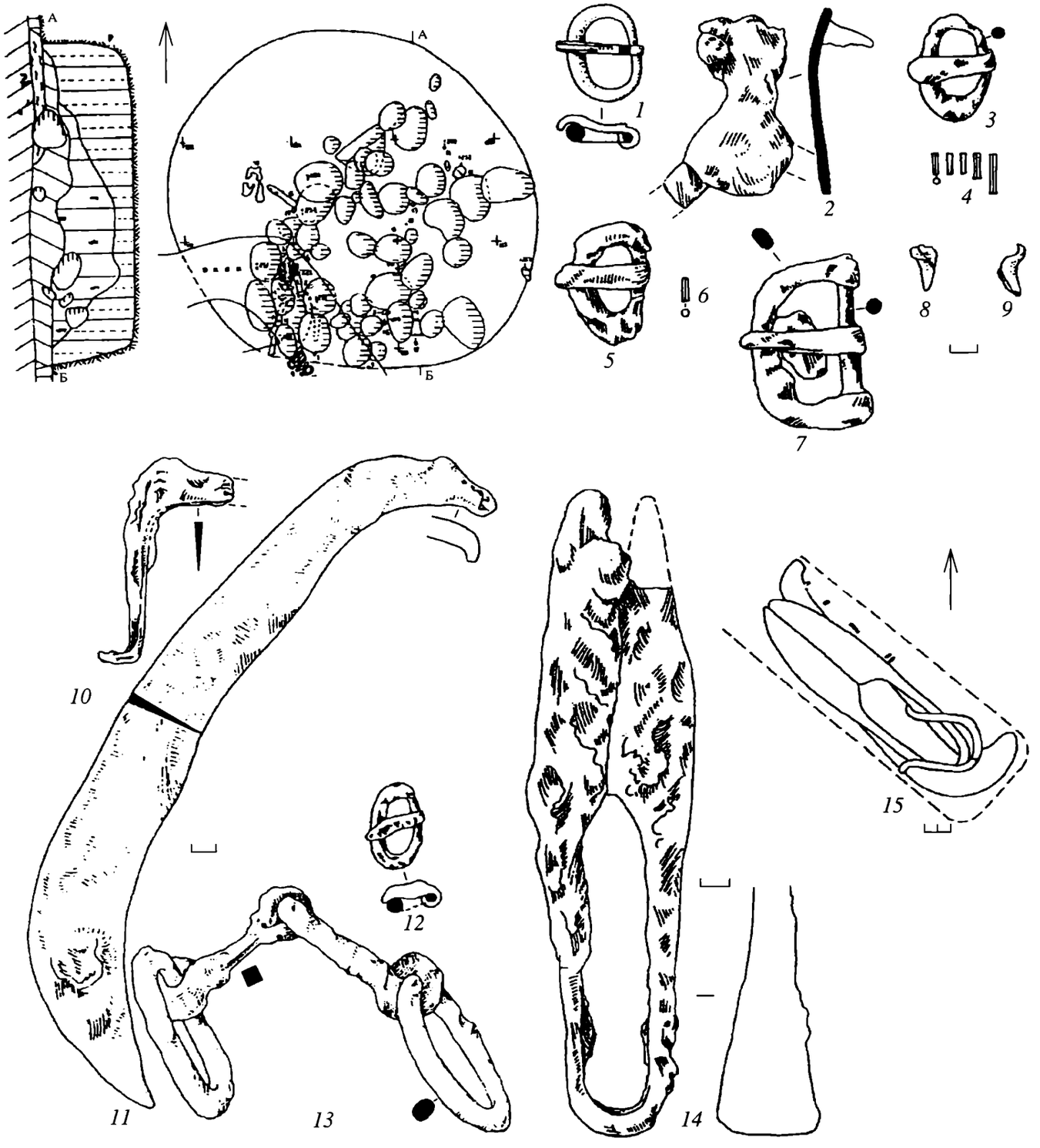


Рис. 9. План каменной кладки и часть инвентаря комплекса Н-260 (нижний ярус): *1* – бронзовая пряжка; *2* – железная седельная (?) накладка; *3*, *5*, *7* – железные пряжки; *4*, *6* – бронзовые заклепки; *10*, *11* – часть скребницы и коса; *12* – железная пряжка; *13* – удила; *14* – ножницы; *15* – схема расположения предметов ухода за конем в кожаной (?) сумке *in situ* у конских костей.

нем походе направляли к истокам р. Преголи (прусск. – Preigara), обозначавшими для западных балтов в эпоху раннего средневековья вход в загробный мир.

Среди отмеченных выше новаций обращают на себя внимание появление "урн с горизонтальными налепами и/или ушками" и обладающего несколько меньшей численной значимостью ножа-кинжала. Они являются свидетельствами участия в формировании местных древностей жителей Скандинавии и влияния традиций гуннского мира. Именно с последними В.Г. Шименас справедливо связывает внезапное распространение ножей-кинжалов на обширной территории от

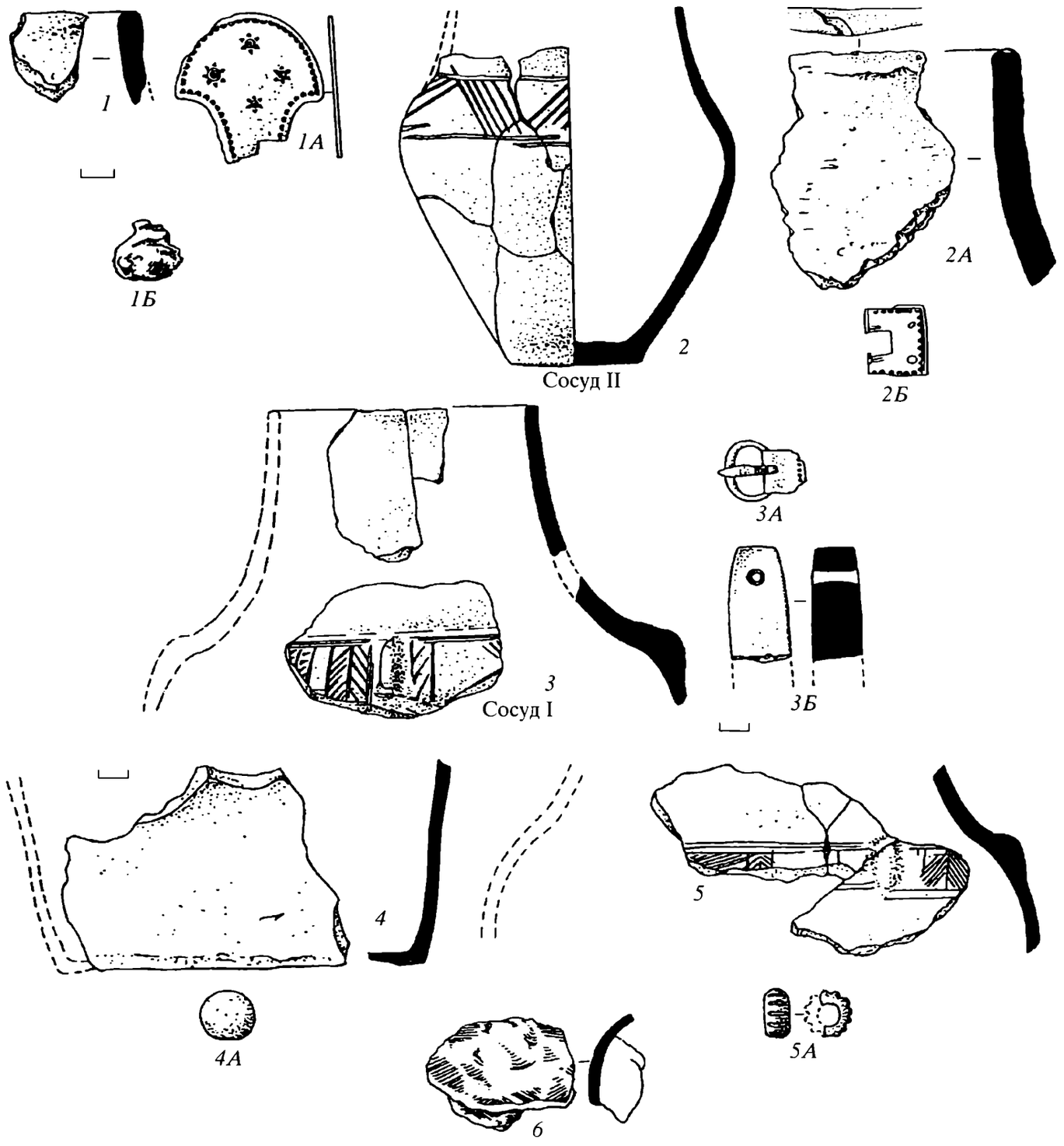


Рис. 10. Часть инвентаря Н-260 (верхний ярус): *1–5* – фрагменты сосудов-приставок; *6* – обломок железной накладки; *1А* – фрагмент бронзовой фибулы; *2А* – фрагмент урны; *3А* – бронзовая пряжка; *4А* – глиняный шарик для игры; *5А* – обломок стеклянной бусины; *1Б* – железный бубенчик; *2Б* – бронзовая обоймица пряжки; *3Б* – фрагмент сланцевого оселка.

р. Ногаты на юго-западе до г. Невежис на северо-востоке. Присутствие в погребениях западных балтов 3-й четверти V в. совместно с остатками шкуры коня ножей-кинжалов указывает на "возможность притока полиэтничной группы воинов из Среднего Подунавья. Эти события связываются с крушением державы гуннов после смерти Аттилы (453 г.) и битвы при Недао (455 г.)" (Шименас, 1992. С. 100). Имея своим архетипом треугольные по форме клинки меотов, западнобалтские ножи-кинжалы – колющее и метательное оружие всадников, появились как результат взаимодействия разноэтничных традиций в бурную эпоху гуннских войн (Кулаков, Скворцов, 2000. С. 40–52).

Среди признаков, объединяющих погребальные комплексы "Горы Великанов" римского времени, фундаментальное значение для западнобалтских древностей I тыс. н.э. имеет только "каменная кладка над могилой". Этот элемент погребального обряда указывает на генетическую связь между разновременными комплексами "Горы Великанов" на протяжении трех веков. К сожалению, условия залегания погребений на изучаемой дюне имеет свою негативную специфику. Эоловой эрозией дюнного песка и распашкой значительное число каменных кладок (в том числе – каменных колец и стел) было уничтожено здесь уже к 1943 г. (Grunert, 1944. S. 22, 23). Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что число каменных кладок над могилами первоначально значительно превышало данные, полученные в результате раскопок. Традция перекрывания могил каменными панцирями или однослойными кладками использовалась эстиями и их потомками с эпохи ранней бронзы до предорденского времени. Эта черта обрядности является базовым признаком для определения археологических древностей населения западной окраины балтского мира. Отражая в религиозном сознании жителей Янтарного берега мистическую границу между мирами живых и мертвых, традиция каменной кладки сохраняется на протяжении полутора тысячелетий. Она является единственной неоспоримой связью с предшествующими древностями, зафиксированной на "Горе Великанов" ок. 450 г. Количество новаций в это время превышает по своему числу и своей таксономической ценности рудименты наследия эстиев. Аналогичный феномен "пост-Недао" реализуется и на других могильниках Самбии, обозначая рождение прусской (перемена этнонима "эстии" на "пруссы" для этого времени применяется условно) культуры эпохи раннего средневековья. Ее заметная, но реализующаяся на примере лишь нескольких признаках обряда и инвентаря генетическая связь с древностями эстиев была еще раз подтверждена при анализе погребений 300–500 гг., вскрытых на "Горе Великанов". Современный этап исследований древностей юго-восточной Балтии позволяет поставить вопрос о пришлом характере западнобалтской прусской культуры на Самбии, населявшейся в позднеримское время преимущественно германцами (Кулаков, 2003. с. 254).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V вв. // АСГЭ. 1977. Т. 18.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-I. № 13482.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. 1990а. Вып. Г1–9.

Кулаков В.И., "Звериноголовые" фибулы балтов (V–VII вв.) // СА. 1990б. № 2.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-I. № 17428.

Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В.И. Зональный орнамент на сосудах малых форм из могильников Янтарного берега // 20 lat archeologii w Maslomęczu. T. II. Lublin, 1998.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Клинки из Кляйнхайде // Гістарычна-археалагічны зборник. № 15. Мінск, 2000.

Шименас В. Боевые ножи-кинжалы в Балтийском ареале в V–VI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992.

Bitner-Wróblewska A. The Southeastern Baltic Zone and Scandinavia in the Early Migration Period // Barbaricum-92. Warszawa, 1992.

Dąbrowski K. Kultura hunów // Prahistoria ziem polskich. T. V. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.

Dewitz W. Ueber altpreussische Begräbnißtätten an der Samländischen Küste und in Masuren // Zeitschrift für Ethnologie. 1872.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.

Grunert W. Vom Hünenberg bei Rantau, Kr. Samland // Alt-Preußen. 1944. Jrg. 9. H. 1/2.

Hensche W. Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // Schriften der Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft. 1861. Jrg. 2.

Heydeck J. Ausgrabungen in Rantau-Neukuhren // Prussia. 1914. H. 23. T. I.

Jaskanis J. Cmentarzyska kultury zachodniobaltyjskiej z okresu rzymskiego. Materialy do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materialy starozytne i wszesnosredniowieczne. T. IV. Warszawa, 1977.

Jentzsch A. Bericht über Verwaltung und Vermehrung der archäeologischen Sammlungen des Provinzial-Museums in den Jahren 1890 und 1891 // Schriften der Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft. Jrg. 33. 1892.

Kaczanowski P. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit im 1986. teleuropäischen Barbaricum // British Archaeological Reports. T. 15.360 Oxford, 1986.

Nowakowski W. Kultura wielbarska a zachodniobałtyjski krąg kulturowy // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989.

Schulze M. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibel mit festem Nadel (Gruppe Almgren VI, 2) // Antiquitas. 1977. R. 3.

Trunz H. Pferde im Lande des Bernsteins. Berlin; Hamburg, 1979.

Wittich J. Bericht uber die Construction einiger Samländischer Hünenbräber // Schriften der Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft. 1863. Jrg. 4.

Associations of the 5th c. AD at the cemetery Gora Velikanov (Hünenberg)

V. I. Kulakov, E. A. Tyurin

Summary

The ground cemetery Gora Velikanov (Hünenberg) is located in the nortern part of Sambia – the heartland of the ancient Prussians, 1.5 km soutward from the town Pionersky and 2 km soutward from the Baltic Sea shore. It occupies dunelike formation oval in shape, 300 to 170 m in size oriented NW-SE, its height 36.5 m above sea level. For the first time archaeologists visited the site in 1860. 14 burials are attributed to the period of 400–450 AD, their characteristic feature being specific vessels decorated with relief ornamentation. Cremation was the prinicipal burial rite, the ashes were deposited in urns. The group of burials dating from 400–450 AD shares some features with those attributed to 300–400 AD, which is interpreted as the evidence of the genetic links between the two groups of burials. 73 burial associations may be more or less reliably dated back to the chronological range 450–500 AD. This group shows mass innovations. Development of burial rite can be seen from the wide repertoire of variants of cremation rite.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 132–137

ПУБЛИКАЦИИ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАМЕННОГО КОТЛА ИЗ КИЕВА

© 2005 г. Е. И. Архипова

Институт археологии НАН Украины, Киев

В 2002 г. Старокиевской экспедицией Института археологии НАН Украины в юго-восточной части древнего Киева, на ул. Б.Житомирская, 2, внутри бывшей церкви св. Александра Невского конца XIX в. были исследованы остатки жилых и хозяйственных построек XI–XVIII вв., христианский могильник XII в. и два погребения X в. В жилище первой половины XIII в. был найден целый каменный котел (рис. 1; 2). Котел стоял на полочке, вырубленной в материке, в подклете постройки. В нем лежали железный струг и оселок (рис. 3). Судя по железной дужке, закрепленной на венчике котла, он был использован вторично (Мовчан и др., 2002. С. 16–23).

Это первая находка каменного котла в Киеве. Однако в IX-XI вв. каменную посуду широко использовали в Норвегии. Оттуда с викингами она попадала в другие страны, где ее, обычно во фрагментированном виде, находят в могилах. Рядом с постройкой, в которой нашли котел, были открыты два курганных погребения скандинавов – захоронение дружинника в срубной гробнице с монетами 20-х годов X в. и разрушенное погребение знатной женщины X в., ограбленное в древнерусское время. Поэтому авторы раскопок предположили, что котел в X в. был привезен в Киев из Норвегии дружинником-наемником, а после ограбления кургана повторно использовался в быту на протяжении двух столетий (Мовчан и др., 2002. С. 17). Поскольку ограблено было женское захоронение, в предварительной публикации котел был связан именно с ним (Мовчан и др., 2003. С. 187–191). Детальные исследования котла и определение породы, из которой он сделан, показали, что это предположение ошибочно[1].

Каменный котел – трапециевидной формы с прямым, треугольным в сечении венчиком, расширяющимися ко дну стенками, широким округлым дном. Размеры сосуда: внешний диаметр венчика 25.5 см, диаметр дна 27 см, высота 13.6 см, ширина венчика 2.7–2.8 см, высота 1.4–1.6 см, толщина стенок 1.1 см. На венчике друг против друга сделаны четыре врезки трапециевидной формы глубиной 0.9 см, сужающиеся от края к середине, средними размерами 2.7–2.9–3.0–3.1 см. В эти углубления, очевидно, входили ножки подставки, на которую устанавливали котел над очагом. Посередине венчика просверлены два отверстия, в которые шплинтом (проволочная петля с расходящимися загнутыми концами) крепится железная дужка (корродирована). С внешней стороны на стенках котла сохранились следы инструмента в виде равномерных вертикальных бороздок; на дне они расположены горизонтально по форме сосуда. Внутренняя поверхность котла обработана на токарном станке. Снаружи котел сильно закопчен, внутренняя поверхность чистая. Котел хорошей сохранности, лишь на венчике есть небольшие сколы[2].

Производство каменной посуды известно с глубокой древности. Естественно, такая посуда была распространена в тех областях, где имелись месторождения камня, пригодного для ее изготовления. На Скандинавском полуострове тальковые породы, называемые мыльным камнем или стеатитом, разрабатывали в Норвегии. Каменные миски, котлы и ковши в большом количестве найдены на поселении в Хедебю. Треснувший каменный сосуд, отремонтированный железной проволокой, был найден в могиле в Бирке (Vikings, 2000. S. 23). Все эти сосуды обработаны вручную, без применения токарного станка. Как правило, они имеют прямой венчик, округлые стенки, плоское или округлое дно, железные петлевидные ручки крепятся (рис. 4) в просверленные в стенках отверстия (Resi, 1979. Abb. 1–9, 28, 34, 121, 129).

Однако в средние века каменная посуда массово изготавливалась не только в Норвегии, но и в Северном Иране и Средней Азии. Обработка тальковых пород в Иране, Таджикистане и разных местах Узбекистана началась еще в неолите (Исламов, 1956. С. 10). Каменные котлы в этих регионах делали из талько-хлоритовых, хлорито-тальковых и тальково-карбонатно-хлоритовых пород. Те и другие в археологической литературе также называют стеатитами (Архаров, 1965. С. 9–12).

[1] Благодарю начальника экспедиции И.И. Мовчана за предоставленные материалы и содействие в проведении необходимых лабораторных исследований.

[2] Котел экспонируется в Археологическом музее Института археологии НАН Украины, инв. № АМ 3317/9715.

Рис. 1. Каменный котел XII – начала XIII в. из Киева.

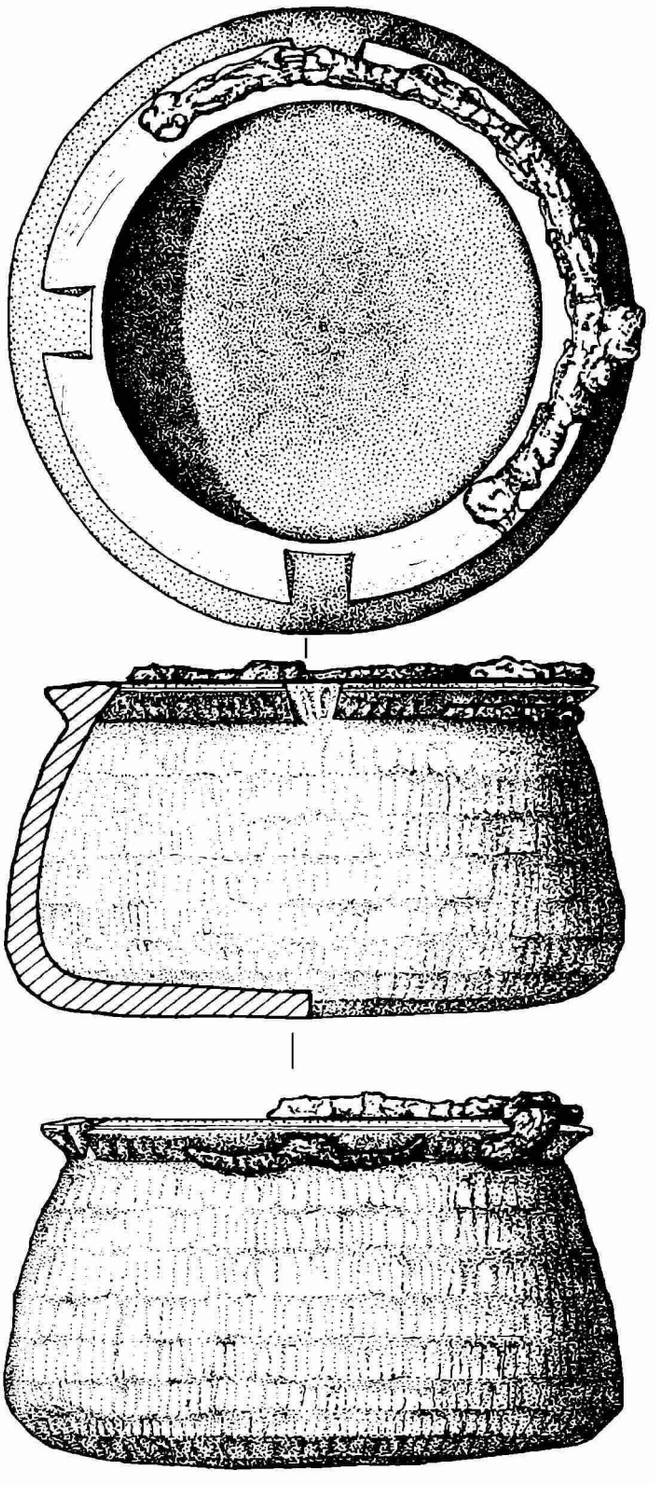


Рис. 2. Каменный котел XII – начала XIII в. из Киева. Вид с трех сторон и разрез.

На Ближнем Востоке и в Средней Азии, где такой камень широко использовался и используется для изготовления горшков вплоть до наших дней, его называют "горшечным камнем". По средневековым письменным источникам в Средней Азии известны два месторождения: в Хорезме и Хорасане (Пругер, 1975. С. 223–231). Сведения о добыче камня, из которого делаются горшки (котлы) в горах Туса (Хорасан), есть у Макдиси, Истахри, Ибн Хаукаля и автора анонимного географического сочинения "Худуд ал-Алем" (X в.). В первой пол. XIV в. секретарь египетского султана Омари, описывая Хорезм, упоминает каменоломню, в которой добывали камень для котлов (Массон, 1953. С. 18). В Северном Иране, в области Мешхеда, еще в 1942 г. существовала мастерская по производству каменных котлов, подставок и намогильных плит (Кураева, 1969. С. 224. Рис. 4). Форма котлов, изготовлявшихся в этой мастерской, восходит к средневековой кочевнической посуде и аналогична форме киевского котла. Выработки тальковых пород в 30-х годах XX в. были открыты и на территории Узбекистана в горах Нуратау и Султан-Уиз-Даг (горный массив на правом берегу Аму-Дарьи, в ее нижнем течении). Одна из гор, на которой открыты такие выработки, до сих пор носит название "Казан-таш" ("котельный камень") или "Казан-тау" ("котельная гора") (Массон, 1953. С. 18). По физико-техническим

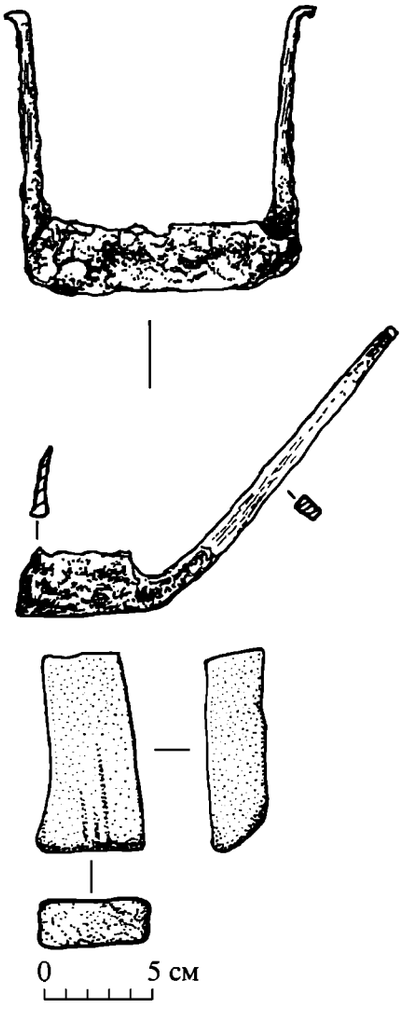


Рис. 3. Железный струг и оселок, находившиеся в каменном котле.

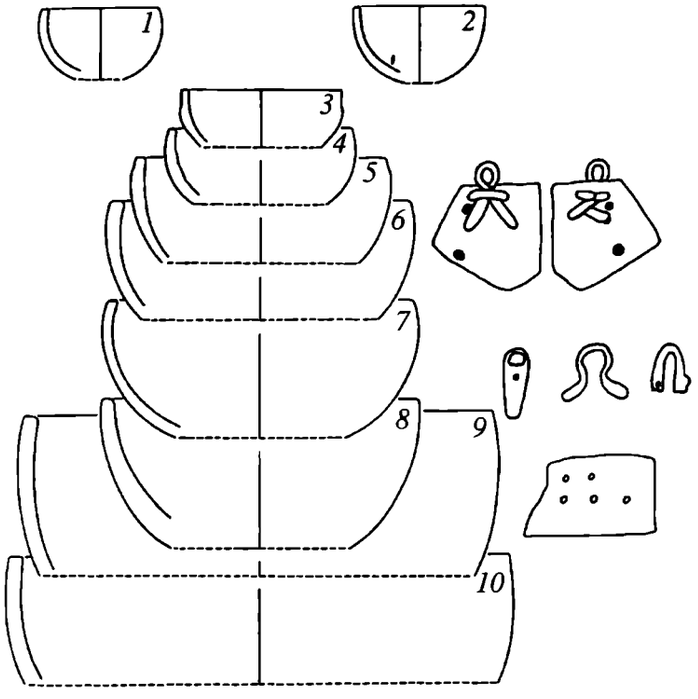


Рис. 4. Реконструкции профилей и способ крепления железных ручек каменных котлов из Хедебю (Resi, 1979. Abb. 6, *28*).

свойствам тальковые породы с горы Султан-Уиз-Даг вполне пригодны для изготовления котлов. Обломки заготовок и полуфабрикаты каменных котлов были найдены здесь на одном из древних рудников, функционировавшем в IX–XIV вв. (Пругер, 1975. С. 224–230).

По данным З.И. Архарова, в Средней Азии каменные котлы появляются с конца X в. и не встречаются в археологических памятниках позднее XV в. (1965. С. 11). Столь длительное время их бытования объясняется тем, что пища, приготовленная в такой посуде, обладала особыми вкусовыми качествами (Кураева, 1969. С. 225). Посуда из тальковых пород хорошо сохраняет тепло, огнеупорна. Тальк не плавится до температуры 1300–1400°С (Бетехтин, 1956. С. 434). Обломки тальковых сосудов, например, использовали для изготовления литейных форм (Литвинский, Мошкова, 1949. С. 310). В 60-х годах XX в. население некоторых горных районов Таджикистана и Туркменистана предпочитало варить жидкую пищу в каменных котлах, завезенных в прошлом из Ирана. Есть сведения, что каменная посуда в эти годы еще продавалась на рынках предгорной полосы Копет-Дага. Как показывают этнографические наблюдения, некоторые из таких котлов были найдены в развалинах средневековых городищ и использовались спустя столетия после их появления. Многие фрагменты котлов имеют следы ремонта железными заклепками или медной проволокой (Архаров, 1965. С. 11, 12; Кураева, 1969. С. 218, 225).

Для определения породы камня киевского котла были проведены лабораторные исследования в Институте геохимии, минералогии и рудообразования НАН Украины[3]. Результаты химического анализа сравнили с составом так называемого мыльного камня сосудов из Хедебю, количественный спектральный анализ пяти образцов которых был сделан в Sentralinstituttet for industriell forskning, Blindern в Осло (Augdahl, 1979. S. 168, 169).

Сравнение показывает, что хотя рассмотренные породы являются тальковыми сланцами, однако по содержанию и составу элементов они резко отличаются. Сосуды из Хедебю, в частности, имеют высокое содержание P_2O_5, который входит в состав апатита и не является ординарной примесью для талько-хлоритовых сланцев. Эта примесь, имеющая диагностическое значение, указывает на разное происхождение сравниваемых пород.

[3] Выражаю искреннюю благодарность доктору химических наук А.И. Самчуку, доктору геолого-минералогических наук С.Г. Кривдику и кандидату геолого-минералогических наук В.С. Мельникову за определение породы камня киевского котла.

О минеральном составе камня котла из Киева позволяет судить рентгенографический анализ, сделанный на рентгеновском дифроктометре ДРОН-2 с использованием излучения медного анода в Отделе региональной и генетической минералогии Института (рис. 5).

Проведенные исследования, таким образом, показали, что изучаемый котел сделан из неоднородной, полиминеральной хлорито-тальковой породы с примесью магнетита, доломита и полевого шпата. Иначе говоря, по своему составу камень котла близок тальковому камню иранского или среднеазиатского происхождения, называемому "горшечным камнем". По мнению Л.А. Кураевой, это название более соответствует определению полиминеральных тальковых пород, содержащих примеси других минералов (магнезит, доломит, бренерит), чем употреблявшиеся ранее в археологической литературе термины "стеатит" и "талькохлорит", так как последние применимы только к конкретным объектам. Тем более что стеатит в отличие от "горшечного камня" представляет криптокристаллическую разновидность талька и является мономинеральной или почти мономинеральной, однородной тальковой породой (Кураева, 1969. С. 224).

Поскольку для тальковых пород иранского происхождения характерны однородность в минералогическом и структурном отношении, а "горшечному камню" месторождений Султан-Уиз-Дага присуща неоднородность и сланцевость, что сказалась на размерах и более низком качестве среднеазиатской посуды (Кураева, 1969. С. 225, 226), наш котел вполне может быть иранского происхождения. В то же время Я.С. Висьневский отмечает, что в горах Султан-Уиз-Дага, в частности на широте Казган-Тау, встречаются участки плотных мономинеральных разностей талькового камня (1940. С. 109. Рис. 60). Учитывая, что однотипные породы разных выходов могут иметь одинаковый валовой химический состав, а исследования по определению содержания и изотопного состава примесей этих пород ранее не проводились, локализовать месторождение, из которого происходит камень киевского котла, по мнению доктора геолого-минералогических наук С.Г. Кривдика, сейчас пока невозможно. Поэтому для выяснения места его изготовления определяющими являются типологические признаки и технология изготовления.

По форме котел идентичен талько-хлоритовым сосудам I типа по типологии Л.А. Кураевой, разработанной ею на материалах Южного Туркменистана, и Ф.Ш. Хузина и Г.И. Дроздовой, изучивших каменные котлы Билярского городища (Кураева, 1969. С. 219. Рис. 1; Хузин, Дроздова, 1986. С. 88, 89. Рис. 1). Оказалось, что в обоих случаях первые три типа совпадают почти полностью, а в некоторых случаях среди туркменских есть прямые аналогии изделиям из Биляра. Сравнение котлов иранского и среднеазиатского происхождения, таким образом, показывает, что котлы I типа имеют одинаковые признаки (рис. 6, *1–5*).

Таблица

Результаты анализа каменного котла из Киева, %	Результаты анализа каменных сосудов из Хедебю, %	
	Образец № 752	Образец № 3812
SiO_2 – 38.96	SiO_2 – 5–10	10–20
Al_2O_3 – 6.77	Al_2O_3 – 10–20	ок. 10
P_2O_5 – 0.16	P_2O_5 – 10–20	5–10
CaO – 3.52	CaO – 5–10	1–5
MgO – 26.75	MgO – ок. 5	ок. 10
Fe_2O_3 общ. – 11.93	Fe_2O_3 – 20–30	10–20
Na_2O – 0.02	Na_2O – 1–10	ок. 1
MnO – 0.18	Mn – 0.01–0.1	0.01–0.1
K_2O – 0.02	Ti – 0.01–0.1	0.1–1
H_2O – 0.40	Cu – 0.01–0.1	0.1–1
CO_2 – 0.53	Zr – 0.01–0.1	0.01–0.1
– 9.92	B – <0.01	0.01–0.1
Сумма 99.16*	V – 0.01–0.1	0.01–0.1
	Pb – 0.1–1	0.1–1
	Ni – <0.01	0.01–0.1
	Sn – 0.1–1	0.01–0.1
	Ag – <0.01	<0.01
	Cr – <0.01	
	Сумма – 70.2	72.2

*Химический анализ сделан в Отделе геохимии техногенных металлов и аналитической химии ведущим инженером О.П. Красюк.

У котлов этого типа треугольный в сечении венчик, слегка выпуклые, расширяющиеся ко дну стенки. Ручки – от двух до четырех – расположены вдоль края венчика. Обычно в них проделывали отверстия и подвешивали над очагом при помощи специальных железных цепей с крючком на конце, находки которых нередки на Билярском городище (Хузин, Дроздова, 1986. С. 89). Такие котлы сделаны из светло- и темно-серого камня зернистой структуры, имеют диаметр от 22 до 38 см, ячеистую или чешуйчатую разделку внешней поверхности (изредка шлифованную). Внутренняя часть заглажена и имеет радиальные следы обрабатывающего инструмента. Некоторые котлы орнаментированы по венчику процарапанными циркулем концентрическими кольцами. Многие имеют следы ремонта железными заклепками или стягиванием медной проволокой. В большинстве случаев они сильно закопчены.

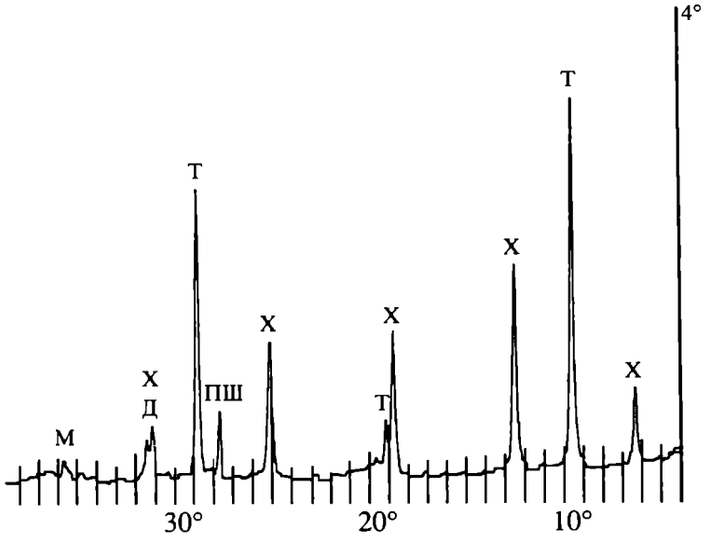


Рис. 5. Дифроктограмма каменного котла из Киева: Х – хлорит; Т – тальк; ПШ – полевой шпат; Д – доломит; М – магнетит.

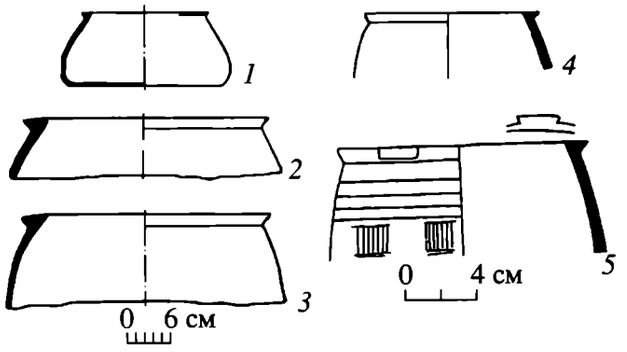


Рис. 6. Профили каменных котлов: *1–3* – из Мерва и Новой Нисы (Кураева, 1969); *4–5* – из Билярского городища (Хузин, Дроздова, 1986).

Именно такие котлы, по определению Л.А.Кураевой, были наиболее распространены в быту. Фрагменты котлов этого типа широко представлены подъемным материалом из Мерва и Новой Нисы, датированные экземпляры происходят из ремесленных мастерских XII – начала XIII в. (Кураева, 1969. С. 218, 219. Рис. 1, *1–6*). Восемь фрагментов плоскодонных котлов с треугольным в сечении венчиком и слегка выпуклыми, расширяющимися книзу стенками найдены во время раскопок Билярского городища в Волжской Болгарии и происходят из слоя первой пол. X в. и из построек XII – начала XIII в., в которых их находки были наиболее часты. Преимущественно котлы I типа бытовали в XII – начале XIII в. (Хузин, Дроздова, 1986. С. 89, 90. Рис. 1, *5*, *10*).

Близкий по форме киевскому котел иранского происхождения, найденный в мусорной яме у городской стены Новой Нисы, происходит из комплекса первых десятилетий XIII в. (Массон, 1949. С. 74. Рис. 36). Таким образом, учитывая эти данные и находку киевского котла в жилище первой пол. XIII в., он может быть датирован XII – началом XIII в.

Технология изготовления изучаемого котла – применение комбинированной обработки (внутренняя часть и верхний срез венчика обработаны на токарном станке, а внешняя и вырезы на венчике – вручную) – является убедительным свидетельством его южного происхождения, поскольку вся каменная посуда из Норвегии сделана вручную (Resi, 1979). С применением ножного токарного станка изготовлена большая часть каменных котлов, найденных в Туркмении (Кураева, 1969. С. 223). Аналогично обработан котел баночной формы из тальковой породы серого цвета, два фрагмента которого были найдены в древней части г. Владимира в слое XII–XIII в. в 1993 г. Его внутренняя поверхность также была обработана на токарном станке, а на внешней хорошо видны следы ручной обработки в виде вертикальных бороздок и есть толстый слой нагара (Родина, 1997. С. 149. Рис. 1).

Значительное количество находок каменных котлов (целые находки единичны, обычно находят их фрагменты) в Северном Иране и Средней Азии говорит о широком употреблении каменной посуды в этом регионе в средние века, а применение токарного станка свидетельствует о том, что каменная посуда производилась для продажи. Особенно много таких находок в Южной Туркмении. Например, в результате сборов и раскопок в Мерве и Новой Нисе в 1958–1959 гг. было найдено более ста предметов каменной утвари, изготовленной из талькового камня иранского происхождения, датированные экземпляры которой относятся к XI–XIV вв. Значительное количество обломков каменных сосудов найдено на городище Дурун в предгорье Копет-Дага (Литвинский, Мошкова, 1949. С. 310). Чаще всего такая посуда встречается в городах и поселениях, находившихся на торговом пути из Китая в Европу, часть которого проходила по территории современной Туркмении и в том числе через Мерв (Кураева, 1969. С. 217–224). Фрагменты каменных котлов были найдены в слоях XI–XII вв. на средневековых памятниках Ферганы (Архаров, 1965. С. 9–12).

Большое количество – 79 фрагментов от 50 котлов – найдено в Волжской Болгарии на Билярском городище (Хузин, Дроздова, 1986. С. 84–90). Поскольку в районе Билярского городища месторождения горшечного камня отсутствуют, очевидно, что это была привозная посуда среднеазиатского или иранского происхождения. Среди обнаруженных здесь в 1989 г. фрагментов каменной посуды из талька серо-зеленого цвета был найден только один фрагмент котла из черного талька, предположительно происходящего с Южного

Урала (Валиулина, Руденко, 1991. С. 69). Фрагменты каменной посуды XIV в. обнаружены и в других городах Поволжья. Тальковый котел, например, был найден на берегу Волги в "Водянском городище", отождествляемым с древним татарским городом Бельджаменем XIV–XV вв. (Баллод, 1923. С. 118), фрагменты тальковых котлов – в Новом Сарае (Царевское городище) (Федоров-Давыдов и др., 1974. С. 98).

Такое количество привозной среднеазиатской (или иранской) каменной посуды в Волжской Болгарии объясняется тем значением, которое имел волжский отрезок Великого шелкового пути в товарообмене Средней Азии и Ирана с Восточной и Северной Европой. Через половецкие степи каменные котлы из Хорезма или Хорасана попадали в Волжскую Болгарию, а уже оттуда – в русские княжества. Особенно активной была волжская торговля со Средней Азией во второй пол. XII–XIII в. Однако поскольку для Киева это единичная находка, киевский котел, как и котел из Владимира (Родина, 1997. С. 151), скорее всего, мог попасть на Русь как военная добыча или был привезен владельцем издалека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архаров З.И. Каменные котлы средневековой Ферганы // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.

Баллод Ф.В. Приволжские "Помпеи". М.; Л., 1923.

Бетехтин А.Г. Курс минералогии. М., 1956.

Валиулина С.И., Руденко К.А. Археологические исследования Билярского городища экспедицией КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991.

Висьневский Я.С. Петрография основных и ультраосновных пород Султан-Уиз-Дага. Ташкент, 1940.

Исламов О.И. Зарождение геологических знаний в Средней Азии // Очерки по истории геологического изучения Средней Азии. Тр. Ин-та геологии АН УзССР. Вып. 13. Ташкент, 1956.

Кураева Л.А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. 14. Ашхабад, 1969.

Литвинский Б.А., Мошкова В.Г. Изучение Така-Языра, Дуруна // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949.

Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949.

Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

Мовчан І.І., Гончар В.М., Ієвлев М.М., Козловський А.О. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції на вул. Великій Житомирській, 2 в м. Києві у 2002 р. // НА ІА НАНУ. 2002.

Мовчан І.І., Боровський Я.Є, Гончар В.М., Ієвлев М.М. Дослідження в "городі" Володимира Стародавнього Києва // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003.

Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА. 1975. № 2.

Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. 1997. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986.

Augdahl E. Inhaltsreste der Speckcteingefäße aus Haithabu // Resi H.G. Die Speckcteinfunde aus Haithabu. Neumünster, 1979.

Resi H.G. Die Speckcteinfunde aus Haithabu. Neumünster, 1979.

Vikings. Boras, 2000.

On the origin of a stone cauldrones from Kiev

E. I. Arkhipova

Summary

The paper is devoted to publication of entirely preserved stone cauldron – a unique find in the territory of Medieval Rus'. It was recovered in 2002 from the dwelling of the 12th–13th cc. excavated in the ancient part of Kiev. In the Middle Ages cauldrons made of talc rocks were known among the Vikings, as well as in Iran and Central Asia, where they were in use as late as present time. The results of mineralogical analysis of the stone used for the Kiev cauldron manufacturing, typological parallels and the conditions of the find permit the author to consider it to be of Iranian or Central Asiatic origin and date the cauldron back to the 12th – the early 13th cc.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 138–150

ПУБЛИКАЦИИ

УНИКАЛЬНЫЙ ШЕЛК С "ДРАКОНАМИ" ИЗ МОГИЛЬНИКА ДЖУХТА (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

© 2005 г. З. В. Доде

Институт Востоковедения РАН, Москва

Период XIII–XIV вв. на Северном Кавказе проходил под знаком Золотой Орды. Яркими и разнообразными были костюмы персонажей, действовавших на этой сцене. Однако не так много артефактов, свидетельствующих о костюмах, дошло до нашего времени из золотоордынских археологических памятников. Находки одежд или их элементов, выполненных из ткани, кожи, войлока и бересты, в погребениях сравнительно редки.

В этой связи вызывает интерес сохранившийся в курганном могильнике Джухта (Апанасенковский район Ставропольского края)[1] комплекс мужской одежды, представленный двумя шелковыми платьями, бархатным головным убором и высокими кожаными сапогами. В данной работе основное внимание уделено текстильному материалу, анализ которого позволяет выявить критерии для атрибуции китайской ткацкой традиции, что является крайне важным в условиях контаминации техник и художественных мотивов в золотоордынских шелках.

Безусловно, текстильный материал из Джухты входит в круг подобных находок в золотоордынских памятниках Северного Кавказа и Поволжья и вместе с тем является уникальным. Ткани золотоордынского круга широко известны в Европе благодаря тому, что они хорошо сохранились в сокровищницах католических соборов как подношения и дары восточных дипломатических миссий. Золотоордынские шелка, обнаруженные в кавказском Улусе Джучи, входившем в состав Монгольской империи, происходят главным образом из погребальных комплексов конца XIII–XIV в., что весьма ограничивает их количество и существенно снижает сохранность. Тем не менее эти находки значительно расширяют наши представления не только о золотоордынских тканях, но и о том культурном контексте, в котором они бытовали. Они являются не просто абстрактными примерами текстильной продукции Монгольской Империи, но характеризуют определенные культурные комплексы и, что особенно важно, одежду конкретных представителей населения Золотой Орды. Сохранность шелковых тканей в могильниках этого периода и на этой территории является уникальной, так как памятники этого круга не находились в особых условиях, способствовавших сохранению в погребениях органических материалов, как, например, погребальные комплексы с широко известными шелками VI–IX вв. из скальных могильников Северного Кавказа (Ierusalimskaia, 1996). По существу, сохранность тканей в грунтовых могилах золотоордынского времени во многом является случайной, что еще более подчеркивает важность подобных находок.

До джухтинской находки нам были известны одежды и фрагменты шелков, происходящие главным образом из женских захоронений, представленные тканями с растительным и геометрическим орнаментом. Количество этих находок весьма ограничено. Шелковые ткани являлись принадлежностью костюма далеко не рядового населения степи, а использовались аристократической прослойкой кочевников (Федоров-Давыдов, 1966. С. 213). На этом фоне одежда джухтинского воина, выполненная из затканных золотом шелков с изображениями драконов, образы которых являлись в Орде общеимперским геральдическим символом (Крамаровский, 2001. С. 52), представляет особый интерес.

Ткани, из которых были изготовлены оба платья, так же как и ткань воротника с "зайцами", его подкладка и вставка в нижний бешмет из ткани с "фениксами", имели одинаковую структуру[2] (рис. 1; 2). Во всех образцах одна основная и одна уточная нити образуют грунт ткани полотняного переплетения, на который дополнительным позолоченным утком нанесен рисунок сатиновой гладью, скрепленный второй дополнительной основой. Во всех тканях на четыре нити основной основы приходится одна нить дополнительной основы. Дополнительная основа скрепляет по одному узорообразующему утку в каждом ряду в обеих тканях с "фениксами", с "зайцами" и с растительным орнаментом (рис. 3,*а*). В тканях с "драконами" дополнительная основа скрепляет узорообразующие утки попарно соответственно их расположению в ткани (рис. 3,*б*). Уточная система

[1] Исследование памятника проводило Государственное Унитарное предприятие "Наследие" Министерства культуры правительства Ставропольского края под руководством А.Б. Белинского. Начальник отряда – С.В. Ляхов.

[2] Подробное исследование этих тканей будет предложено в отдельной публикации.

Рис. 1. Прорисовка орнамента тканей: *а* – вставки в нижний бешмет; *б* – подкладки от воротника; *в* – воротника нижнего бешмета.

в ткани с "драконами" имеет парное расположение: два основных утка чередуются с парой узорообразующих нитей. В остальных четырех тканях нить основного утка чередуется с одной золоченой нитью.

Во всех пяти образцах фактическая плотность по основе превышает фактическую плотность по утку в 2 раза. Все нити основной основы в два сложения, скручены вправо Z; их толщина – 0.01 мм, за одним исключением, не сильно выходящим за эти параметры: толщина основной нити ткани с фениксами – 0,02 мм. Нити дополнительной основы в одно сложение. Нити основного утка также мало разнятся по толщине: от 0.01 до 0.03 мм. Они

Рис. 2. Прорисовка орнамента ткани верхнего халата с "фениксами".

все без видимой крутки, в одно сложение. Дополнительный уток образован путем скручивания вправо шелковой нити и узкой полоски животной субстанции[3] с нанесенным с одной стороны тонким слоем золота.

Сравнительный анализ основных технологических характеристик узорчатых джухтинских тканей позволяет отнести их к одному ткацкому центру. Однако определить сам центр довольно сложно, так как монголы переселяли целые колонии ремесленников, захваченных ими в Китае и Восточном Иране в города Монголии и Центральной Азии. Это приводило к смешению китайских, центрально-азиатских и восточно-иранских техник ткачества и репертуаров текстильного дизайна.

[3] См. Приложение.

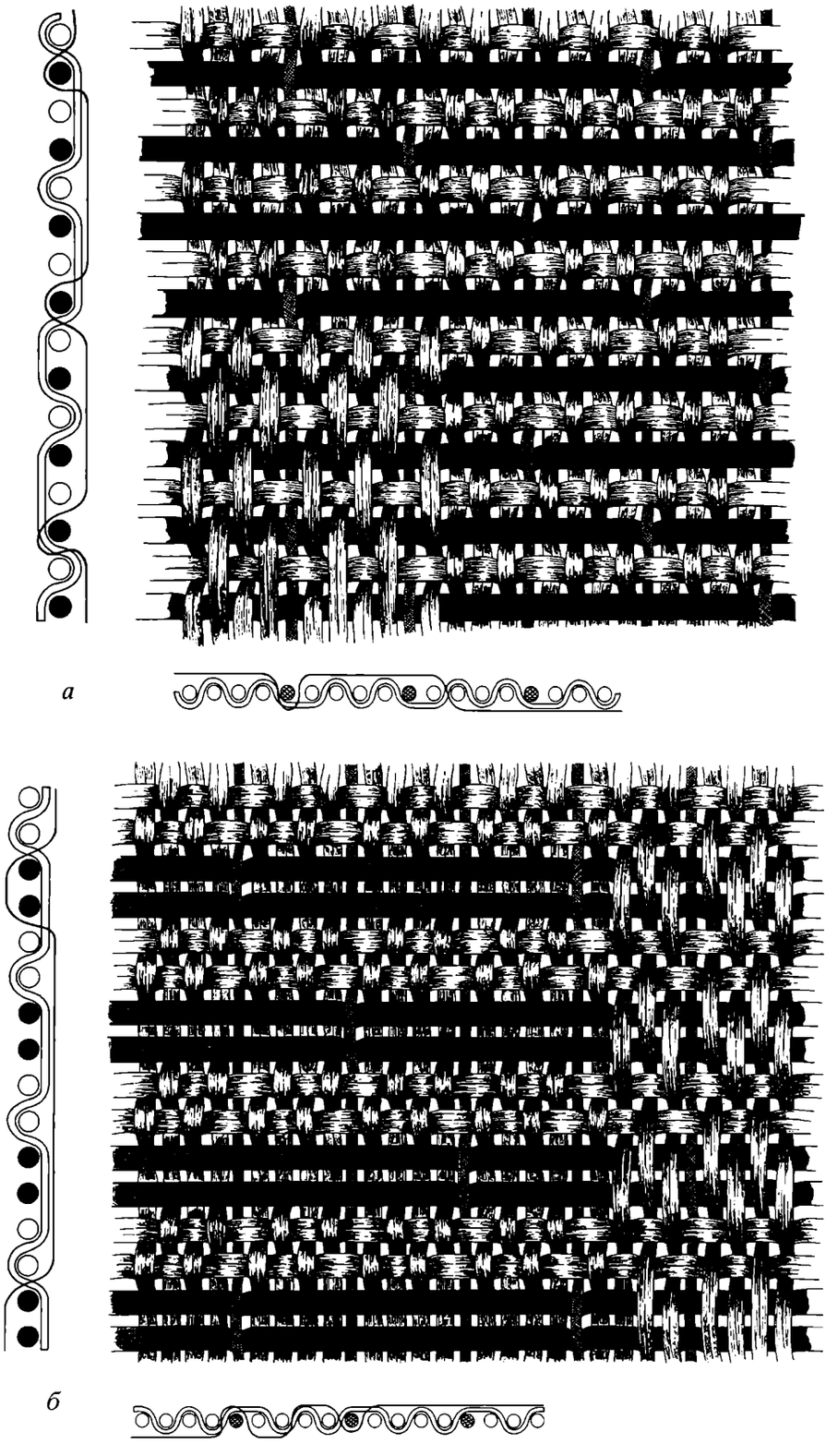


Рис. 3. Схема переплетения тканей верхнего халата с "фениксами", воротника, подкладки от воротника, вставки в нижний бешмет (*а*); схема переплетения ткани нижнего бешмета с "драконами и гусями" (*б*).

Таким образом, проблема атрибуции джухтинских шелков сводится к выделению культурной доминанты, определяющей технику ткачества и дизайн тканей.

Шелк с "драконами", использованный для бешмета джухтинского всадника, был выполнен сложным двухслойным переплетением, состоящим из двух систем нитей основы и двух систем нитей утка. Основа и уток образуют грунт ткани полотняного переплетения, с вытканным орнаментом, выработанным нитями второй уточной системы, которая застилает рисунок на лицевой стороне

ткани и перекрывает грунт фона на изнаночной стороне, образуя уточно-застилистое переплетение с филоментным эффектом. Уточно-застилистое переплетение возникает за счет преобладания на лицевой поверхности ткани нитей утка, что характерно для сатина, в то время как у атласа на аверсе доминируют вертикальные нити основы, что соответствует основно-застилистому переплетению. Нити дополнительной основы только скрепляют нити узорообразующего утка, не принимая участия в формировании грунта. Филоментный эффект появляется за счет гладкости шелковых нитей и гладкого сатинового переплетения, создающих впечатление переливчатости и блеска. Ткань пестротканная, выработана из предварительно окрашенных нитей. Вторая уточная нить, непосредственно принимающая участие в образовании рисунка, изготовлена путем скручивания вправо Z шелковой основы с полоской животной субстанции, покрытой сверху слоем золота. Таким образом, ткань выполнена комбинацией полотняного переплетения и сатиновой глади. В результате ткань имела скользящую блестящую фактуру с рельефно выступающей поверхностью.

На одном из участков ткани удалось выявить кромку длиной 40 мм и шириной 10 мм. Толщина кромки без золотых утков – 0.28 мм. По краю кромки проложены две основные нити в четыре сложения для усиления прочности закраечных нитей основы, которые на ткацком станке подвергаются наиболее интенсивному механическому воздействию. Кромка классическая, выполнена полотняным переплетением, но в результате того, что в нее заработаны нити дополнительной уточной системы, концы которых не оборачивали закраечную нить, а оставались свободными в начале и конце ряда, кромка имеет бахрому из позолоченных нитей утка. На кромке на расстоянии 5 мм от края имеются отверстия для иголок диаметром 0.5 мм: восемь отверстий на 10 мм. Видимо, сохранившиеся отверстия в кромке – это результат операции "ширения" – т.е. специального натяжения ткани для выравнивания ее по ширине, чтобы добиться строгого расположения нитей основы и утка под прямым углом, для избежания перекосов ткани.

В технологии джухтинских шелков обращает на себя внимание полотняный грунт и характер орнамента, выполненного уточно-застилистой гладью, причем если из ткани изъять нити узорообразующего утка, цельность ткани не нарушится. Эти характеристики в значительной степени отличают шелка из Джухтинского могильника от центрально-азиатских и иранских тканей монгольского периода и маркируют китайскую традицию. Древние китайские шелка, выполненные полотняным переплетением, отличались от центрально-азиатских шелков, где доминирующим было саржевое переплетение (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 54, 55). В династийных историях, исторических сочинениях и в сборниках рассказов и поэзии вплоть до начала эпохи Мин довольно часто упоминаются дорогие и изысканные ткани чжичэн, которые "входили в число императорских подарков и подношений и по ценности не уступали золоту или нефриту" (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 56).

В тканях чжичэн грунт вырабатывали традиционными ткацкими переплетениями, производными от полотняного. На определенных участках ткани, там, где это требовалось дизайном, вводились дополнительные утки, которые образовывали узор.

Характерной особенностью тканей чжичэн, вытекающей из анализа иероглифов, означающих "ткать по готовому", узорообразующие нити могут быть изъяты из ткани без нарушения ее структуры (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 54). В современном китайском языке иероглиф ke обозначает оригинальную китайскую технологию ткачества, когда сначала изготавливали основу ткани, на которую наносили силуэт рисунка и по нему выплетали орнамент (Цыюань, 1986), что соответствует технологии изготовления тканей чжичэн. Таким образом, ткани чжичэн имели трехсистемную структуру, грунт, выполненный полотняным или производными от него переплетениями, и орнамент, который образовывался дополнительным утком, не принимающим участия в формировании грунта, что в принципе соответствует технике вышивания гладью. В китайском языке понятия "вышивки" и "вышитой ткани" различаются. Последняя определяется иероглифом xiu (Синьхуа Цыдянь, 1987). Примечательно, что в словаре "Цзы-Цза" – тангутском средневековом источнике государства Си-Ся (Западное Ся), находившегося под сильным воздействием китайской культуры, в том числе и китайских ткацких традиций, и просуществовавшего до монгольского завоевания, также отдельный иероглиф обозначает понятие "вышитая ткань". Этот факт особенно важен, так как в этом же источнике существуют специальные иероглифы, передающие понятие "вышивка" (Терентьев-Катанский, 1993. С. 163. № 16, 22, 28, 19). А.П. Терентьев-Катанский предположил, что иероглиф "вышитая ткань" обозначает ткань кэсы, для которой между тем существует отдельный знак (Терентьев-Катанский, 1993. С. 15, 16), в котором иероглиф ke имеет значение "ткать утком" (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 59). В орнаментальных тканях, выполненных в гобеленовой технике (кэсы), отсутствуют утки, проходящие по всей ширине ткани. Узорообразующие утки, таким образом, принимают участие в создании грунта ткани, что в случае их изъятия нарушило бы целостность текстильной структуры. Таким образом, смысл

иероглифа "вышитая ткань" более соответствует смыслу знака "ткать по готовому", маркирующему ткань чжичэн, чем знаку "ткать утком", соответствующему иероглифу кэсы.

Мы не отождествляем джухтинские шелка с тканями чжичэн поскольку между ними есть существенные различия. Во-первых, узорообразующий уток на тканях чжичэн вводился только на ограниченных участках рисунка, в то время как в джухтинских шелках золоченный уток проходит по всей ширине ткацкого куска. Во-вторых, на шелках чжичэн узорообразующий уток на изнаночной стороне ткани располагается свободно, на джухтинских образцах он скреплен нитями дополнительной основы как на лицевой, так и на оборотной стороне ткани (по два золотых утка на тканях с "драконами" и по одному на четырех остальных) (рис. 3). Ткани, выполненные в технике чжичэн, известны в музеях Метрополитен и Кливлендском музее искусств. Основная их часть относится к периоду династии Цзинь (1115–1234). Ткани династии Юань представлены парчой, в которой золотой уток проходит от кромки до кромки. Очевидно, что подобное изменение техники было вызвано изменением дизайнового репертуара, который меняется от одиночных мотивов, заключенных в определенную геометрическую форму, в шахматном порядке расположенных по основному грунту ткани в эпоху Цзинь, к новым орнаментальным мотивам династии Юань, где основные элементы дизайна располагаются среди густых растительных мотивов фонового орнамента. Более того, в юаньских шелках очень часто один элемент орнамента переходит в другой, о чем наглядно свидетельствуют шелка из Джухты: например один из трех хвостов феникса переходит в лепесток лилии, листья которой соприкасаются с цветком на побеге лотоса, который вырастает из второго хвоста феникса и так далее. Естественно, что новый дизайн требовал изменения техники ткачества и заработку золотого утка по всей ширине ткацкого куска.

Таким образом, можно считать, что парчовые ткани монгольского периода, в которых грунт выполнен полотняным переплетением или переплетениями, производными от него, а орнамент образован дополнительным утком сатиновой гладью, являются продолжением китайских традиций ткачества, представленных тканями чжичэн и технически приспособленных к потребностям нового дизайнового репертуара.

Важную роль в установлении происхождения ткани играет характер орнамента и его стилистические особенности.

Сюжет орнамента ткани нижнего кафтана включает в себя изображение драконов и гусей, расположенных в горизонтальных рядах и попеременно развернутых вправо и влево среди густого растительного фона (рис. 4).

Дракон – один из древних образцов китайской космогонии, был известен еще со времени династии Чжоу (1100–722 до н.э.) и распространен в искусстве Хань (206 до н.э. – 221 н.э). Как один из четырех основных животных, зеленый дракон представлял восток, красные фениксы – юг, белый тигр – запад, а черная змея и черепаха – север. Дракон являлся символом ян или мужского начала. С этим своеобразным чудовищем китайской фантастики связано понятие о благодати, ниспосылаемой людям. В начале это существо олицетворяло собою плодоносную воду, облака, горные вершины, небо и т.д., впоследствии приобретая значение могущества и совершенства, оно становится символом императорской власти со времени династии Хань (Соболев, 1934. С. 175). Как императорская инсигния, дракон маркировал различные предметы, предназначенные для дворца. Монголы заимствовали образ дракона в китайском искусстве, сохранив за ним маркер государственной власти, – и изображения этих существ на тканях, поясных бляхах, чашах из драгоценных металлов являлось общеимперским геральдическим символом.

В ткани из джухтинского могильника образ дракона трактован в характерной китайской манере: с головой верблюда, гривой льва, рогами оленя, ушами быка и со змеиным телом и хвостом, покрытым рыбьей чешуей. На его согнутых лапах – три когтя. Их количество: пять, четыре или три, возможно, указывало на социальный статус обладателя предмета, маркированного монстром.

Композиционно стоящий дракон из Джухты сходен с монстром, изображенным на алой китайской парче XIV в. из музея в Штральзунде. Но в отличие от последнего, голова и ноги джухтинского дракона повернуты в одну сторону, в то время как на ткани из Штральзунда тело фантастического существа изогнуто таким образом, что взгляд и разворот задних лап направлены в противоположные стороны. Штральзундский дракон имеет четыре когтя, джухтинский – три. Оба монстра изображены с развивающейся гривой и шипообразным гребнем вдоль всего тела. Но на шелковом экземпляре из Джухты, дракон выполнен с соблюдением всех стилистических подробностей, характерных для династии Цзинь и монгольского периода. В отличие от штральзундского монстра, у него подробно проработаны рога и уши, а также змеиная чешуя, покрывающая тело. По жанру исполнения джухтинский монстр более близок дракону на шелковой парче из Кливлендского музея, датированного периодом династии Юань (1279–1368), что более соответствует датировке джухтинского комплекса, несмотря на то,

Рис. 4. Прорисовка орнамента ткани нижнего бешмета с "драконами и гусями".

что на голубом шелке из Кливленда дракон композиционно вписан в круг, изогнувшись в погоне за "пламенеющим жемчугом". Это сходство тем более важно, что упомянутый кливлендский фрагмент надежно атрибутирован как продукт северокитайских мастерских на основании и техники, и стиля (Watt, Wardwell, 1997. P. 153, 131, n. 42). Если у кливлендского монстра тело гладкое, то на ткани, обнаруженной в результате археологических раскопок Mingshui, Damaoqi во внутренней Монголоии, хранящейся в институте Археологии в Ханое, подобно джухтинскому экземпляру, тело чудовища покрыто рыбьей чешуей. Этот фрагмент, являвшийся обивкой гроба, атрибутирован исследователями как типичный текстиль для периодов династии Цзинь и господства монголов (Zhao, 1999. P. 200, 201).

Джухтинская ткань с драконами наглядно демонстрирует декоративную тенденцию шелков династии Юань – покрывать декором фактически всю поверхность шелка таким образом, что он, как и остальные джухтинские ткани, выглядит сложно и богато орнаментированным, в то время как золотой декор тканей предшествующего времени – эпохи Цзинь, заключен в простые замкнутые геометрические конфигурации – круги, треугольники или каплеобразные фигуры, расположенные на гладком шелковом фоне.

Источником творчества художников у многих народов и во все времена являлись мифологические сюжеты. Китайское искусство, в том числе и ткачество, не стали исключением. В то время как кливлендский и ханойский драконы гонятся за "пламенеющим жемчугом" – традиционным атрибутом сюжета с драконами[4] – джухтинский монстр пытается проглотить вазу с цветами. Между тем жемчуг не пропадает из сюжета, а остается над головой монстра, вписанный между лапами гуся. Очевидно, что трактовка вазы может быть рассмотрена в контексте семантики китайской мифологии. Ваза является одним из восьми предметов (ба-бао), образующих систему защитных благопожеланий в буддийской символике. Наполненная до краев напитком бессмертия, она выступает как символ счастья, мудрости, благих намерений. Как символ объема, занимавшего видное место в китайской философии, ваза может трактоваться и как мера мировой гармонии, и полноты бытия, и ковш Полярного созвездия (Малявин, 1995. С. 147). Большая Медведица (Бэйду) и населяющие ее духи, ведали судьбой человека, его жизнью и смертью. На джухтинском шелке ваза изображена не пустой, а с тремя цветками, в девяти лепестках которых возможно увидеть символ девяти звезд-сыновей божества Доу-му, трактовавшегося в поздней китайской мифологии как Матушка Ковша и обитавшего на звездах Большой Медведицы. Интересно также, что один из духов полярного созвездия являлся повелителем дождей, символом которых выступал дракон.

Не претендуя на подробный анализ образов шелковых монстров, отметим их связь с персонажами китайской мифологии, что в дальнейшем может быть использовано не только при атрибуции тканей, но и для расшифровки семантики их художественного выражения[5]. В мифах передано описание внешнего вида монстров, который запечатлен и в их текстильных изображениях: змеиное тело, наличие или отсутствие крыльев, рога, по количеству которых однорогий дракон назывался цзяо, двурогий – цю, безрогий – чи. Таким образом, различия в изображениях драконов на шелковых китайских тканях являются не столько стилистическими особенностями художественного дизайна, сколько маркируют разнообразие монстров, которые в мифах не похожи друг на друга не только внешне, но и по характеру своей роли и сущности. Драконы, пожалуй, единственные анималистические персонажи китайской мифологии, подверженные такой стратификации. В мифах они представлены существами нескольких рангов, зависящих от выполняемых ими функций. Запряженные в колесницы высших божеств, как летающий дракон Фэйлун, прокладывающий им путь белый дракон Байчи, или шестерка быстрых, как вихрь, драконов, запряженная в колесницу Сихэ – матери десяти солнц, вывозившей в ней своих детей на небо, вряд ли становились персонажами шелковых тканей. В вытканных монстрах скорее можно увидеть существ высшего ранга, отвечающих за порядок мироздания и наделенных волшебными качествами. Это – Хранитель Востока – зеленый дракон Цинлун, который держит в лапах диск солнца, Чжулун – дракон со свечой, ведавший сменой дня и ночи, времен года и освещавший "высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли" (Юань Кэ, 1987. С. 31). У него были вертикальные веки. Первоначально первопредок китайцев – Верховный правитель Центра, Желтый император Хуан-ди был представлен в образе дракона (Рифтин, 1987. С. 456). Культурные герои – Гунь и его сын Юй, усмирявшие Потоп, также были драконами. Желтый двурогий дракон Гунь передал свою чудесную силу сыну Юю, воплощенному в образе белого дракона и стал обычным драконом, утратившим свою божественность (Юань Кэ, 1987. С. 169).

Возможно, что различные роли монстров, выполняемые ими в контексте мифов, могли обусловить впоследствии, когда образ дракона становится императорской инсигнией, дифференциацию социального статуса обладателя предмета, маркированного монстром. Но, отраженная в вербальном источнике стратификация драконов, в художественных изображениях требовала иных средств выражения. Таким способом была выбрана передача различного количества когтей на лапах чудовища – от трех до пяти, о чем в мифах ничего не говорится.

Облик дракона не рассматривался китайцами как устрашающий, напротив, этот персонаж яв-

[4] Этот сюжет имеет мифологическую основу, связанную с рассказом о любимой драгоценности Верховного правителя Хуан-ди, который однажды потерял свою черную блестящую жемчужину. Драгоценность отыскал известный своей беспечностью и растерянностью Сливан, которому Хуан-ди поручил беречь свое самое дорогое сокровище. Но одна девица из рода Чжэньмэн, узнав об этом, выкрала жемчужину. Испугавшись гнева Хуан-ди, приказавшего небесным духам схватить виновницу, девушка проглотила жемчужину и, прыгнув в реку Вэньчуань, превратилась в дракона и стала духом реки (Юань Кэ, 1987. С. 87).

[5] Некоторые вопросы, связанные с символикой китайского декоративного искусства, расмотрены Л.П. Сычевым (1977).

лялся символом красоты. Так китайский поэт эпохи Хань Цао Чжи (192–232 гг.) в оде "Фея реки Ло" пишет о своей героине: "Как вспугнутый лебедь парит, с летящим драконом изяществом схожа" (Цао Чжи, 1973. С. 142). Рассматривая дракона как эстетически прекрасное существо, китайцы наделили его, как и феникса, способностью приносить счастье.

Что касается птиц на этом шелке, то их, очевидно, следует рассматривать в контексте композиций "дикие гуси, летящие в облаках" или "лебединой охоты", к которой джухтинские образы гораздо ближе по манере исполнения. Гусь в Китае связан с Небом и с принципом Ян, и рассматривается как талисман, помогающей любви в браке.

Гусь на джухтинской парче изображен с распахнутыми крыльями и длинной изогнутой шеей, на его голове – "корона" в виде распустившегося цветка. Весьма реалистично переданы оперение, лапы, глаза, анатомическое строение тела птицы, что в манере исполнения соответствует образу лебедя на парче с лебединой охотой из музея Метрополитен, которая изготовлена в технологических и декоративных традициях династии Цзинь (1115–1234) (Watt, Wardwell, 1997. P. 112, 113, n. 28).

В определении оригинальной принадлежности декора важную роль играют те детали орнамента, которые в художественном отношении не несут основной нагрузки, но наделены существенным семантическим смыслом, который, как правило, известен носителю культурной традиции, а при заимствовании утрачивается, приводя тем самым к искажению или исчезновению самих деталей. Темы ткацких узоров начали формироваться еще в незапамятные времена. Естественно, что ткачи вовсе не стремились передавать сюжетное повествование мифов. Они, как правило, ограничивались цитатами, группируя тканый сюжет вокруг одного или нескольких главных персонажей, которые в вербальных источниках вовсе не были связаны между собой. Драконы и лебеди в джухтинской парче, очевидно, объединены в единый сюжет на основании их эстетических качеств, возводимых китайцами в категорию прекрасного. Джухтинский монстр пытается проглотить вазу, в то время как традиционный элемент сюжета с драконами – "пылающая жемчужина" не исчезает из шелкового повествования, а только перемещается в лапы птицы, что подчеркивает его семантическую значимость для художника.

Таким образом, технологические характеристики джухтинского шелка с драконами и гусями, стилистические особенности дизайна, а главное тщательность, с которой выполнены все подробности орнаментов, связанные с семантикой китайской мифологии, позволяют рассматривать его как продукт китайских ткацких мастерских эпохи династии Юань.

Несмотря на значительные различия в орнаментике тканей, использованных при изготовлении нижнего кафтана, и масштабности их раппорта, все они были выдержаны в одной цветовой гамме: это были красные шелка, окрашенные марены красильной[6], и затканные золотым орнаментом. В Монгольской империи династии Юань красный и белый цвет являлись праздничными цветами Чингизидов.

В этот период монголы контролировали шелковое производство и использовали шелк как символ императорской власти, употребляя его как валюту, как дань, как дары посланникам и для официальных одежд, как вознаграждение штатским лицам, состоящим на гражданской службе, военным чиновникам и в конфуцианских церемониях и ритуалах (Watt, Wardwell, 1997. P. 18). В истории династии Юань зафиксированы "банкетные одежды", т.е. официальное платье, вручаемое высоким чинам, когда они идут на официальный императорский банкет. Причем сам император имел 11 разновидностей таких одежд для зимнего сезона и 15 вариаций для лета. Для дворянства и высоких чинов было 9 разновидностей для зимы и 14 для лета (Watt, Wardwell, 1997. P. 138).

Гарантируя купцам высокий ранг в социальной иерархии, тем самым, поощряя развитие торговли с одной стороны, и политику переселения ремесленников из разных территорий Центральной Азии, Восточно-иранского мира и Китая – с другой, они объективно способствовали распространению шелковых тканей и образов с ними связанных в империях Ильханидов и Мамлюков, а также в Европе. Поэтому появление шелков с геральдической символикой империи в кавказском Улусе Орды не вызывает удивления. Вопрос, однако, ставится следующим образом: существует ли определенная связь между культурной принадлежностью обладателя китайских шелков и их семантическим содержанием?

Вряд ли джухтинскому воину была известна семантика образов, украшавших его платье. Особый интерес в этой связи представляет мифологический сюжет, в котором герой Шунь спасается от попыток убить его завистливыми родственниками с помощью одежды с птицами и драконами. В первом случае Шунь превращается в большую птицу и улетает в небо из объятого дымом и пламенем амбара, в котором его намеревались сжечь. Во втором случае Шунь под старую одежду надевает платье с драконами и превращается в прекрасного дракона, покрытого чешуей, и выплывает по подземным источникам на белый свет из колодца, который его злобные родственники засыпают землей. Волшебные одежды Шуню предлагают его жены, обученные волшебству (Юань Кэ, 1987. С. 132, 133). В этом мифологиче-

[6] См. Приложение.

Рис. 5. Реконструкция костюмов погребенных в могильнике Джухта мужчины и женщины.

ском сюжете обращают на себя внимание два момента. Во первых, волшебными свойствами обладают вытканные на одеждах образы птиц (хотя и неизвестно каких) и драконов. Во-вторых, платье с драконами Шунь надевает под другую (старую) одежду. Джухтинский воин был одет именно таким образом: нижним был стеганный бешмет с драконами, а верхним – халат с фениксами. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с простым совпадением, которое, однако, в контексте с набором исключительно китайских тканей в его одежде, становится историческим фоном джухтинского памятника. Тогда и левый запах его одежды можно было бы рассматривать как китайский погребальный обычай. Однако из этого не вытекает этническая принадлежность джухтинского воина к народам Поднебесной. Но этот факт может свидетельствовать как о коммуникационном характере средневековых восточных культур, основанных на взаимопонимании транс-

лируемой информации, так и о том, что древние мифологические представления Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии имели общих мифологических героев, а контаминация сюжетов и образов происходила еще в древности. Между тем, вопрос об общности мифологической системы народов этого региона еще не достаточно исследован (Рифтин, 1987. С. 404), и однозначно доказать, что погребенный в Джухте воин был знаком с семантикой образов китайской мифологии невозможно, так же как и однозначно это опровергнуть. Обращает на себя внимание тот факт, что ткани кроились без стремления сохранить целостность мотивов. Зайцы на воротнике, например, располагаются не вдоль его поверхности, как это предусматривалось раппортом, а поперек. Но, тем не менее, в ткани с драконами явно ощущается стремление сохранить целыми образы монстров, в то время как целостность мотива гуся не принималась в расчет. Этот факт еще раз подчеркивает важность и значимость образа дракона, как геральдического символа. Выполненная в китайских императорских мастерских эта ткань, очевидно, предназначалась для изготовления китайского цельнокроеного, не распашного платья, на что прямо указывает высота ее раппорта – 129 см, которая в среднем была соразмерна длине изделия. Такой раппорт 129 × 21 см соответствовал форме традиционной китайской робы, предусматривавшей сохранение целостности главных образов декора – драконов при крое изделия. Кочевнический кафтан распашной и отрезной шили из большого количества деталей. Это обстоятельство не позволяло сохранить целость раппорта, однако, в джухтинском кафтане явно прослеживается стремление изготовителя сохранить монолитность образов монстров именно на подоле кафтана, поскольку они были видны из-под поднятых и подоткнутых за пояс пол верхнего платья (рис. 5). Это обстоятельство подчеркивает важность и значимость образа дракона как геральдического символа для обладателя костюма и для его изготовителя, находящихся в едином культурно-смысловом пространстве.

Интересно, что сами китайские императоры демонстрировали гораздо меньшее стремление использовать богато орнаментированные шелковые ткани в своем платье, чем знатные иностранцы, которые традиционно в живописи династии Сонг изображались в одеждах из шелковой парчи (Brown, 2000. P. 24). Из оставленных Марко Поло сведений известно, что Хубилай Хан награждал своих подданных дорогими одеждами из шелка, затканными золотом, а также о том, что драгоценные одежды для различных праздников были дифференцированы (Марко Поло, 1999. С. 136, 140). Тем не менее, используя драконов как геральдический символ, татаро-монголы не монополизировали его, и ткани с изображением монстра с различным количеством когтей были популярны по всей монгольской империи и продавались на рынках (Zhao, 1999. P. 7). Мы не можем сказать, получил ли джухтинский лучник шелка для своего костюма как награду, жалование или они достались ему в результате торговой сделки или как трофей. Очевидно, что эти ткани имели не только высокую стоимость, но представляли значительную ценность, как маркер принадлежности к кочевому нобилитету, являвшемуся высшим слоем имперского общества. Но очевидно и то, что рядовое население степи не могло приобретать дорогую парчу, довольствуясь более скромными тканями, что подтверждается археологическими материалами (Федоров-Давыдов, 1966. С. 213).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Лубо-Лесниченко Е.И. Чжичэн и кэсы // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.

Малявин В.В. Китай в XVI–XVII веках. Эпоха. Быт. Искусство. М., 1995.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999.

Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого, В.Ф. Сорокина. М., 1987.

Синьхуа Цыдянь. Энциклопедический словарь. Пекин, 1987.

Соболев Н.Н. Очерки по истории украшения тканей. Academia, 1934.

Сычёв Л.П. Китайский декор как часть единой системы космологических символов // Гос. музей искусств народов Востока. Науч. сообщения. Вып. IX. М., 1977.

Терентьев-Катанский А.П. Материальная культура Си-Ся. М., 1993.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Цао Чжи. Семь печалей. Стихотворения. Пер. с кит. Л. Черкасского. М., 1973.

Цыюань. Энциклопедический словарь. Гонконг, 1986.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого, В.Ф. Сорокина. М., 1987.

Brown C. Weaving China's Past. The Amy S. Clague Collection of Chinese Textiles. Phoenix, 2000.

Ierusalimskaia A.A. Die Graber Der Moscevaja Balka. München, 1996.

Watt James C.Y., Wardwell Anne E. When Silk Wos Gold. Central Asian and Chinese Textiles. N.Y., 1997.

Zhao Feng. Tresaures in Silk. Hong Kong, 1999.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Технические характеристики тканей из могильника Джухта–2

З. В. Доде, И. А.Сергеева

Нижний бешмет. Шелковая красная парча, орнаментированная золототканными драконами и летящими гусями на фоне густых растительных мотивов.

Основные размеры

Максимальная ширина и длина сохранившейся части:

Нижнее полотнище юбки – 92 × 62 см,

Фрагмент спинки – 103 × 87 см,

Фрагмент внутренней полы – 43 × 33 см,

Правый рукав – 63 × 40 × 44 см,

Левый рукав – 101 × 52 × 44 см,

Правая пола – 126 × 44 см,

Левая пола – 118 × 59 см.

Ширина раппорта – 21 см, высота – 129 см.

Структура ткани

Основа: основная – красная шелковая нить в два сложения, Z, толщиной 0.01 мм. Шаг крутки – 1.2 мм, 54 н/см. Дополнительная – красная шелковая нить в одно сложение толщиной 0.01 мм, Z, шаг крутки – 1.2 мм, 13 н/см. Соотношение: 4 основных основы, 1 дополнительная.

Уток: основной – шелковая нить без видимой крутки, толщиной 0.01 мм, 26–28 н/см. Дополнительный – шелковая нить, скрученная вправо Z с позолоченной животной субстанцией, толщиной 0.03–0.05 мм. Шаг крутки – 1.2 мм, 26–28 н/см. Соотношение: 2 основных утка, 2 дополнительных.

Переплетение: грунт – простое полотняное переплетение, орнамент: уточно-застилистая сатиновая гладь.

Толщина ткани – на различных участках неравномерна по толщине – 0.22 мм, 0.35 и 0, 26 мм.

Поверхностная плотность ткани (вес квадратного метра ткани): 106 г.

Результаты анализа красителей

Все ткани были окрашены в красный цвет мареной красильной.

Для установления характера красителя проводились окислительно-восстановительные реакции, основанные на воздействии на волокна ткани гидросульфита натрия в 10%-ном растворе едкого натра при нагревании. При этом было установлено, что желто-коричневый цвет волокон (в поле зрения микроскопа МБС – 9 при проходящем свете и увеличении до 36 ×) изменяется на красно-коричневый. При воздействии на волокна ткани водой (окисление кислородом воздуха) цвет восстанавливается, что свидетельствует о принадлежности красителя волокон ткани к классу ароматических антрахиноновых красителей.

Для установления технологической классификации красителей, характеризующей способ крашения ткани из протеиновых волокон шелка, было проведено экстрагирование красителей с исследуемых тканей концентрированным аммиаком. При этом было установлено, что краситель легко экстрагировался с тканей, что свидетельствует о его принадлежности к классу кислотных обычных или кислотно-протравных (хромовых) красителей.

Далее проводился анализ красителей ткани методом тонкослойной хромотографии. В качестве "свидетеля" был выбран ализарин (1.2 – диоксиантрахион) в связи с тем, что ализарин является ароматическим антрахиноновым красителем по химической классификации, кислотно-протравным красителем по технологической классификации и является красящим веществом растения марена красильная, которое широко применялось в средние века для окрашивания тканей. Характер окраски зависит не только от природы красителя, но и от протравы: с глиноземными протравами получаются цвета от красного до бордо, с железными – фиолетовые, с хромовыми – гранатовые. Краситель экстрагировался с тканей концентрированным аммиаком при нагревании. В качестве "свидетелей" использовался раствор в аммиаке порошка красителя ализарин красный С из коллекции лаборатории и экстракт в аммиаке волокон, окрашенных красителем хромовым красным ализариновым – кислотным антрахиноновым красителем из коллекции лаборатории. Хромотографирование осуществляли на пластинках "Sorbfil" в двух различных по полярности системах растворителей (рекомендованных для анализа кислотных антрахиноновых красителей): н-бутанол – этанол – вода в соотношении 2 : 1 : 1; н-бутанол – этанол – вода – уксусная кислота в соотношении 6 : 1 : 2 : 0.5. После разделения пластинки рассматривали визуально и в УФ-лучах. При этом установлено, что пятна красителя ткани и "свидетеля" ализарина совпадают по цвету, количеству, форме и величине хроматографической подвижности, что свидетельствует о совпадении красителей по хромофорной группе.

Следующим шагом было исследование красителей ткани методом инфракрасной спектроскопии на приборе "INFARALUM FT 801". Условия снятия спектров определялись программой Get SPC. В качестве референтного (базового) спектра снимали спектр чистых стекол из селенида цинка. Для проведения анализа краситель экстрагировался с тканей хлороформом. Полученный экстракт подвергался очистке на колонке с окисью алюминия. В качестве "свидетеля" использовали экстракт в хлороформе порошка красителя али-

зариновый красный С из коллекции лаборатории. Для снятия спектров экстракты многократно с последующим испарением наносились на стекла из селенида цинка. На основании анализа отснятых ИК-спектров красителя ткани и "свидетеля" ализарина, установлено их совпадение в области "отпечатка пальцев" по форме спектральной кривой, положению максимумов полос поглощения и их относительной интенсивности, что свидетельствует об их совпадении по качественному химическому составу молекулярной части и позволяет говорить о принадлежности красителя ткани к ализариновым красителям, являющимся красящим веществом растения марена (*Rubia tinctorum*).

Результаты анализа состава основы позолоченных нитей

Для определения химического состава позолоченной основы было проведено несколько химических реакций. Воздействие на субстанцию хлорцинкйодом (реактивом на целлюлозу) не дало ни фиолетового, ни синего окрашивания, что исключило наличие в составе субстанции целлюлозы. В результате Биуретовой реакции, которая выявляет пептидные связи (на субстанцию воздействовали 1%-ным раствором едкой щелочи и 1%-ным раствором медного купороса) через некоторое время появилось фиолетовое окрашивание, подтвердившее в составе субстанции наличие пептидных связей белка. Белковый характер позолоченной основы был подтвержден также нингидриновой реакцией. Под воздействием 0.1%-ного раствора нингидрина в ацетоне (реактив, выявляющий свободные аминогруппы) исследуемая субстанция приобретает синевато-фиолетовое окрашивание, что свидетельствует о наличии в ней свободных аминогрупп белка.

Пептидные группы и свободные аминогруппы, входящие в состав волокон шелка, не дают интенсивного окрашивания в использованных реактивах, что позволяет исключить использование шелковой бумаги в качестве субстанции под позолоту.

Таким образом, в результате исследования установлено, что субстанцией под позолоту являлась основа животного происхождения.

Unique silk textile with "dragons" from the cemetery Djukhta (The North Caucasus)

Z. V. Dode

Summary

Unique clothes were discovered in the kurgan cemetery Djukhta of the 13th–14th cc. (Apanasenkovsky district, Stavropol krai). The find belonged to a warrior fighting on a horseback. Now it is the only set of men's costume dating from the Golden Horde period among the known sites of the Volga basin and the North Caucasus attributed to this circle. The clothes were made of silk textiles ornamented with the images of dragons, the latter played the role of heraldic symbols within the whole territory of the Golden Horde Empire. The method of attribution of the Golden Horde silk textiles is based on analysis of the technological traditions of the pre-Mongol period. The author shows that the Djukhta textiles had been made according to the technology inherited from the Chinese silk textiles. In the paper the author also considers the image of a dragon as a symbol of an individual's self-identification with the Mongol Empire subjects. In the Appendix the results of technological analyses on the silk textile with dragon images are published: chemical-biological tests of dye and gilded warp in the pattern-forming threads.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 151–155

ПУБЛИКАЦИИ

ЦИТАДЕЛЬ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА ШЕХР АЛЬ-ДЖЕДИД (СТАРЫЙ ОРХЕЙ, МОЛДОВА)

© 2005 г. Г. И. Постикэ

Международный независимый университет, Кишинев, Республика Молдова

Археологический комплекс Старый Орхей расположен между селами Бутучень и Требужень Республики Молдова, на берегу реки Реут, правого притока Днестра. Этот комплекс включает культурные наслоения разных эпох, в том числе двух средневековых городов: золотоордынский город Шехр аль-Джедид середины XIV в. и молдавский город Орхей конца XIV – середины XVI в. (рис. 1).

На территории комплекса археологические исследования проводятся с 1947 г. В 50-е годы XX в. Г.Д. Смирнов открыл развалины каменной цитадели (рис. 2), которая была отнесена автором к молдавскому периоду – второй пол. XV–XVI в. (Смирнов, 1960. С. 80, 81). Эта интерпретация впоследствии была воспринята безоговорочно П.П. Бырней (1984. С. 82–85).

В начале 90-х годов XX в., исходя из соображений архитектурного порядка, культурно-хронологическая атрибуция каменной цитадели Старого Орхея была поставлена под сомнение (Hâncu, 1995. P. 16–25). В этой связи в 1996–2001 гг. на территории объекта были предприняты археологические раскопки с целью уточнения вопроса о времени возникновения данного комплекса (Postică, 1998a; 1998b; 1999a. P. 31–33; 1999b. P. 9–13; 1999c; 1999d. P. 38, 39; 2000a; 2000b. P. 5, 6; Nicolae, Postică, 2001. P. 135–140).

В результате проведенных раскопок были открыты материалы, которые позволили пересмотреть хронологию и проблему происхождения каменной цитадели Старого Орхея. Согласно последним данным, в истории цитадели наряду с молдавским горизонтом выделен еще один, более древний, который отнесен к золотоордынскому времени.

Хронология цитадели. Абсолютая хронология цитадели определена на основе стратиграфии комплекса и его корреляции с прилегающими сооружениями.

Первым хронологическим репером является *строительный слой цитадели*, прослеженный в 13 профилях возле восточной, западной и южной стенки комплекса. Во всех случаях строительный слой времени постройки цитадели перекрывал культурный слой XIII – первой пол. XIV в., а в одном случае перекрывал яму (№ 12) с керамикой золотоордынского типа (30–60-е годы XIV в.).

Вторым хронологическим репером является яма № 13 (датированная на основе золотоордынской керамики 30–60-ми годами XIV в.), которая перекрывала строительный слой цитадели. Это указывает на то, что последний комплекс был построен в период господства в пруто-днестровском междуречье Золотой Орды, т.е. до 1369 г.

Третьим хронологическим репером являются две *печи для обжига извести* (№ 11 и 15), обнаруженные возле цитадели, которые были построены с целью производства извести, необходимой для строительства цитадели. Широкая хронология этих печей на основе монеты Джанибека установлена в пределах 1351–1369 гг., а узкая (учитывая сочетание в комплексах золотоордынской и раннемолдавской керамики) определяется концом указанного периода, или 60-ми годами XIV в.

Четвертым хронологическим репером является погребение № 18, обнаруженное возле западной стенки цитадели и датированное на основе монет периодом 1366–1369 гг. Учитывая характер расположения погребения относительно стенки цитадели (вплотную к полуовальной башне) и открытие на дне ямы прослойки раствора аналогичного тому, что был использован в сооружении цитадели, можно сделать вывод, что погребение и цитадель являются одновременными и датируются периодом 1366–1369 гг.

Пятым хронологическим репером является жилище № 53, сооруженное в западном углу цитадели, вплотную к ее южной стенке, что свидетельствует о ее более поздней дате. Имея в виду, что жилище датировано последней четвертью XIV в., можно утверждать, что строительство цитадели датируется более ранним периодом, до 70 г. XIV в.

Шестым хронологическим репером является архитектурный стиль каменной цитадели. Исходя из исследований последних лет, согласно которым архитектура цитадели Старого Орхея отнесена к восточному стилю (Nesterov, 2003. P. 32–46), можно заключить, что такое сооружение могло

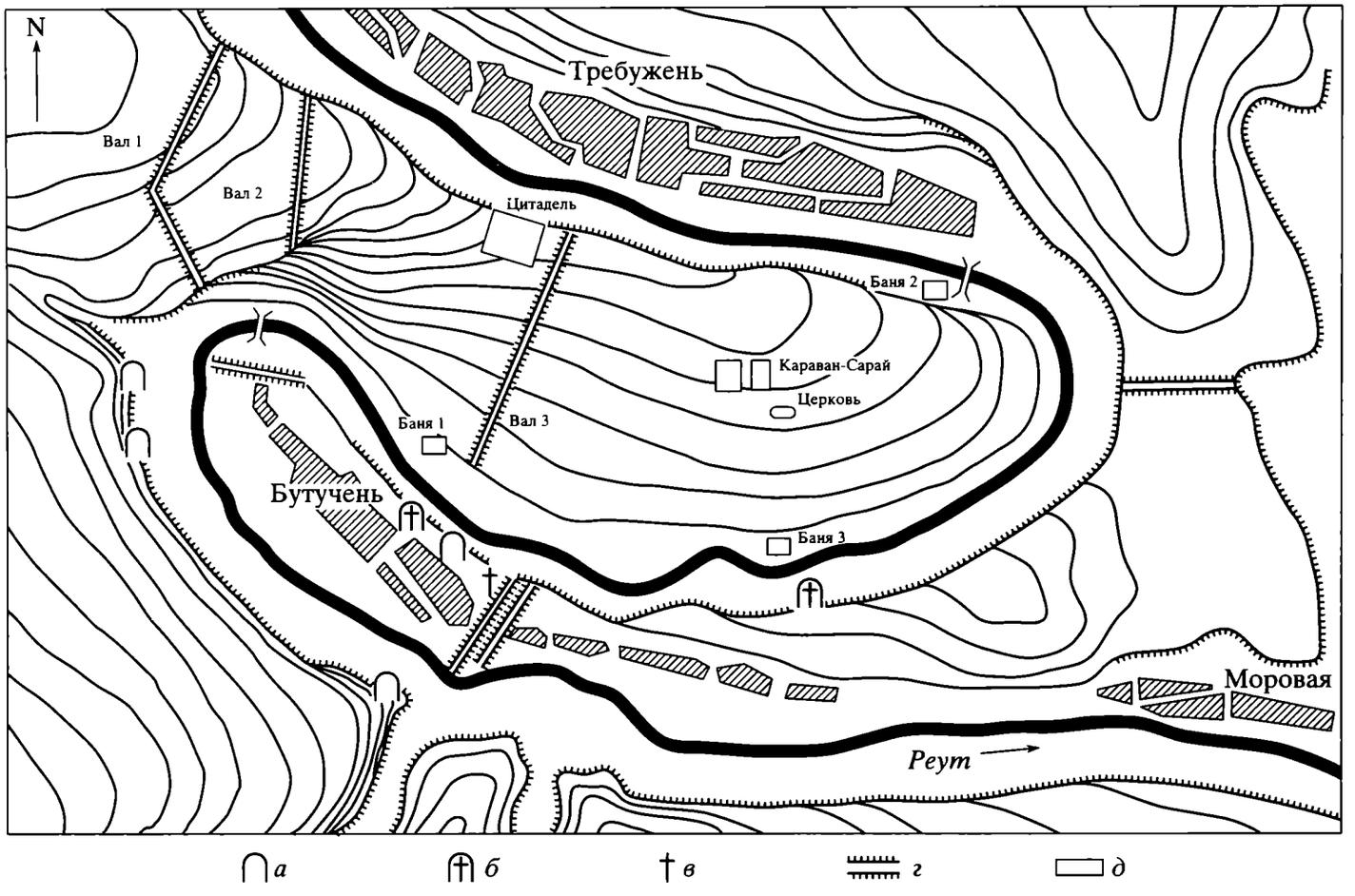


Рис. 1. Генеральный план Старого Орхея. *а* – кельи; *б* – скальные монастыри; *в* – Церковь Св. Марии; *г* – земляные валы; *д* – каменные сооружения.

быть построено только в золотоордынское время, т.е. до ухода из края монголов в 1369 г.

На основе указанных хронологических реперов дата сооружения каменной цитадели Старого Орхея определена концом периода господства Золотой Орды в пруто-днестровском регионе, между 1366–1369 гг.

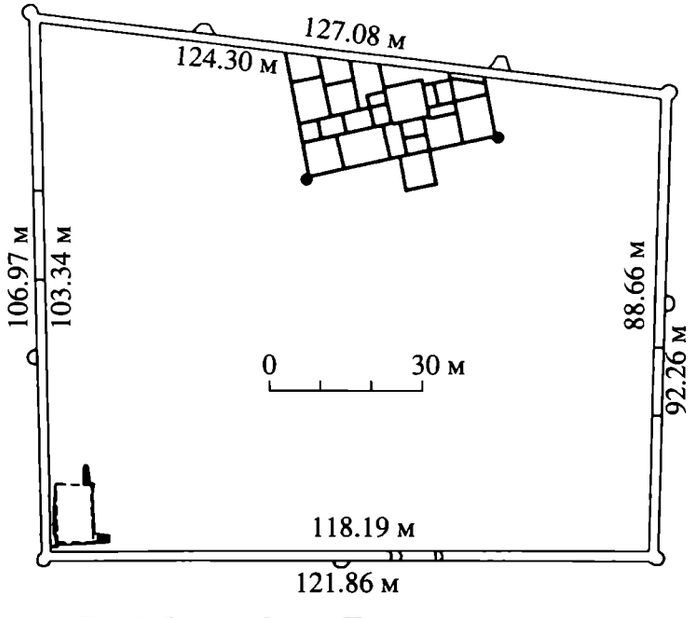


Рис. 2. Старый Орхей. План цитадели и двора.

Общая характеристика цитадели. Средневековая цитадель Старого Орхея расположена в верхней части мыса, на коренном берегу реки Реут. Имеет трапециевидную форму со входом по середине южной стенки. Имеет четыре полые башни по углам, три полукруглые башни по середине восточной, южной и западной стенок и две трапециевидных контрофорса у северной стены (рис. 3, *4*). Согласно специальным измерениям 1998 г., размеры цитадели (м): северная стена – 127.08, южная – 121.86, западная – 106.97, восточная – 92.26, ширина стены – 1.70–1.86, диаметр башни – 3.0–3.20. Размеры внутреннего двора цитадели (м): северная стенка – 124.30, южная – 118.19, западная – 103.34, восточная – 88.66.

Археологические исследования показали, что остатки цитадели находятся ниже современного уровня дневной поверхности. Цоколь сооружения находится на глубине 0.80–0.90 м, что соответствует уровню древней дневной поверхности, а сам фундамент углублен на 0.60 м.

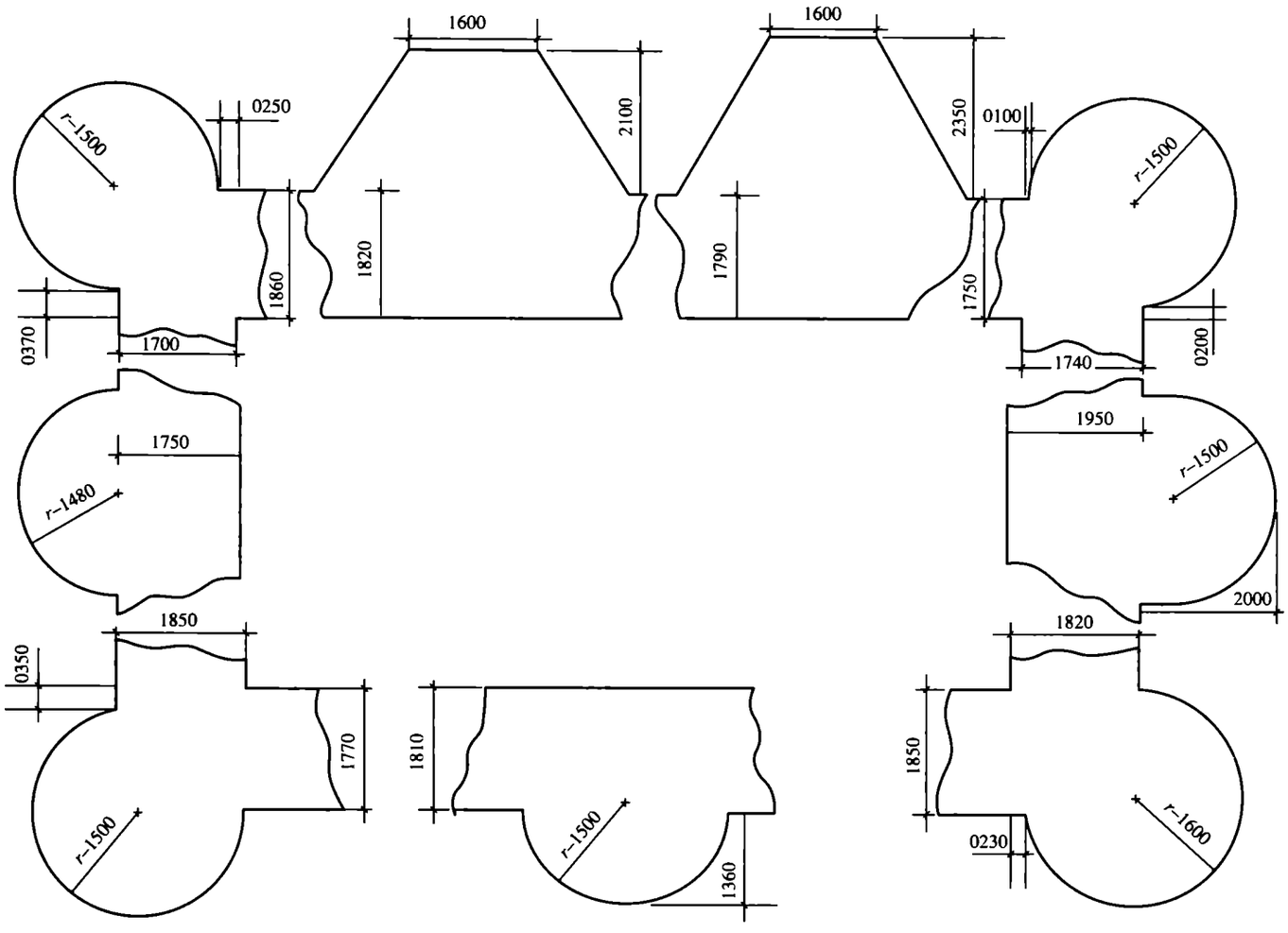


Рис. 3. Старый Орхей. Башни и контрфорсы цитадели. План и измерения 1998 г.

Фундамент и стены цитадели построены из известнякового камня на основе раствора из песка и извести. Каменные блоки, разные по форме и размерам, достигали 60–70 см в длину и 30–40 см в ширину. Важно отметить, что стенки цитадели с внутренней и с внешней стороны были покрыты слоем штукатурки из песка и извести.

Особый интерес представляют башни цитадели (рис. 3), которые являют собой ярко выраженный восточный архитектурный элемент (Nesterov, 2003. P. 37).

Оштукатуривание стен цитадели указывает на определенную традицию и в то же время на какое-то специальное предназначение каменного сооружения. Следует отметить, что традиция обмазывания стен подобных конструкций характерна для Востока. Исходя из результатов исследований последних лет в области архитектуры (Nesterov, 2003. P. 37), можно заключить, что покрытие стен известняковой штукатуркой служит лишним аргументом в пользу того, что цитадель Старого Орхея является гражданскми сооружением с элементами фортификации. В силу этого данное сооружение можно квалифицировать как укрепленную ограду какого-то административного комплекса. Таким комплексом был, безусловно, дворец внутренней части цитадели, открытый в 50-е годы Г.Д. Смирновым и известный в литературе под названием "Дворец Орхейского пыркэлаба" (т.е. военного и административного наместника уезда). Согласно новым исследованиям, здание построено в восточном архитектурном стиле (Nesterov, 2003. P. 43).

Цитадель Старого Орхея и золотоордынский город Шехр аль-Джедид. В соответствии с археологическими данными можно утверждать, что каменная цитадель Старого Орхея на начальном этапе представляла своеобразное ограждение вокруг дворца, составляя вместе с ним единый комплекс, который определяется исследователями как *феодальный двор* местного военно-политического предводителя (Gorodenco, 2000. P. 111, 112; Nesterov, 2003. P. 36–46).

Наличие военно-политического руководства регионального значения в городе на р. Реут подтверждается нумизматическим материалом из Старого Орхея. Исследования С. Яниной и Е. Николае показали, что в Старом Орхее в 1363–1369 гг.

чеканилась местная монета из серебра и меди. На основе этих находок было определено название золотоордынского города из долины реки Реут и имя местного военно-политического правителя, известное, в определенной степени, и по данным письменных источников.

Монеты Старого Орхея, датированные 1363–1365 гг. (765, 766 гг. хиджры) имеют легенду "*Янги-Шехр*" (*Новый город* – на тюркском языке), а монеты 1366–1369 гг. (766–770 гг. хиджры) имеют легенду "*Шехр аль-Джедид*" (*Новый город* – на арабском языке) (Янина, 1977. С. 193–213). Монеты 1363–1365 гг. имеют на аверсе легенду, которая обозначает имя золотоордынского хана: *Абдалах-хан*. Данное открытие доказывает, что в указанном периоде в городе на реке Реут находился хан Абдалах, правитель западных пределов Золотой Орды, который после поражения при Синих Водах в 1362–1363 гг. безуспешно пытался удержать позиции в пруто-днестровском междуречье.

Начиная с 1366 г., в Старом Орхее стали чеканить монеты с видоизмененной легендой. Тюркский вариант названия города был заменен арабским названием, а имя хана Абдалаха было изъято с монет. На монетах 1367–1368 гг. имя хана было заменено формулой *шейх*, а на монетах 1368–1369 гг. формулой *амир* (*эмир*) (Nicolae, 1995. P. 197–200; 2003. P. 167, 168).

Эмир Дмитрий и цитадель Старого Орхея. Изменения в легенде монет Старого Орхея показывают – в указанном периоде политическая картина пруто-днестровского междуречья резко меняется, что было предопределено сепаратискими тенденциями в регионе (Nicolae, 2003. P. 167). В свете вышеизложенного, дворцовый комплекс с каменной оградой из Старого Орхея, построенный в конце 60-х годов XIV в., представляется важным элементом, связанным с политическими событиями периода отхода пруто-днестровского региона от Золотой Орды.

В связи с указанной проблемой следует выделить мнение Е. Николае относительно возможности пребывания в Старом Орхее в 1366–1367 гг. эмира Катлабуги, высказанное в последнее время на основе интерпретации медных монет типа Шехр аль-Джедид (Nicolae, 2003. P. 167). Пребывание Катлабуги в Старом Орхее в период строительства каменного ограждения вокруг дворца может создать впечатление о его причастности к указанным работам.

Но с другой стороны, если учитывать нумизматический контекст из погребения № 18 (Nicolae, Postică, 2001. P. 136, 137), а также факт отказа от мусульманской религии на финальном этапе существования города Шехр аль-Джедид (Nesterov, 2003. P. 43, 44), возведение дворцового комплекса с каменным ограждением в этом городе может быть связанно, скорее всего, с именем другого эмира, Дмитрия (Demetrios), являвшегося в золотоордынское время одним из региональных христианских правителей. В 1362–1363 гг. он был рядом с Катлабугой и Кочюбеем во время битвы при Синих Водах против литовского князья Ольгерда.

Данный правитель в грамоте венгерского короля Людовика I от 22 апреля 1368 г. обозначен как "*domini Demetrii, principis Tartarorum*" (*господин Дмитрий, князь татар*). Данная грамота была отпущена городу Брашову и давала пошлинные льготы некоторым купцам, прибывавшим в Венгерское королевство с востока, и предусматривала, с другой стороны, "*свободный проход подданых короля в стране этого господина Дмитрия, князя татар*" (Documenta..., 1977. № 49. P. 90).

Проблема локализации политического образования Дмитрия волновала исследователей с начала XX в. Политический центр Дмитрия был определен в районе Белгорода Днестровского (Н. Иорга, И. Нистор, Г. Брэтиану, К.К. Джуреску, А.В. Болдур), на севере Добруджи (Б. Спулер, Ш. Штефэнеску), на обоих берегах Нижнего Дуная (Б. Кымпина, Ш. Штефэнеску, Ш. Папакостя), в степях южной Молдовы (П. Параска) (библиографию по данной проблеме см.: Spinei, 1992. P. 326, 339. Прим. 150, 151, 152; Параска, 1980. С. 70; Parasca, 2000, P. 41; Papacostea, 1999. P. 44; Istoria Românilor, 2001. P. 585). В последние десятилетия политический центр Дмитрия локализован в Старом Орхее. Данное мнение впервые было сформулировано в 1982 г. румынским историком Виктором Спинеем (Spinei, 1992. P. 325–329) и поддержано Лией и Адрианом Бэрына (Bătrâna L., Bătrâna A., 1983. P. 332).

Современные исследователи идентифицируют князя Дмитрия с *эмиром* (*амир*), упомянутым на монетах типа Шехр аль-Джедид 1368–1369 гг. из Старого Орхея (Nicolae, 1995. P. 198–200; 2003. P. 167, 168). Данная интерпретация поддержана Е. Николае, А. Городенко (Gorodenco, 2000. P. 109, 110), Т. Нестеровым (Nesterov, 2003. P. 36–46).

Отождествление Дмитрия с эмиром из Старого Орхея имеет очень серьезные основания, так как деятельность этого правителя, относящаяся к 60-м годам XIV в., совпадает полностью с археологической хронологией каменной цитадели Старого Орхея. В этом случае мы стоим перед фактом соответствия археологических, нумизматических, архитектурных и данных письменных источников (Nesterov, 2003. P. 36–46).

Исходя из вышеизложенного, каменное ограждение, построенное вокруг дворца, известное в литературе как "каменная цитадель Старого Орхея с дворцом пыркэлаба", может быть определено как военно-политический центр князя (эмира) Дмитрия, воздвигнутый в период 1368–1369 гг.

Этот комплекс продолжил свое существование в последней четверти XIV и далее в XV–XVI вв., в период Молдавского феодального княжества, когда цитадель на р. Реут была преобразована в политико-административный и военный центр Орхейских наместников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев, 1984.

Параска П.Ф. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история юго-восточной Европы до середины XIX в. Кишинев, 1980.

Смирнов Г.Д. Из истории Старого Орхея // Изв. Молд. Филиала АН СССР. 1960. № 4 (70).

Янина С. Новый город (Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. V. Вып. 1. Тр. ГИМ. Вып. 49. М., 1977.

Bătrâna L., Bătrâna A. O mărturie arheologică despre relaţiile internaţionale ale Moldovei în vremea lui Bogdan I // SCIVA. 1983. T. 34. № 4.

Documenta Romanae Historica. Seria D. V. I. Bucureşti, 1977.

Gorodenco A. Ceramica locală de la Orheiul Vechi în secolele XIV–XVI. Brăila, 2000.

Hâncu I. Orheiul Vechi. Chişinău, 1995.

Istoria Românilor. V. III. Bucureşti, 2001.

Nesterov T. Situl Orheiul Vechi. Monument de arhitectură. Chişinău, 2003.

Nicolae E. Quelques consideration sur les monnaies tatares de "La Ville Neuve" (Yanghi şehr/Şehr al-Gedid) // Studii şi cercetări de numismatică. 1995. T. IX.

Nicolae E. Monedele de cupru bătute în Oraşul Nou (Şehr al-Cedid) // Simpozion de numismatică. Dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea independenţei României. Chişinău, 24–26 septembrie 2002. Comunicări, studii şi note. Bucureşti, 2003.

Nicolae E., Postică Gh. Câteva monede descoperite la Orheiul Vechi // Simpozion de Numismatică. Dedicat împlinirii a patru secole de la prima unire a românilor sub Mihai Voievod Viteazul. Chişinău, 28–30 mai 2000. Bucureşti, 2001.

Papacostea Ş. Geneza statului în evul mediu românesc. Studii critice. Bucureşti, 1999.

Parasca P. Formarea graniţelor istorice ale ţării Moldoevi // Analele ULIM, Istorie. V. I. Chişinău, 2000.

Postică Gh. Investigaţiile arheologice de la Orheiul Vechi în anii 1996–1997 // Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1997. A XXXIII sesiune naţională de rapoarte arheologice, mai 1998. Bucureşti, 1998a.

Postică Gh. Cu privire la cronologia cetăţii medievale de piatră de la Orheiul Vechi // Conferinţa ştiinţifico-didactică anuală. Universitatea Liberă Internaţională din Moldova, Rezultatele comunicărilor, mai 1998. Chişinău, 1998b.

Postică Gh. Cercetările arheologice de la Orheiul Vechi în anii 1996–1998 // Orheiul Vechi. Buletin istorico-arheologic 1998. Chişinău, 1999a.

Postică Gh. Complexul arheologic Orheiul Vechi // Orheiul Vechi. Buletin istorico-arheologic 1998. Chişinău, 1999b.

Postică Gh. Complexul arheologic Orheiul Vechi // Symposia Professorum ULIM, 1999. Chişinău, 1999c.

Postică Gh. Precizări pe marginea cronologiei cetăţii medievale de piatră de la Orheiul Vechi // Orheiul Vechi. Buletin istorico-arheologic 1998. Chişinău, 1999d.

Postică Gh. Observaţii stratigrafice privind cetatea medievală de pământ de la Orheiul Vechi (în baza investigaţiilor arheologice din anii 1996–1999) // Symposia Professorum ULIM, 2000. Chişinău, 2000a.

Postică Gh. Problema cronologiei cetăţilor medievale de la Orheiul Vechi în lumina ultimelor cercetări arheologice // Restituţio in integrum. Materialele conferinţei ştiinţifice, 17 iunie 2000. Chişinău, 2000b.

Spinei V. Moldova în secolele XI–XIV. Chişinău, 1992.

Citadel of the Golden Horde town Shehr al-Djedid (Stary Orkhei, Moldova)

G. I. Postike

Summary

The author carried out archaeological excavations in Stary Orkhei (Shehr al-Djedid) in 1996–2001. The cultural deposits not only of the Moldavian, but also of the Golden Horde period have been uncovered. As a result, new chronology of the site is suggested, with the Golden Horde layer dating from 1366–1369. The fortifications represent a part of the palace complex, which is identified as a military and political centre built in 1368–1369 by the prince (emir) Demetrius. The complex functioned in the later periods – the last quarter of the 14th and then in the 15th–16th cc., that is, in the time marked by existence of the Moldavian feudal principality. In this period the citadel situated on the Reut River was transformed into a political, administrative, and military centre of the Orkhei governors.

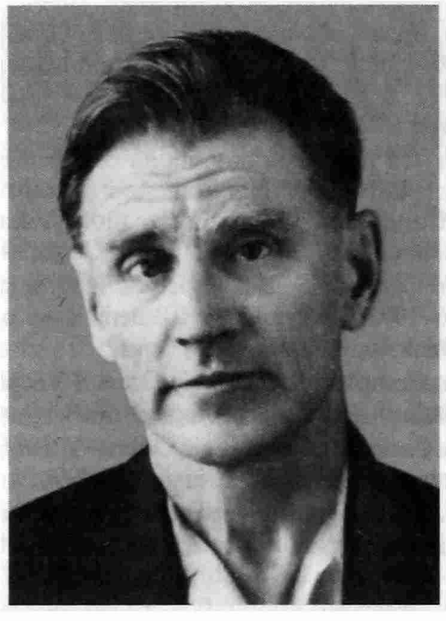
РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 156–162

ИСТОРИЯ НАУКИ

ОСНОВОПОЛОЖНИК АРХЕОЛОГИИ ТУРКМЕНИСТАНА (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. МАРУЩЕНКО)

© 2005 г. **В. Н. Пилипко**

Институт археологии РАН, Москва



Портрет А.А. Марущенко.

Круглая дата дает повод напомнить научной общественности об этом самоотверженнном человеке, стоявшем у истоков туркменской археологии. В силу различных обстоятельств он не оставил крупных научных трудов и тем не менее внес огромный вклад в развитие археологической науки в Туркменистане. Он был первым профессиональным археологом, непосредственно обосновавшимся в Туркменистане и посвятившим изучению прошлого этого края всю свою жизнь.

Предлагаемый краткий очерк о жизни и деятельности А.А. Марущенко основан на личных впечатлениях (мне посчастливилось общаться с А.А. Марущенко в последние 9 лет его жизни), беседах с людьми, хорошо его знавшими, знакомстве с его трудами и историей археологической науки в Туркменистане. Помимо опубликованных данных, использованы материалы личного архива А.А. Марущенко, хранящегося в Отделе археологии Института истории Туркменистана и в архиве Института археологии РАН (Фонд 15).

Александр Александрович Марущенко родился 23 апреля 1904 г. в городе Самара. Взросление проходило в тяжелых условиях гражданской войны и памятного всей России голода в Поволжье. Семья была небогатой, отец рано умер, и с 15 лет подросток начал самостоятельную рабочую жизнь. Тогда же у него проявился интерес к археологии. Он совмещает работу с учебой на высших этнолого-археологических курсах при Самарском университете (1919–1923 гг.). В 1920 г. он получает свой первый Открытый лист на проведение разведок в Бузулукском районе.

В 1927–1929 гг. А.А. Марущенко продолжает образование в Московском университете на историческом отделении этнологического факультета. Последнюю свою полевую студенческую практику он провел в Средней Азии на городище Куня Ургенч, в экспедиции РАНИОН. Эта поездка для него стала судьбоносной. В Куня Ургенче он познакомился с инспектором Туркменского комитета по делам старины и искусства П.В. Арбековым, который предложил ему приехать в Туркмению на постоянную работу. Предложение было принято и в октябре 1929 г. А.А. Марущенко появился в Ашхабаде, где в Институте Туркменской культуры специально для него организуется Кабинет археологии.

В Ашхабаде А.А. Марущенко обнаружил небольшую несистематизированную коллекцию археологических находок, собранную, в основном, краеведами, и составленный П.В. Арбековым список памятников археологии, включающий около трех десятков названий. Но рядом с Ашхабадом находились великолепные археологические объекты – городище Нисы, холмы Анау, Ак-депе, Куня-кала в Кешах, – и А.А. Марущенко буквально с первых дней пребывания в Ашхабаде начал свои натурные археологические наблюдения, затем почти непрерывно продолжавшиеся 47 лет.

Первую зиму он провел за обработкой имеющихся археологических коллекций и внимательным изучением итогов раскопок холмов Анау. Теплые дни использовал для посещения ближайших археологических памятников. В 1930 г., едва дождавшись весны, А.А. Марущенко начинает полевые исследования. На поезде вместе с П.В. Арбековым они доезжают до станции Бабадурмаз и осматривают ближайшие археологические памятники. Важнейшим результатом этой рекогносцировки стало открытие нового древнеземледельческого памятника (ныне он известен

под названием Коша-депе) и обследование "святилища огня" у бабадурмазского родника. В журнале "Туркменоведение" оперативно появляется заметка об этой поездке (Марущенко, 1930). Сразу же за этим следуют раскопки Ак-депе в Бекраве – интересного, синхронного Анау, поселения. Закончив обработку материалов из раскопок Ак-депе, А.А. Марущенко едет в Балхано-Атрекскую экспедицию.

Здесь следует остановиться на организационной стороне ранних экспедиций. А.А. Марущенко был приглашен как специалист-археолог, и это, естественно, накладывало на местные органы обязательства финансовой и технической поддержки его деятельности. Но возможности Туркменкульта были очень ограниченными. Организация раскопок на Ак-депе и Нисе практически исчерпала все средства, предусмотренные на функционирование Кабинета археологии. Однако А.А. Марущенко не считал возможным "бездельничать" и начал работать по методике, использовавшейся им в течение нескольких последующих десятилетий. На Балхано-Атрекскую экспедицию были выделены только скромные командировочные и проездные. Он на поезде добирался до намеченного пункта, там выходил и пешком обследовал прилегающую местность, затем возвращался на эту или другую станцию, отправлял почтой в Ашхабад собранные коллекции, пополнял запас продуктов и снова пускался в путь по намеченному маршруту. Ночевал у пастухов или просто под открытым небом. Почти весь маршрут им был пройден пешком, только для переезда из Небитдага в Мадау был нанят погонщик с верблюдом. Итогом этой экспедиции стали первые находки кремневых орудий в окрестностях Балхана и первое профессиональное обследование памятников низовьев Атрека.

Едва вернувшись с Западного маршрута в июльскую жару, А.А. Марущенко начинает раскопки Нисы, осенью снова отправляется на Балхан, чтобы продолжить поиск стоянок человека древнекаменного века.

Таким образом, за первый год пребывания в Туркмении А.А. Марущенко провел три разведывательных маршрута и достаточно масштабные раскопки на двух важнейших археологических памятниках – Ак-депе и Нисе. Этот темп исследований он сохранял и в последующие годы. В теплое время года – интенсивные полевые исследования, зимой – аналитическая работа с полученным материалом.

С самого начала своего пребывания в Ашхабаде А.А. Марущенко четко определил свои первоочередные научные задачи – составление хронологической шкалы археологических комплексов Южного Туркменистана. Какая-то основа для этого в предшествующих исследованиях уже име-

А.А. Марущенко (справа) на раскопках Шор-депе. Южный Туркменистан. 1958 г.

лась. Участниками экспедиции 1904 г. Р. Пампели и Г. Шмидтом была составлена хронологическая колонка Анау. В ней выделены 4 стадии, для которых предложены фантастические, малообоснованные датировки (Pumpelly, 1908).

А.А. Марущенко ездил по всей подгорной полосе Копетдага, собирал и сопоставлял материал с десятков холмов и наполнил анаускую колонку новым содержанием. Благодаря его огромной работоспособности и пытливому уму первоначальные 4 стадии превратились сначала в 7, затем в 12. Эти знаменитые 12 марущенковских стадий были зафиксированы в 1939 г. в предисловии монографии о "мечети Анау". Помимо более дробного деления анауской колонки он предложил и более реальные (близкие к современным) хронологические определения отдельных этапов анауской культуры (Марущенко. 1939). Важнейшим достижением Александра Александровича стало выделение особой преданауской стадии, которую он сначала назвал "стадией Келята", а затем "Чопан" (по наиболее крупному памятнику этой культуры), теперь она широко известна как Джейтунская культура. Здесь важно отметить, что правильное место джейтунской культуры относительно анауской хронологической колонки А.А. Марущенко определил без каких-либо раскопок, на основании очень ограниченного материала. Здесь проявилась его изумительная интуиция, способность на осно-

вании скудного материала делать поразительно точные выводы.

Наряду с этой генеральной задачей, будучи первоначально единственным в республике профессиональным археологом, он был вынужден заниматься множеством других дел. От них он не отмахивался, но никогда не отступал от своей главной цели. Этим объясняется отсутствие у него широких раскопок одного памятника. Получив комплекс, характеризующий один из исторических периодов, он незамедлительно переключался на другую, еще совершенно неведомую культуру. Даже Ниса с ее великолепными находками его не прельстила: проработав там пять сезонов, он посчитал свою задачу выполненой и с безрассудной отвагой бросился в одиночку изучать Мерв.

Эта жизнь взахлеб интересами археологии в довоенный период прерывалась дважды. В 1932 г. трехмесячные "военные сборы" неожиданно для него превратились в трехгодичную военную службу. Но даже в это время А.А. Марущенко занимается археологией. Служа в Кушке, в свободное время он обследует окрестности и открывает "кушкинскую культуру", во время отпуска (1934 г.) продолжает раскопки Нисы. Второй, более серьезный моральный удар нанес ему арест 1938 г. органами НКВД. Следует отметить, что это был не персональный арест, а какая-то общая акция, направленная против Института истории (был арестован практически весь коллектив института во главе с директором). Оптимистически настроенный молодой, полный честолюбивых планов ученый, пользующийся пусть ограниченной, но искренней поддержкой со стороны руководства, вдруг оказался перед пропастью, его гражданская благонадежность была поставлена под сомнение. Можно сказать, он чудом избежал клейма "враг народа" и, хотя был реабилитирован (в анкете он пишет, что с марта 1938 по март 1939 г. находился под арестом, был освобожден без предъявления обвинения), сам факт ареста ставил А.А. Марущенко в сложные отношения с окружающими. Он не был объявлен врагом народа, но все же арест сделал его социально неполноценной личностью, особенно для осторожного начальства. Пора всесторонней поддержки завершилась. Уехать из Туркмении с таким пятном в биографии он также не мог. После нескольких перемен места работы в 1942 г. он занял скромную должность сотрудника, а затем заведующего отделом туркменского изобразительного искусства в Музее изобразительных искусств, где проработал десять лет. Послевоенный период знаменуется оживлением археологической жизни в Туркменистане. Возобновление археологических исследований было связано с образованием Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. Первоначально М.Е. Массон и А.А. Марущенко были настроены на активное сотрудничество. В архиве М.Е. Массона сохранилась информация о том, что А.А. Марущенко должен был (вероятно, помимо участия в раскопках Нисы) возглавить специальный отряд по "маршруту Исидора Харакского", а у Александра Александровича, пришедшего на организационное совещание по вопросам ЮТАКЭ, в кармане лежало командировочные удостоверение, разрешающее его двухмесячное участие в работе этой экспедиции. Но на заседании произошел инцидент, обусловленный излишним самолюбием обоих фигурантов. Несмотря на то, что заранее почти все было обговорено, М.Е. Массон в официальной обстановке как бы заново сделал ашхабадским археологам предложение принять участие в работе экспедиции и попросил их высказаться по этому вопросу. В ответном слове А.А. Марущенко поблагодарил за доверие и сказал, что он охотно примет участие в работе экспедиции в качестве консультанта. С его позиций это было вполне нормально. Он работал в Туркмении уже 17 лет, а М.Е. Массон и его команда появились здесь практически впервые. Но последнее слово произвело неожиданный эффект, отличавшийся вспыльчивым характером М.Е. Массон побагровел и своим трубным голосом задал сакраментальный вопрос: "Кого Вы собираетесь консультировать? Меня – доктора наук?" Разразился скандал, сделавший их врагами на долгие десятилетия. Причем непримиримость исходила от М.Е. Массона, почти никогда не упускавшего возможности заклеймить своего обидчика.

Испортив отношения с М.Е. Массоном, занявшим ведущее положение в туркменской археологической науке и пользовавшимся поддержкой местных властных структур, А.А. Марущенко вновь оказался в изоляции. Возможности заниматься практической археологией у него не было, равно как возможности публиковать ранее накопленный материал.

Ситуация изменилась только осенью 1951 г., когда в Туркмении была организована местная Академия наук. А.А. Марущенко снова стал востребован как специалист. Он становится ведущим сотрудником археологической группы вновь созданного сектора археологии и этнографии, ему поручается подготовка двух глав престижного издания "История Туркменской ССР".

Окрыленный открывшимися возможностями показать себя, А.А. Марущенко работал с полной отдачей и в поле, и за письменным столом. В 1953 г. он пробыл в экспедициях с февраля по декабрь: осуществил разведывательные раскопки на Хосров-кале (выбор этого памятника в качестве объекта исследования обусловлен его спором с М.Е. Массоном относительно возраста этого городища), на Элькен-депе, функционировавшем в эпоху бронзы и раннего железа, в Старом Се-

рахсе, на курганах под Безмеином и на памятнике античного времени – Геоктепинском городище. Одновременно он курировал работы других сотрудников сектора. Итоги этих работ зафиксированы во втором томе трудов ИИАЭ АН ТССР, где А.А. Марущенко кратко изложил свои научные представления о древнейшем прошлом Туркменистана и опубликовал результаты новейших своих исследований (Труды..., 1956).

В это время ему удалось выйти из провинциальной изоляция. Как сотрудник сектора археологии и один из авторов создаваемой "Истории Туркменистана" он участвует в пленумах ИИМКа, где выступает с изложением своих взглядов.

А они для того времени были достаточно смелыми. В эпоху господства ранжированного марксистского взгляда на исторический процесс А.А. Марущенко выступал с отличной от общепринятой концепцией принадлежности древнеземледельческих культур Южного Туркменистана стадии Намазга (эпоха бронзы) не к первобытной формации, а к рабовладельческим обществам типа ближневосточных. Он доказывал, что в подгорной полосе Копетдага в это время уже существовали социальное расслоение, города (большие укрепленные поселения) и специализированное ремесленное производство. Все эти новаторские идеи А.А. Марущенко сейчас являются общепринятыми, но тогда, в конце 1954 г., он потерпел сокрушительное поражение. Его оппонентам удалось убедить туркменских академиков и партийное руководство в несостоятельности этих идей, и А.А. Марущенко был исключен из авторского коллектива "Истории ТССР".

Справедливости ради следует сказать, что текст второй главы, написанный А.А. Марущенко, действительно был мало пригоден для издания подобного рода. Работа создавалась в обстановке крайнего давления со стороны конкурентов. Это была еще эпоха сталинизма, когда в ходу были обвинения соперников в недостаточной верности марксизму, и в этих условиях А.А. Марущенко излишне перестраховался. В представленном тексте его передовые идеи с трудом проглядывали из-за частокола цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Это поражение стало не только новым моральным ударом, но и опять сказалось на общественном положении А.А. Марущенко. Из лидера туркменской археологии в глазах многих он превратился в неудачника с весьма путанными взглядами на исторический процесс. В 1953 г. А.А. Марущенко фактически был руководителем археологической группы ИИАЭ, но отсутствие ученой степени и исключение из числа авторов "Истории ТССР" отразилось на его служебном положении. В секторе появился новый лидер Джума Дурдыев, обладающий двумя явными преимуществами – национальный кадр и кандидат наук. К мнению Александра Александровича продолжали прислушиваться, но решения уже принимал не он. Одновременно сократились возможности для полевых работ. Новый руководитель сектора (археология была отделена от этнографии) "оттянул" на себя значительную часть средств. А.А. Марущенко вменили в обязанность участие в чужих экспедициях на правах помощника и консультанта, привлекали к работе над малоинтересными ему коллективными плановыми темами. В этих условиях формальная служебная деятельность стала тяготить его и по достижении 60-летнего возраста он сразу подал заявление о выходе на пенсию.

Начинается новый этап его жизни. Пенсия дала средства для независимого физического существования, сделала свободным от социального давления. Теперь он мог делать, что хотел и когда хотел. Правда, денег на удовлетворение собственного исследовательского интереса тоже никто не давал. В этих условиях А.А. Марущенко возобновил свои прежние "железнодорожные десанты" – доезжал до нужной станции, а потом автономно обследовал намеченный район. Последний подобный маршрут он прошел в семидесятилетнем возрасте. Освоил он и новый способ передвижения. Пользуясь своими давними дружескими связями с геологами, А.А. Марущенко выяснял, какая экспедиция будет работать в интересующем его районе. Затем договаривался с начальником о своем участии в экспедиции на правах почетного гостя. Геологи занимались своими делами, он – своими. Скромный в общении и непритязательный в быту, он не был обузой, и геологи никогда не отказывали в помощи уважаемому в их среде человеку. Таким образом А.А. Марущенко обследовал самые глухие уголки Каракумов, куда штатные археологи долго еще не могли проникнуть из-за худшего технического обеспечения своих экспедиций. Так, почти сразу после выхода на пенсию А.А. Марущенко отправился с геологами на Амударью в район Кабаклы – Даргана. Другой его маршрут 1964 г. был связан с Центральными Каракумами (Джебел – Ташауз).

Одновременно он продолжал активно контактировать с коллегами. Александр Александрович встречался практически со всеми археологами, работавшими в Туркмении, и с пристрастием расспрашивал о результатах полевых исследований. Интересующие его сведения записывал карандашом на четвертушках писчей бумаги (почти все эти "четвертушки" хранятся в его архиве). Материал ему охотно показывали, и не только молодые археологи, так как в процессе обсуждения от него можно было услышать много полезного. Правда, особенно разговорчивым он не был и делился далеко не всем, что примечал (об этом так-

же повествуют его "четвертушки"). Эти беседы помогали ему находиться в курсе всех археологических новостей, пополнять свои картотеки, уточнять представления о тех или иных памятниках.

Иногда он принимал участие в археологических экспедициях. Больше всего он работал с Хемрой Юсуповым, с которым его связывала взаимная симпатия и взаимные интересы. А.А. Марущенко делился с Х. Юсуповым опытом, учил ремеслу археолога, показывал интересующие того памятники. Со своей стороны, Х. Юсупов учитывал интересы Александра Александровича, специально заезжал в интересующие того районы. Сотрудничество длилось много лет и закончилось лишь ввиду ухудшения здоровья А.А. Марущенко. Атлетически сложенный, ростом под два метра, поджарый, он казался и, вероятно, сам себя считал вечным. Но возраст все-таки сказывался, напряженная работа в пустыне вызвала сбои и в этом могучем организме. В одном из пеших походов по Каракумам (экспедиционный вездеход просто не мог преодолеть зыбучие пески) в июльскую жару Александру Александровичу стало плохо, и поход едва не закончился трагически. После этого летние поездки в глубь пустыни прекратились.

В этот период он по-прежнему не прекращал напряженной аналитической работы, пополнял свои картотеки, уточнял периодизацию древнеземледельческих памятников, решал вопросы взаимодействия разных культур. Освободившись от формальных плановых тем, А.А. Марущенко начал предпринимать экскурсы в нетрадиционные для себя области. Так, на совещании по этногенезу туркмен в 1967 г. он выступил с интересным докладом на эту тему. Занимался он и проблемами гузов, задолго до подъема интереса к "Великому шелковому пути" изучал древние торговые трассы в пределах Туркмении, "открыл" для себя лингвистику и с увлечением занимался дешифровкой древних топонимов, точнее, использованием этих данных для решения исторических проблем. Обладая широким кругозором, он хорошо ориентировался в проблемах естественных наук, активно использовал данные геологов, геоморфологов, почвоведов в своих исторических построениях.

Интересы А.А. Марущенко выходили за пределы Туркменистана и Средней Азии, при решении исторических проблем он не замыкался рамками этих регионов. Для прояснения некоторых аспектов проблемы заселения территории Туркменистана он принял участие в экспедиции А.Н. Мелентьева и проехал по всему северо-восточному побережью Каспия от Астрахани до Кара Богаз Гола (1968–1969 гг). Не из-за простого любопытства принял он участие в экспедиции И.Б. Васильева (1973–1974 гг., раскопки поселения Съезжее), здесь он пытался обнаружить следы контактов населения Поволжья и Средней Азии.

Последнюю экспедицию А.А. Марущенко провел в августе 1976 г., нарушив свой зарок не ездить больше в пустыню летом. И.С. Масимов в начале 70-х гг. сделал интересные открытия на Мургабе, которые частично подтвердили активно развиваемую А.А. Марущенко идею об очень раннем заселении долины Мургаба древними земледельцами (традиционно считалось, что земледельцы появились там только в эпоху поздней бронзы, период Намазга VI). И.С. Масимову же удалось обнаружить здесь остатки развеянных стоянок или поселений с материалами геоксюрского типа. Для А.А. Марущенко это был непреодолимый соблазн: нарушая запреты врачей, мольбы жены, он напрашивается в экспедицию И.С. Масимова и в августовскую жару утюжит пустыню в низовьях Мургаба. В экспедиции он был бодр и деятелен, но через две недели после возвращения в Ашхабад ему стало плохо, и он скончался от инсульта. Последними словами умирающего Александра Александровича была фраза: "Ну, вот, с камешками покончено". Произошло это утром 10 сентября 1976 г.

При формальном, поверхностном, обывательском взгляде на жизнь А.А. Марущенко ее можно оценивать как жизнь неудачника. В молодости подавал большие надежды, во время учебы в МГУ считался одним из лучших студентов, но уехал в провинцию и там прожил крайне неудачную жизнь. Много и самоотверженно работал, но ни степеней, ни официального признания, ни богатства не достиг, умер на продавленном диване в однокомнатной квартире, погребен скромно, без почестей. Пользовался славой лучшего знатока прошлого Туркменистана, но оставил после себя менее двух десятков статей в основном публикационного и тезисного характера.

Но у специалистов, лучше знакомых с его деятельностью и относящихся к нему непредвзято, совсем другое мнение. До появления А.А. Марущенко в Ашхабаде местной археологической науки не было. Он был первым и, пожалуй, единственным профессиональным археологом, планомерно и всесторонне осваивающим историческое прошлое Туркмениста. Крупнейшим достижением предшествующего периода являлись раскопки Анау, но, как показал А.А. Марущенко и другие исследователи, их результаты интерпретировались не совсем верно, что было вполне естественно. Ведь своеобразная культура древнеземледельческих племен Южного Туркменистана была совершенно неведомой, и первые шаги по ее изучению не могли дать полного и верного о ней представления.

А.А. Марущенко, молодой специалист, только что окончивший вуз, оказался один на один с мно-

жеством сложнейших проблем, решение которых, как показало дальнейшее развитие событий, оказалось не под силу даже нескольким крупным комплексным экспедициям. Но А.А. Марущенко четко построил стратегию своей научной деятельности. Генеральной задачей для него стало создание хронологической шкалы комплексов, без которой невозможна последующая интерпретация археологического материала. Обладая крайне ограниченными возможностями, он тем не менее уже в первое десятилетие своего пребывания в Туркмении, а фактически за шесть лет – три года он провел в армии, один под арестом – разделил культуру Анау не на 4, а на 12 стадий и дал им близкие к современным хронологические определения.

Хронологическая схема комплексов стала для него основным делом жизни, ради ее создания он отказался даже от продолжения раскопок такого замечательного памятника как Ниса, которые, несомненно, принесли бы ему мировую славу. Свою схему А.А. Марущенко продолжал совершенствовать всю жизнь и к середине 60-х годов прошлого столетия "анауская колонка" (т.е. хронология древнеземледельческих культур) у него насчитывала уже 19 стадий. Занимался он и выделением комплексов более поздних эпох: эллинистической, парфянской, сасанидской, тахиридо-саманидской, сельджукской, монгольской, тимуридской, узбекской, сефевидской; прекрасно знал материальную культуру туркмен XVIII–XIX вв. Эта шкала комплексов была создана на основе материалов подгорной полосы Копетдага, но А.А. Марущенко занимался также изучением археологических культур других историко-культурных областей: юго-западного Туркменистана, долины Мургаба, Средней Амударьи, Узбоя.

В последние годы жизни основным объектом научного интереса исследователя стали памятники каменного века, ему удалось собрать замечательные коллекции, открыть множество новых стоянок. А.А. Марущенко изъездил и главным образом исходил практически всю территорию Туркменистана и является первооткрывателем большинства археологических памятников Туркмении. Показательно, что списки древнеземледельческих памятников подгорной полосы Копетдага, хранящиеся в личном архиве А.А. Марущенко, до сих пор полнее любой современной обобщающей сводки.

Раскопочная деятельность А.А. Марущенко в основном была направлена на совершенствование хронологической шкалы комплексов. Главным инструментом являлись стратиграфические шурфы, в качестве объектов исследования он старался выбирать наиболее крупные памятники, имеющие длительную историю функционирования (Ак-депе в Бекраве, Овадан, Новая Ниса, Старый Мерв, Старый Серахс, Элькен-депе, Хосров-кала). Параллельно со стратиграфическими исследованиями А.А. Марущенко стремился получить максимум сведений об избранном объекте: изучалась планиграфия памятника, фортификация, геоморфологическая ситуация. На некоторых поселениях он проводил более крупные раскопки, стремясь получить более представительные, базовые комплексы (Ак-депе, где полностью раскопаны два верхних горизонта; Эрк-кала, где осуществлены расчистки центрального административного здания). Несмотря на дороговизну топографических работ, он не скупился на проведение съемки планов важнейших памятников. Благодаря ему имеются прекрасные топографические планы городищ Нисы, Старого Мерва, Элькен-депе.

Наиболее значительными были раскопки Нисы, где А.А. Марущенко не только первым установил время функционирования обоих городищ, но и высказал ряд идей относительно структуры и назначения Старой Нисы. Итогом этой работы стал блестящий для своего времени доклад на Третьем Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии (Ленинград, 1935 г.), продемонстрировавший научной общественности совершенно неведомую культуру коренных районов Парфии[1].

Заслуживает высокой оценки вклад А.А. Марущенко в изучение древнего Мерва. Материалы его разведок и раскопок 1931, 1936, 1937 гг. не были опубликованы, но ознакомление с архивными материалами показывает, что в понимании древнейшей истории города он продвинулся намного дальше в сравнении со взглядами, господствавшими в довоенной литературе.

Важной и до сих пор недостаточно оцененной является кропотливая работа А.А. Марущенко по историко-культурному районированию подгорной полосы Копетдага. Для разных исторических периодов он намечал сосуществование нескольких культур или локальных вариантов одной культуры и предлагал свои объяснения этого явления, рассматривал историю древних земледельцев в динамическом развитии, в контактах с пришлыми и местными сначала охотничьими, а затем скотоводческими племенами. В последние годы работы в Институте истории АН ТССР он значительное внимание уделял особенностям историко-культурного развития Аркача (северо-западной части подгорной полосы Копетдага от Бами до Кизил-Арвата). Результатом этой деятельности стали раскопки самого западного поселения джейтунской культуры – Бамийского поселения – и важные стратиграфические исследования в Кизил Арвате и Парау, к сожалению, до сих пор не введенные в научный оборот.

А.А. Марущенко был автором ряда идей, опережающих свое время. Он первый предложил

[1] Публикацию этого доклада см.: Пилипко, 2001. С. 405–411.

гипотезу о становлении классового общества на территории Южного Туркменистана уже в эпоху бронзы. Основания для этого он видел в существовании развитого (товарного) обмена, крупных укрепленных поселений, имущественной и социальной дифференциации местного населения. Эти идеи долгое время считались ошибочными, но сейчас они получили всеобщее признание и успешно развиваются его былыми оппонентами.

Феномен А.А. Марущенко состоял и в его поразительной интуиции. Часто располагая очень незначительным материалом, он делал выводы, находившие подтверждение лишь через несколько десятилетий кропотливой работы. Правда, нередко то, что считалось удачной догадкой, в действительности было плодом напряженной аналитической работы, виртуального моделирования былых исторических процессов, рассмотрения культур Средней Азии в широком историческом контексте. Одним из таких примеров могут служить представления А.А. Марущенко о времени земледельческого освоения низовий Мургаба. Первоначально к возможности и вероятности этого явления он пришел на основании общих своих представлений о сущности исторических процессов на территории Южного Туркменистана. Опорными пунктами для подобного прогноза для него стали: уровень развития древних сообществ подгорной полосы Копетдага, могильник Заман Баба, расположенный в Бухарском оазисе и содержащий керамику южнотуркменистанского типа, а также работы почвоведов в низовьях Мургаба. Но в пределах дельты Мургаба археологи долго не могли найти ничего более раннего, чем памятники эпохи поздней бронзы. Всеобщим признанием пользовалась гипотеза о заселении низовьев Мургаба только в эпоху поздней бронзы пришельцами из подгорной полосы Копетдага, где в это время разразился демографический кризис. Но А.А. Марущенко удалось все-таки дожить до тех времен, когда его прогноз стал находить фактическое подтверждение. В дельте Мургаба были обнаружены материалы времени Намазга IV (развитой бронзы) и скопления керамики еще более древнего времени – эпохи энеолита. К сожалению, А.А. Марущенко оставил мало публикаций, что на мой взгляд – одно из последствий его, в целом, драматической судьбы. В начале своей научной деятельности А.А. Марущенко издал несколько заметок, тщательно готовил итоговое исследование по Нисе, обсуждал с Л.И. Ремпелем планы создания совместной работы по средневековым архитектурным памятникам Туркменистана (Ремпель, 1992. С. 91, 92). Но арест органами НКВД и последующее изменение социального статуса надолго закрыли ему возможности для творческих публикаций.

В послевоенные годы конфликт с М.Е. Массоном, ставшим главным авторитетом в вопросах туркменской археологии, продлил творческую изоляцию А.А. Марущенко еще на шесть лет. Сборник трудов ИИАЭ АН ТССР, посвященный результатам работ 1953 г., показывает, что А.А. Марущенко мог писать содержательные научные работы, просто в предшествующий период у него для этого не было возможностей.

Внутренний перелом в отношении к публикациям у него, видимо, произошел после разгромной критики его глав для "Истории ТССР" и исключения из авторского коллектива. Александр Александрович, в общем очень самолюбивый человек, вероятно, решил недостойным для себя изыскивать способы для печатной пропаганды своих взглядов и достижений. С другой стороны, гнет жесткой и жестокой критики в сочетании с высокой внутренней требовательностью развили в нем хорошо известный комплекс недостижимости идеального варианта (постоянного сомнения в соответствии предлагаемого продукта абсолютной истине). Научный процесс – это постоянная динамика. Даже в самой проработанной концепции со временем выявляются слабые места, какие-то ошибки. И А.А. Марущенко, наблюдая, как его еще не изданные работы в отдельных положениях обнаруживают ошибочные представления или теряют актуальность, по-видимому, стал испытывать боязнь перед печатным словом. В последний период жизни у него вновь появились возможности для публикации своих программных положений и важнейших открытий, но он ими не воспользовался. Поэтому в настоящее время существует 16 его печатных работ и 140 томов личного архива, ныне хранящегося в Москве, в Институте археологии РАН. Значительная часть научного наследия Александра Александровича – полевые дневники, отчеты, описи – находится в Ашхабаде, в Институте истории. Собрание его ранних рукописей, хранившееся в Туркменской научной библиотеке, оказалось полностью утрачено. Архив А.А. Марущенко до сих пор представляет собой ценное собрание материалов и идей, имеющих важное значения для понимания древнейшего прошлого Средней Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Марущенко А.А. Развалины святилища огня (Памятник домусульманской эпохи Баба-Дурмаз) // Туркменоведение. № 11. Ашхабад, 1930.

Марущенко А.А. Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад, 1939.

Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.

Ремпель Л.И. Мои современники. Ташкент, 1992.

Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 2. Ашхабад, 1956.

Pumpelly R. Exploration in Turkestan. V. 1–2. Washington, 1908.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 163–176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дэвлет М.А. "АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АДРИАНОВ (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)". Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с. ил.

"Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) – выдающийся исследователь древностей Южной Сибири, публицист, путешественник, историк, этнограф и археолог. После расстрела томскими чекистами его имя в течение многих лет сознательно замалчивалось в историографических работах, его биографические данные искажались и почти не были известны. На опубликованных коллективных фотографиях сибирских общественных деятелей лицо А.В. Адрианова скрывала ретушь". Этими словами начинается биографический очерк неутомимой исследовательницы жизни и деятельности Адрианова Марианны Арташировны Дэвлет, выпущенный к 150-летию со дня рождения А.В. Адрианова и 100-летию его знаменитого, но все еще не опубликованного труда "Писаницы Енисейской губернии".

У каждого человека, как известно, своя судьба, а из этих судеб складывается история. Счастливой, с одной стороны, и трагической, с другой, была судьба А.В. Адрианова, тесно связанная с событиями, происходившими в России в начале двадцатого века. Счастлив человек, занимающийся своим любимым делом, а именно этому, наперекор всему, и была посвящена вся его жизнь, а трагическая кончина была уготована А.В. Адрианову теми, кто не разделял его политических взглядов.

Сегодня практически любой исследователь, изучающий сибирские древности, знает имя А.В. Адрианова. Но путь его возвращения из забвения был долгим и трудным. Далеко не каждому суждено поработать с архивами Александра Васильевича, но благодаря усилиям буквально нескольких замечательных исследователей имя этого человека и масштаб его деятельности стали известны широкой научной общественности. Хотелось бы назвать тех, кто вернул нам А.В. Адрианова, вернул к жизни его бесценное наследие.

В 1949 и 1961 гг. сотрудница МАЭ К.В. Вяткина частично опубликовала материалы из коллекции эстампажей енисейских писаниц, хранящихся в музее антропологии и этнографии (Вяткина, 1949; 1961). По поводу этих коллекций Э.Б. Вадецкая писала: "А.В. Адрианов не выбирал наиболее эффектных или лучше сохранившихся наскальных рисунков, как это делали его предшественники. Он скрупулезно копировал все подряд, считая своей целью очень тщательный сбор массового материала. Каждый объект в порядке исследования он помечал римской цифрой, а отдельные эстампы – арабскими цифрами. Благодаря этому эстампы А.В. Адрианова, хранящиеся в МАЭ, до сих пор можно найти и использовать для изучения петроглифов, в то время как большинство опубликованных копий других исследователей не представляет сейчас научного интереса" (Вадецкая, 1986. С. 158). К.В. Вяткиной была проделана огромная трудоемкая работа (а каждый исследователь представляет, насколько сложно копировать чужой материал), которая заключалась в следующем: при копировании под эстампаж подкладывался лист бумаги, затем по контуру изображений делались наколы тонкой иглой, протыкающей насквозь эстампаж и бумагу под ним, после чего на бумаге обводился намеченный абрис карандашом или тушью (Дэвлет, 1996в. С. 190). Проделав такую работу, К.В. Вяткина впервые ввела в научный оборот материалы, полученные А.В. Адриановым в результате исследования Шалаболинской и Кунинской писаниц. Как это ни парадоксально, до настоящего времени публикация петроглифов горы Куни в таком объеме, который воспроизвела К.В. Вяткина, остается единственной! Хочется подчеркнуть, что многие из писаниц, обследованные А.В. Адриановым, сегодня разрушены (например, Майдашинская), поэтому подобные публикации и архивные материалы сами становятся первоисточником.

Определенную ценность представляет работа Э.Б. Вадецкой "Археологические памятники в степях Среднего Енисея" (1986), глава VIII "Писаницы". При создании свода ею были использованы дневники А.В. Адрианова, а также его рукопись "Писаницы Енисейской губернии" (известная в двух оригиналах: Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 2; МАЭС. 1948. Д. 55). Она посвящена писаницам, обследованным на Енисее в 1904 г. В ней содержится информация обо всех известных А.В. Адрианову писаницах, в том числе несохранившихся. Кроме того, в рукописи подробно описан каждый комплекс рисунков и история их исследования. Э.Б. Вадецкая использовала картотеку писаниц, составленную А.В. Адриановым.

Но, бесспорно, особая заслуга в деле "возвращения" нам А.В. Адрианова принадлежит Марианне Арташировне Дэвлет, посвятившей А.В Адрианову целую серию исключительно информативных статей (Дэвлет, 1985а; б; 1987; 1990; 1992; 1993а; б; 1994а–д; 1995а–в; 1996а–в; 1997а–д; 1998; 1999а–в). Именно она познакомила нас с удивительной биографией этого человека, причем сделала это чрезвычайно деликатно и с огромным уважением. Уже по ее первым статьям об Александре Васильевиче можно было сказать: *смело и справедливо*. В новой книге М.А. Дэвлет проследила весь жизненный путь А.В. Адрианова, этапы его формирования как ученого, перипетии научной и общественной деятельности (2004). А.В. Адрианову повезло в жизни на встречи с выдающимися людьми. Он родился в большой многодетной семье сельского священника Василия Васильевича Адрианова, который помимо исполнения обязанностей духовного лица преподавал в мужской и женской школах, а также занимался краеведением. Очевидно, именно отец и заложил в сыне тягу к научным знаниям. Директором гимназии, в которой учился Адрианов, был П.П. Ершов, знаменитый автор "Конька-горбунка", отличавшийся демократическими взглядами, патриот Сибири, человек, близкий лидерам демократического движения. Уже будучи студентом Петербургского университета, Александр познакомился с известным писателем, деятелем сибирского областнического движения, Н.М. Ядринцевым, оказавшим огромное влияние на его жизненный выбор. В доме А.М. Ядринцева произошло знакомство и с родоначальником сибирского областничества Г.Н. Потаниным, ставшим духовным наставником и старшим другом Александра. Портреты всех этих людей,

отдавших все свои силы во имя процветания Сибири, прописаны М.А. Дэвлет ярко, с огромным уважением, на основе переписки и дневниковых записей А.В. Адрианова. Мы узнаем о том, каким образом Александр готовил себя к будущей полевой работе (в совершенстве освоив, например, искусство фотографии, а также изучив анатомию, что оказалось впоследствии полезным при раскопках древних погребений), о его вступлении в Императорское Русское географическое общество, членом-сотрудником которого он становится. Очень интересны описания путешествий А.В. Адрианова по Сибири, его встречи с разными людьми, собирания сведений о памятниках истории, а также трудностей, с которыми он встречался во время своих экспедиций. Параллельно описывается его сотрудничество с различными сибирскими газетами, а также семейная жизнь, наполненная любовью и разочарованиями, безденежьем и постылой службой в Управлении акцизными сборами Восточной, а затем Западной Сибири.

Марианне Арташировне удалось на примере жизнедеятельности Адрианова обнажить множество актуальных во все времена этических вопросов: каким должен быть жизненный выбор между благополучием и любимым делом; между семьей и наукой; между правдой и ложью; между Родиной и чужбиной. Перед нами предстала многогранная личность: яркая, увлеченная, неутомимая, как бы мы сегодня сказали – "с активной жизненной позицией". Марианна Арташировна скрупулезно изучила и активно использовала архивные документы и публикации Александра Васильевича, что придает еще больший вес ее труду. Не осталась без ее внимания и рукопись отчета "Писаницы Енисейской губернии", содержащей не только бесценные сведения о писаницах этого региона, но и методах работы с петроглифами.

Книга появилась очень своевременно – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства и Институт археологии Российской Академии наук 11–17 августа 2004 г. провели полевой семинар, посвященный 150-летию А.В. Адрианова: "Документирование и мониторинг памятников наскального искусства: история, проблемы, перспективы". Книга задала тон этому мероприятию, стала его путеводной звездой. А.В. Адрианов является выдающимся исследователем наскального искусства Южной Сибири. Методы документирования наскальных рисунков, применявшиеся им в начале XX в., намного превосходили научный уровень того времени. Многие памятники были впервые введены в научный оборот именно А.В. Адриановым, а его эстампажи и описания документировали множество замечательных местонахождений наскального искусства, что позволило участникам семинара пройти "тропами Адрианова" и проследить состояние сохранности этих памятников и динамику их разрушения.

Книга написана прекрасным, присущим именно Марианне Арташировне языком, а умело включенные в ткань повествования выдержки из дневников, писем, отчетов самого Александра Васильевича придают какой-то особый эффект его присутствия. Весьма оригинально в книге подобран иллюстративный материал, передающий адриановские прорисовки наскальных изображений с различных памятников, позднее скопированных М.А. Дэвлет и приведенных здесь же для сравнения, а также фотографии из фотоархива ИИМК РАН, рукописного архива ИИМК РАН и фотографии, выполненные Я.А. Шером, Е.А. Миклашевич. На первой странице обложки книги помещен фотопортрет А.В. Адрианова, на последней странице обложки – фотография оттиска его печати.

Издание этого биографического очерка – научный подвиг М.А. Дэвлет, один из шагов на пути увековечения памяти А.В. Адрианова и возвращения в научный оборот его ценнейшего наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вяткина К.В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сб. МАЭ. Т. XII. М.; Л., 1949.

Вяткина К.В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сб. МАЭ. Т. XX. М.; Л., 1961.

Дэвлет М.А. Из истории изучения петроглифов Енисея. И.Т. Савенков и А.В. Адрианов // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985а.

Дэвлет М.А. К истории исследования петроглифов Сибири. Работы А.В. Адрианова // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985б.

Дэвлет М.А. К истории изучения петроглифов Енисея. Начало – третья четверть XIX в. // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов. Материалы к биографии // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов – археолог и общественный деятель // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. СПб., 1993а.

Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В. Адрианова (1854–1920) // Страницы истории Алтая. 1994: Библиогр. указатель. Барнаул, 1993б.

Дэвлет М.А. Александр Адрианов и Тува. Начало пути // Башкы. 1994а. № 2 (8).

Дэвлет М.А. В конце пути. Александр Адрианов и Тува // Башкы. 1994б. № 5 (11).

Дэвлет М.А. У истоков Сибиряковской экспедиции в Якутию // Сб. научных трудов. Сер. Филология. Якутск, 1994в.

Дэвлет М.А. О последней археологической экспедиции А.В. Адрианова // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994 г.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и Алтай // Altaica. 1994д. № 4.

Дэвлет М.А. Из истории пропаганды этнографических знаний в Томске // Методика комплексных исследований культуры народов Западной Сибири. Томск, 1995а.

Дэвлет М.А. О поездке А.В. Адрианова к "забытым людям забытого края" // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Сб. посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. Барнаул, 1995б.

Дэвлет М.А. Первые экспедиции. К 75-летию со дня смерти А.В. Адрианова // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Докл. Всерос. науч. конф. Ч. 1. Омск, 1995в.

Дэвлет М.А. "В сердце Сибири" // Археология Сибири. Историография и источники. Сб., науч. трудов. Омск, 1996а.

Дэвлет М.А. В Минусинской ссылке. К 75-летию со дня кончины А.В. Адрианова // Археология Сибири. Историография и источники. Сб. научных трудов. Омск, 1996б.

Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея. М., 1996в.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов об Иркутске // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997а.

Дэвлет М.А. Адрианов как исследователь Алтая // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997б.

Дэвлет М.А. История формирования коллекции эстампажей Енисейских писаниц в МАЭ // Развитие культуры в каменном веке. СПб., 1997в.

Дэвлет М.А. Иркутск в начале века (глазами А.В Адрианова) // Земля Иркутская. Вып. 9. Иркутск, 1997г.

Дэвлет М.А. Сын земли Курганской // Итоги и задачи регионального краеведения. Курган, 1997д.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как археолог. Первый период // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. М., 1999а.

Дэвлет М.А. Неизвестные страницы из жизни А.В. Адрианова. Человек без профиля // Гриф. Сибирский журнал. № 2. Красноярск, 1999б.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и Минусинский музей // Мартьяновские краеведческие чтения (1989–1999). Сб. докл. и сообщ. Минусинск, 1999в.

Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (К 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004.

Кемеровский государственный университет

О.С. Советова

Самашев З., Мыльников В. "ДЕРЕВООБРАБОТКА У ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ. МАТЕРИАЛЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КУРГАНА 11 МОГИЛЬНИКА БЕРЕЛ". Алматы: ОФ "Берел", 2004. 312 с.

В культуре древних кочевников Алтая одним из наиболее распространенных и доступных материалов для изготовления различных предметов и сооружений была древесина. Очень широко конструкции и вещи из дерева применялись в погребальной обрядности номадов пазырыкской культуры скифского времени. Благодаря особым условиям высокогорной местности, во многих курганах Алтая сохранились перекрытия, внутримогильные сооружения, инструменты, бытовая утварь, предметы конского убранства, украшения или вотивные модели, изготовленные из дерева. (Руденко, 1960. С. 44–46; Кубарев, 1987. С. 60, 69, 72, 74; Полосьмак, 1994. С. 30–38). Исследователям, изучавшим деревянные сооружения и изделия пазырыкской культуры, удалось реконструировать основные элементы технологии обработки дерева и определить набор применявшихся для изготовления деревянных изделий различных металлических инструментов (Семенов, 1956. С. 204–230; Руденко, 1960. С. 214, 215; Мыльников, 1999. С. 29, 38–40).

Одним из районов, на территории которых исследованы курганы пазырыкской культуры с хорошо сохранившимися деревянными изделиями, является долина р. Бухтарма в Казахском Алтае. Впервые раскопки большого кургана в этом районе осуществил в 1865 г. В.В. Радлов в Берельской степи. В процессе раскопок он обнаружил захоронения 16 лошадей со множеством украшений, покрытых золотой фольгой, деревянный сруб и колоду. (Радлов, 1989. С. 449–451). Спустя столетие доследование этого памятника и публикацию материалов осуществил С.С. Сорокин (1969. С. 208–236). В 1998 г. работы на могильнике Берел на правом берегу р. Бухтарма в Казахском Алтае были продолжены Казахско-Французской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана Национальной Академии наук и Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Самашев и др., 1999. С. 159–164).

В 1998–1999 гг. этой экспедицией был раскопан курган 11 в составе данного могильника, в котором были обнаружены внутримогильные конструкции и многочисленные изделия из дерева. Анализу этих находок и технологии их изготовления посвящена рецензируемая монография З.С. Самашева и В.П. Мыльникова (2004).

В книге рассматриваются общие вопросы истории деревообработки в древности в разных районах Старого Света, включая древнейшие очаги цивилизации. Довольно подробно авторы характеризуют традиционные способы заготовки древесины и приемы ее первичной обработки, различные формы заготовок из дерева для строительных нужд. Весьма основательно описаны разные виды деревообрабатывающих инструментов, применявшихся древними мастерами. Авторы книги на основании изучения инструментария и изделий, изготовленных из дерева, склоняются к мысли, что у кочевников Северной и Центральной Азии должен был существовать "своеобразный институт мастеров", специализировавшихся на изготовлении различных изделий из дерева (Самашев, Мыльников, 2004. С. 180–182, 184–193). Определенное внимание уделено исследователями анализу деревянных конструкций в погребальных сооружениях в культурах кочевников Центрально-азиатского региона. З.С. Самашев и В.П. Мыльников описали известные к настоящему времени деревянные конструкции из раскопанных памятников саксского времени с территории Казахстана (2004. С. 194–199).

Основное внимание в книге уделено анализу материалов раскопок кургана 11 на могильнике Берел. Авторы приводят сведения о его расположении в составе могильника, особенностях насыпи, которая в отличие от большей части округлых курганных насыпей пазырыкской культуры имела овальную форму, вытянутую длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Внутри могилы ими отмечено расположение сруба с перекрытием, местоположение колоды с останками погребенных и сопроводительных захоронений лошадей, указаны отдельные наход-

ки, сделанные в процессе раскопок, и следы деятельности грабителей (Самашев, Мыльников, 2004. С. 183, 184).

Более подробно элементы деревянных конструкций из этого кургана рассмотрены в разделе о погребальных сооружениях ранних кочевников Казахстана. По оценке авторов, "сруб-каркас" состоял из трех венцов полубруса и перекрытия из полубрусьев и плах разной толщины. На основании следов обработки авторами реконструирован процесс изготовления полубрусьев и плах и особенности сборки конструкции, которая в собранном виде имела вид усеченной пирамиды. При этом каждое звено было несколько смещено внутрь по отношению к нижнему звену, а каждая стенка была слегка наклонена внутрь. По мнению З.С. Самашева и В.П. Мыльникова, это придавало срубной конструкции дополнительную устойчивость (2004. С. 200, 201). Действительно, на фотографии угла сруба такое смещение, правда без наклона, довольно заметно (Самашев, Мыльников, 2004. Рис. 56).

Однако с реконструкцией "небольшого навеса (каркасно-столбового устройства с двумя балками-переводинами), а также легкого перекрытия – однослойного наката из жердей, уложенных сверху на балки переводины", трудно согласиться (Самашев, Мыльников, 2004. С. 200. Рис. 42). Подобный "легкий навес" не мог выдержать тяжести двухметровой каменной насыпи и был бы продавлен внутрь могильной ямы уже в ходе ее сооружения. Впрочем, в другом месте авторы утверждают, что этот "навес" придавливал слои перекрытия из полотнищ бересты и веток курильского чая, что, на наш взгляд, ближе к истине (Самашев, Мыльников, 2004. С. 203). Особое внимание исследователей привлекла деревянная плаха с четырьмя сквозными отверстиями, в которые могли вставляться жерди. Они трактуют ее как ярмо – элемент средства передвижения для перевозки тяжестей, либо как одну из составных частей корпуса телеги или колесницы, к которой крепились детали обрешетки кузова (Самашев, Мыльников, 2004. С. 204).

Бревенчатая долбленая колода с парными выступами- проушинами на концах и крышкой прикреплена к колоде бронзовыми шплинтами с навершиями в виде грифонов. Деревянная подставка – "подушка", подкладывавшаяся под голову умершего, представляет собой характерные элементы внутримогильной конструкции и принадлежности погребальной обрядности населения пазырыкской культуры. Авторы проследили процесс изготовления колоды и даже особенности ее разрушения грабителями (Самашев, Мыльников, 2004. С. 204).

Среди сохранившихся в могильной яме деревянных инструментов и хозяйственно-бытовых предметов исследователи выделяют находку деревянной лопаты, изготовленной из березовой доски длинной чуть более 1 м. Ее рабочая часть оказалась расколотой на три части, а обломки пришиты с обеих сторон к центральной части через специально проделанные парные отверстия (Самашев, Мыльников, 2004. С. 206. Рис. 112, 113, 115). Трудно себе представить, как с помощью подобной лопаты можно было копать твердый грунт. Вероятно, она использовалась для того, чтобы отгребать уже разрыхленную землю. О недолговечности подобных лопат свидетельствует обломок еще одной такой же лопаты, найденной в могильной яме. Авторы считают специальным ударным инструментом деревянный березовый молот, изготовленный из части неошкуренного березового бревна с суком в качестве рукояти. На его поверхности имеются следы ударов (Самашев, Мыльников, 2004. С. 207).

В числе других хозяйственных предметов З.С. Самашевым и В.П. Мыльниковым выделены колья, клинья, жерди, колотушка, пешня, скребки или лощила и даже стяжек для закрепления веревок, стягивающих стог сена (2004. С. 207–209).

Такое стремление найти объяснение назначению каждого деревянного предмета или детали, обнаруженных в могиле, вполне объяснимо. Но погребение все-таки не хозяйственное помещение, поэтому необходимо объяснить, почему "орудия для выделки шкур животных" могли оказаться в могильной яме и откуда там появилась "палка для закрепления веревок, стягивающих стог сена", если кочевники свой скот круглый год держали на подножном корму.

Значительный интерес в раскопанном кургане 11 могильника Берел представляют находки деревянных деталей предметов вооружения древних кочевников Алтая. В могиле найдено скопление деревянных древков от щита. Как удалось установить исследователям, эти древки были аккуратно остроганы и уплощены с каждого конца, распарены и изогнуты под тупым углом, подобраны по длине таким образом, что получилась трапециевидная фигура, а затем продеты в кожаную основу (Самашев, Мыльников, 2004. С. 209, 210). Из этой реконструкции остается не вполне ясным, в какую сторону направлен изгиб древков. Если вверх, то такой щит напоминает елочный узор на рисунках щитов, изображенных на оленных камнях (Волков, 1981. С. 110). Однако такое расположение не соответствует направлению древков на пазырыкских щитах, которые размещались вертикально (Руденко, 1953. С. 262, 263). Кроме того, подобные щиты должны были иметь боковые ограничители, чтобы не происходило произвольного смещения древков.

Другие деревянные части оружия описаны очень кратко. Все они сохранились не полностью. Рукоять чекана обломана с обеих концов, где должны быть основания для крепления проуха или втулки чекана и втулки втока. На древке стрелы также нет торца для крепления наконечника и ушка для натягивания тетивы. Фрагмент плеча кибити – сложного лука – почему-то сохранился совершенно прямым, хотя должен быть выгнут в противоположную от направления стрельбы сторону. Не ясно, почему в число предметов вооружения был включен предмет, названный деревянным "остроконечником" (Самашев, Мыльников, 2004. С. 210. Рис. 161–164). О применении подобных "остроконечников" для военных целей кочевниками пазырыкской культуры ничего не известно.

В составе сопроводительного инвентаря авторами книги рассмотрены некоторые принадлежности конской сбруи и находки деревянной посуды.

Вероятно, наибольший интерес у читательской среды среди всех вещей предметного комплекса должны вызвать украшения конской сбруи и другие изделия, выполненные в традициях скифского звериного стиля. Эти предметы подробно рассмотрены в разделе, посвященном резьбе по дереву. Хотя авторов интересовали преимущественно технологические особенности изготовления изделий с художественной резьбой, сделанные ими наблюдения о характерных приемах обработки этих изделий и описание подобных вещей имеют важное значение и для исследователей скифского декоративно-прикладного искусства. В кургане 11 могильника Берел найдена целая серия высокохудожественных деревянных украшений конской сбруи. Среди них выделяются налобные бляхи от узды, выполненные в высоком рельефе, сочетающие изображение головы кошачьего хищника анфас и симметричные фигуры грифонов, изображенных в профиль. Некоторые бляхи оформлены в виде голов кошачьих хищников со щитками из протом грифонов или лосей. По мнению исследователей, в этих изображениях угадываются антропоморфные черты (Самашев, Мыльников, 2004.

С. 217). Большую художественную ценность представляют и другие украшения конской сбруи, оформленные характерными фигурами или головами реальных и мифических животных из репертуара скифского искусства. Деревянные псалии имеют окончания в виде голов грифонов, лосей, баранов или нескольких завитков. Развилки для псалиев украшены фигурами грифонов, завитками, головами лосей. Округлые бляхи передают голову грифона, в пасти которого находится голова травоядного животного. Иногда последняя деталь выполнена в виде объемной скульптуры. Некоторые бляхи передают фигуру лежащего оленя или грифона с подогнутыми ногами и скульптурной головой, а также щитком в виде протом лосей или грифонов. Многочисленные подвески изображают головы архаров со спиралевидно загнутыми рогами; парные головы оленей, ориентированные в противоположные стороны; орлиных грифонов с поднятыми крыльями; грифонов в виде четвероногих хищников с повернутой назад головой; грифонов и кошачьих хищников; стилизованных завитков, напоминающих головы грифонов. Особое внимание авторами книги уделено деревянным моделям рогов горных козлов, которые украшали маски погребеьных коней, и отдельной объемной скульптуре грифона. На многих деревянных изделиях сохранились фрагменты золотой фольги (Самашев, Мыльников, 2004. С. 217–225).

В числе украшений были плоские прямоугольные бляхи с изображением сцены терзания с двумя или тремя парами отверстий по краям; фигурки сфинксов с одним или двумя туловищами и головой с антропоморфной личиной; дольчатые и каплевидные подвески. В связи с публикацией этих деревянных предметов нельзя не сказать об иллюстрациях в книге, которые выполнены в графическом и цветном фотоизображении, изданы на весьма высоком полиграфическом уровне.

Благодаря этим иллюстрациям книга может служить настоящим художественным альбомом, в котором изданы предметы декоративно-прикладного искусства древних кочевников Казахского Алтая.

Проанализировав деревянные сооружения и предметы из раскопок кургана 11 могильника Берел, авторы книги пришли к выводу, что традиции обработки дерева у древних номадов Казахского Алтая были вполне самобытным и уникальным явлением, что позволяет выделить берельские комплексы в локальный вариант пазырыкской культуры. В пользу такого заключения, по их мнению, свидетельствуют особенности внутримогильных погребальных сооружений, некоторые предметы хозяйственного назначения и своеобразие образов искусства звериного стиля (Самашев, Мыльников, 2004. С. 226, 227).

Значение рецензируемой книги выходит за рамки вопросов изучения технологии деревообработки у древних номадов Казахского Алтая. Монография З.С. Самашева и В.П. Мыльникова является весьма добротной публикацией материалов раскопок одного из интереснейших памятников скифского времени и результатов специального анализа большой серии изделий из древесины. В научный оборот введен весьма важный и очень информативный массив источников по культуре древних номадов. Благодаря наличию английского варианта текста, эта книга станет доступна для широкого круга специалистов по истории и культуре Центральной Азии во многих странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999.

Полосьмак Н.В. "Стерегущие золото грифы". (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы, 2004.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Семенов С.А. Обработка дерева // СА. 1956. Т. XXVI.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. Государственного Эрмитажа. Т. X. Л., 1969.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

Ю.С. Худяков

Масленников А.А. "ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЯНЫЕ ПОГРАНИЧНО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА". Тула: Гриф и К, 2003 с., ил.

В середине 60-х годов XX в., когда, будучи еще школьником, я впервые попал на территорию Боспорского царства, мое воображение поразило величие Узунларского вала и отрезок вала у Золотого кургана. Вследствие этого моя первая студенческая научная работа была посвящена именно боспорским оборонительным валам и их месту в истории Боспорского царства. Поэтому выход книги А.А. Масленникова, где всесторонне рассматриваются вопросы, связанные с этой темой, для меня особенно знаменателен. Но актуальность рецензируемой работы, естественно, заключается не в этом. На протяжении конца XIX и всего XX в. боспорские оборонительные валы неоднократно служили предметом исследований большой группы отечественных ученых, хотя до самого последнего времени в вопросе о периоде строительства и назначении этих сооружений не было ясности. Книга одного из ведущих российских археологов-античников А.А. Мас-

ленникова, которая увидела свет благодаря финансовой поддержке благотворительного фонда "Киммерида" в прекрасном полиграфическом оформлении, восполняет этот очевидный пробел в наших знаниях о Боспоре и является той источниковой базой, которая даст новый импульс изучению не только собственно валов, но и организации системы защиты сельскохозяйственной территории Боспорского государства в Восточной Таврике в целом. Ведь задача археологии сегодня не только раскопать, датировать и интерпретировать памятник, но и определить его место в системе исторических знаний, что является конечным и логическим результатом всякого историко-археологического исследования.

Монографическое исследование А.А. Масленникова, помимо введения, где сформулированы цели и задачи исследования, состоит из двух больших глав. В первой из них рассмотрены вопросы историко-археологической характеристики валов и рвов на Керченском полуострове. Здесь собран и проанализирован весь имеющийся в настоящее время фактический материал, включая архивные данные, картографические материалы и аэрофотосъемку, а также результаты полевых археологических исследований, в том числе и проводившихся автором в ходе работ Восточно-Крымской экспедиции Института археологии РАН, которой долгие годы плодотворно руководит А.А. Масленников. Фактически читателю во всей полноте представлена источниковая база исследования, которая позволяет, даже не соглашаясь с выводами А.А. Масленникова, которые даны во второй главе, вести самостоятельную работу с этим материалом и делать собственные выводы. Это, безусловно, является одним из главных достоинств книги, ибо автор никому *a priori* не навязывает своего решения проблемы, а приглашает к дискуссии, предоставляя в распоряжение своих возможных оппонентов весь имеющийся в настоящее время фактический материал.

Авторское видение путей решения комплекса проблем, связанных с оборонительными валами и рвами, остатки которых зафиксированы на территории Боспорского царства, изложено А.А. Масленниковым во второй главе книги. В ней основное внимание уделено вопросам хронологии земляных укреплений, на основе которой дана интерпретация этих сооружений, а также предпринята попытка определить место валов в сложной и во многом еще не до конца ясной древней истории Восточной Таврики. Проблемы, поднятые в монографии, настолько сложны, что, несмотря на огромную и плодотворную работу, проделанную автором, они пока не могут считаться окончательно решенными, если вообще возможно однозначное решение многих вопросов древней истории на археологическом материале. Но проделанная А.А. Масленниковым работа заставляет задуматься над теми вопросами, на которых до сих пор не акцентировалось внимание в научной литературе. Поэтому позволю себе привести ряд соображений, которые возникли у меня при чтении рецензируемой монографии, главным образом ее второй главы.

Вряд ли целесообразно начинать анализ вопроса о хронологии боспорских оборонительных валов с Геродота. Несмотря на то, что Отец истории, как уже давно признано, является ценнейшим источником по древней истории вообще, и Северного Причерноморья в частности, нельзя переоценивать достоверность этого историка и пытаться, следуя за ним, локализовать упоминаемые им укрепления и валы на современной карте. В данном случае А.А. Масленников явно находится в плену традиционных представлений, согласно которым Керченский полуостров считался местом жительства легендарных киммерийцев, что не подтверждается сейчас данными археологии (Черняков, 1989. С. 14–16; Шелов, 1994. С. 102–104; Андреев, 1996. С. 8). Сказанное в полной мере относится и к гипотезе о возможном строительстве, по крайне мере, некоторых валов населением, обитавшим в Восточной Таврике в эпоху финальной бронзы. Этому противоречит весьма незначительный массив археологических памятников этого времени, исследованный на Керченском полуострове и введенный в научный оборот.

Следует признать новаторским обращение автора к результатам радиоуглеродного метода датировки почв из-под насыпей валов, который в совокупности с сугубо археологическими методами в ряде случаев дает великолепные результаты. Но, как признает сам А.А. Масленников, сделанная выборка образцов для радиоуглеродной датировки не позволяет избежать "погрешностей", что снижает достоверность сделанных на такой основе выводов. К тому же страницы, посвященные этому методу датировки (Масленников, 2003. С. 218–233), явно диссонируют с основным историко-археологическим текстом, и по меньшей мере странным представляется то, что А.А. Масленников не вынес этот материал в соответствующее приложение.

Безусловно, следует согласиться с А.А. Масленников в том, что аналогии земляным валам, зафиксированным на территории Боспорского царства, следует искать в районах распространения античной цивилизации. Ведь ни до появления здесь греков, ни после прекращения существования Боспорского государства в Восточной Таврике не было какого-то иного населения или государственного образования, обладавшего необходимым экономическим потенциалом для создания таких оборонительных сооружений. Из этого и нужно исходить, предпринимая попытку исторической интерпретации боспорских оборонительных валов. И нет нужды, как это делает автор, обращаться к поискам аналогий на территориях Северного Причерноморья, населенных варварским населением в древности и средневековье (Масленников, 2003. С. 235). Ибо, говоря о валах в Восточной Таврике, следует при их исторической интерпретации исходить из конкретно-исторических условий, складывавшихся в этом регионе на определенном хронологическом отрезке времени.

Аналогичные сооружения известны не только на территории Греции. Они строились в разное время и на различных территориях, там, где возникала необходимость защиты определенных территорий от губительных для земледельцев рейдов кочевых народов. Но такие мероприятия, как правило, не могли надежно сдержать напор кочевников, которые своими действиями неоднократно доказывали неэффективность таких укреплений (ср.: Хазанов, 2000. С. 355). Это, с одной стороны, свидетельствует, что для строительства столь сложных защитных сооружений должен был быть накоплен соответствующий потенциал и их следует рассматривать в качестве явления, присущего определенной стадии развития общества (Масленников, 2003. С. 243). А с другой стороны, как отмечает А.А. Масленников (2003. С. 244, 245) и другие исследователи, оборонительные рвы и валы не могли надолго задержать продвижение неприятеля. Они, скорее, являлись не оборонительными сооружениями, а рубежами, на которых шло развертывание основных сил, способных противостоять неприятелю. Именно таким было назначение и боспорских оборонительных валов, что очень убедительно показал А.А. Масленников на основе скрупулезного изучения Узунларской оборонительной линии, которая, скорее всего, начала функционировать в III в. до н.э. (2003. С. 250, 251). Но ни в коем случае нельзя согласиться с тем, что Узунларский вал использовался боспорянами в ходе херсонесско-боспорских войн рубежа III–IV вв., о которых упоминает Кон-

стантин Багрянородный. Несмотря на то, что его труд содержит весьма ценную историческую информацию, ее все же нельзя даже предположительно отождествлять с конкретными археологическими памятниками. Здесь, как и в случае с Геродотом, следует предостеречь автора от излишнего доверия письменным источникам и попыток связать их с конкретными памятниками.

Нельзя признать удачной и мысль А.А. Масленникова о том, что в своей основе оборонительные валы в Восточной Таврике, пожалуй, за исключением Узунларского, были построены еще в догреческое время и только использовались греками. В данном случае А.А. Масленников почему-то не предпринимает попытки соотнести определенные поселенческие структуры древнего населения с линией того или иного вала. А это, как представляется, является решающим фактором для их правильной исторической интерпретации. Естественно, это не простая задача, но без ее решения, хотя бы в предварительном плане, нельзя полностью согласиться с предложенными А.А. Масленниковым историческими реконструкциями.

В этом отношении весьма показательно, что с середины I в. до н.э., когда фиксируется уменьшение общего количества сельских поселений в Восточной Таврике, все они концентрировались в трех основных районах: к востоку от Узунларского вала, на мысу Казантип, который со стороны Керченского полуострова был защищен валом и рвом (Масленников, 1983. С. 16. Рис. 1, *IV*), а также к востоку и северу от Феодосии (Кругликова, 1984. С. 75. Карта; Масленников, 1998. С. 100–175. Рис. 68). Для европейского Боспора с середины I в. до н.э. наиболее характерными становятся поселенческие структуры, представленные памятниками двух типов (Маслєнніков, 1992. С. 82). Это отдельно стоящие башни или форты, которые сконцентрированы в непосредственной близости от Узунларского вала, и хорошо укрепленные поселения с компактной застройкой нескольких видов (Маслєнников, 1989. С. 74–76; Маслєнніков, 1992. С. 82, 83; Зубарев, 1997. С. 40; Винокуров, 1998. С. 57).

Результаты разведок и раскопок, проведенных на Узунларском валу, в настоящее время позволяют заключить, что это долговременное сооружение, построенное значительно раньше, во второй пол. I в. до н.э. было усилено системой башен. Помимо системы башен или, как считает А.А. Масленников, фортов, в непосредственной близости от вала и особенно в Крымском Приазовье в середине I в. до н.э. существуют укрепленные поселения с компактной застройкой (Маслєнніков, 1992. С. 72–74; Масленников, 1998. С. 100–175; Винокуров, 1998. С. 57). Как правило, такие поселения были хорошо укреплены, а некоторые имели цитадели (Масленников, 1989. С. 74). Они возникают на Боспоре еще в конце III в. до н.э., но окончательно их вид формируется на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. (Маслєнніков, 1992. С. 82). Несмотря на то, что некоторые башни и поселения в силу различных обстоятельств бурной боспорской истории периодически разрушались и гибли (Масленников, 1994. С. 183), в своей основе эта система просуществовала на территории Европейского Боспора вплоть до середины – третьей четверти III в. (Кругликова, 1975. С. 159; Маслєнніков, 1992. С. 83; Масленников, 1993. С. 23; 1997. С. 46; 1998. С. 262). А.А. Масленников не без оснований считает, что эти городища можно рассматривать к качестве местожительства военных поселенцев, на которых боспорскими правителями была возложена охрана границ Боспорского государства (Маслєнніков, 1992. С. 82; Масленников, 1997. С. 46; 1998. С. 260–262).

Население Европейского Боспора, жившее на указанных поселениях, располагавшихся на царской земле, не только целиком зависело от правящей верхушки боспорского государства, но и являлось его военной опорой на западных границах государства. Именно это население, расселенное к востоку он Узунларского вала, должно было защищать наиболее густо населенную и экономически развитую часть царства (ср.: Зубарев, 1997. С. 40; Масленников, 1997. С. 46; Винокуров, 1998. С. 57).

Сейчас трудно сказать, когда было положено начало созданию здесь системы укрепленных пунктов, так как археологический материал не дает точных хронологических привязок, а письменные и эпиграфические источники по этому вопросу отсутствуют. Однако тот факт, что уже в I в. до н.э. на Боспоре фиксируются поселения и городища всех тех типов, которые существовали на сельской территории и в последующие столетия (Сапрыкин, 1996. С. 272, 273), видимо, свидетельствует о том, что военно-хозяйственные поселения (катойкии), где жили военные поселенцы (катойки), начали создаваться еще в период подчинения Боспора Митридату VI Евпатору (Масленников, 1997. С. 46; Сапрыкин, 1997. С. 199–201). О справедливости такого заключения косвенно свидетельствуют элементы аналогичной системы городищ и укрепленных пунктов, археологически прослеженной на территории Азиатского Боспора митридатовского времени (Сапрыкин, 1985. С. 73; 1996. С. 274, 276; ср.: Савостина, 1987. С. 58–61; Онайко, 1959. С. 103; Онайко, Дмитриев, 1982. С. 106–119). С.Ю. Сапрыкин полагает, что строительство крепостей-катойкий Митридатом VI Евпатором особенно активно началось после его отхода от филэллинской политики в 80 гг. до н.э. (Сапрыкин, 1996. С. 278).

Вместе с этим, исходя из сообщения Страбона о том, что на территории Европейского Боспора царь Асандр построил стену, укрепленную башнями, можно заключить, что создание системы защиты границ государства с запада, в которую был включен и Узунларский вал, завершилось в период правления именно этого царя, где-то между 50/49 и 22/21 гг. до н.э. (ср.: Масленников, 1994. С. 183). Впоследствии эта система укреплялась и дополнялась новыми опорными пунктами. Об этом, в частности, свидетельствует возведение в первой пол. – середине I в., вероятно, в правление боспорского царя Аспурга (14/15–37/38 гг.), хорошо укрепленной крепости Илурат (Гайдукевич, 1958. С. 140; Шургая, 1984. С. 70).

Система защиты западной границы Боспорского царства, которая окончательно сложилась во второй пол. I в. до н.э., достаточно близка укреплениям Рецийского и Германского лимесов (Масленников, 1998. С. 230, 236; 1999. С. 54). Остатки прямоугольных построек, зафиксированных на Узунларском валу и в непосредственной близости он него, на основании аналогий можно атрибутировать в качестве сторожевых башен, вероятно, построенных из камня. Как правило, на римских лимесах такие башни строились в высоких местах на расстоянии от 300 до 1000 м друг от друга и были соединены первоначально земляным валом, а позднее – каменной стеной (Baatz, 1975. S. 35–42; 1976. S. 35–45). Основная задача гарнизонов таких сторожевых башен на римских лимесах состояла в своевременном оповещении световыми или дымовыми сигналами о приближении противника основных сил, которые дислоцировались в более крупных лагерях на определенном удалении от линии границы. После получения сигнала римские войска двигались навстречу противнику и вступали в ним в бой (Baatz, 1975. S. 43–47. Abb. 27).

Аналогичная система, судя по топографии поселенческих структур, существовала и на территории европейского Боспора. Причем, если сторожевые башни и небольшие опорные пункты располагались непосредственно на границе

государства, которая проходила в это время по линии Узунларского вала, то основные контингенты боспорских войск, состоявших в основном из военных поселенцев, концентрировались в "узловых" укрепленных пунктах, среди которых в первую очередь следует указать Генеральское-Восточное, Илурат, Савроматий (Масленников, 1993. С. 22, 23; ср.: Сапрыкин, 1985. С. 72, 73).

Но, проводя параллель между системой укреплений в Восточной Таврике и римскими лимесами, естественно, нельзя ставить между ними знак равенства и предполагать, что при создании пограничных укреплений на территории Боспорского царства использовались типично римские приемы защиты территории государства (ср.: Цветаева, 1979. С. 47, 48). В отличие от окрестностей Херсонеса, где в середине II в. на границах сельскохозяйственной территории по римскому образцу и с помощью римских войск была возведена система сторожевых башен и кастеллей (Зубар, 1997. С. 165–174), в Восточной Таврике аналогичная система начала складываться еще в период правления Митридата VI Евпатора, что не позволяет связывать ее строительство с влиянием исключительно римского фортификационного искусства (ср.: Масленников, 1998. С. 261). Напротив, определенное сходство в организации защиты границ Боспорского царства и Римской империи позволяет заключить, что при создании лимесов римлянами был творчески использован опыт, накопленный античным фортификационным искусством предшествующего времени, что в конечном итоге и позволило создать на границах собственно Римского государства столь совершенную оборонительную линию, которая вошла в историю под названием "лимес".

В свое время И.Т. Кругликова полагала, что кроме рассмотренных поселенческих структур на археологическом материале можно выделить, как тип, укрепленные усадьбы, к которым в ряде случаев примыкали поселения. К ним исследовательница отнесла строительные остатки, исследованные у сс. Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка, Темир-гора, Октябрьское и др. (Кругликова, 1975. С. 113–126; 1984. С. 76, 77; 1998. С. 151–159). А.А. Масленников, исходя из типологической близости, отнес эти памятники к типу укрепленных домов башенного типа, оставив в стороне их функциональное назначение (Масленніков, 1992. С. 71, 82. Рис. 13), а раскопанную постройку на Чокракском мысу считал укрепленной усадьбой, которая являлась центром крупного землевладения (Масленников, 1995. С. 158, 159). Строительные остатки, исследованные в XIX в. на Темир-горе, он рассматривает не в качестве усадьбы, а как укрепленное поселение (1989. С. 74, 75).

Говоря об этом типе памятников, следует обратить внимание на то, что четыре из них (у сел Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка и Чокракский мыс), а возможно, и ряд других (подр. см.: Масленніков, 1992. Рис. 13; Масленников, 1998. С. 100–175) расположены не в окрестностях боспорских городов, а в непосредственной близости от Узунларского вала. Например, постройка, раскопанная у с. Ново-Отрадное, располагалась всего в 1.5 км от северной оконечности вала (Кругликова, 1975. С. 125). Для всех этих памятников характерна сравнительно небольшая площадь (соответственно 800, 850, 1300, 400 м^2), наличие достаточно мощных укреплений в сочетании с ярко выраженными хозяйственными функциями, свидетельствующими о том, что их обитатели занимались сельским хозяйством (Кругликова, 1975. С. 113–126, 130; 1984. С. 76, 77; 1998. С. 157–162). Следовательно, можно считать установленным, что во второй пол. I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. на западной границе Боспорского государства была создана фортификационная система, которая включала укрепленные пункты нескольких типов. Но функциональное назначение рассматриваемых усадеб, по И.Т. Кругликовой, или укрепленных домов башенного типа, по А.А. Масленникову, нельзя рассматривать вне контекста многоплановых оборонительных мероприятий боспорских царей, осуществлявшихся в Восточной Таврике, и оборонительных валов в частности.

Если укрепления на Узунларском валу и в непосредственной близости от него можно атрибутировать в качестве сторожевых или сигнальных башен, а укрепленные поселения в качестве "узловых" пунктов, где были сконцентрированы основные силы военных поселенцев (Масленников, 1995. С. 162), то так называемые укрепленные усадьбы, располагавшиеся на незначительном удалении от передовой линии, вероятно, следует интерпретировать как резиденции боспорских должностных лиц, на которых был возложен контроль за поддержанием надежного функционирования пограничной оборонительной системы и прилегающих к ней административным районами Боспорского государства (ср.: Масленников, 1998. С. 126, 127). В пользу этого заключения свидетельствует топография памятников, сравнительно небольшая их площадь и отнюдь не рядовой материал, который был обнаружен при раскопках, например, укрепления у дер. Ново-Отрадное (Кругликова, 1975. С. 118, 119; 1998. С. 156–162), а также определенное их сходство с резиденцией Хрисалиска, исследованной на Таманском полуострове (ср.: Сокольский, 1976. С. 89–110).

В связи с этим следует вспомнить, что есть весьма веские основания рассматривать поселение Генеральское-западное в качестве резиденции одного из чиновников боспорского царя в IV–III вв. до н.э., на которого была возложена обязанность контроля за сельскохозяйственными территориями в Крымском Приазовье и сбором фороса, который вносился за пользование царской землей (подр. см.: Зубарь, 1998. С. 102–116; Зубар, 1999. С. 25–34). Следовательно, если предложенный ход рассуждений верен, то, как и Генеральское-Западное в IV–III вв. до н.э., рассмотренные памятники можно интерпретировать в качестве своего рода "фрурион" или "хорион" (Сапрыкин, 1996. С. 223, 226). Они являлись резиденциями должностных лиц, на которых боспорскими правителями был возложен не только контроль за сельскохозяйственной территорией в этой части царства, но и функции военного командования.

В случае вторжения неприятели должностные лица, жившие в рассматриваемых укрепленных пунктах, могли координировать действия военных поселенцев и осуществлять руководство ими по отражению агрессии извне. Причем, как и ранее, обитатели этих административных центров успешно сочетали государственную деятельность с занятием сельским хозяйством. Не исключено, что таким наместникам в окрестностях их резиденций царской администрацией выделялся определенный земельный фонд, и они в условиях Боспора могут рассматриваться в качестве сравнительно крупных земельных собственников. Используя свое положение, они вполне могли привлекать для обработки земли какую-то часть военных поселенцев, которые находились в их подчинении.

Таким образом, если предложенный ход рассуждений верен, то для решения вопроса о назначении и роли валов в истории Восточной Таврики они должны рассматриваться в тесной связи с изучением различных типов поселенческих структур на определенных хронологически отрезках времени, с которыми они были связаны территориально и хроно-

логически. Причем для первых веков есть основания говорить, что Узунларский вал вместе с расположенными к востоку от него различными типами поселений составлял достаточно сложную систему организации земель Боспорского царства, просуществовавшую, по крайней мере, до третьей четверти III в. н.э. Основы этой системы, вероятно, были заложены еще в эллинистический период. Поэтому изучение и других валов, остатки которых зафиксированы на местности, должно вестись с учетом их функционального назначения и в тесной связи с анализом материала с одновременных поселений оседлого земледельческого населения, которые эти валы защищали и которые могли быть использованы для защиты определенных территорий от вторжений кочевого населения. Как представляется, такое направление дальнейших исследований позволит продвинуться в проблеме исторической атрибуции валов, зафиксированных на территории Восточной Таврики.

Оценивая рецензируемую монографию А.А. Масленникова в целом, следует подчеркнуть, что это серьезное историко-археологическое исследование, которое является итогом плодотворной многоплановой работы автора по изучению сельскохозяйственной территории европейского Боспора. Высказанные замечания ни коим образом не уменьшают того значительного вклада, который внесен автором в современное антиковедение. Это, скорее, размышления по поводу прочитанного и попытка предложить один из возможных путей дальнейшей разработки проблематики, которой посвящена книга. Вне всякого сомнения, монографическое исследование А.А. Масленникова, написанное на высоком научном уровне, является не только значительным шагом в изучении боспорских оборонительных валов, но и системы организации сельскохозяйственной территории Боспорского государства в целом. Оно безусловно, должно инициировать новые исследования в этой области, тем более что А.А. Масленников ввел в научный оборот весь имеющийся фактический материал по боспорским оборонительным валам. Но новые результаты могут быть получены только после критической оценки материала, собранного автором рецензируемой монографии, и его осмысления. Ведь без этого невозможно поступательное развитие современной историко-археологической науки в целом и изучение различных аспектов истории Боспора в частности. А.А. Масленников хорошо осознает это, поэтому свое исследование он закончил перефразированной латинской поговоркой: "*Vita brevis – vallum longum*". С этим нельзя не согласиться, и остается надеяться, что в самом скором времени мы станем свидетелями новых работ по теме, которой посвящена книга, и о боспорских валах будет написана еще не одна научная работа, в том числе и А.А. Масленникова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1.

Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.

Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85.

Зубар В.М. Про так званий Таврійський лімес // Київська старовина. 1997. № 1/2.

Зубар В.М. Про атрибуцію пам'яток сільської території античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1999. № 1.

Зубарев В.Г. К истории сельской территории Европейского Боспора в первые вв. н.э. // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 1997.

Зубарь В.М. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени // ВДИ. 1998. № 4.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Кругликова И.Т. Сельскохозяйственная территория // АГСП. Сер. Археология СССР. М., 1984.

Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998.

Масленников А.А. Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.

Масленников А.А. О типологии сельских поселений Боспора // СА. 1989. № 2.

Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4.

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. № 8. М., 1995.

Масленников А.А. Царская хора Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 1997.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.

Масленников А.А. Границы и пограничья античного Боспора // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Тез. докл. СПб., 1999.

Масленников А.А. Древние земляные пограничо-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003.

Масленніков О.О. Еволюція організації території Європейського Боспору // Археологія. 1992. № 2.

Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища // КСИИМК. 1959. Вып. 77.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2.

Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. 1987. № 1.

Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.

Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир и Византия. Харьков, 1997.

Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.

Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.

Черняков И.Т. Археологические киммерийцы на Дону и Кубани // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989.

Шелов Д.Б. Проблема греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ. 1994. № 2.

Шургая И.Г. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат // АГСП. Сер. Археология СССР. М., 1984.

Baatz D. Der römische Limes. Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. Berlin, 1975.

Baatz D. Die Wachttürme am Limes. Stuttgart, 1976.

Институт археологии НАНУ, Киев

В.М. Зубарь

РУСЬ В XIII ВЕКЕ: ДРЕВНОСТИ ТЕМНОГО ВРЕМЕНИ / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова. М.: Наука, 2003. 406 с., ил.

Рецензируемый сборник статей представляет собой значительное явление в отечественной исторической науке. Прежде всего это касается самой постановки проблемы. Она предельно четко обозначена во вводной статье одного из редакторов книги Н.А. Макарова, который выделил следующие вопросы: "Насколько справедливы представления о XIII в. как о периоде радикальных культурных изменений? Как определить основное содержание трансформации и перемен, произошедших в этот период в экономике, социальном строе и культуре древнерусских земель? В какой мере эти изменения связаны с татаро-монгольским нашествием? Какие иные факторы были двигателями и причинами изменений?" (Русь в XIII веке, 2003. С. 5). Еще каких-то четверть века назад сама постановка таких вопросов казалась старшему поколению историков "крамольной". Хорошо помню, как осенью 1976 г. я обратился после окончания лекции к ведущему тогда на историческом факультете Ленинградского государственного университета специалисту по истории Древней Руси профессору В.В. Мавродину с вопросом: "Почему в отечественной историографии принято считать, что изменение древнерусского общества происходит в результате сложных внутренних процессов саморазвития, а периодизация, т.е. деление на домонгольский и последующий периоды основана на причине исключительно внешнего характера, каким является нашествие татаро-монголов?". Владимир Васильевич внимательно посмотрел на меня и ответил: "Когда я был, как и вы, молодой человек, студентом первого курса, я написал реферат о призвании на Русь варягов. Он так всем понравился, что его решили опубликовать. Так вот, знаете, за что я до сих пор благодарен судьбе? За то, что его потеряли".

Действительно, парадигма, избранная отечественными историками, была проста, не нуждалась в особых доказательствах и была понятна даже власть предержащим неспециалистам, что всех устраивало. Мне могут возразить, что выдвинутые авторами сборника идеи не оригинальны, поскольку подобные мысли уже давно высказывали евразийцы, а в советской России – Л.Н. Гумилев. Ввиду этого напомню, что евразийцы в основном критиковали предшествующую историографическую традицию, считавшую татарское иго своеобразным периодом "безвременья" в русской истории, и пытались найти в нем положительные моменты. Этими моментами были, по их мнению, заимствования в области военного искусства, фискальной системы, ямской службы и такая необходимая предпосылка создания централизованного государства, как прекращение княжеских междоусобиц. Что же касается Л.Н. Гумилева, то он отстаивал свое мнение о том, что никакого ига просто не было (Иванов, 2001. С. 215, 216). Проблемы, поставленные в настоящем сборнике, гораздо глубже и конкретнее.

Н.А. Макаров совершенно справедливо отмечает трудности в датировании многих культурных явлений, происходивших в интервале между второй пол. XII и первой пол. XIV в. (Русь в XIII веке, 2003. С. 5). В связи с этим далеко не все следы военных разрушений могут быть связаны с нашествием кочевников, то же самое касается кладов, отложившихся в период между 1170 и 1240 гг. (Русь в XIII веке, 2003. С. 6). Более того, если для Торжка и Владимира-на-Клязьме период после монголо-татарского погрома был временем упадка, то для Твери, Москвы и Коломны вторая пол. XIII – начало XIV в. было временем роста городской территории, экономического потенциала и политического статуса (Русь в XIII веке, 2003. С. 5, 6). Изменение сельского ландшафта в XIII в., судя по всему, вообще не связано с монгольским нашествием, а было следствием недостатка пахотных земель в традиционно осваиваемых зонах и потребности увеличения пищевых ресурсов в условиях роста населения (Русь в XIII веке, 2003. С. 8, 9). По мнению Н.А. Макарова, "материальные и природные ресурсы, послужившие основой для стремительного подъема Древней Руси в X–XII вв., к XIII в. оказались во многом исчерпаны, а стереотипы хозяйствования и социальные механизмы, ранее обеспечивавшие рост, потеряли свою эффективность. Разрушительный монгольский удар, хронологически совпавший с периодом внутренних исторических сдвигов, обострил и ускорил их течение, но не был единственной причиной фиксируемых нами трансформаций" (Русь в XIII веке, 2003. С. 10).

Немало интересных сопоставлений, призванных выявить "масштабы нашествия и последовавшего за ним ига с всемирно исторической точки зрения", приведено в статье А.В. Чернецова (Русь в XIII веке, 2003. С. 13). Автор, несомненно, прав, возражая против мнения о том, "что татаро-монгольское завоевание способствовало отторжению Руси от западноевропейской цивилизации". Весьма показательно цитируемое им распоряжение хана Менгу-Темира русскому князю пропустить на свою землю немецких купцов (Русь в XIII веке, 2003. С. 16). Трудно, однако, согласиться с тезисом о том, что "иго монголо-татарских завоевателей было особенно тяжелым из-за того, что для русских они были иноверцами" (Русь в XIII веке, 2003. С. 16). Во-первых, нет необходимости даже приводить примеры того, с каким ожесточением единоверцы русские истребляли друг друга в многочисленных междукняжеских столкновениях, а во-вторых, хорошо известна веротерпимость монголов, в годы ига которых на Руси было основано более половины всех монастырей (Охотина, 1989; 1990). Что же касается якобы имевшего место благословения Сергием Радонежским князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой (Русь в XIII веке, 2003. С. 16), то В.А. Кучкиным давно доказано, что накануне битвы и вплоть до 1385 г. они находились в затяжном конфликте и совсем не общались (Кучкин, 1987). После падения ордынского ига на Руси сохраняется не просто "традиционное уважение к династии Чингизидов" (Русь в XIII веке, 2003. С. 16). Сохраняется сложившийся за два с половиной столетия порядок – легитимность правления Чингизидов. И совсем не причудой выглядит в этой связи возведение на московский престол крещеного татарского царя Симеона Бекбулатовича, которому Иван Грозный даже доверял управление всей страной, когда отправился в поход против крымского хана Девлет-Гирея. Еще его отец Василий III четырежды оставлял, отправляясь в военные походы, правителем в Москве служилого татарского царевича Худайкула (в крещении – Петр Ибрагимович). Что же касается претензий касимовских царевичей на дань с великого князя московского, то они претендовали на нее вовсе не символически (Русь в XIII веке, 2003. С. 16). Они ее получали. Источники сообщают о дани в Касимов под 1483, 1496, 1504 и 1533 гг., причем и называлась она, как прежде, – "выходом" (Трепавлов, 1994. С. 55, 59). Нет ничего парадоксального в том, что завоеватели татары поступали на службу к завоеванным русским (Русь в XIII веке, 2003. С. 16). У кочевников всегда был избыток воинов, а

у земледельцев – дефицит. Это связано с тем, что базовая отрасль хозяйства кочевников – скотоводство, в отличие от земледелия, не требует участия в нем подавляющего большинства трудоспособного населения.

Весьма интересна статья А.В. Чернецова и И.Ю. Стрикалова, посвященная новым исследованиям Старой Рязани. Авторы осторожно и даже критически подходят к вопросу, является ли этот город, превращенный кочевниками в руины, своеобразными "русскими Помпеями". Казалось бы, в пользу этого свидетельствует то, что в отличие от многих других городов, погибших в ходе нашествия, Старая Рязань не возродилась и по количеству кладов ювелирных изделий, отложившихся в драматические годы на ее территории, она занимает второе место после Киева. Однако исследователи отмечают высокий (около 50%) процент керамики XIV–XV вв. обнаруженной практически на всей укрепленной территории памятника, находки – подражание монете хана Тохтамыша, створку от золоченых церковных дверей, каменную пластинку с арабской надписью с именем хана, – которые свидетельствуют, что в глазах ордынцев Старая Рязань и после ее разгрома являлась важным военно-политическим пунктом (Русь в XIII веке, 2003. С. 30).

В статье А.Е. Леонтьева подробно освещен путь Ростова от столицы княжества до уездного города. Крупнейший город Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв., Ростов избежал в 1238 г. полного разорения, но тем не менее к началу XIV в. потерял свое былое значение и стал первой "жертвой Москвы", собирательницы русских земель (Русь в XIII веке, 2003. С. 45).

Ю.Э. Жарнов проанализировал в своей статье материалы из раскопок Владимира-на-Клязьме, позволяющие судить о последствиях разгрома 1238 г. По его мнению, город не смог восстановить домонгольскую численность населения из-за неоднократных набегов татар во второй пол. XIII в. и потерял темп исторического развития (Русь в XIII веке, 2003. С. 57).

Роли Батыева нашествия в историческом развитии Южной Руси посвятил свою статью Г.Ю. Ивакин. Он разделяет мнение Н.А. Макарова о том, "что запустение множества поселений преимущественно отражает структурные изменения, обусловленные собственной внутренней логикой развития и природными факторами". "Монгольское нашествие, – по его словам, – являлось, вероятно, лишь субъективным ухудшающим фактором (особенно для глубинных районов Руси)" (Русь в XIII веке, 2003. С. 63).

В интересной статье И.К. Лабутиной и М.И. Кулаковой по датированным образцам древесины прослежена динамика расселения и застройки Пскова в XIII в. Установлено, что самый низкий уровень заготовки древесины приходится на первые десятилетия этого столетия, когда псковичи активно участвовали в различных военных мероприятиях и защищали свою независимость. Ситуация меняется с начала 40-х годов, т.е. после битвы на Чудском озере и освобождении Пскова от немцев, и окончательно стабилизируется в годы правления князя Довмонта (1266–1299 гг.), когда сооружается вторая линия городских укреплений (Русь в XIII веке, 2003. С. 71, 72).

А.Ю. Мазуров проследил по археологическим материалам процесс эволюции Коломны в 1237–1353 гг. от малого города к домену великого князя московского. По его мнению, на территории кремля прослежены следы монгольского разорения, которое привело к временному упадку города (Русь в XIII веке, 2003. С. 86). Однако уже в конце XIII – начале XIV в. там фиксируется рост городской территории и освоение участков, которые автор связывает с приливом населения из южных пограничных окраин за Оку (Русь в XIII веке, 2003. С. 87).

В обстоятельной статье о судьбах Торжка и Твери в XIII в. П.Д. Малыгин суммировал свои аргументы в пользу становления Твери в первые десятилетия этого столетия. Автор убедительно показал, что если Торжок после 1238 г. переживал глубокий экономический и политический кризис, то Тверь бурно развивалась (Русь в XIII веке, 2003. С. 95).

Т.Д. Панова проанализировала характер культурных напластований Московского кремля XIII в. и пришла к выводу об их непрерывности и быстром восстановлении города после разгрома в феврале 1238 г. (Русь в XIII веке, 2003. С. 101, 102).

К интересным выводам в статье, посвященной городу Болгару в XIII в., пришла известная исследовательница золотоордынских городов М.Д. Полубояринова. По ее мнению, в отличие от уничтоженного монголами населения Биляра жителям Болгара было позволено покинуть город перед его сожжением. Об этом свидетельствует полное отсутствие человеческих костей в его культурном слое. Она объясняет это тем, что Болгар был заранее выбран завоевателями в качестве столицы нового государства, чему есть свидетельство у Марко Поло, назвавшем местом проживания хана Берке Болгар и Сарай (Русь в XIII веке, 2003. С. 103, 105). Об этом же свидетельствуют строительство в городе мечети, двух мавзолеев и восстановление на прежних местах ремесленных мастерских, существовавших в домонгольское время, а также установленное Г.А. Федоровым-Давыдовым время начала чеканки в Болгаре золотоордынских монет – 40-е годы XIV в., т.е. на 30 лет раньше, чем в Сарае. По, несомненно, верному заключению М.Д. Полубояриновой, в середине XIII в. Болгар был экономическим и политическим центром государства Джучидов (Русь в XIII веке, 2003. С. 106).

Поселениям Приазовья XII–XIII вв., население которых бесследно растворилось в городах Золотой Орды, посвятил весьма объемную статью И.В. Волков.

Несомненный интерес представляет работа Н.А. Макарова и С.Д. Захарова. Авторам удалось найти не сильно потревоженное позднейшей распашкой многослойное поселение Минино I на Кубенском озере и вычленить на нем слой второй пол. XII – начала XIII в., который оказался чрезвычайно насыщен находками. По мнению исследователей, эти материалы не дают ответа на вопрос о причинах запустения поселения в XIII в. Объяснение запустения старых очагов колонизации на Севере в конце XII–XIII вв. они видят в целом ряде факторов. Среди них потеря привлекательности мест для поселений на низких береговых террасах вблизи крупных рек и озер в связи с истощением пушных ресурсов, снижением интенсивности торговли и формированием более влажного климата, а также переход к возделыванию полей с более тяжелыми почвами на водоразделах, где культивировались озимые рожь и овес. Не лишено оснований и предположение Н.А. Макарова и С.Д. Захарова о формировании в это время новых представлений об использовании ландшафта и организации культурного пространства. В любом случае эти изменения, несомненно, были "частью общего процесса культурных и хозяйственных трансформаций, происходивших в XIII в. на Русской равнине" (Русь в XIII веке, 2003. С. 150).

Весьма сходной теме посвящена статья Н.А. Кренке "Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках". Несомненным достижением автора являются сделанные им расчеты связи количественных характеристик археологических памятников, в данном случае курганов, и демографических показателей сельских популяций – числа жителей поселения и длительности их существования (Русь в XIII веке, 2003. Табл. 1, 4). Не менее

интересны его подсчеты ориентировочной численности населения среднего течения Москвы-реки и самой Москвы, составлявшего в XIII в. соответственно около 2 тыс. чел. и 3–5 тыс. чел. (Русь в XIII веке, 2003. С. 165, 166).

Самой высокой оценки заслуживает исследование С.З. Черновым двух сельских микрорегионов – волостей Воря и Пехорка второй пол. XIII в. – в Московском княжестве. Первым среди отечественных археологов ему удалось установить степень ущерба, нанесенного Батыевым нашествием сельскому населению. Так, в среднем течение притока Клязьмы – р. Воря в 40–50 км от Москвы, по его подсчетам, было разорено и не восстановлено 11 из 21, или 63% площади домонгольских поселений. В течение второй половины столетия были возобновлены 9 и возникли 8 новых поселений, а суммарная селитбенная площадь достигла 88% от площади 1238 г. Тем не менее автор фиксирует разрыв в развитии сельской инфраструктуры. Новые поселения возникают на пологих холмах в долинах малых рек. Преемственность прослеживается на поселениях в узлах сети расселения и на периферии, где находившиеся в глуши малодворные поселения вообще избежали разорения (Русь в XIII веке, 2003. С. 219). В другой волости на верхней и средней Пехорке в 20 км к востоку от Москвы из 13 поселений после 1238 г. окончательно прекратили существование 3, общая площадь которых составляла 37% от площади всех домонгольских поселений. Остальные сохранились или были восстановлены. Помимо них возникли еще 8 новых поселений, в результате чего селитбенная площадь к концу века возросла и составила 114% от площади поселений к 1238 г. Такую стабильность поселенческой структуры на р. Пехорке автор объясняет малой пригодностью земель для земледелия и ориентацией местного населения на бортничество, а большую преемственность в развитии там поселений близостью этой волости к центру структуры (Русь в XIII веке, 2003. С. 220, 221).

Исследованию древнерусских археологических памятников в приустьевой части р. Непрявда на Куликовом поле посвятили свою статью М.И. Гоняный, М.Я. Кац и А.Н. Наумов. На площади 120 км^2 ими было выявлено 23 селища конца XII – третьей четверти XIV в. Пик заселения этой территории приходился на первую пол. XIII в., а в золотоордынское время сократился в 2 раза (Русь в XIII веке, 2003. С. 251).

Материалы изучения селища второй-третьей четверти XIII в. в Подмосковье опубликованы в добротной статье С.В. Шполянского.

Целый ряд важнейших вопросов истории Руси XII–XIII вв. поднят в статье Л.А. Беляева. Он решительно высказался против мнения нескольких поколений своих предшественников, в общем-то безуспешно занимавшихся поисками в древнерусских городах цеховых организаций ремесленников, подобных западноевропейским. Исследователь полагает, что к 1200 г. на Руси сложилась отличная от европейской структура ремесленно-художественного производства. Поэтому изменения в культуре, произошедшие в XIII в., по его мнению, следует связывать с завоеванием Византии, натиском крестоносцев в Прибалтике, нашествием с Востока. Он приводит конкретные примеры, в частности неоспоримые свидетельства проникновения на Русь паломников (Русь в XIII веке, 2003. С. 266).

Известная исследовательница древнерусского ювелирного искусства Н.В. Жилина убедительно показала в своей статье, что древнерусские зернь и скань вовсе не исчезают после 1238 г. Просто их мало производят из-за отсутствия драгоценных металлов.

Сравнительно-историческому анализу цветного металла изделий из городских и сельских центров вятичей посвящена обстоятельная статья И.Е. Зайцевой и Т.Г. Сарачевой.

Финно-угорские украшения XIII в. из Новгорода подробно охарактеризовала в своей работе Л.В. Покровская.

Керамические материалы из усадьбы XII–XIII вв. в г. Владимир проанализировала Е.К. Кадиева. По ее мнению, качество посуды свидетельствует о том, что после монгольского нашествия 1238 г. большинство профессиональных гончаров были угнаны в плен (Русь в XIII веке, 2003. С. 338).

В.Ю. Коваль посвятил свою статью амфорам византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.). Он пришел к заключению, что в XII – первой пол. XIII в. главным поставщиком вина на Русь выступал Трапезунд, а на втором месте находилась Никея (Русь в XIII веке, 2003. С. 351).

Хочется надеяться, что этот замечательный сборник, посвященный столь интересным проблемам становления древнерусской государственности, будет не последним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов С.А. Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1987.

Охотина Н.А. Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина-вторая половина XIII в.) // Религии мира. История и современность. 1987. М., 1989.

Охотина Н.А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003.

Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

А.Р. Артемьев

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НАСТАСЬИНО: ТРУДЫ ПОДМОСКОВНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН М., 2004. Т. 2. 292 С., ил.

Рецензируемая монография коллективная. В ее написании принимали участие 19 специалистов различных направлений – археологи, палеогеографы, палеоботаники, палеозоологи, нумизматы, историки – под общим руководством А.В. Энговатовой – начальника Подмосковной археологической экспедиции.

Многослойный памятник близ д. Настасьино Коломенского района Московской области исследовался в течение 1999–2000 гг. Раскопки носили превентивный, охранный характер, так как часть археологического объекта оказалась в зоне строящейся федеральной автотрассы М5. За два сезона сплошной площадью вскрыто 3634 м^2 и выявлено два хронологически не связанных между собой комплекса – городище раннежелезного века (в книге не рассматривается) и остатки средневекового селища, местами изрядно разрушенного многолетней распашкой.

Полевые работы велись с предельной тщательностью, по усовершенствованной методике с применением современного инструментария, в частности металлодетектора. Дополнительно разбираемый в раскопе грунт в обязательном порядке просеивался через мелкоячеистую сетку. Все это позволило в деталях проследить очертания средневековых жилищных построек, хозяйственных строений, бытовых ям и производственных площадок, произвести фактически полную выборку из культурного слоя артефактов (более 11.5 тыс. единиц) и зоофактов (1776 фрагментов), отобрать надежные по информативности образцы на радиоуглеродный, спорово-палинологический и палеоботанический анализы.

Структурно монографии состоит из 14 глав, 14 цифровых и 110 иллюстративных таблиц и краткого резюме на английском языке. Все главы написаны в едином стиле, поэтому текст читается не как набор отдельных авторских очерков, а как цельное, логически выстроенное исследование. В едином штрихе представлены и все графические рисунки будь то послойные планы, керамические обломки или хозяйственно-бытовой металлический инвентарь.

Вещественные, нумизматические и остеологические материалы и археоботанические макроостатки (зерна, семена, колосовые фрагменты) были подвергнуты всесторонней камеральной и лабораторной обработке, а их анализ проведен с завидной скрупулезностью. Изучались не только собственно типология самих предметов и изделий (чем обычно ограничиваются многие археологи), но и их химический состав, морфология и технология производства. Кухонные отбросы в прямом смысле слова оказались разобранными "по косточкам", что позволило объективно восстановить состав домашнего стада средневековых "настасьинцев", а отмытые зерновые находки – определить, что выращивалось поселянами на предварительно выжженных лесных делянках.

По данным палинологических разрезов, реконструированы климатические особенности, растительный покров и антропогенная трансформация естественного ландшафта микрорайона.

Была также предпринята попытка по археологическим материалам "определить место поселения Настасьино среди сельских поселений Коломенской округи" (С. 126). Наконец, развернутое исследование письменных источников, сведений по генеалогии и топонимике, выполненное А.Б. Мазуровым, существенно дополнило, уточнило и конкретизировало итоги археологических раскопок.

В результате независимых друг от друга изысканий различные специалисты пришли к одним и тем же выводам. По их фактически единодушному мнению, средневековое Настасьино представляло собой неукрепленное "однодворное поселение со свободной планировкой" (С. 123)[1]. Возникло поселение предположительно в первой пол. XIII в., расцвет пришелся на вторую пол. XIV–первую пол. XV в., когда оно "принадлежало семье выходца из Золотой Орды Серкиза и входило в состав крупной вотчины" (С. 127), получив в начале XV в. название по имени жены Федора Лжи Серкиза – Анастасии, а прекратило свое существование в 1425–1427 гг., во время "великого морового поветрия" в Подмосковье.

Убедительность этих выводов в целом бесспорна. Это четко документируется хронологией керамической посуды, изделий из металла и стекла, русскими средневековыми монетами и радиоуглеродными датировками. На проживание на поселении или на периодическое посещение его выходцами из Великой Степи указывает численно небольшая, но достаточно яркая коллекция позднекочевнической ременной фурнитуры и фрагмент золотоордынской кашинной чаши с полихромной росписью.

Единственно, что смущает в выводах авторов монографии, так это некая неубедительность в определении ими начальной даты заселения древнерусскими хлеборобами пустынной площадки городища, – "возможно, незадолго до Батыева нашествия" (С. 38, 127). Подобный скепсис обусловлен, с одной стороны, отсутствием каких бы то ни было следов культурных отложений домонгольского времени[2], а с другой стороны, присутствие на селище предметов, типологически датирующихся этим периодом: керамика второй пол. XII в., элементы упряжи, седла, поясных наборов булгарской традиции (XII–XIII вв.), украшения и предметы христианского культа середины XII–XV вв. Сюда же можно присовокупить и стеклянные изделия с непомерно растянутой хронологией – XII–XIV вв.

При раскопках перечисленные находки встречены в единичных экземплярах и не образуют какого-то подобия устойчивых серий, даже "керамика XII в. представлена ничтожным количеством обломков" (С. 38).

Подобная ситуация, на мой взгляд, как нельзя лучше объясняется следующими трагическими событиями. Поздней осенью 1237 г. Орда Батыя, стерев с лица земли старую столицу Рязанского княжества, двинулась в сторону Коломны. Население сельской округи города, наспех собрав нехитрый скарб, съестные припасы и прихватив домашнюю живность в панике разбежалось по лесным чащам, спасаясь от грабежей, насилия, увода в рабство, а порой и неминуемой смерти. Очевидно, именно тогда беженцы с какого-то поселения, ближайшего к будущему Настасьину, укрылись на территории заброшенного древнего земляного городка. Весной 1238 г., когда монгольское войско, увязнув в болотах на дальних подступах к Ве-

[1] При этом следует помнить, что раскопана всего лишь периферия селища.

[2] Я расцениваю как досадное недоразумение фразу А.Б. Мазурова: "Домонгольский культурный слой XII–XIII вв. отмечен ... на Настасьином поселении... (С. 115)".

ликому Новгороду, покинуло пределы Северо-Восточной Руси и ушло в степи, какая-то часть беженцев, по-видимому, предпочла не возвращаться на родное пепелище, а осталась жить на новом, спасительном для них месте.

Со временем принесенные на городище немногочисленные предметы, изготовленные мастерами домонгольского времени, были или утеряны (украшения), или выброшены, придя в негодность (керамическая посуда, конская упряжь), а в начавшийся формироваться культурный слой поселения стала откладываться новая (по рецептуре, формам и технологии производства) продукция возродившихся после опустошительного разорения коломенских ремесленных мастерских...

Таковой мне рисуется картина начального формирования средневекового Настасьина. Однако тут же признáюсь: изложенная версия построена больше на логических рассуждениях, нежели на критике исторических и археологических источников, сколь-нибудь полного корпуса которых для данного поселения просто не существует. Поэтому в будущем, в процессе изучения сходных археологических памятников, необходимо специальное исследование этой проблемы. А пока предложенная версия – всего лишь крохотное литературное эссе.

Рецензируемая монография для многих археологов-практиков являет собой образец, достойный подражания, как пример публикаций полного объема всех без исключения материалов, полученных при раскопках и кропотливо изученных в лабораториях. При этом надо отдать должное неуёмной энергии и организаторскому таланту А.В. Энговатовой, которая не только блестяще провела полевые раскопки, но и умудрилась в предельно короткие сроки привлечь к исследованиям большую группу специалистов, порой далеких от археологии, и подготовить рукопись к печати.

Что же касается сугубо научных результатов и выводов, опубликованных в указанном издании, то на них, смею утверждать, ученые обратят внимание обязательно, особенно те, кто занимается (и те, кто в будущем будет заниматься) изучением становления Московского княжества.

Научно-производственный центр по охране памятников, Иваново *А.В. Уткин*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 2, с. 177–190

ХРОНИКА

22 ноября 2004 г. в Редакцию журнала "Российская археология" поступило Открытое письмо из Института истории материальной культуры РАН, подписанное директором Института чл.-корр. РАН Е.Н. Носовым и заведующим Отделом палеолита того же Института д.и.н. С.А. Васильевым.

В Открытом письме содержится описание имевшего место летом 2004 г. беспрецедентного в отечественной археологической практике факта насильственного прекращения археологических исследований на стоянке Янской в Республике Саха (Якутия) и задержания офицерами силовых ведомств Республики сотрудников Российской академии наук, проводивших плановые многолетние работы на этой стоянке на основании Открытого листа № 87, выданного на имя начальника экспедиции к.и.н. В.В. Питулько Отделом полевых исследований Института археологии РАН.

Инициаторами этого возмутительного акта были академики Академии наук Республики Саха (Якутия), сотрудники Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева.

Данное Открытое письмо было обсуждено на заседании Редколлегии и Редакционного совета журнала в декабре 2004 г.

Редколлегия журнала "Российская археология" подчеркивает, что данным актом, во-первых, грубо нарушены все этические нормы, принятые в научном сообществе России, во-вторых, столь же грубо нарушены существующие юридические нормы проведения археологических исследований на территории Российской Федерации, изложенные в законе РФ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" и Постановлении Правительства РФ № 865.

Следует также отметить, что Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева Решением Отдела полевых исследований Института археологии РАН лишены права на получение Открытых листов на археологические раскопки на территории РФ в связи с неоднократным непредоставлением Отчетов о своих полевых исследованиях.

Редакция журнала "Российская археология" считает необходимым ознакомить своих читателей с Открытым письмом сотрудников Института истории материальной культуры РАН и соответствующим Заключением Отдела полевых исследований Института археологии РАН.

От редакции

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В 2001 г. комплексной экспедицией "Высокоширотная Арктика: Природа и Человек" под руководством сотрудника Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН кандидата исторических наук В.В. Питулько была открыта Янская стоянка – уникальный памятник археологии Севера Восточной Сибири и мировой доистории в целом. Это – фактически единственный достоверный след пребывания человека в высоких широтах в столь отдаленное время, древнейший из археологических объектов, известных к северу от Полярного круга (дата стоянки – 27000 л.н.). Исключительное научное значение имеет факт присутствия здесь протяженных участков неповрежденного культурного слоя, сохранившегося в толще многолетнемерзлых осадков. В настоящее время стоянка активно разрушается вследствие размыва и протаивания (скорость отступания бровок террас составляет 5–6 м в год), и, очевидно, уже в ближайшие годы значительная часть этого уникального археологического объекта может быть утрачена.

Начиная с ее открытия в 2001 г., Янская стоянка изучается комплексной экспедицией, в работе которой, помимо значительного числа сотрудников ИИМК РАН, принимают участие представители ряда государственных и академических организаций (Российский Государственный Музей Арктики и Антарктики, Государственный научный центр Росийской Федерации, Арктический и Антарктический Научно-исследовательский институт, Геологический институт РАН, Научно-исследовательский центр экологической безопасности РАН и др), Московского и Санкт-Петербургского Гос. Университетов – геологи, геокриологи, геоморфологи, палеонтологи. Работы проводятся с соблюдением государственного порядка организации археологических исследований – в 2001 г. на основании Открытого листа по форме 1 за № 381 от 8 июня 2001 г., в 2002 г. – на основании Открытого листа по форме 1 за № 638 от 28 июня 2002 г., в 2003 г. – на основании Открытого листа по форме 1 за № 525 от 16.06.2003 г. Полевые работы освещены в отчетах, представленных В.В. Питулько в Отдел полевых исследований Института археологии РАН. Результаты исследований, вызвавших широкий резонанс в профессиональном сообществе, неоднократно представлялись в виде докладов, в том числе и на международных конференциях, предварительные сведения о памятнике опубликованы.

В 2004 г. В.В. Питулько продолжил раскопки на Янской стоянке, на основании Открытого листа № 87, выданного на его имя, при наличии всего пакета разрешительных документов, требуемых для организации экспедиций федеральным и местным законодательством. К сожалению, нормальная работа экспедиции летом 2004 г. была прервана с появлением на месте раскопок членов Академии наук Республики Саха (Якутия), сотрудников Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой. Прибывшими вслед за ними офицерами силовых ведомств члены экспедиции были задержаны в лагере на два дня для проверки документов. Начиная с этого момента, под руководством Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой на Янской стоянке были развернуты масштабные раскопочные работы (в основном – в пределах участка Южный). В различных местах стоянки были сделаны бессистемные выемки, шурфы и зачистки, часто значительной глубины и протяженности. Согласно сведениям, полученным из Отдела полевых исследований ИА РАН, ни Ю.А. Мочанов, ни С.А. Федо-

сеева открытых листов для работ на Янской стоянке не имели.

Ход и результаты этих действий зафиксированы на фото- и видеоаппаратуру, а также нанесены на план памятника. На основании этих данных составлен акт о нарушении законодательства Российской Федерации в области охраны памятников, направленный руководству Отдела полевых исследований Института археологии РАН.

Заслушав 27 сентября 2004 г. информацию В.В. Питулько, Отдел палеолита ИИМК РАН считает, что действия, предпринятые Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой, грубейшим образом нарушают все этические нормы изучения археологических объектов и права исследователя, гарантируемые Законом Российской Федерации "О науке". Это, несомненно, беспрецедентный случай в практике осуществления археологических исследований на территории России. Демонстративно нарушая основы профессиональной этики, Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева фактически ставят под сомнение право и возможность федеральных организаций (в том числе. Отдела полевых исследований Института археологии РАН, имеющего такие полномочия согласно Закону "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" и Постановлению Правительства № 865) предпринимать какие-либо действия на территории Республики Саха (Якутия). Таким образом, имевшие место на р. Яне события затрагивают общие принципы проведения и организации археологических работ на территории России. На их нарушение Ю.А. Мочанову и С.А. Федосеевой не дают право ни их степени доктора исторических наук, ни их звания академиков Академии наук Республики Саха (Якутия).

Директор Института истории материальной культуры, чл.-корр. РАН
Е.Н. Носов
Заведующий Отделом палеолита, д.и.н.
С.А. Васильев
г. Санкт-Петербург

Отдел полевых исследований
Института археологии РАН

О выдаче Открытых листов
на проведение археологических раскопок
Янской стоянки
(Усть-Янский улус республики Саха (Якутия).

12 апреля 2004 г. в Отдел полевых исследований Института археологии РАН поступило письмо из Института истории материальной культуры РАН (за подписью ученого секретаря ИИМК РАН к.и.н. С.А. Кулакова) о возможности выдачи Открытого листа к.и.н. В.В. Питулько на проведение охранных археологических раскопок Янской стоянки в Усть-Янском улусе республики Саха (Якутия).

Учитывая многолетние работы исследователя на этой стоянке, отсутствие каких-либо задолженностей В.В. Питулько по работам предыдущих лет, интенсивное разрушение памятника эрозией, а также указание в заявке ИИМК о согласовании на проведение работ с органами охраны памятников республики Саха (Якутия), Научный Совет по полевым археологическим исследованиям 16 апреля 2004 г. принял решение о выдаче исследователю Открытого листа (№ 87 по форме 4; выдан 16 апреля 2004 г.).

Отдел полевых исследований ИА РАН также сообщает, что на протяжении 2004 г. других заявок (в том числе и из Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук республики Саха (Якутия)) на исследование Янской стоянки не поступало.

Сотрудники Центра Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева лишены права получения Открытых листов в связи с непредоставлением Отчетов о результатах полевых археологических исследований (на текущий момент Ю.А. Мочанов не представил Отчет о работах 1975 г. в бассейнах рек Лены, Индигирки, Колымы (в пределах Якутской АССР), Витима (в пределах Якутской АССР и Иркутской области), Кухтуя и Ульи (в пределах Хабаровского края), С.А. Федосеева – Отчет о разведках 1993 г. на территории Якутского, Хангаласского, Намского, Татинского, Усть-Алданского и Вилюйского районов Республики Саха (Якутия)).

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

В Нижнем Новгороде 17–19 октября 2001 г. прошла Всероссийская научная конференция "Поволжье в средние века". Она была организована Нижегородским государственным педагогическим университетом (НГПУ) совместно с Институтом археологии РАН и проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 01-01-14015г).

В состав Оргкомитета конференции вошли представители Государственного Исторического музея (Москва), Городецкого краеведческого музея (Городец), МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), Марийского государственного университета (Йошкар-Ола), Мордовского государственного университета (Саранск), Национального музея республики Татарстан (Казань), Нижегородского Дома ученых, Российского института культурологии МК РФ (Москва). Столь представительный состав оргкомитета объясняется не только интересом к научной проблеме, но и тем, что конференция была посвящена 70-летию со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, действительного члена РАЕН Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000).

Предложение почтить память Германа Алексеевича участием в конференции поддержало более 90 исследователей из вузов, музеев, научно-исследовательских учреждений городов Азова, Арзамаса, Астрахани, Альметьевска, Болга-

ра, Волгограда, Воронежа, Городца, Йошкар-Олы, Казани, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Пущина, Самары, Саранска, Ульяновска, Уфы. Из Португалии пришли тезисы от его ученицы, профессора Лиссабонского университета Т.П. Кузнецовой-Резенде.

Самой представительной была делегация из Москвы (34 участника из 15 учреждений). Второй по численности оказалась делегация Казани (14 участников из 5 учреждений), третьей – группа нижегородских исследователей (11 участников из 3 учреждений).

Учреждения-участники конференции распределились следующим образом. Академическую науку (14 учреждений) представляли 32 человека (из них 10 докторов и 18 кандидатов наук), 42 человека (в том числе 8 докторов и 15 кандидатов наук) были из 19 вузов и 21 человек (в том числе 1 доктор и 6 кандидатов наук) из 13 музеев.

На конференции были представлены ведущие российские научные центры, такие как Российская академия наук (Институты археологии, российской истории, всеобщей истории, востоковедения, славяноведения, антропологии и этнологии, физико-химических и биологических проблем почвоведения), Российский институт культурологии МК РФ, НИИ культурного и природного наследия МК РФ, Институт истории Академии наук Татарстана, 13 российских музеев, включая Государственный Исторический музей, Государственный музей Востока, музеи Кремля, Национальный музей республики Татарстан, Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник, Самарский областной историко-краеведческий музей, Азовский и Городецкий краеведческие музеи и 19 вузов России, в том числе Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казанский государственный университет, Нижегородский государственный педагогический университет. Почетным гостем конференции была вдова ученого, известный археолог, специалист в области средневековой археологии М.Д. Полубояринова.

Анализ состава участников конференции позволяет говорить не только о высокой степени репрезентативности российских научных центров, но и о высоком научном потенциале, а также позитивном балансе академических, вузовских и музейных научных исследований.

Открытие конференции и пленарное заседание проходили в актовом зале Нижегородского государственного педагогического университета. Здесь же, в выставочной галерее исторического факультета была организована выставка "Г.А. Федоров-Давыдов и археология Поволжья". Выставка была подготовлена кафедрой истории России НГПУ при участии Института археологии РАН, Городецкого и Азовского краеведческих музеев, Археологического музея Казанского университета. Большую помощь организаторам выставки оказала М.Д. Полубояринова. На выставке были представлены монографии Г.А. Федорова-Давыдова, его фотографии из семейного архива, а также археологические материалы из раскопок древнерусских, болгарских и золотоордынских поселений.

К открытию конференции были изданы тезисы докладов.

Секционные заседания проходили в помещении Нижегородского Дома ученых.

Участники конференции заслушали и обсудили 56 докладов. Кроме того, 14 исследователей приняли участие в работе заочно, опубликовав свои выступления в сборнике тезисов докладов.

Торжественно открывая конференцию, ректор НГПУ профессор *В.А. Глуздов* подчеркнул, что для педагогического вуза "большая честь принимать столь высоких гостей, составляющих гордость исторической науки", и пожелал участникам успешной работы. Проректор по научной работе НГПУ профессор *А.А. Касьян* в своем приветствии отметил, что НГПУ был первым педагогическим вузом, получившим несколько лет назад грант РГНФ на проведение научных конференций. Он выразил надежду, что конференция пройдет на высоком уровне творческого общения и внесет весомый вклад в развитие науки.

Были зачитаны приветствия участникам конференции академика РАН, заведующего кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова *В.Л. Янина*, академика АНТ *М.А. Усманова*. От имени научной общественности выступили к.и.н. *И.А. Аржанцева* (Москва), чл.-кор. АНТ *А.Г. Мухамадиев* (Казань), заведующий Национальным центром археологических исследований ИИ АНТ *П.Н.Старостин* (Казань), профессор Мордовского университета *В.И.Вихляев* (Саранск), научный сотрудник Городецкого краеведческого музея *З.С. Коновалова* (Городец).

Пленарное заседание было посвящено памяти Г.А. Федорова-Давыдова. В докладе *В.Л. Егорова* и *В.В. Дворниченко* (ГИМ, Институт археологии РАН, Москва) "Г.А. Федоров-Давыдов и Поволжская археологическая экспедиция" была подробно проанализирована деятельность этой экспедиции. Герман Алексеевич в конце 50-х годов вместе со своим учителем А.П. Смирновым стоял у истоков ее формирования, а с 1972 г. стал ее руководителем. Именно в рамках Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) развилось и окрепло новое исследовательское направление, за которым закрепилось название "Золотоордынская археология". В сферу деятельности экспедиции были включены золотоордынские городища Нижнего Поволжья. По мысли Г.А. Федорова-Давыдова, исследование этих памятников давало материал для изучения генезиса городов Золотой Орды, их социального и этнического состава, выявления связей между оседлой городской и кочевой степной культурами. Авторы доклада подчеркнули, что объем археологических исследований, проведенных под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, "имеет совершенно особое значение для развития отечественной археологии и упрочения мирового авторитета российской науки".

Главный редактор журнала "Татарская археология" *Р.Г. Фахрутдинов* (Казань) поделился воспоминаниями об экспедиционной работе под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Старший преподаватель кафедры истории России НГПУ *И.Р. Гражданинов* специально к конференции подготовил доклад об изучении в школе наследия Г.А. Федорова-Давыдова.

Крупный ученый, известный исследователь, автор более 25 монографий по истории, археологии, нумизматике, руководитель Поволжской археологической экспедиции, Г.А. Федоров-Давыдов оставил глубокий след не только в науке, но и в сердцах тех, кому довелось с ним работать, у него учиться. Не одно поколение археологов выросло в легендарной ПАЭ. Герман Алексеевич щедро делился опытом, знаниями. Трудно переоценить его вклад в развитие археологии Нижнего Поволжья, Татарии, Мордовии. При его поддержке формировалась археология Городца на Волге и Нижнего Новгорода. Наверное, именно поэтому уже с первых выступлений у каждого докладчика находились особенные слова об этом удивительно светлом человеке и, несмотря на жесткий регламент, появлялось желание поделиться воспоминаниями о том, как Герман Алексеевич вошел в его судьбу. Все, кому довелось присутствовать на заседаниях конференции, почув-

ствовали, насколько она была согрета теплом чувств и благодарной памяти.

В центре внимания участников конференции были направления, разработанные Г.А. Федоровым-Давыдовым в области археологии, истории, нумизматики, культуры. Именно они продиктовали темы работы трех секций: "Этнокультурные процессы Поволжья и сопредельных территорий в средние века", "История, археология и нумизматика Золотой Орды", "Русское и финно-угорское Поволжье в средние века".

Наибольшее число докладов (28) было посвящено проблемам истории, археологии и нумизматики Золотой Орды. Количество докладов красноречиво указывает географические ориентиры лидирующих в этом направлении научных центров. Их два: Москва (10 докладов) и Казань (8 докладов).

Русской и финно-угорской средневековой истории Поволжья были посвящены 20 докладов, в 5 из них освещены результаты работы мордовских археологов (Саранск). Вопросы истории и археологии Северо-Восточной Руси нашли отражение в 7 докладах московских исследователей и 5 – нижегородских.

Тема средневековых этнокультурных процессов поднята в 12 докладах. Безусловным лидером в разработке этого направления оказалась Москва, на долю представителей которой пришлась половина докладов.

Анализ материалов конференции показывает, что золотоордынская тематика активно разрабатывается исследователями всех трех направлений научной деятельности: академического, вузовского и музейного. Вопросы финно-угорской средневековой археологии представлены в основном в вузовских исследованиях. Доклады по истории и археологии Северо-Восточной Руси подготовлены преимущественно в академических и вузовских научных центрах. Изучение этнокультурных процессов сосредоточено в академических институтах.

Доклады, сделанные на секции "Этнокультурные процессы Поволжья и сопредельных территорий в средние века", были посвящены изучению этнического состава населения Поволжья (*Л.В. Яворская* (Волгоградский госуниверситет), *Д.А. Сташенков* (Самарский областной историко-краеведческий музей)), Прикамья (*К.А. Руденко* (ГМРТ, Казань), *Е.П. Казаков* (ИИ АНТ, Казань)), Закубанья (*Л.М. Носкова* (ГМВ, Москва)), Подонья (*М.В. Цыбин* (Воронежский госуниверситет)). Половцам на Северо-Западном Кавказе посвятила свое выступление *Е.А. Армарчук* (Институт археологии РАН, Москва). *И.А. Аржанцева* (МГУ, Москва) охарактеризовала аланские города накануне монгольского нашествия. *В.Я. Петрухин* (Институт славяноведения РАН, Москва) рассмотрел археологические и письменные источники по хазарам в современной историографии. Характерной особенностью представленных в докладах исследований можно назвать комплексный источниковедческий подход, при котором наряду с археологическими материалами активно используются данные антропологии и письменных источников.

Удачно вписался в тематику секции доклад *В.А. Демкина* и *Т.С. Демкиной* (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино) "Палеоэкология Нижнего Поволжья в золотоордынское время", материал которого позволяет корректировать выводы историков и археологов с учетом климатических изменений в регионе. Авторы подчеркивают, что впервые на основании палеопочвенных данных можно говорить «о существовании в восточноевропейских степях "средневекового климатического оптимума", пик которого, скорее всего, приходился на XIII век». Многочисленные прямые палеопочвенные натурные наблюдения и лабораторно-экспериментальные материалы подтвердили ранее высказанные предположения ряда ученых "о значительном увлажнении всей евразийской степи в эпоху татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды".

Ю.А. Зеленеев (Марийский госуниверситет, Йошкар-Ола) в своем докладе охарактеризовал взгляды Г.А. Федорова-Давыдова на этническую историю Поволжья.

Л.Т. Яблонский (Институт археологии РАН, Москва) в докладе "Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья" на обширном палеоантропологическом материале убедительно показал многолинейный и сетевидный характер формирования современных народов Нижнего и Среднего Поволжья, Крыма, Средней Азии и Казахстана. Он подчеркнул, что «эти народы не могут претендовать ни на особую "чистоту", ни на особую древность на территории, занимаемой ими сегодня».

Подводя итоги работы секции, Л.Т.Яблонский привел примеры использования выводов археологов для разжигания межнациональной розни и отметил, что "этногенетическая реконструкция требует специальных подходов и методик, которые отнюдь не сводятся к простому заимствованию цитат из работ специалистов смежных по отношению к археологии научных дисциплин". Он подчеркнул, что главный методологический принцип отечественной антропологии "безоговорочно декларирует отсутствие причинной зависимости между биологией человека и его этнической, языковой, культурной принадлежностью. Краниологическое сходство еще не свидетельствует о генетическом родстве".

Е.П. Казаков, В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев отметили высокий профессиональный уровень докладов и обилие нового материала, введение которого в научный оборот, несомненно, обогатит наши знания о прошлом. Вместе с тем внимание исследователей было обращено на необходимость соблюдения исключительной осторожности и научной корректности в этногенетических определениях археологического материала.

В докладах секции "История, археология и нумизматика Золотой Орды" был представлен богатейший материал из раскопок на средневековых памятниках Поволжья и Приазовья.

Вопросы хронологии и топографии Селитренного городища эпохи Тохтамыша осветил в своем докладе *В.Г. Рудаков* (ГИМ, Москва). *Е.Ю. Гончаров* (Институт востоковедения РАН, Москва) изложил свой взгляд на археологический и нумизматический материал нижневолжских золотоордынских городищ, связав Царевское городище с остатками Гюлистана. Доклады *Э.Д. Зиливинской* (Институт археологии РАН, Москва) и *А.А. Бурханова* (ТГГИ, Казань) были посвящены результатам раскопок на Селитренном городище. *А.Г. Мухамадиев* (Казанский госуниверситет) рассказал о раскопках в Казанском Кремле. *С.И. Валиулина* (Казанский госуниверситет) проанализировала результаты раскопок поселений округи Билярского городища и пришла к выводу, что с гибелью домонгольской столицы Волжской Булгарии жизнь в ее округе не остановилась. Ее экономический и культурный потенциал был востребован и активно использовался населением в XIII–XIV вв. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Билярского городища легли в основу доклада *Г.Ш. Асылгараевой* (ИИ АНТ, Казань).

Несколько докладов было посвящено керамическим комплексам золотоордынских городов Сарая ал-Джедид (*С.А. Курочкина* (Марийский госуниверситет, Йошкар-

Ола)) и Азака (*А.Н. Масловский, В.И. Перевозчиков, Е.Н. Лопаткин* (Азовский краеведческий музей)). Происхождение, технология и терминология кашинной керамики Золотой Орды были проанализированы в докладе *В.Ю. Коваля* (Институт археологии РАН, Москва).

Внимание исследователей было обращено не только на археологические материалы. Доклады *Н.М. Фомичева* (Азовский краеведческий музей), *Л.Ф. Недашковского* (Казанский госуниверситет) были посвящены монетным находкам с золотоордынских памятников. *А.З. Сингатуллина* (Национальный музей РТ, Казань) представила сводку кладов средневековых восточных монет из фондов музея и рассказала о технологии их паспортизации. Доходности монетного дела в Золотой Орде XIV в. посвятил свой доклад *Н.А. Хан* (Киров). В докладе *Ю.А. Семыкина* и *Н.Г. Набиуллина* (Ульяновский ГПУ) была рассмотрена технология изготовления кузнечной продукции Джукетау.

Темой доклада *Д.Г. Мухаметшина* (Болгарский государственный музей-заповедник, Болгар) стала резьба по камню в Среднем Поволжье, по данным эпиграфики XIII–XVI вв. *И.В. Волков* (Российский НИИ культурного и природного наследия МК РФ, Москва) в своем докладе "О наименовании золотоордынских поселений правобережья Нижней Волги" убедительно продемонстрировал широкие возможности средневековых карт для локализации золотоордынских поселений и идентификации их с известными археологическими памятниками. При этом он отметил специфику способов картографирования региона, без знания которой нельзя рассчитывать на обоснованные выводы.

С.В. Никишин и *Ю.В. Селезнев* (Воронежский ГПУ) обратили внимание на особое значение устной традиции, эпических произведений для изучения Золотой Орды, от которой не сохранилось собственных летописей и хроник. На основе анализа эпоса "Идегей" они пришли к выводу "о преобладании в сознании золотоордынской правящей элиты военных стереотипов".

Т.В. Гусева (НГПУ, Нижний Новгород) в докладе "Г.А. Федоров-Давыдов и его вклад в изучение средневекового города" отметила особое значение методологических и методических подходов исследователя.

В последнее время получила развитие гипотеза о существовании в Золотой Орде только одной столицы, отождествляемой с Селитренным городищем в Астраханской области (В.Г. Рудаков (ГИМ, Москва). Вокруг этого вопроса разгорелась дискуссия, в ходе которой было отмечено, что гипотеза опирается в основном только на нумизматический материал, необъективно оценивает другие источники, не учитывает исторических реалий рассматриваемого периода и вряд ли может составить конкуренцию выводам Г.А. Федорова-Давыдова.

В выступлениях Ю.А. Зеленеева (Йошкар-Ола), И.В. Волкова (Москва), Т.В. Гусевой (Н. Новгород) прозвучало предостережение от поспешных выводов, было обращено внимание исследователей на неукоснительное соблюдение принципов критического анализа источников, корректности в их интерпретации. Последнее особенно важно при идентификации археологических памятников с историческими объектами.

Секция "Русское и финно-угорское Поволжье в средние века" объединила археологов и историков. В докладе *П.Н. Старостина* (ИИ АНТ, Казань) были рассмотрены взаимоотношения носителей пришлой именьковской культуры с населением Поволжья и Нижней Камы. *О.В. Зеленцова* (Мордовский госуниверситет, Саранск) на материалах могильников проанализировала связи мордвы-мокши с южными соседями. *В.И. Вихляев* (Мордовский госуниверситет, Саранск) посвятил свой доклад датировке ранней стадии пензенских могильников.

Уральские корни комплекса вооружения венгров обстоятельно рассмотрел *В.В. Овсянников* (ИИЯЛ Уфимского научного центра РАН, Уфа). Доклад *Ю.В. Селезнева* (Воронежский ГПУ) был посвящен отражению взаимоотношений Руси и Золотой Орды в русской письменной традиции XIV – начала XV в. В докладе *М.В. Седовой* (Институт археологии РАН, Москва) были проанализированы многочисленные предметы ордынского происхождения, найденные в ходе археологических раскопок в городах Владимиро-Суздальского княжества. По убедительному выводу докладчика большое количество и разнообразие находок свидетельствуют об оживленности торговых связей между Северо-Восточной Русью и Золотой Ордой.

П.В. Чеченков (НГПУ, Нижний Новгород), анализируя взаимоотношения Золотой Орды и Нижегородской земли в конце XIV – первой трети XV в., отметил большое влияние ордынской политики на судьбы великого Суздальско-Нижегородского княжества.

Доклад *Б.М. Пудалова* (Нижний Новгород) был посвящен анализу новооткрытого письменного источника по истории борьбы за Нижегородский край в первой трети XV в. – "Разрешительной молитвы" митрополита Фотия по кн. Даниилу Борисовичу. *В.Д. Назаров* (Институт всеобщей истории РАН, Москва) в своем докладе проанализировал сохранившееся докончание князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских с князем Дмитрием Шемякой. Всесторонний источниковедческий анализ позволил докладчику убедительно обосновать датировку докончания июнем-сентябрем 1445 г.

А.М. Колызин (Музеи Кремля, Москва) подробно рассмотрел историю и основные направления торговли Москвы в XII – середине XV в., по данным письменных источников, археологии и нумизматики. *Д.Ю. Кривцов* (ННГУ, Нижний Новгород) сделал попытку доказать вымышленность летописного известия об исцелении ханши Тайдулы митрополитом Алексеем. Сообщение *И.А. Егорьковой* (НГПУ, Нижний Новгород) было посвящено анализу версии о преставлении Александра Невского в Городецком Федоровском монастыре. Комплексный анализ исторических источников позволил докладчику убедительно доказать, что утверждение о смерти Александра Невского в Городецком Федоровском монастыре не имеет под собой основания и является мифом, родившимся в XIX в. В сообщении *Л.В. Смирновой* (НГПУ, Нижний Новгород) были рассмотрены возможности писцовых книг XVII в. как источника по этнической истории Нижегородского Поволжья.

Оживленную дискуссию вызвал доклад *К.А. Аверьянова* (Институт российской истории, Москва) о термине "тьма" в русских источниках. Анализируя употребление этого термина в летописных и документальных источниках, докладчик попытался обосновать утверждение, что "тьма" – это мелкая административно-территориальная и податная единица в русско-ордынском пограничье. Против такого толкования термина и интерпретации источников возражали В.Д. Назаров (Москва) и Б.М. Пудалов (Нижний Новгород). Они обратили внимание на слишком большое число допущений. По их мнению, наименее гипотетично понимание "пяти тем" Суздальско-Нижегородской земли как пяти крупных областей уделов бывшего Великого княжества.

На первый взгляд, может показаться, что темы секционных заседаний слабо связаны между собой. Однако такое впечатление обманчиво. Имя Г.А. Федорова-Давыдова объединило разрозненные сюжеты в единое целое, название которому "Поволжье в средние века". Исследовательским про-

странством Г.А. Федорова-Давыдова было средневековое Поволжье в его исторической целостности. Нет другого ученого, который бы одинаково глубоко разбирался в вопросах русской и золотоордынской истории, проблемах кочевого и оседлого средневекового мира, сложной этнической картине поволжского региона.

Поволжье как историческая территория и средние века как историческая эпоха – вот ключевые понятия конференции. Пожалуй, впервые собрались вместе археологи, историки, нумизматы, антропологи не для обсуждения вопросов русской, золотоордынской или финно-угорской истории отдельно, а с целью объединения усилий в выработке объективного взгляда на прошлое Поволжья как единого исторического региона. Лейтмотивом конференции стала мысль о корректной работе с источниками, об ответственности исследователя за выводы и обобщения независимо от того, связаны ли исследовательские сюжеты с широкими этногенетическими построениями, исторической идентификацией археологического материала или ограничены определением даты отдельного документа.

А.З. Сингатуллина (Казань) в своем выступлении обратила внимание на статью, посвященную 200-летию известного ученого и нумизмата Х.М. Френа, в которой в 1984 г. Герман Алексеевич отмечал: «"Имя Френа – одно из самых безукоризненных в истории науки", – писали о нем после его смерти. Может ли быть награда ученому лучшая, чем эти слова?». Исследовательница подчеркнула, что это в полной мере можно отнести и к самому Герману Алексеевичу Федорову-Давыдову, составившему целую эпоху в науке.

Нижний Новгород неслучайно стал местом проведения конференции. Его историческая судьба тесно сплетена с теми проблемами, решению которых посвятил свою жизнь Г.А. Федоров-Давыдов. И то, что конференция проходила в стенах одного из старейших в России педагогических вузов, наверное, тоже неслучайно. В ней активно участвовали и студенты исторического факультета, и преподаватели, имея возможность не только слушать доклады, но и общаться с учеными, задавать вопросы, получать консультации.

Для участников конференции была организована культурная программа "Старый Нижний", осуществление которой стало возможным благодаря спонсорской поддержке ООО "Фирма Промстрой и К°" (директор А.А. Сулимов).

В резолюции, принятой на заключительном заседании, участники конференции выразили благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, нижегородским коллегам за высокий уровень организации работы конференции и прекрасные условия для творческого общения. Было принято решение сделать регулярными конференции памяти выдающегося российского ученого Г.А. Федорова-Давыдова и проводить их два раза в пять лет.

Археологическая служба, Нижний Новгород *Т.В. Гусева*

Вторая Всероссийская научная конференция "Поволжье в средние века", посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова, проходила 26–28 сентября 2003 г. в Казани и Яльчике (на территории Республики Марий Эл). Она была организована и проведена Национальным музеем Республики Татарстан совместно с Академией наук Татарстана, Институтом истории АНТ, Казанским и Марийским государственными университетами.

В работе конференции приняли участие ведущие ученые Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Самары, Болгара, Чебоксар, Нижнего Новгорода. Среди них крупные исследователи в области археологии, палеоантропологии из Института археологии РАН (д.и.н. Л.Т. Яблонский, В.В. Дворниченко, к.и.н. Н.А. Кокорина, к.и.н. М.Д. Полубояринова), Российского НИИ культурного и природного наследия МК РФ (к.и.н. И.В. Волков), Государственный музей Востока (к.и.н. Л.М. Носкова). Ведущие научные центры Татарстана были представлены Академией наук Татарстана, Казанским государственным университетом, Национальным музеем Республики Татарстан. В обсуждении исторических проблем кроме археологов приняли участие казанские этнологи и культурологи.

Открытие конференции и пленарное заседание прошли в конференц-зале Академии наук Татарстана, первое секционное заседание – в актовом зале Института истории АНТ в Казани. Дальнейшая работа конференции проходила в живописном месте Марий-Эл, на базе отдыха Марийского государственного университета "Яльчик".

В числе приоритетных проблем, выдвинутых для обсуждения, были темы и направления, разрабатывавшиеся Г.А. Федоровым-Давыдовым:

– древности эпохи тюркских каганатов в Поволжье;

– генезис средневекового населения Поволжья;

– культура и искусство золотоордынских городов;

– религия в Золотой Орде.

В соответствии с этим были обозначены проблемные линии трех секций конференции: "История и культура народов Поволжья в период Золотой Орды", "Древняя и средневековая археология и нумизматика Поволжья", "Волжская Булгария и Золотая Орда".

Было заслушано 43 доклада и сделан один стендовый доклад.

Пленарное заседание открылось с воспоминаний казанских исследователей *М.А. Усманова* и *А.Г. Мухамадиева* о Г.А. Федорове-Давыдове. *В.В. Дворниченко* (Москва) рассказал о раскопках Г.А. Федорова-Давыдова на Кривой Луке. Доклад *И.М. Нестеренко* (Казань) был посвящен вопросам охраны археологического наследия в контексте нового российского законодательства. Актуальное звучание теме придали катастрофические масштабы разрушений и варварского разграбления археологических памятников Поволжья.

О деятельности Поволжской археологической экспедиции на современном этапе шла речь в докладах *Е.М. Григорьева* (Йошкар-Ола) и *И.В. Волкова* (Москва).

Блок докладов был посвящен изучению древнего и средневекового населения Поволжья.

Вопросы происхождения средневекового населения были рассмотрены в докладе *Л.Т. Яблонского* (Москва). Возможности молекулярно-генетического исследования костных остатков были освещены в совместном докладе *А.Н. Аскаровой*, *О.А. Кравцовой* и *И.Р. Газимзянова* (Казань). Итоги исследования погребального обряда золотоордынских могильников были изложены в докладе *Л.П. Зайгановой* (Йошкар-Ола) – по материалам могильника Маячный бугор, в стендовом докладе *И.Р. Газимзянова* (Казань) – по материалам Усть-Иерусалимского некрополя в Болгаре.

Дискуссию вызвал доклад *Е.П. Казакова* "Новые материалы времени Тюркских каганатов в Закамье". Он был посвящен новым материалам именьковского могильника VI–VII вв. н.э. у поселка Коминтерн в Спасском районе Татарстана. Выдвинутый докладчиком тезис об именьковско-турбаслинской общности и направлении миграционных процессов в VI–VII вв. был обсужден в выступлениях участников конференции.

Золотоордынская тематика была представлена чрезвычайно широко.

Дискуссионный вопрос о природе государственнообразующего этноса в Золотой Орде по письменным источникам был рассмотрен в докладе *Д.М. Исхакова* (Казань). Этноконфессиональная ситуация в Нижнем Поволжье в золотоордынское время, по данным письменных источников и археологии, была освещена в докладе *Л.Ф. Недашковского* (Казань). Вопросы духовной культуры и искусства Золотой Орды были затронуты в сообщении *Г.М. Давлетшина* (Казань) "О письменности и просвещении населения Золотой Орды" и *Д.К. Валеевой* (Казань) "Золотоордынский период искусства волжских булгар в системе мусульманской культуры".

О богатом комплексе золотоордынского времени из предгорий Закубанья шла речь в докладе *Л.М. Носковой* (Москва). Проблемы изучения золотоордынских слоев Казани в своем докладе рассмотрел *А.Г. Ситдиков* (Казань). Впервые ученым были представлены полученные в последние годы материалы, характеризующие жизнь и специфику этого северного периферийного золотоордынского города. Сравнительному анализу развития древнерусских и золотоордынских городов Поволжья был посвящен доклад *Т.В. Гусевой* (Нижний Новгород). *И.В. Волков* (Москва) рассказал о назначении ряда неатрибутированных предметов из раскопок золотоордынских памятников. Анализ знаков на археологических находках второй пол. I тыс. н.э стал темой сообщения *А.Г. Мухамадиева*.

Не менее разнообразными были и доклады, посвященные Волжской Булгарии. Это и исследование вопросов торговли и товарно-денежных отношений в IX–XIII вв. в докладе *Р.М. Валеева* (Казань), и анализ данных археологического комплекса у с. Рождествено в Лаишевском районе Татарстана в докладе *П.Н. Старостина* (Казань). *К.А. Руденко* (Казань) познакомил с итогами исследования булгарской сельской усадьбы XI в. *А.Ф. Кочкина* (Самара) посвятила свой доклад жилым и хозяйственным постройкам на Муромском городке, *З.Г. Шариков* рассмотрел проблемы изучения археологических памятников X – начала XVI в. Билярского микрорайона.

Яркий и выразительный материал, характеризующий средневековое ремесло города Болгара золотоордынского времени, был представлен в докладах *М.Д. Полубояриновой* (Москва) "Исследования ремесленного района на юго-западной окраине г. Болгар" и *Н.А. Кокориной* (Москва) "Дом ювелира в Болгаре". Археологическим памятникам округи Болгарского городища было посвящено сообщение *И.Д. Мухаметшина* (Болгар).

Большой интерес участников конференции вызвали доклады, посвященные археозоологической тематике. *Г.Ш. Асылгараева* (Казань) познакомила с итогами исследований костных остатков животных из раскопок булгарского города Джукетау. *И.В. Аськеев* (Казань) изложил перспективы изучения остатков мелких млекопитающих на примере материалов средневековых памятников Поволжья.

Не осталась без внимания и нумизматическая тематика. Крупнейшему (свыше 1000 целых монет и фрагментов) кладу куфических монет, обнаруженному в конце XX в. на Билярском городище, был посвящен доклад "Крещенобарановский и Билярский клады. Сходство и различие" *Е.А. Беговатова* (Казань). Датируя зарытие клада первой пол. XI в., исследователь отметил его уникальность. *Д.Г. Мухаметшин* (Болгар) посвятил свой доклад сравнительному анализу и датировке Каратунского клада из Апастовского района Татарстана (более 24000 монет), изучение которого было начато еще Г.А. Федоровым-Давыдовым.

В рамках конференции в Национальном музее Республики Татарстан был проведен Круглый стол, посвященный проблеме отражения древней и средневековой истории Поволжского региона в музейных экспозициях. В выступлениях историков и археологов подчеркивалась неповторимость и многообразие истории культуры народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, ее значение для правильного понимания современных этнокультурных процессов. Особо была отмечена необходимость исторического подхода в музейном строительстве. Поиск новых путей в современном музейном деле и строительстве экспозиции зачастую чреват увлечением "обезличенными" культурологическими темами и утерей историзма. Объективный показ исторического прошлого на современном и доступном для понимания посетителя научном уровне – такова задача музейной экспозиции на сегодняшнем этапе. К такому выводу пришли участники Круглого стола.

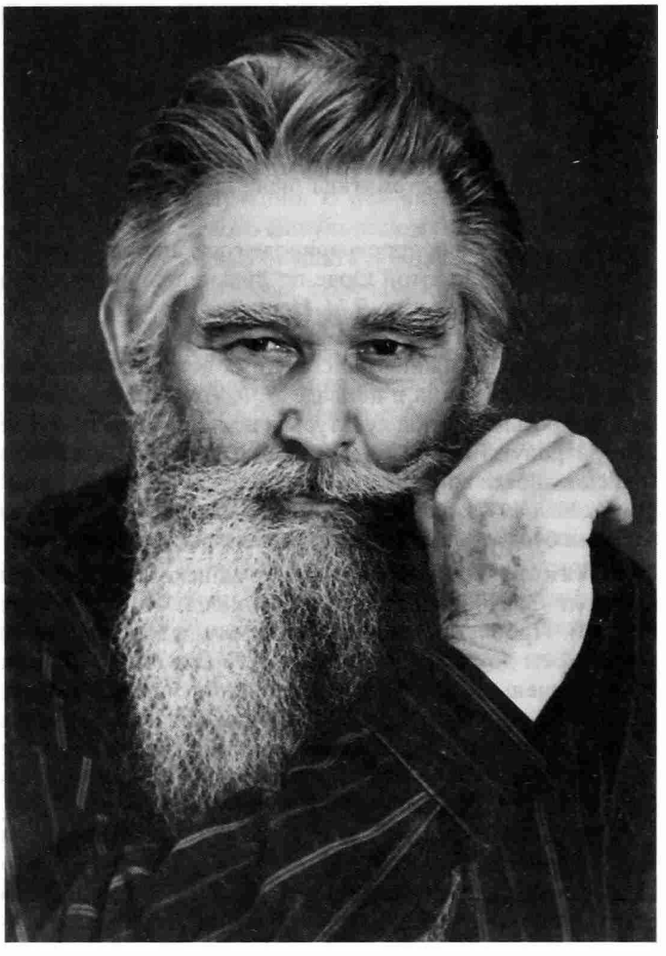
В резолюции конференции участники выразили благодарность министерству культуры Республики Татарстан, руководству Национального музея РТ, Казанского государственного университета, Академии наук Татарстана, Марийского государственного университета за организацию и создание условий для работы ученым, обратились в Академию наук Татарстана с предложением опубликовать сборник докладов прошедшей конференции в 2004 году. Была отмечена необходимость создания Совета по проведению научных конференций, посвященных памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова в следующем составе: В.Л. Егоров (Москва), В.В. Дворниченко (Москва), В.Л. Янин (Москва), Л.Т. Яблонский (Москва), М.Д. Полубояринова (Москва), Т.В. Гусева (Нижний Новгород), М.А. Усманов (Казань), К.А. Руденко (Казань), Ю.А. Зеленеев (Йошкар-Ола).

Было принято решение распространить обращение конференции к Правительству России и Татарстана, Министерству культуры РФ и РТ, Министерству образования РФ и РТ, СМИ об усилении внимания к проблеме охраны археологического наследия. Все участники конференции единодушно высказались за проведение следующей III конференции "Поволжье в средние века" в г. Москве в 2006 г.

Археологическая служба, Нижний Новгород
Национальный музей Республики Татарстан, Казань
Институт истории АНТ, Казань

Т.В. Гусева,
К.А. Руденко,
П.Н. Старостин

К 75-ЛЕТИЮ И.С. КАМЕНЕЦКОГО



Игорь Сергеевич Каменецкий родился 2 февраля 1930 г. в г. Самара (Куйбышев), но вся дальнейшая его жизнь в молодые годы связана с Санкт-Петербургом (Ленинградом): блокадник, выпускник кафедры археологии истфака ЛГУ. Учителями его были М.И. Артамонов и Л.А. Мацулевич. Принимал участие в работе археологических экспедиций под руководством А.А. Тереножкина, В.П. Шилова, М.И. Артамонова. С 1957 по 1960 г. обучался в аспирантуре (руководитель – А.П. Смирнов). Однако постоянной работы для него в ИИМК АН СССР не нашлось, и он уехал на три года в Таганрог, где в местном краеведческом музее занялся изучением и классификацией археологических коллекций. С 1960 г. – И.С. Каменецкий сотрудник нашего Института. Он был ученым секретарем сектора скифо-сарматской археологии и восемь лет активно работал в редакции нашего главного журнала – "Советской археологии" в должности зав. Отделом статей, а затем, в 1969–1971 гг. – ответственным секретарем СА.

В 1975 г. Игорь Сергеевич возглавил Донскую экспедицию отдела археологических работ на новостройках Института археологии АН СССР. Несмотря на длительную предшествующую историю исследований такого рода, многое тогда приходилось начинать с нуля, придумывать и выстраивать непосредственно по ходу дела, так как разворачивавшиеся в эти годы исследования в зонах орошения и мелиорации заметно отличались от, скажем, работ в зонах затопления рукотворных морей. Задачи, которые И.С. Каменецкий ставил перед собой, своими сотрудниками, экспедицией были достаточно разнообразны, но всегда подчинены главной цели – проведению археологических работ на самом высоком методическом уровне и получению максимума разнообразной достоверной информации. Следствием этого было привлечение к полевым работам почвоведов, а в дальнейшем к обработке коллекций и палеоантропологов, палеозоологов, реставраторов и т.п. И одновременно – установка выполнять все работы, которые некому перепоручить, профессионально. Если проводить топографическую съемку, то непременно инструментальную, если реставрировать керамику или, к примеру, железные изделия, – то на высоком методическим уровне. Многое из введенного в обиход самим Игорем Сергеевичем или найденного в процессе работ под его руководством стало обычным, рутинным, вошло в самые общие инструкции по раскопкам и работам на новостройках. Кое-что (ежедневное ведение дневниковых записей, бессрочное хранение первичной документации, аннотирование негативов) и сейчас практикуется далеко не во всех экспедициях. С первых же лет Донская экспедиция превратилась в одну из крупнейших новостроечных экспедиций. По своему методическому уровню и по качеству отчетности она явилась наглядным опровержением достаточно широко бытовавшего и постоянно звучавшего, по крайней мере, в стенах ИА мнения, будто новостроечные работы "ущербны" по определению, поскольку проводятся с чрезмерной торопливостью, подчиняясь темпам строительства, а к тому же и недостаточно квалифицированно. Престижность их в эти годы безусловно снизилась по сравнению с новостроечными проектами 1940–1950-х годов так как руководителями выступали теперь все больше младшие научные сотрудники и лаборанты). Игорю Сергеевичу удалось превратить Донскую экспедицию в своеобразную школу полевой археологии, через которую прошли многие десятки специалистов, ныне работающих в самых разных областях и нашей страны, и нашей науки.

Другим аспектом этой же стороны вопроса явилось широкое сотрудничество с местными коллегами, работавшими в ВУЗах и музеях, приглашение их в экспедицию, консультирование и т.д. Вряд ли будет преувеличением сказать, что развитие археологических исследований на Дону, а позднее и на Кубани, становление местных археологических школ во многом обязаны именно деятельности И.С. Каменецкого.

Работы на Дону, приведшие к открытию целого ряда замечательных памятников (Арпачин, Балабинские и Сагванские могильники, Харинка и др.) продолжались недолго. С 1979 г. район работ переносится южнее, на Кубань. Туда, где разворачивается классическая для советской эпохи медуновская кампания по уничтожению кубанских черноземов, несущая не меньшую угрозу для памятников археологии. И одновременно туда, где находится основная территория распространения меотской культуры, – главного объекта научных интересов И.С. Каменецкого. Впрочем, и тут работы на интереснейших меотских памятниках (Пашковское городище, грунтовый могильник Лебеди III) чередуются или совмещаются с изучением других эпох и культур. На протяжении трех сезонов Игорь Сергеевич участвует в раскопках уникального скального могильника Мощевая Балка. Много времени уделяет он и разведкам. Именно здесь Северо-Кавказская экспедиция (так стала она именоваться с переходом в Краснодарский край) начиная с 1980 г. вводит в практику отечественной археологии сплошные площадные разведки больших территорий, целых административных районов (первым был Усть-Лабинский).

Говоря о заботах И.С. Каменецкого, мы уделяем так много внимания экспедициям потому, что представить его без них нельзя. Каждый, кто работал рядом с ним, помнит и как умеет Игорь Сергеевич махать лопатой, задавая темп и

подавая пример рабочим, собственноручно строит то столовую, то камеральную палатку (это как воплощение генеральной установки: чтобы народ хорошо работал, он должен максимально удобно жить, нормально есть и т.д.). Как неутомимо вышагивал версты по горам и долам. Как методично ведет выбранный им для себя участок работы, будь это опись, реставрация, фотоработы или что-либо иное.

Даже самые невыигрышные на первый взгляд разведочные работы становились для Игоря Сергеевича поводом для новых методических или научных разработок. Так, начатые в 1980 г. сплошные разведки послужили толчком для новаторских по сути разработок по демографии и хозяйственно-экономической системе меотских племен.

На фоне и в неразрывном единстве с полевыми работами и археологией раннего железного века проходили и два других генеральных направления. Первое – разработка методики археологических исследований и внедрение новых математических методов. Второе – педагогическая деятельность. Сначала это было чтение специальных курсов по археологии и методам исследования находок для студентов и научных сотрудников в Самарканде, Екатеринбурге (Свердловске), Самаре (Куйбышеве), на Дальнем Востоке. Позднее он читал лекции на "школах молодых археологов", а с 1991 г. также курсы по специальности археология, история археологии, археология домонгольской Руси и др. в Московском государственном университете культуры и искусств.

Поздравляя Игоря Сергеевича с днем рождения, друзья, сотрудники и коллеги желают ему крепкого здоровья и новых научных свершений.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И.С. КАМЕНЕЦКОГО

1. Путеводитель. Вып. 1. Далекое прошлое нашего края. Таганрог, 1956. 15 с.
2. Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954 и 1955 гг.) // Краеведческие записки. Вып. I. Таганрог, 1957. С. 121–133.
3. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3. С. 235–240 (в соавт. с В.В. Кропоткиным).
4. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики // Методы естественных и технических наук в археологии. Тез. докл. М., 1963. С. 70, 71.
5. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 29–36.
6. Чулекская верхнепалеолитическая стоянка // Краеведческие записки. Вып. II. Ростов-н/Д., 1964. С. 131–136.
7. Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тез. докл. Баку, 1965. С. 99.
8. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики // МИА. 1965. № 129. С. 302–307.
9. Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 20 с.
10. Коды и применение перфокарт в археологии // Доклады Второго всесоюзного совещания по кодированию и эффективности применения ручных перфокарт. Таллин, 1967. 2 с.
11. Новый меотский могильник в Приазовье // СА. 1968. № 2. С. 264–266.
12. Опыт графической фиксации стратиграфии одного из участков Недвиговского городища // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 121–127 (в соавт. с Т.М. Арсеньевой).
13. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. № 154. С. 136–172.
14. Раскопки западного района Танаиса (1957–1960). Центральный участок // МИА. 1969. № 154. С. 61–72.
15. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
16. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 83–94.
17. Курганы Танаиса // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 81–87 (в соавт. с Л.М. Казаковой).
18. О показателе массивности отщепов // СА. 1970. № 3. С. 270, 271.
19. О язаматах // МИА. 1971. № 177. С. 165–170.
20. Zur Frage uber den Begriff Typ in der Archeologie // VII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la delegation des archeologues de l'URSS. M., 1971. 6 с.
21. К вопросу о понятии типа в археологии // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 354–357.
22. Катакомбное погребение в некрополе Танаиса // АО–1972. 1973. С. 128, 129.
23. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в СССР // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 6–10 (в соавт. с В.Ф. Генингом, Ю.Н. Захаруком, Л.С. Клейном, В.М. Массоном, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
24. Итоги исследования Подазовского городища // СА. 1974. № 4. С. 212–221.
25. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М., 1974. С. 139–190 (в соавт. с Л.М. Казаковой).
26. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975. 174 с. (в соавт. с Б.И. Маршаком, Я.А. Шером).
27. Глиняные конусы Подазовского городища // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 139–148.
28. К проверке гипотез о хронологических различиях // КСИА. 1977. Вып. 152. С. 49–54.
29. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 38–49 (в соавт. с А.А. Узяновым)
30. Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 17–24.
31. Математическая статистика в археологии // Природа. 1979. № 9. С. 51–59.
32. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1–2 / Отв. ред.
33. К методике раскопок степных курганов // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 128–136.
34. K teorii kulturni vrstvy // Jaroslav Malina. Archeologie včera a dnes aneb Vayi archeologové šedé hmoty vice za nehty než za ušima? Brno, 1981. S. 27–47.
35. Программа спецкурса "Формализация в археологии". Свердловск, 1982. 19 с.
36. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. Мат. работ Донской экспедиции. М., 1983. С. 221–250.
37. Локальные варианты меотской культуры // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тез. докл. Баку, 1985. С. 162–165.
38. Датировка Пашковского городища 6 на Кубани // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 94–99.

39. Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического исследования грунтовых могильников, разрушающихся при производстве различных строительных работ. М., 1986. 10 с. (в соавт. с Г.Е. Афанасьевым и Н.Ш. Решетниковой).

40. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа. Материалы работ Северокавказской экспедиции. Вып. 1. М., 1986. С. 136–194.

41. Северокавказская (Донская) // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа. Материалы работ Северокавказской экспедиции. Вып. 1. М., 1986. С. 6–12 (в соавт. с А.Н. Геем).

42. Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа. Материалы работ Северокавказской экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. М., 1986.

43. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 36–51 (в соавт. с А.Н. Геем).

44. Античные влияния на керамику донских меотов // Античные цивилизации и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тез. докл. Новочеркасск, 1987. С. 56–58.

45. Меоты и греческая колонизация // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Мат. IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси, 1988. С. 82–97.

46. Семья у меотов // Первая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 65–68.

47. К определению дискретности качественных признаков // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 23–31.

48. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1989. С. 224–251, 395–405.

49. Племена Закубанья в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Древние памятники Кубани. Мат. семинара. Краснодар, 1990. С. 80–93.

50. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4 (12). С. 2–5.

51. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М., 1993. 174 с.

52. Закон Российской Федерации об археологическом наследии (проект). Москва, 1993 // Археологический бюллетень. 1993. № 4 (16). С. 2–16 (в соавт. с Н.М. Булатовым, А.Г. Векслером, Ю.А. Красновым, В.В. Седовым, В.Л. Яниным).

53. Спорные вопросы закона об археологическом наследии // Археологический бюллетень. 1993. № 3 (15). С. 2–4.

54. Формула культурного слоя // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Сб. науч. тр. Краснодар, 1994. С. 7–17.

55. О понятии "тип" в археологии // Теория и прикладные методы в археологии. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. С. 3–15.

56. Правила описания сосудов // Теория и прикладные методы в археологии. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. С. 25–59.

57. Сероглиняные миски Пашковского VI городища // Боспорский сборник. № 5. М.,1994. С. 5–58.

58. Боспорский сборник. № 5 / Ред. М.,1994.

59. О бальзамировании умерших царей у скифов // Историко-археологический альманах. Вып. 1. М.; Армавир, 1995. С. 68–76.

60. Формозов А.А. Русские археологи до и после революции / Отв. ред. М., 1995.

61. Археология. Программа для студентов специальности "Музейное дело и охрана памятников культуры". М., 1997. 23 с.

62. Меотские городища на Кубани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 194–208.

63. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 127–146.

64. Ново-Джерелиевское II городище // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир; М., 1998. С. 65–80.

65. У восточной границы Боспора // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г. Тез. докл. СПб., 1998. С. 64–66.

66. Александру Александровичу Формозову 70 лет // РА. 1999. № 1. С. 252–254.

67. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сб. статей. М., 1999. С. 137–146.

68. Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сб. статей / Отв. ред. М., 1999 (совместно с В.И. Гуляевым, В.С. Ольховским).

69. Могукоровские городища // Донская археология. № 2 (3). Ростов-н/Д., 1999. С. 61–64.

70. К датировке Ново-Джерелиевского III городища // Stratum-plus. Скифский квадрат. № 3. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. С. 96–100.

71. Греки и меоты // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Матер. междунар. науч. конф. Декабрь 1999. СПб., 1999. С. 234–237.

72. Ново-Джерелиевское I городище // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.VIII. М.; Магнитогорск, 2000. С. 247–272.

73. План Степного II городища // Старый Свет: археология, история, этнография. Сб. науч. статей, посвященных 60-летию со дня рождения проф. Н.И. Кирея. Краснодар, 2000. С. 19–35.

74. Принципиальные основы полевых исследований // Вперед... в прошлое. К 70-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток, 2000. С. 20–32.

75. Ново-Джерелиевское IV городище // Археологические Вести. № 7. СПб., 2000. С. 164–177.

76. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000.

77. Харинка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 84–96.

78. Интерпретация археологических источников // Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. Тр. ГИМ. Вып. 113. М., 2000. С. 40–44.

79. Карагодеуашх: достоверность старых отчетов // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Тез. научно-практич. конф. к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности А.Г. Векслера. М., 2001. С. 76, 77.

80. О скифах на Кубани // Третья Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. междунар. археологич. конф. Краснодар-Анапа 2001. Краснодар, 2001. С. 65–68.

81. У границ азиатского Боспора // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 4–31.

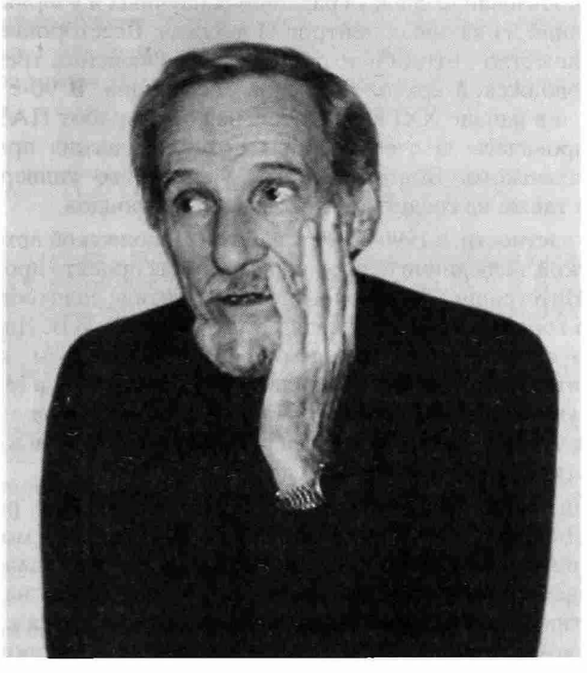
82. Харинка: срубный и сарматский слои // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 140–178.

83. Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2002. С. 8–61.
84. Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Отв. ред. М., 2002.
85. История формирования могильника Харинка // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 126–133.
86. Большая катакомба Балабинского I могильника // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002. С. 140–156.
87. Харинка: средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 266–307 (в соавт. с А.Г. Атавиным).
88. Погребальный обряд в греческих эпитафиях // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 106–118.
89. К датировке Семибратнего городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 67–76.
90. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский I) // Opus. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. С. 208–211 (в соавт. с А.П. Бужиловой).

Институт археологии РАН, Москва

А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.И. Савченко

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ДВОРНИЧЕНКО



13 августа 2004 года ушел из жизни старший научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН Владимир Васильевич Дворниченко.

Он родился 28 октября 1941 года в пос. Юго-Камск Охоньского района Пермской области. В 1958 году поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и учился на кафедре археологии Исторического факультета. После окончания кафедры, в 1965 году поступил в аспирантуру. В этот период его научным руководителем был Борис Николаевич Граков.

С 1968 по 1970 г. В.В. Дворниченко работал в Государственном историческом музее, затем – в Научно-методическом совете по охране памятников культуры при Министерстве культуры СССР. В 1972 году он становится сотрудником Института археологии, в котором прошел путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника. В молодости он участвовал в работе археологических отрядов кафедры археологии МГУ, Музея истории и реконструкции Москвы, был сотрудником Западно-скифской экспедиции (нач. экспедиции А.И. Мелюкова), Славяно-русской экспедиции (нач. экспедиции Б.А. Рыбаков), Московской экспедиции (нач. экспедиции К.А. Смирнов), Ингушской экспедиции (нач. экспедиции В.Г. Петренко), Скифской лесостепной экспедиции (нач. экспедиции П.Д. Либеров), Таманской экспедиции (нач. экспедиции Н.И. Сокольский) и других. В 70-е годы XX столетия, будучи уже опытным полевым исследователем, он становится заместителем начальника Поволжской археологической экспедиции. В этот период экспедицию возглавлял Герман Алексеевич Федоров-Давыдов, а с 1982 года – ее руководителем становится В.В. Дворниченко.

Из этого перечня можно видеть, что Владимир Васильевич с юных лет имел возможность приобрести полевой опыт и археологические знания у исследователей, составивших гордость советской науки. Все это позволило ему стать одним из лучших специалистов в области скифо-сарматской археологии. Полевой опыт и блестящие знания археологических материалов и археологической "кухни" особенно пригодились ему в период новостроечных работ на разновременных курганных комплексах Кривой Луки (Астраханская область).

Основной сферой научных интересов исследователя стали степные древности широкого хронологического диапазона – от предскифского времени до позднесарматского. По этой тематике им было опубликовано более 60 научных работ, в том числе – разделы в томе "Археологии СССР" и коллективной монографии "Древности Астраханского края".

Значительный и исключительно важный отрезок жизни В. В. Дворниченко связан с работой Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ).

В 50–60-е годы XX века исследования ПАЭ были сосредоточены, в основном, на средневековых булгарских и золотоордынских городищах Поволжья. В 70-х годах в работах экспедиции появляется новое направление – раскопки курганов в зонах строительных работ. Для их успешного проведения нужны были специалисты, владеющие методами исследования разновременных курганных могильников.

Ученик Б.Н. Гракова, имеющий необходимый опыт таких исследований, В.В. Дворниченко как нельзя лучше подходил для этого. Поэтому, когда в 1971 г. начались раскопки курганов в зоне строительства Астраханско-Калмыцкой оросительной рисовой системы, начальником этого отряда по предложению Г.А. Федорова-Давыдова стал именно В.В. Дворниченко. Герман Алексеевич полностью доверял ему и как полевому археологу, и как хорошему организатору экспедиционных работ.

Раскопки разворачивались в сложных условиях. База экспедиции находилась в тот период в Цареве (Волгоградская область), на левом берегу Волги. Нужно было перебросить оборудование в волжское правобережье Астраханской области и возвратить его к началу работы отрядов, исследующих золотоордынские городища (Дубовка, Селитренное). Поэтому раскопки курганов на Кривой Луке, у Барановки, Никольского, а позднее у Косики проходили в самое жаркое время – в июне-июле, что в полупустынной зоне добавляло дополнительные сложности в организации работы экспедиции. Необходимо было каждый день доставлять воду и в экспедиционный лагерь, и к местам раскопок, так как курганные группы, на которых одновременно велись работы, иногда находились в нескольких десятках километров друг от друга. Все это требовало четкой организации и продуманности действий руководства отряда. Перед В.В. Дворниченко постоянно стояли задачи бесперебойного обеспечения экспедиции дефицитным тогда горючим, завоза в отряд воды и продовольствия, переброски раскопочных групп к месту работ. И в то же время никто не снимал с него ответственность за научные результаты работы. Объем исследований, как обычно при новостроечных работах, был просто огромен. За десять лет раскопок в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем под руководством В.В. Дворниченко было исследовано 35 курганных групп в урочище Кривая Лука, шесть курганных групп у села Никольского и курганная группа у села Барановка. Все это десятки курганов и сотни раскопанных погребений разных эпох: от ямной культуры до средневековой кочевнической. На протяжении 45-километрового участка, вдоль сухого русла одного из протоков древней волжской дельты – Кривой Луки были раскопаны практически все курганы. Являясь по сути своей охранными, эти работы принесли и существенные научные результаты. Помимо богатых археологических коллекций, были получены данные, связанные с циклическими колебаниями климата в Нижнем Поволжье, собрана огромная палеоантропологическая коллекция, которая легла в основу специальных исследований, коллекция археозоологических материалов.

Были полностью опубликованы материалы курганной группы у села Барановки и курганных групп у села Никольского. Однако, из 35 групп Кривой Луки опубликованы лишь шесть групп. В последние годы В.В. Дворниченко активно работал над подготовкой материалов Кривой Луки к публикации.

Титанический труд В.В. Дворниченко по организации охранных раскопок курганов в правобережье Волги получил достойную оценку коллектива Поволжской археологической экспедиции и ее всегда требовательного руководителя Г.А. Федорова-Давыдова. Хотя размах новостроечных работ ПАЭ в 80-е годы был меньшим, чем в предшествующий период, организационных забот у В.В. Дворниченко значительно прибавилось: с этого времени он стал больше заниматься организацией работ на Селитренном городище – главном объекте работ ПАЭ с 70-х годов XX в.

Продолжил В.В. Дворниченко и исследование курганных древностей Нижнего Поволжья. В этот период им было исследовано уникальное сарматское погребение конца I в. до н.э. – I в. н.э. у села Косика, которое отличалось исключительным богатством инвентаря. В погребении было обнаружено массивное золотое нагрудное украшение – пектораль и много других ценнейших во всех отношениях находок. Это открытие вызвало большой интерес у археологов и широкой научной общественности. Вещи из Косикского захоронения экспонировались в российских и зарубежных музеях, а сейчас выставлены в постоянной экспозиции Астраханского музея-заповедника. Большая часть этих материалов была опубликована им в соавторстве с Г.А. Федоровым-Давыдовым.

В 90-е годы XX и в начале XXI в. Поволжская археологическая экспедиция столкнулась с различного рода трудностями. Сократилось финансирование археологических исследований, к тому же в самой экспедиции происходил процесс, который можно охарактеризовать как процесс смены поколений исследователей. В это время, как никогда, проявились способности В.В. Дворниченко как организатора и человека, умеющего работать с людьми. При отсутствии в составе экспедиции ее признанных лидеров – Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова ему приходилось полностью полагаться только на себя и свои силы.

Прилагая значительные усилия, ему удалось в 90-х годах изыскивать средства на проведение раскопок и золотоордынского Селитренного городища, и курганных могильников Нижнего Поволжья. Были предприняты попытки привлечь в исследовательский состав экспедиции молодежь. В поисках финансирования полевых работ упор был сделан на использование средств различных научных и учебных учреждений из научных центров Поволжья. Всестороннее сотрудничество с этими центрами и прежде являлось традицией Поволжской археологической экспедиции. В 90-е годы XX в. и в начале XXI в. значительная часть работ ПАЭ финансировалась за счет учебных археологических практик Астраханского, Волгоградского, Марийского университетов, а также на средства грантов научных фондов.

В частности, в 1996–1999 г. работы Поволжской археологической экспедиции проводились в рамках проекта программы "Интеграция" "Археологическое изучение золотоордынского города Сарай ал-Джедид и его округи". В.В. Дворниченко являлся руководителем проекта, в котором, кроме Института археологии, участвовали Волгоградский и Марийский университеты. Сам В.В. Дворниченко в период выполнения этого проекта занимался раскопками курганов в окрестностях Царевского городища.

Еще одной значительной вехой в полевой работе В.В. Дворниченко стали раскопки Хошеутовского могильника в Астраханской области, которые он осуществлял, с перерывами, в 90-е годы XX в. В самом начале XXI в. на этом памятнике было раскопано погребение, относящееся к постгуннскому времени. Ограбленное в древности, захоронение подверглось разграблению и буквально во время раскопок. Только решительные действия В.В. Дворниченко спасли выдающиеся древности из рук грабителей.

Результаты полевых работ В.В. Дворниченко трудно переоценить. Им был собран огромный материал по ранней истории кочевников Поволжья. Раскапывая захоронения самых разных эпох и культур, он всегда с особым интересом относился к памятникам раннего железного века. Сказывалось первоклассная подготовка, которая была получена еще в студенческие годы под руководством корифея археологии раннего железного века – Б.Н. Гракова.

В.В. Дворниченко всегда считался одним из ведущих специалистов по своему периоду, и почти каждая из изданных им работ может служить образцом тщательного археологического исследования.

В.В. Дворниченко всегда мог создать особенный микроклимат в экспедиции. Он был очень тактичным человеком. При возникновении каких-либо противоречий, что неизбежно в трудных условиях поля, он дипломатично, не навязывая свою волю и не пытаясь встать на чью-то сторону, мог уладить конфликт. В то же время он мог быть и достаточно жестким, если дело касалось принципиальных вопросов процесса раскопок. Поэтому даже в те дни, когда В.В. Дворниченко не

было в поле, его мнение всегда стремились узнать и учесть. Когда болезнь не позволила ему работать в поле, экспедиция постоянно информировала его о ходе работ и обо всех событиях с ними связанных, принимала его советы по части организации и проведения раскопок.

И в поле, и в Институте Владимир Васильевич всегда был душой коллектива. Он прекрасно пел, знал много русских, украинских и советских песен, с присущей ему доброжелательностью, но с юмором любил рассказывать интересные эпизоды, связанные с его молодостью, с его учителями, и каждый выход "Васильича" к экспедиционному костру превращался в праздник для всех окружающих.

Исключительно преданный археологии и своим учителям исследователь, широко образованный специалист, блестящий полевой методист, замечательный человек, знаток литературы и истории изобразительного искусства – именно таким Владимир Васильевич Дворниченко навсегда останется в наших сердцах.

Сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии и Поволжской археологической экспедиции сделают все возможное для того, чтобы материалы, полученные в ходе блестящих раскопок В.В. Дворниченко, были сохранены для нашей науки.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В.В. ДВОРНИЧЕНКО

1. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1966. С. 5–15.
2. Поселение эпохи поздней бронзы Обиточная-2 // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 98–102.
3. Новая стоянка на Туголесских озерах // АО-1972. 1973. С. 62, 63 (в соавт. с В.В. Сидоровым).
4. Раскопки курганов у с. Барановка // АО-1972. 1973. С. 160, 161 (в соавт. с Н.Н. Бусятской, С.Н. Кореневским, Г.А. Федоровым-Давыдовым, Е.В. Шнайдштейн).
5. Работы Багаевского отряда на Маныче // АО-1973. 1974. С. 107, 108 (в соавт. с О.Г. Ерохиным, С.Н. Кореневским).
6. Раскопки курганов в Астраханской области // АО-1973. 1974. С. 148, 149 (в соавт. с С.Н. Кореневским, Н.В. Малиновской, Г.А. Федоровым-Давыдовым, В.А. Филипченко).
7. Раскопки курганов в Черноярском районе Астраханской области // АО-1974. 1975. С. 139, 140 (в соавт. с. Н.М. Булатовым, С.Н. Кореневским, Н.В. Малиновской, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
8. Раскопки курганов в Астраханской области //АО-1975. 1976. С. 174 (в соавт. с А.В. Куйбышевым, Н.В. Малиновской, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
9. Некоторые археологические данные о времени образования протоков дельты Волги в историческое время // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. Тез. докл. М., 1977. С. 15, 16 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
10. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. Тр. ПАЭ. Вып. 4. М., 1977. 195 с. (в соавт. с Н.В. Малиновской, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
11. Раскопки курганов на Нижней Волге // АО-1976. 1977. С. 143, 144 (в соавт. с. Я.М. Паромовым, А.С. Смирновым, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
12. Некоторые вопросы развития культуры предскифского периода // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 96, 97.
13. Раскопки курганов близ с. Никольское Астраханской области // АО-1977. 1978. С. 169, 170 (в соавт. с Н.В. Малиновской, С.А. Смирновым, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
14. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем // АО-1978. 1979. С. 167, 168 (в соавт. с Н.В. Малиновской, Я.М. Паромовым, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
15. Раскопки курганов на Нижней Волге // АО-1979. 1980. С. 144 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
16. Раскопки курганов на Кривой Луке // АО-1980. 1981. С. 130, 131 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
17. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 100–105 (в соавт. с. Г.А. Федоровым-Давыдовым).
18. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 50–64.
19 Раскопки курганов в Астраханской области // АО-1981. 1983. С. 143, 144 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
20. Опыт применения методов почвоведения в исследовании стратиграфии и морфологии курганных сооружений полупустынной зоны Европейской части СССР // История развития почв поверхности СССР в голоцене. Тез. докл. Пущино, 1984. С. 233–235 (в соавт. с А.Н. Геннадиевым).
21. Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 60–64.
22. Работы на Волго-Доне // АО-1982. 1984. С. 147.
23. Сокровища сарматских царей // Наука и жизнь. 1984. № 11. С. 109.
24. Открытие богатого сарматского захоронения на Нижней Волге в 1984 г. // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Баку, 1985. С. 13, 14 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
25. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестн. АН СССР. 1985. № 4. С. 62–73 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
26. Раскопки Селитренного городища и работы в Астраханской области // АО-1983. 1985. С. 139, 140 (в соавт. с Н.М. Булатовым, В.Л. Егоровым, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
27. Сокровища сарматских царей // Наука и жизнь. 1985. № 3. С. 33–38 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
28. Погребение у с. Косика Енотаевского района Астраханской области // АО-1984. 1986. С. 126–128 (в соавт. с В.В. Плаховым, Г.А. Федоровым-Давыдовым).
29. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 5–13 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
30. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1989. С. 148–152 (в соавт. с В.А. Кореняко).
31. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 14–132 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
32. К вопросу о происхождении стрел Новочеркасского типа (по материалам коллекции П.С. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 48–59.
33. Что же мы знаем о древних кочевниках // Наука и человечество. 1990. М., 1990. С. 78–85 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
34. Savromaternas och sarmaternas graver vid nerde Volga // Skuter och Sarmater fran Don till Ural. Orebro, 1990. P. 25–34.

35. Сарматы Нижней Волги в начале нашей эры // Семинар "Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь". М., 1992. С. 24–27.
36. Сарматское погребение Скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
37. Tresors des tombes de l'Aristocratie Sarmate au Nord de la Caspienne // Les dossiers D'Archeologie. 1994–95. № 194. S. 55–76 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
38. Памяти Николая Михайловича Булатова // РА. 1995. № 4. С. 236 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
39. The Transisional Period from the Bronze Age; Sauromatian Culture // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. Berkeley, 1995. P. 101–120.
40. Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас // Тез. докл. отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 83–85 (в соавт. с А.А. Узяновым).
41. Новые памятники кочевников Нижнего Поволжья скифской эпохи (обзор источников) // Тез. докл. отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 58–61 (в соавт. с М.А. Очир-Горяевой).
42. Ранние кочевники Нижнего Поволжья: хронология и периодизация // Междунар. конф. "100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен". Ч. 1. Тез. докл. Улан-Удэ, 1996. С. 105–107 (в соавт. с М.А. Очир-Горяевой).
43. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141 (в соавт. с В.В. Плаховым, М.А. Очир-Горяевой).
44. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 99–115 (в соавт. с М.А. Очир-Горяевой).
45. Николай Михайлович Булатов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 106, 107 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
46. Horse Briddle Decorations of Low Volga Nomads in the Early Iron Age // The Archaeology of Wealth. Prestige and Value: Processes and Dynamics. Block III. Goteborg, 1998. P. 144.
47. Почвы и природные условия окрестностей столицы Золотой Орды г. Сарай ал-Джедид в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья (по материалам палеопочвенного изучения курганного могильника Маляевка V) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Сб. науч. статей. Вып. 3. Волгоград, 1999. С. 156–198 (в соавт. с В.А. Демкиным, А.Н. Дьяченко, Б.Ф. Железчиковым, И.В. Сергацковым).
48. Раскопки курганов близ Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999. С. 168–170 (в соавт. с И.В. Сергацковым, А.Н. Дьяченко).
49. Исследования курганов у с. Царев // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 309–312 (в соавт. с И.В. Сергацковым, В.М. Клепиковым).
50. Новые поступления из Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеэкология, антропология, археология. М., 2000. С. 153–156.
51. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000) // РА. 2000. № 4. С. 249–258 (в соавт. с В.Л. Егоровым, Л.Т. Яблонским).
52. Программа учебной археологической практики. Йошкар-Ола, 2000. 8 с. (в соавт. с Ю.А. Зеленеевым).
53. Федоров-Давыдов Герман Алексеевич // Институт археологии: история и современность. М., 2000. С. 246–250.
54. Г.А. Федоров-Давыдов и Поволжская археологическая экспедиция // Поволжье в средние века. Тез. докл. Всероссийской науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. 1931–2001. Нижний Новгород, 2001. С. 13–18 (в соавт. с В.Л. Егоровым).
55. Герман Алексеевич Федоров-Давыдов // Восток – Запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001. С. 15–33 (в соавт. с В.Л. Егоровым, Л.Т. Яблонским).
56. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Сб. науч. статей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 13–63 (в соавт. с И.В. Сергацковым, В.А. Демкиным).
57. Совместные исследования Института археологии РАН и Волгоградского государственного университета по программе "Интеграция" // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Сб. науч. статей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 10–12 (в соавт. с О.А. Шинкарь, В.Г. Блохиным).
58. German A. Fedo-rov-Davydov. The Silk Road and sites of the Golden Horde A / Ed. V.V. Dvornichenko. Berkeley, 2001. P. 1–189.
59. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. М., 2002. С. 6–14 (в соавт. с В.Л. Егоровым, Л.Т. Яблонским)
60. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. М., 2002 (в соавт. с В.Л. Егоровым, Ю.А. Зеленеевым).
61. Новые сарматские тамги в Поволжье // РА. 2003. № 3. С. 167–172 (в соавт. с А.С. Скрипкиным).
62. Сарматские погребения у пос. Комсомольский Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2003. С. 225–250.

Институт археологии РАН, Москва

Ю.А. Зеленеев, Л.Т. Яблонский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М.

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск.

АНТ – Академия наук Татарстана.

АО – Археологические открытия. М.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.).

ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.

ВГУ – Воронежский Государственный университет.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМРТ – Государственный музей Республики Татарстан.

г.х. – год хиджры

ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; Москва.

ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИГЕМ РАН – Институт геологии, естественных месторождений, петрографии Российской академии наук.

ИИАЭ АН ТССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменский ССР.

ИИМК – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы.

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.

ЛА ИПОС СО РАН – Лаборатория археологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МГУ – Московский Государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України.

НГПУ – Нижегородский Государственный педагогический университет.

НИИПОИ МКИ – Научно-исследовательский Институт памятнико-охранных исследований Министерства культуры и искусств Украины.

ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук.

ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси.

ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция.

ПГУ – Пермский Государственный университет.

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.

РА – Российская археология. М.

РАЕН – Российская академия естественных наук.

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.

ТА – Татарская археология. Казань.

ТИЭ. НС – Труды Института этнографии Академии наук СССР, новая серия. М.

ТКЛА – Туркестанский кружок любителей археологии.

ТМНО – Труды Московского нумизматического общества. М.

УАЭ – Уральская археологическая экспедиция.

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

BCH – Bulletin de correspondance Hellenique.

CRAI – Comptes rendus des séançes de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.

MCA – Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.

SCIV (A) – Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.

ULIM – Universitatea liberă internaţională din Moldova.